

Сергей Хабаров-Триль

Слабые люди

СЕРГЕЙ НАКОНЕЦ-ТО ОСВЕТИЛСЯ ПОЛНОСТЬЮ.

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Сергей Хабаров-Триль

Слабые люди

«Автор»

2019

Хабаров-Триль С.

Слабые люди / С. Хабаров-Триль — «Автор», 2019

Представленное произведение является сборником историй о разных людях определенной формации, персональной попыткой описать то, что многие зовут "индивидуальным" - восприятие мира, человека с именем, либо без него, и определенных ступеней в его или их жизни, которые так или иначе придется пройти, выбрать одно из трех направлений, прибыв в перекресток, где слева - перспективы, справа - тяга к прошлому, а впереди - одна лишь неопределенность... Или все же без "не"? Содержит нецензурную брань. В оформлении обложки использован портрет автора книги. Автор фотографии - Я. Дмитриев.

© Хабаров-Триль С., 2019

© Автор, 2019

1. Бессилие.

Запись 000001. 08.04.2024. 19:43

Шипение. Помехи. Белый шум. Щелчок. Появляется изображение. Мужчина средних лет, средней комплекции, лицо со шрамом, лоб в залысинах. Полуосвещенная комната, старые полувыцветшие обои. Люстру не видно, но ее голубоватый свет опускается прямо на макушку мужчины, вдавливая тени в глазах еще глубже, озаряясь пятном проплешины на макушке. Со скорбным лицом восседает на кресле, приобнимая края подлокотников, чуть покручивая своими запястьями, будто бы лаская их круглые окончания.

"Привет. Меня зовут..." – краткая заминка, секундный спазм – "Меня зовут Олег Никифоров. Мне сорок лет и проживаю я в небольшом городке под названием Сорск. Прожил здесь всю свою жизнь и здесь, по всей видимости, скоро и умру." – снова пауза, затем глаза на пару секунд жмурятся, – "Недавно мне поставили диагноз – опухоль головного мозга. Неоперабельная глиобластома, которая в считанные месяцы разрушит мой мозг и сознание. Началось все несколько лет назад с банальной мигрени, на которую я не обратил внимания – не до этого было. Как и всегда, что-то стояло на несколько ступеней выше, требовало к себе все мое внимание, которое я с готовностью обращал, радуясь возможности отвлечься. Зря. Врачи, обследовавшие меня, сделали неутешительный вывод – жить мне осталось меньше года. Доктор так и сказал: «Уж как повезет.» Черт... возьми! В такое время, в столь неподходящий момент!.. Мне было предложено пройти курсы химиотерапии с целью замедлить рост опухоли и, возможно, способствовать ее уменьшению до операбельных размеров. Составили целый список лекарств, на которых мне бы пришлось попросту разориться, если я хочу сохранить себе жизнь."

Пауза. Человек о чем-то на минуту задумался, скривил губы, качая головой, будто кого-то осуждая. Его пальцы отгарабанили известный мотивчик, затем сжались.

«Я отказался. Не знаю, почему, да и вряд ли хотел знать, честное слово! Черт дернул сказать: "Нет". Доктор не принял моей капитуляции, пытался настаивать, убедить меня не делать поспешных решений, однако я уперся, как баран в новые ворота, и отступать не желал... наверное, впервые за всю свою жизнь. Но, честно сказать, не я отказал. Ну, то есть, я, но... если начистоту, то все случилось непроизвольно. Я даже не успел обдумать точно, чего именно я хочу, прикинуть шансы на успех, подобрать возможные варианты развития событий. Ничего! Это отнюдь не было умным поступком – как говаривал в свое время мой отец: "Отказ не признак благоразумия, но признак слабости." Потому-то он столь легко и поддавался на провокации окружающих его людей, тут же заставляя их пожалеть о содеянном, даже если это был обычный, не заслуживающий не то, что его, но и моего внимания пустяк. Однако я – не мой отец и никогда бы не хотел походить на него, следовать его примеру. Если бы он видел меня сейчас, то не преминул возможностью в очередной раз высмеять мое поспешное решение, заставив сомневаться в своей адекватности и самостоятельности. Я представляю его прямо сейчас и... сомневаюсь. Потому-то, наверно, мне и стоит завтра же позвонить в клинику – сказать, что согласен на что угодно, лишь бы повисить шансы выжить. Отец бы это оценил. А я?.. Я не знаю, стоит ли оно того. Хочется верить, что да, хотя... н-нет..."

Долгая пауза, мужчина закачал головой, сжал руки в замок, облокотившись на колени. Замыленный взгляд приобрел более осмысленное выражение, губы сжались.

"Над этим определенно стоит подумать! Да, да, я подумаю. Столько всего надо обдумать перед тем, как допустить окончательный расклад событий, столько всего переосмыслить! Просто подумать о жизни!.. О, дьявол, за что же мне это?!"

Снова пауза. Чуть заскулив, он вновь переменял положение: откидывается на спинку кресла и его пальцы снова опустились на подлокотники, в нервном возбуждении отстукивая беспорядочную дробь.

"Моя женщина пока не знает. Никто не знает. Ни мать, ни отец, ни Сашенька. Никто. Да и нужно ли им это знать? Честно скажу, сомневаюсь, что об этом вообще стоит заводить разговор, потому что все кончится согласно двум вариантам— или они воспримут все, как данность, или моя болезнь внесет сумбур в их жизни, заставит переступить через себя. Лишит покоя и— я точно это знаю! — неизбежно приведет к ненависти ко мне. А я достаточно хлебнул ее раньше, когда-то в смутно угадываемом прошлом, и не хочу... не хочу больше чего-то подобного. Я в очередной раз стану разочарованием для них, посильной, но до ужаса неудобной ношей, нужда в которой балансирует от нуля до двадцатки. Если бы я был другим человеком, то, возможно, смог бы надеяться на лучшее, но я тот, кто я есть. Обычный человек. А теперь еще и обуза."

Резким движением придвинув кресло к объективу, мужчина пытливым взглядом уставился прямо в камеру, едва касаясь кончиком носа поверхности стекла.

«Знаете, а ведь я даже не знаю, что мне делать. Совсем! Сейчас я смотрю в эту бездушную штуковину и задаюсь вопросами. Первый: зачем я вообще это делаю? Второй: на кой черт сразу после клиники я пошел шляться по городу в поисках чего-то, в чем мог бы забыться, но в итоге потратил деньги на эту бестолковую игрушку с запасом батареи максимум в пять часов? Что я буду с этим делать? Записывать, как Боб Джонс, видеозаписи своему несуществующему сыну? Послания своим родителям, Саше или случайному зрителю? Глупо!" — губы тронула легкая улыбка, — "Это не то, чего мне хочется. Но ответы... возможно, я смогу их найти, если постараюсь! А пока вот это вот..." — тычок пальцем в камеру, — "Это станет моей сублимацией. Пока этого достаточно."

Изображение резко погасло.

Темный экран, редкие щелчки, шипение.

Запись 000002. 14.04.2024. 19:09

Тот же мужчина— с этого момента О.Н.— снова сидит в кресле, но на сей раз полностью подобрав ноги в дранных носках. Дневной свет приглушен плотными тяжелыми шторами. Лица не видно— только кончик носа выступает из-под тени. У ножки кресла лежит опрокинутая баночка белого цвета.

"Зар-р-раза, это ненормально! Я не в состоянии понять, как подобное возможно! Мысли об опухоли— единственные, что крутятся в моей голове, потому что все остальное сразу же отступило на задний план и заглохло! Я выхожу на улицу и вижу— смерть! Я иду по мостовым и снова вижу— одну лишь смерть! Смерть везде— в деревьях, источенных термитами, в земле, на каждый метр помеченное чересчур ретивыми животными, в стенах домов, с которых облупается краска и штукатурка— так и вижу, как трещины бегут по блокам и здание разваливается прямо мне на голову, и сразу становится очень, очень уж больно, так больно, как не было до обследования, словно бы диагноз щелкнул внутри меня рубильник и я уже не в состоянии проигнорировать эту боль! Я не могу спать, не могу есть, не могу даже, черт возьми, отлить спокойно! Со вчерашнего дня мое тело трясет, словно пораженное лихорадкой, а в голове— сплошная чернь! Я чувствую, как начинаю ненавидеть свое тело за то, как сильно оно меня подвело, ведь я всю свою жизнь старался поддерживать его в здоровом поле настолько, насколько это было возможно, не обращая постоянно к врачам! Постоянно испытываю желание словно бы отомстить ему за ослушание, наказать и заставить снова служить себе, но я... я начинаю ненавидеть свое тело как совершенно абстрагированное от меня живое существо, причиняющее мне боль. Глаза нет-нет да цепляются краем зрения за ножи на кухне— так и хочется проломить себе череп, вскрыть его и вырезать хотя бы ножом для масла пораженную долю! Черт, если честно, мне никакое оружие не нужно— я готов вскрыть себя голыми руками, если бы это помогло!" — невеселый смех, шлепок ладонью по лбу, О.Н. меняет положение и открывает лицо,— "Я ясно сознаю, что мои желания ненормальны, что это уже перешло за рамки

обыденного, приобретает черты девиации, но ничего с собой поделать не могу. Боль и постоянная дисфория в следствие невозможности использования самого простого и в то же время самого нереального варианта толкает все дальше и дальше и вот– я начинаю испытывать злобу к посторонним, словно бы могу заглушить свою боль при концентрированной чужой. Я смотрю на прохожих и невольно замечаю за собой фантазии, как делаю с ними всякое. И это меня пугает, чертовски пугает! Я уже боюсь подходить к Саше, дабы не пришло наваждение, потому что знаю– если боль усилится, я сделаю что-то непоправимое! Сколько раз я уже смотрел на ее тонкую шейку и представлял, как она хрустит под моими ладонями, ах!"– О.Н. провел пальцами по редующим волосам, все так же жмурясь от боли, скрежеща зубами перед объективом; и все же находит в себе силы улыбнуться,– "Я начинаю сходить с ума. Вот так просто и лаконично. Обычно боль делает из животного человека, потому как он осознает ее источник и предотвращает дальнейшее возникновение. Но мой источник внутри меня и моя боль делает из меня бездумное животное. О да, я все-таки схожу с ума!"– нервный смех, – "И я все еще не знаю, зачем снимаю это? Кому будет интересно смотреть на то, как расплодившиеся внутри черепной коробки тараканы вместо вечеринки решили устроить теракт?"

–щелк-

Запись 000003. 16.04.2024. 20:00

Он выглядит просто ужасно. В ярком свете люстры и без того тонкие губы превратились в натянутые полоски, небритые щеки запали тенями под скулы, а глаза словно бы провалились вовнутрь глазниц. Пальцы рук, похожих на два бледных паука, методично отстукивали по коленям, сведенным вместе. Он заикается.

"Я наконец-то уснул, да ненадолго! И мне... приснился кошмар– будто меня похоронили живьем! Все было настолько реально и осязаемо... о черти-чертушны, я чуть с ума не сошел!"– при этом О.Н. продолжал загадочно улыбаться, словно посмеиваясь над своей трусостью либо же по другой менее вероятной причине, – "Держу пари– от моего вопля проснулся весь дом, если не весь двор. Я жутко напугал Сашеньку, чем только все испортил– если сначала она списывала все на нервы из-за работы, то теперь начинает что-то подозревать. Она посоветовала мне обратиться к психиатру, заявив, что моя бессонница, а теперь уже и этот кошмар, это ненормально и что-то с этим надо делать. Блаженны незнающие, ибо не ведают зла... Так, кажется? Не знаю– к Библии я в последний раз прикасался лет в семь, когда мне ее всучила бабка. Я сказал ей, чтоб не лезла. Саше, то есть, не бабке. Я все еще не решил, стоит ли рассказывать ей о том, что зреет у меня внутри. Не потому, что не хочу беспокоить, нет. Дело в том, что Саша– женщина, весьма одаренная в плане общения. Она– та единственная ниточка, что удерживает связь между мной и отцом с матерью. Она постоянно заставляет меня вспоминать о них, устраивает небольшие встречи, постоянно заводит разговоры о том да о сём, тактично пытаюсь не замечать, как электризуется воздух за столом. Если бы она узнала, то узнали бы и мои родители, а этого я точно не хочу– в этом я уверен на все сто из ста."

Широкая улыбка от уха до уха. О.Н. силится показать, что не лыком шит и имеет силы для того, чтобы улыбаться в лицо смерти. Впрочем, улыбка быстро гаснет и блеск в глазах затухает следом. Явно чувствуя слабость, он подбирает ноги и укладывается в кресле в позе эмбриона, чуть скосив взгляд на камеру.

«Хотя, наверно, зря я так... Наверное, им бы тоже стоило знать. Может статься так, что болезнь разломает некие воздвигнутые давным-давно барьеры и внезапно обнаружится, что мы– я, отец, мать! – действительно дороги друг другу, но не способны это показать? Хотелось бы на это надеяться, но я не могу. Не важно! Важно лишь одно– я умираю. Умираю!"– всхлип, – "Ох, как же мне страшно! Даже сейчас меня жутко трясет, как..."– О.Н. действительно начал трястись, дергать подбородком, пристукивая зубами, все так же обнимая себя за колени, – "Вот

и момент, когда я в полной мере начинаю осознавать, что мне осталось фиг да ни фига... Я... потерял смысл жизни?"

Вымученная улыбка.

–щелк–

Запись 000004. 16.04.2024. 16:56

О.Н. усаживается поудобнее в ванной. Еле в нее помещаясь, вынужден поджимать бледные колени к самому подбородку. Видно, что ему жутко неудобно, и тем не менее он остается в этом положении, периодически поправляя камеру, установленную в конце ванны. В левой руке чашка. Чай? Кофе? Виски?

"Собственно, я действительно начал задумываться... а был ли у меня вообще смысл жизни? Я поразмыслил, поискал его, вспоминая отрывки из своей жизни. Выяснил, что мое подобие смысла жизни сводилось лишь к зарабатыванию денег и их прожиганию на вещи, которые мне совсем не были нужны, не говоря уже о том, чтобы радовать своим присутствием. Срань господня. Я просрал более двадцати лет своей безвозвратно ушедшей молодости ни на что!" – глоток, – "Как говорится: делал все, как мне было указано." – упершись затылком в поблекшую плитку, О.Н. принялся нервно грызть ногти, – "Моя жизнь ничем не отличается от жизни остальных людей. Я так же, как и остальные, после школы поступил в ВУЗ, хотя, как и остальные, хотел пить, курить, развлекаться с женщинами и регулярно бить морды, не задумываясь о будущем. И пусть я б скатился в откровенное дерьмо, но это было бы по моему разумению, а не результатом следования чьим-то дурацким планам на мои карьерные и личностные перспективы, построенных на бестолковых общепринятых правилах, устоявшихся общественных порядках. Да – если бы рандомный человек посмотрел эту запись, то согласился бы с мыслью, что данная точка зрения представлена отъявленным дегенератом и маргиналом, фактически превознесшего тягу к деградации и отчуждению от своей человеческой в том смысле, как ее сейчас понимают, природы, что взывает к нашему внутреннему "я", побуждая развиваться, становиться все выше, подниматься на новую ступень прогресса и бла-бла-бла, но тем не менее!.."

Скривившись, О.Н. отшвыривает чашку куда-то мимо камеры, за пределы кадра. Слышен звон. Блуждая глазами по стене, он качает головой в такт насвистываемой музыке, но тут вспоминает, что все еще в кадре. Что еще нужно что-то сказать.

"То, чего хотелось больше всего в виду отсутствия альтернатив, пришлось переступить во имя здравого смысла, после чего я собрался с духом и поступил на ту работу, которую меня, опять же, прочили родители со своими вечным: "Мы даем возможности, пользуйся.". Ха!" – чуть проведя указательным пальцем по окружности лба, О.Н. прикрыл глаза и, смакуя оба слова, добавил: "Безвольная тряпка!"

О.Н. зло улыбается куда-то в сторону, качает головой из стороны в сторону, словно рассматривая свои зубы в отражение, но тут же обращается к камере, в тот же миг напустив на себя суровый вид.

"Если бы я только мог описать, как же сильно себя ненавижу!.. Дерьмо. Слабак. Ничтожество." – с каждым оскорблением улыбка становилась все злее, о чем свидетельствовал все более и более выступающая вперед нижняя челюсть, – "Я работал двадцать с небольшим лет. В общей сложности все эти годы я просыпался каждое утро ровно в шесть утра, выключал один за другим все свои пять будильников, без которых проснуться было просто нереально, отдирал себя от простыней и шатающейся походкой, будто какая-то пьянь, шуровал к раковине. Стоя возле нее в позе перекошенного краба, чистил зубы, затем лез в душ, затем давился завтраком, который потом частенько сблевывал по дороге, надеясь, что никакая приبلудная

старушка в этот момент не смотрит на меня с вящим отвращением. По дороге к работе я ощущал, как атмосфера давит на мою спину, плечи и виски. "Каждый раз одно и то же!" – думал я и тем не менее шел дальше, готовясь уже в следующие пять минут впахивать аки папа Карло, постоянно воображая, как когда-нибудь выберусь из этого заикленного в рутине ада и двинусь куда глаза глядят." – двухсекундная пауза в потирании чуть запотевших ладоней, – "А еще мысли... точнее звуки в мыслях. О, я не говорил, нет? Я чертовски люблю музыку, просто обожаю! Не совру, если стану утверждать, что музыка – мой наркотик и моя анестезия! Вся закавыка, как обычно, заключается в самой работе – в течение всего рабочего дня музыку слушать запрещено, о чем утверждает как техника безопасности, так и контракт, который я по своей дурусти и подписал. Таковы прелести работы на производстве – всегда нужно быть готовым к форс-мажорам, всегда надо все учитывать даже в том случае, если ты работаешь простым охранником, не говоря уже о том, если ты калибровщик. О том, чтобы на что-то отвлечься, и мысли допускать нельзя – мало ли что! Ах, какие же это были и есть тяжелые часы труда без музыки! Постоянные шорохи, лязги, трескотня в ушах, от которых на постоянной основе страдает сознание, не имеющее возможности абстрагироваться от всего этого шума, от чего постоянно заходится нескончаемым воплем в стремлении воспроизвести в голове другую звуковую дорожку, пусть даже и какой-нибудь всем надоевший трэп! К обеду вся эта какофония доходит до чистого безумия и к концу дня я уже настолько вымотан если не физически, то морально, что домой добираюсь только за счет рефлексов и привычного алгоритма движений, даже не сознавая полностью, куда я иду. Очухиваюсь я уже дома сидя за столом, когда Ира... нет, Мария... да нет же... Сашка подает мне ужин за стол." – пошарив где-то за бортом ванны, О.Н. достает бутылку и делает большой глоток, – "Как я и говорил ранее, Саша – женщина, более-менее располагающая к себе. Во всяком случае я в это верю. Я познакомился с ней пять лет назад и, толком не дав друг другу времени на конфетно-букетный период, эмоциональную притирку, более глубокое ознакомление с внутренним миром друг друга, мы начали жить вместе. Из всех немногочисленных женщин, что у меня были, Саша, наверно, самая... ну, скажу так, чтобы не оскорбить – нормальная. С предыдущими все волей-неволей с моей подачи или нет заканчивалось на одном ладу – измены, затем синяки на их упитых и обмазанных протекшей тушью рожах и пинок каждой под зад в далекое светлое будущее." – смешок, – "А ведь эти бестолочи пытались меня на себе женить, используя не совсем честные методы: шантаж, манипуляции. Подложная беременность. На последнюю я почти клюнул, но обошлось, когда в дело вмешалась третья сторона. Имен называть не буду, не собираюсь и разьяснять, как же был разряжен конфликт – не суть важно. Друг для друга мы все – в прошлом, откуда нет возврата. Другое дело – Саша!" – его голос будто окреп, обрел хрипяще-горделивые нотки, – "Свадьбы не требует, незапланированных сюрпризов нет, готовит вкусно, мозги выносит редко. Мечта для обычного мужика вроде меня, не так ли? Недавно она начала намекать, что неплохо бы обзавестись ребенком, но я не хочу. Не хочу слышать эти мерзкие вопли, менять вонючие подгузники, постоянно носиться в больницу, постоянно недосыпать... Уж последнего мне хватает за глаза и за уши, поверьте на слово! Тем более, что ребенок – не игрушка, даже не домашний питомец, который, если так посудить, зависим от хозяина только при условии неограниченного проживания на его территории. Та же кошка может кормиться за счет мышей в нашем подвале, но ребенок – нет. Ребенок недееспособен после рождения как минимум лет десять, но и после этого срока его придется многому учить, воспитывать, пытаться внушить, что правильно, а что нет, при этом изрядно постаравшись не подавить его, не сломать его хрупкую психику. Ребенок – это слишком сложно, потому что его нельзя просто предоставить самому себе, надеясь, что он сам до всего додумается. «Не-а, спасибо!» – так я и сказал Саше в ответ на предложение и ей это явно не понравилось. Ответив, что мы еще вернемся к этому вопросу, она сделала вид, что забыла об этом, но я... я чувствую этот взгляд у себя на затылке, когда прохожу мимо нее." – отложив бутылку, О.Н. опустил щеку на край ванны, прикрыв глаза, – "Эх, только бы и

ее не понесло в сторону! Ибо женщине, получившей отказ, в голову может взбрести всякое, а коль она что-то задумала, то простыми словами ее никак нельзя остановить. Так уж повелось, что они почти всегда получают желаемое— не от тебя, так от другого. Желающих услужить полно— не протолкнешься. Я и сам от них мало чем отличаюсь— не удивлюсь, если только лицом. И все же я не сильно беспокоюсь по этому поводу. Почему? Наверно потому, что единственное принятое мною лично решение в жизни— сделать вазэктомию, для чего пришлось дать на лапу доктору— ему профит, мне стерильность. Если бы нас поймали, его бы лишили лицензии, а меня бы, наверное, крупно оштрафовали за уклонение от вклада в демографию. Возможно, кто-то из моих поверхностных в обоих смыслах знакомых задал бы вопрос: "Олег, зачем? Зачем ты это сделал? Ты, что же это, не уверен в даме своего сердца?", а я бы просто не стал отвечать. Я сделал операцию именно потому, что не хочу неожиданностей. Доверяй, но проверяй, не так ли? Вот и я доверяю и вроде неожиданных сюрпризов пока не наблюдается. И, конечно же, никто об этом, кроме моего врача, не знает. И пусть так и остается. И пусть Саша меня не подведет, не одарит последним в жизни разочарованием. Что же до смысла жизни, от обсуждения которого я отвлекся, то я точно не могу узреть его в детях. Слишком ярко помню о том, как отец меня воспитывал, и не желаю представлять, как воспитывал бы их я."

О.Н. уже спокоен. Улыбка играет на лице, пальцы весело отстукивают по бортику ванной. Кажется, боль наконец-то отошла.

«Вероятно, сейчас я выгляжу, как счастливый еврей в Аушвице, что само по себе бред, если не вопиющий случай обесценивания. Удивительно то, что раньше я это даже стене не рискнул рассказать. Рак раскрепощает, одна..."— О.Н. прерывает женский голос, слова невнятные, но с яро-истеричной ноткой.

С испуганным видом он срывается с места и поднимает камеру.

"Черт, она нашла мои лекарства!!!"— и камера вываливается из рук прямоком на пол, сшибается неловким движением его ступни. Удаляющийся топот, вопли и ругань, чьи-то босые ноги с разбухшими от варикоза венами носятся в ванную и из нее, сопровождаемые визгливым женским рыданием, с грохотом задевая все еще валяющуюся на плитке камеру и забытую пару домашних тапочек с помпончиками.

—щелк—

Запись 000005. 25.04.2024. 13:50

Открытое настежь окно. Разбавленный облачным фильтром свет, рябя в правом верхнем углу над знаком записи, проливается на живой труп, что сидит в кресле. За время отсутствия его щетина превратилась в бороду. Голос скрипит.

"Она нашла мои лекарства. Был разговор. Скандал. Во время ее воплей у меня страшно разболелась голова. Кажется, я потерял сознание."

Минутное молчание, во время которого труп вовсе не шевелится, не слышно даже дыхания или скрежета отросших ногтей по грубой ткани под подлокотником.

"Недавно только выпустили из больницы, прописали еще лекарства. Сказали, что страховка уже истекает, как струйка песка в этих самых часах. Как будто они мне, блять, помогут... Она ушла от меня. Сказала, что не хочет потратить оставшиеся годы на жизнь с мертвецом. Сказала, что я не тот человек, что заслужил бы подобного трепетного отношения к себе. Сказала, что я слишком жалок, чтобы иметь право жить дальше, после чего попросту хлопнула дверью и до сих пор от нее ни слуху, ни духу. Ну и пусть себе шагает, скатертью дорожка! Если я о чем-то и жалею в связи с ее уходом, так это только о том, что на готовку уходит слишком много сил. Мои силы стремительно тают: я уже не могу нормально ходить, удерживая спину прямой, потому как снова становится тяжело, будто у меня рюкзак под пятьдесят кило за спиной. Так же в висках периодически побаливает да дыхание спирает. А когда от конфорок идет этот жар, боль словно превращается в металлические шарики, что катаются по тоннелям-обру-

чам внутри моей головы по всей округности. Звонко сталкиваются, громыхают, периодически застревают и все это вновь и вновь сопровождается болью до тех пор, пока они не закатятся в лунки за белками глаз, сначала расплавляясь и облепляя их с внутренней стороны, а затем неведомым образом выдавливая наружу!" – труп приподнимает бутылку с янтарной жидкостью, отпивает, – "Отвратительное ощущение, особенно учитывая то, что порой мои руки отказываются меня слушаться... Сейчас день, но дома пусто и холодно. Периодически звонят родители, но я не беру трубку. Отправил им пару сообщений, мол, я в порядке, просто чуток приболел. Они наверняка еще не знают, потому что не особо интересуются моей жизнью, но с работы я уже уволился, справедливо сочтя, что мне там больше делать нечего. Не с таким диагнозом. Не в таком положении. Я вернулся домой и так тут и остался, решив подсчитать накопленные деньги. Вышла приятно кругленькая сумма. Ну, хоть с голоду не помру!"

Смеется, затем подрывается и исчезает с кадра. Звякает битое стекло.

Десятиминутное отсутствие.

Наконец, О.Н. вернулся, пытаясь оттереть с выреза на футболке кровавые следы.

"Й-эх... лень менять футболку. Все равно меня никто не видит, никто не собирается обвинить меня в том, что я – грязный боров, живущий в помойке, или в том, что я опять все испортил..." – вдруг он как-то по-новому посмотрел в камеру, будто бы осознав нечто, изменившее его мнение, – "Кроме тебя, мой таинственный наблюдатель! Только ты со мной, дружище-невидимка! Это если... может, никто не смотрит эту запись... да нет же, кто-то да посмотрит, точно-точно! Или, может на нее и не стали смотреть после моей смерти, так же наплевав, как и на меня? Что ж, печально, если это окажется правдой, но смерть еще не здесь, не вступила в свои права, а я что-то да могу изменить. Не многое, но достаточно для того, чтобы это хоть кто-нибудь, хотя бы одна чертова душонка на всем белом свете да посмотрела!"

Надрывно раскашлявшись, все равно не изменил своего до странного горящий взгляд. Предположительно точно так же горят глаза у людей, вот-вот готовых прошептать триумфальное: "Эврика!"

–щелк–

Запись 000006. 30.04.2024. 05:55

В помещении темно. В темноте кресла заметное копошение.

"Целая неделя без дневного света и свежего воздуха. Окна зашторены, свет выключен. У меня нет сил даже включить музыку. Я больше не могу ею наслаждаться – даже самые тихие звуки отдаются болью в висках. Сейчас слышно лишь тиканье часов, хотя я бы сказал, что они не столько тикают, сколь пульсируют в моей голове в так сердцебиению. Они словно бы говорят мне: "Тик-так, Олик, твое время уходит, тик-так, Олик, тебе скоро конец!"

Тень О.Н. замолкла, затем замотала головой, закрыла уши и закричала:

"Я так больше не могу! Слишком сложно переживать все это одному! Почему нельзя было просто дать мне лошадиную долю морфия, чтобы я просто умер без мучений?! Что это за извращенное понятие о гуманизме в этой стране, где запрещено все, что должно приносить радость?!"

С грохотом приблизившись к экрану, О.Н. сшибает камеру с треноги и валится правой стороной лица к объективу. Едва заметен блеск его бегающих глаз. Он смотрит долго и упорно, словно стараясь не мигать и ни единой черточкой не выдать претерпеваемую боль, должно быть все еще надеясь на то, что таким образом она утихнет, станет привычной.

Нет.

"Зачем жить, если вся жизнь протекает сквозь бесконечные мытарства на ровном месте, в конечном итоге ожидаемо переходящие в муки и боль? Кто этот умник, что решил, будто так и надо, будто только боль делает нас людьми?!"

Помехи, шипение, пробивающиеся сквозь них крики. Экран почернел.

–щелк–

Запись 000007. 05.05.2024. 18:23

Тонкая трещина разделила экран на две неровные половинки.

Камера стоит на полу чуть наискось, откатившись на правый бок. Комнату заливают красноватый свет уличного фонаря. Заметны витающие в воздухе пылинки, медленно-медленно опускающиеся в бесконечном кружении на пустое кресло. Слышны вздохи, в нижнем левом углу кадра шевелится тень.

"Эх, как же хорошо!.." – трубный звук, словно воздух выпустили из шарика, – "Мне уже стократно лучше, спасибо." – утробный смех, из того же угла струится небольшой клуб дыма, – "Я сорвался, наверное, впервые за всю свою жизнь. Вспоминаю сейчас и не узнаю себя – ведь я обычно всегда умел держать в стабильности внешнюю невозмутимость, но эта, как ее, глибластинома все изменила! Зная о скверне внутри меня и точно зная, что эта головная боль не из-за какого-то дурацкого атмосферного давления, а из-за вполне материальной хреновины внутри моей собственной башки... я не могу оставаться спокойным! Мне не хочется терпеть, пытаться показаться кремнем! И тогда я просто кричу от боли и злости, что никому не нравится. Однажды за мной приехала полиция – соседи подумали, что меня убивают, сердобольные души, но вместо мертвого тела и нового дела они нашли только меня в неадекватном состоянии. Два дня в СИЗО. Никто и слышать не желал о моих проблемах – закрыли за решеткой и были таковы, не оставив ни воды, ни питья, так еще и в конце коридора. Как раз тогда у меня начались сильные судороги, и я полдня провалялся в луже собственной блевотины и крови, и только тогда было решено выпустить – жмурик за решеткой никого не устраивает. Надеялись, что скончаюсь по дороге домой..." – взрыв натужного смеха, – "Черта с два! Я живой, гниды! Этой срани меня так просто не взять! Я еще всех их переживу и буду танцевать на их рассыпающихся в пыль костях, готов свою почку за это под залог отдать!"

Снова смех, теперь уже с примесью рыданий. В кадре появляется его лицо – все такое же мертвенно-бледное с словно сконцентрированными сгустками крови вокруг глаз, выражающих неприятное удивление. Ложась на левый бок и поджимая руки под голову, точно маленький ребенок, готовящийся отойти ко сну, О.Н. смаргивает слезу.

«Я не помню, где был последние четыре дня, но нашел окровавленные тряпки и парочку глубоких то ли аккуратно нанесенных порезов, то ли произвольных ран, которые каким-то образом остались чистыми. Тряпки я сжег, руки... а что с ними сделать-то?» – глубокий вздох, – "С каждым новым днем уверенность в том, что я схожу с ума, крепнет и стынет, становится прочнее булыжника, а в скором времени станет таким же тяжелым. Я все больше начинаю думать о том, что являюсь самым настоящим произвольным психом, место которому в белой комнате, обитой подушками, и нигде больше! Мне говорили, несколько раз подряд повторяли, что будут осложнения и их никак не избежать, что опухоль может и будет влиять на все мыслительные функции, но я надеялся, что меня это минует! Как оказалось – нет, хотя можно было обойтись и без осложнений, так как в своей жалости к себе я без чьей-либо посильной помощи опустился на самый нижний уровень в ожидании, постучат ли со дна, подаст ли кто голос, готовый обещать мне, что там, подо дном, лучше. Потому что хуже уже просто некуда."

–щелк–

Запись 000008. 13.05.2024. 11:45

Неожиданно яркий свет солнца – совсем ненормальное явление для места, в котором жил О.Н. Самого мужчины в кадре нет – есть лишь привычное кресло с ободранными подлокотниками и выкорчеванным поролоном из его спинки. Наконец, раздался его голос – где-то вне, немного отдаленный.

"Я тут вернулся к смыслу жизни, опять. Снова эта мысль: "Ты потратил жизнь впустую, ты самый настоящий неудачник!". И еще: "Вспомни хотя бы одну из твоих детских мечт, которая воплотилась в жизнь. Что, не помнишь? Ну еще бы, ты ж болван!". И еще... и еще... и еще... Я полностью разбит, уничтожен, унижен. И кем? Самим собой! Какое же это странное ощущение, когда тебя унижает собственное "я". Да какое там "странное", скорее уж невосполнимо поганое! Ненависть и отвращение к самому себе выводит меня из себя, толкает снова и снова задаваться вопросом: "А могу ли я вообще полюбить себя? Или я настолько ущербен и пропащ?". Что же мне делать? Обычно у людей, подобных мне, просыпается невыносимая тяга к жизни, жажда сделать что-то сверх того, что им приходилось выполнять почти что каждый день, но вот я... У меня ничего этого как нет, так и не возникло. Разве что раньше я хоть как-то тешил самого себя смутными надеждами, что пройдет еще немного времени и что-нибудь придумаю или подвернется действительно стоящее дело, посвятив которому всего себя я смог бы сказать: "Ну, теперь-то я сделал что-то важное, достойное запоминания, значит, я прожил достойную жизнь!". Еще немного подожду и куда-нибудь отправлюсь, где буду действительно нужен! Но день за днем я возвращался в исходную позицию и даже ухом не шевелил от досады. Я улыбался своей самой лучшей лицемерной улыбкой в лица моих родителей, наемных друзей и женщин... Хотя стоп! Где же они, мои друзья? Почему они не со мной? Ха. Все просто— они не были, не являются и никогда не будут моими друзьями. Так, чисто коллеги по развлечениям, но не друзья. Гнусные лицемеры, поджавшие хвост сию минуту, как пропала с моего лица торжествующая мина, как только я перестал возникать в их поле зрения с пачкой денег наготове! Они наверняка знают от Саша, что со мной, почему я не выхожу на связь, и решили, что их это не касается. И правильно— о чем говорить с мертвецом? От него так и исходят миазмы смерти, он способен убить любую положительно ориентированную атмосферу в кругу близких людей, вырубает ее своей обреченностью на корню. К чему эти переливания из пустого в порожнее? "Всем привет, ребят! Простите, но я умираю!" "Эй, народ, я понимаю, что обсуждение футбола и баб куда интереснее, но никто не хочет послушать о том, как у меня в мозгу зреет опухоль размером с бычье яйцо?" "Ну право, народ, послушайте кто-нибудь, как я страдаю!" А в ответ— тишина. И это будет правильно."

За кадром раздается шум, что-то в очередной раз разбилось. Еще минута и его громкий голос удивленно вопрошает:

"Сколько я уже отсутствую? Месяц? Год? Вечность? А может, всего день? В любом случае, никто из них не ищет меня, не звонит мне, не заходит в гости поинтересоваться, жив ли я, способен ли еще хоть на что-то помимо предания отчаянию. И все-таки я был прав! Иначе и быть не могло. Ну и черт с ними... Один справлюсь!"— пауза и огромный глаз вперился в объектив, весь в кровавых прожилках и инсультных пятнах, — "Погоди-ка, я вспомнил! Я не один, еще не до самого конца! Со мною ты, мой тайный друг, верно? Ты же меня всегда поддержишь в любой ситуации, да? Да! Да... Да-а-а!.."

С истеричным смехом О.Н. отдалается от камеры и кое-как усаживается в кресле, пытается что-то сказать, однако его глаза закатываются и после непродолжительной борьбы он впадает в непродолжительный сон, который длится всего лишь жалкие полчаса. Вдруг его дрыгающееся тело подпрыгивает с воплем и вновь сшибает камеру.

—щелк—

Запись 000009. 13.05.2024. 22:12

Еще одна трещина появилась на экране, проистекающая из первой. Слева раздается постоянные треск и шипение. Возможно, поврежден динамик. За кадром слышно тихое пение— так обычно родители напевают своим маленьким детям колыбельные, чтобы те быстрее уснули, не всегда заботясь о содержимом песни, больше внимания отдавая мягкости и интонациям самого голоса, как и тут— слова практически неразборчивы, сливаются в нечленораздельное

мычание и подвывание, перекрывая еще менее слышную музыку, доносящуюся из маленьких динамиков. Звучит, как смесь из английского, исландского и исковерканного русского. Пение длится на протяжении двух часов, переходя от быстрого речитатива к душераздирающим завываниям, вносящим уныние в уже унылую атмосферу привычной комнаты.

«Слышишь эту музыку? Как думаешь, что это? Нет, друг мой, это не веселая серенада, не ода любви и даже не признание в ненависти. Это— музыка твоей смерти, твоей и моей тоже! Только вслушайся в нее! Она так похожа на бесконечное падение в бездну без дна. Забавная тавтология, но чертовски верная. С таким звуком могла бы течь кровь в наших венах, о да! Эта музыка символизирует начало конца— сначала долгое вступление, готовое ознаменовать затишье перед бурей, затем самая бурная ее часть, сотрясающее твое сознание призраком агонии, и, наконец, эпилог— ее самая яркая часть, самая музыкальная, самая заполненная, если пожелаешь! Это те самые моменты, когда силы покидают тело, когда начинает кружиться голова и подкашиваются колени, когда в глазах бегают разноцветные, мигающие, то исчезающие и тут же появляющиеся в другом конце поля зрения мушки, и лицо гудит от притока крови к голове!.. Ты сгибаешься в три погибели, упираешься во что-то руками, стараясь не упасть, блуждая глазами и пытаясь узреть напоследок хотя бы незначительную деталь своего окружения, будь то унитаз во время пьяного угара или некрасивая рожа дешевой проститутки, недовольно пыхтящей под тобой в ожидании, когда ты кончишь и дашь ей вымыть из себя всю выпущенную тобой мерзость! Черный шум закрывает собой свет и ты заново переживаешь то незнакомое, но одновременно такое родное ощущение, словно что-то невыразимо маленькое медленно падает вниз... и в ушах раздается гул, с которым это тело рассекает воздух и с каждым сантиметром, когда она, оно или он или нечто неопределимое, ускользящее от цепких сетей воспоминания приближается к прямой, бесконечной поверхности, гул нарастает, вибрации сотрясают все твое существо и страшное чувство приближающейся катастрофы накрывает тебя с головой! Ты пытаешься поймать эту вещь, этот вопиющий символ ускользящего сквозь пальцы мгновения, но он неумолимо опускается все ниже и ниже и вот он— страшный момент, столкновение неопределенного с неизбежным, от которого сотрясается весь твой естественный мир, издавая грохот и душераздирающий вой! Это— дедлайн всей твоей жизни, финальная черта, после которого следует лишь грустное эхо... всего лишь отголоски того, кем ты был когда-то, а потом... Потом лишь смерть.»

При этих словах музыка замолкает. Внезапный хлопок. Вопль. Камера опрокинулась на правый бок, открыв взгляду стену за креслом, пол и в следующую же секунду рухнувшего замертво О.Н. Он не движется, глаза раскрыты. Насколько можно видеть из камеры— зрачков не различить, но сами белки глаз не шевелятся. О.Н, возможно, пребывает либо в трансе, либо в тяжелой апатии. Или умер.

Спустя три часа подает признаки жизни. Тянет руку к камере. Из носа течет струйка крови.

—щелк—

Запись 000010. 18.05.2024. 03:02

Камера стоит в углу комнаты. Знакомое кресло загораживает обзор, потому видно лишь освещаемую уличным фонарем половину. Здесь царит полнейший погром. Стены забрызганы чем-то красным, возможно, что и кровью. Столик завален книгами и сигаретными окурками. Весь пол усыпан разбитым стеклом. Дверной проем, видимо ведущий на кухню, обуглен. Здесь был пожар. Сомнительно, что во время предыдущей записи. Причина сомнений— отсутствие дыма и огненных всполохов в предыдущей записи.

Внезапно в соседней комнате включается музыкальный центр— играет мелодия. Мрачная и тоскливая, она наполнена безысходностью и страхом. В кадре появляется О.Н. Одет в грязные шорты, светит голым торсом, походя собой на бюджетную версию Кристиана Бэйла

в фильме «Машинист». Медленные, с рывками, движения. Свистящее дыхание. Он двигается подобно роботу, настолько его движения были механизированы. Он начинает качаться в... нет, тактом назвать ее нельзя. Она протяжная и заунывная, как и его пение. Раскинув тощие кочковатые руки, О.Н. начинает кружиться на месте. Стекло звенит и хрустит под ногами, но ему все нипочем. Каждый раз, как тело разворачивается лицом к камере, на нем играет все та же застывшая в безумной улыбке гримаса. Серые зубы словно сливались с кожей, приобретшей аккурат такой же оттенок. Контрастировал лишь зазор между челюстями, бездной чернеющий посреди серого полотна. С губы стекает струйка слюны, зацепившаяся за торчащую колтуном бороду, обвиваясь вокруг выбившихся волосков. Музыка длится пятнадцать минут. Едва она кончилась, О.Н. приближается к экрану, склоняет голову набок.

"Знаю, ты думаешь, что я сошел с ума, но лично я считаю, что даже в таком безумии есть свой смысл. Ты видел, как я танцую, как расправляю руки и кружусь, при этом невольно улыбаясь, и думал то, что подумал бы любой другой на твоём месте, но я снова скажу тебе... Я скажу тебе, что мечтал сделать что-то подобное в детстве, когда был вынужден часами просиживать за учебниками, лишь бы не получить тумака от отца— он считал, что любое время, проведенное в развлечении без личной пользы для себя— потерянное время. Он считал, что мне нужно только работать. Так же, как и ему на протяжении всей своей жизни. И я был послушным мальчиком, я делал, как он велел. И сейчас я просто решил наверстать упущенное и напомнить и тебе и самому себе: я все еще жив, мой друг! Вот что я хотел тебе сказать. Я все еще способен найти что-то хорошее в этом бесконечном потоке бесцветного и безвкусного бытия, и в моем случае этим снова стала она— Музыка! Я снова способен ее слышать и ощущать, беспрекословно отдаваясь ее энергии! Она действительно помогает справляться с болью, пусть даже и не дает надежду на спасение, но это и не важно, ведь музыка— единственное явление, которое в полной мере отражает наши эмоции, нашу суть как человечества в общем, так и в индивидуальном смысле! Через музыку можно передать то, чего не передашь словами, а ее эмоции неподдельны, невероятно искренни! Она не способна лгать. Она снимает маски, срывает их вместе с клочками кожи в остатках клея "Момент", причиняя боль, но и так же даруя панацею для души."

Очень долгая пауза, во время которой О.Н. словно впадает в транс, не мигая, почти не дыша, но все так же глядя в камеру, будто бы ничего важнее в этом мире для него уже не существовало. Наконец, медленно, будто бы пробуждаясь, он мигнул.

"Просто знай— я все еще жив."

—щелк—

Запись 000011. 22.05.2024. Время не определено.

Снова кресло и восседающий в нем О.Н. На его лице застыла маска скорби. Еле слышным голосом и едва шевеля слипшимися в сухую корку губами он начал говорить:

«Наверно, тебе интересно, как я себя чувствую, да?»— он осмотрел себя, пересчитывая ребра, — "Никак. Я перестал чувствовать. Совсем... Изредка бывают проблески боли, но они так мимолетны, так несущественны, что я даже не успеваю обратить на них внимание, не говоря уже о том, чтобы придать этому осмысленную характеристику. Я больше не чувствую вкуса еды, не чувствую вкуса воды, хотя помню ее сладость... и иногда горьковатый привкус металла. Эх... как бы я хотел вновь все это почувствовать!.. Чтобы это действительно оказалось всего лишь временной галлюцинацией, которая вскоре спадет с меня... Но нет! Не суждено. Пребывая в этом шоковом состоянии, я снова чувствую, как теряю себя. Дьявол, это ведь никогда не кончится, так? Меня так и будет бросать вверх и в тот же момент швырять вниз так глубоко, что вновь и вновь будет спираться дыхание и помрачаться рассудок! Я снова на дне и... не знаю, смогу ли вылезти отсюда, вдохнуть хоть крупицу кислорода!.. Я не могу контролировать

себя, не могу заставить поверить, что не все еще потеряно. Иногда становится так тяжело, что хочется лечь и умереть сию же минуту. Не хочу больше ждать."

О.Н. медленно сползает на пол.

–щелк-

Запись 000012. 25.05.2024. 02:34

О.Н. сидит в кресле. На его коленях лежит миска, доверху наполненная сырым мясом. Медленно опустив две веточки, – два жутких пальца– О.Н. вытаскивает один кусочек. Немного попридержав, опускает его на длинный язык, призывно вытянувшийся меж зубов. Затем О.Н. начал медленно со вкусом разжевывать пищу и смотреть в камеру. На его лице не читалось никаких эмоций, а черные угольки глаз нервировали похлеще взгляда змеи– отступай, не отступай, все равно набросится. Причмокивая губами, О.Н. вытер их смятым рукавом рубашки и осклабился.

"Здравствуй, друг мой. Мы снова встретились! Уже соскучился по мне? Нет?"– лицо наконец изобразило подобие грусти, – "Что ж, грустно это слышать, но тут уж ничего не попишешь!"

Пауза. Миска постепенно пустела, ознаменовав конец трапезы скрежетом ногтей по доньшку. Снова вытерев рот и бороду рукавом, О.Н. пощелкал пальцами и продолжил говорить.

"Я вновь вспомнил, что мне предлагали доктора, но только сейчас осознал, как сильно все мое нутро противится этому! Странное нежелание идти им навстречу накрывает с головой и я превращаюсь в капризного ребенка, который не хочет есть творожную запеканку, потому что его от нее тошнит, в упор не признавая правоту старших, терпеливо внушающих ему, что эта еда полезна для здоровья. Никогда не любил творог, а ведь, как знать, может, он бы и стал тем ингредиентом, что спас бы меня от глиобластомы! Шучу, конечно, ни хрена б не спас, а стал только очередным микро-разочарованием в огромной куче более крупных. И вот, стоя перед выходом из квартиры, я всякий раз убеждаю себя, что мне не просто нужна– не-об-ходи-ма их помощь! Что действительно нужно их послушать, в самом деле нужно попытаться спасти себя, а не сдаваться без боя! Однако мое "не хочу" пересиливает все мои потуги! И как итог– у меня не хватает сил даже потянуть за ручку. В конце концов я просто падаю на свою пятую точку и проваливаюсь в забытие, валяясь на холодном полу, ничуть не заботясь о том, что проснусь с простудой или застуженными почкам. Прихожу в себя уже в кресле и не помню, как оказался в нем! Словно кто-то невидимый и неосязаемый без конца поднимает мое тощее тело и кладет в кресло. Но все же в большей степени вероятно, – если совсем не очевидно!– что это я сам в беспомощности ползу к креслу, к единственному островку... нет, не надежды... Я.. я даже не знаю, как это объяснить, честно!.."

О.Н. замолкает, чуть почесывает себя по виску, пытаясь вспомнить, что же именно ему хотелось сказать.

–щелк-

Запись 000013. 07.06.2024. 18:23

На этот раз О.Н. предстал в совершенно ином виде: коротко остриженная борода, неловко зачесанные назад волосы, приоткрывающие впадающее темя, а также женская ярко-оранжевая в желтый цветочек сорочка. Видимо, единственная оставшаяся чистой вещь в этом бедламе. Света в комнате нет, единственный источник– все тот же красный фонарь. Он сидит все в том же кресле, прижимая руки к подолу, прикрыв промежность.

"Может, мне стоит покончить с этим?"– вымолвил тихий голос, но глаза дико блеснули в свете уличном просвете между штор, – "Покончить с собой! Почему нет? Я уже пропал! Мне ничто не поможет! Не лучше ли закончить мои страдания здесь и сейчас? Точно говорю–"

лучше! Уж лучше смерть сразу, чем тяжелое ожидание, верно я говорю, да? Да? Да?" – одернув себя, О.Н. вздохнул и встал с кресла, чтобы сразу исчезнуть из кадра.

Пять минут спустя возвращается с ножом в руках. Находится в крайнем возбуждении, руки дрожат, глаза все так же горят, постоянно облизывает губы. Внезапно они растянулись в улыбке, обнажив давно не чищенные зубы в жуткой улыбке. Тихо смеясь, О.Н. приставил нож к солнечному сплетению. Обхватив поудобнее и прикусив нижнюю губу, нажал и внезапно в дверь забарабанили со страшной силой. В панике О.Н. сшибает камеру брошенным ножом – в этот раз на левый бок. Рядом уже лежит нож, обломав острие о щель в половицах. Орошенное кровью лезвие. Голые и до жути костлявые ноги О.Н. носились то в комнату, то на кухню, то затихали в коридоре и тут же раздавались вновь. Затем О.Н., стоя у дверного проема лицом к камере, надевает халат. В области груди, на футболке, видно кровавое пятно. Быстро развернувшись, срывающимся голосом спросил: "Кто?!". Ответ не заставил себя ожидать – к О.Н. зашла в гости налоговая инспекция. В течении следующего получаса происходит словесная перебранка между представителем власти и О.Н. Итог – О.Н. в ярости схватил нож и неуклюже попытался открыть дверь, которая все время "запиналась" об ковровую складку. Шибко сообразительный налоговый инспектор успел бежать, раздаваясь громогласными угрозами подать на О.Н. в суд за вооруженное нападение, на что был послан на три священные. С полчаса О.Н. собирал вещи, затем схватил камеру, забыв ее выключить. По кадру было видно, насколько быстро проносились мимо лестничные пролеты, двери, машины, как и сокрушительно-позорное падение на полном ходу – нога споткнулась о провал в асфальтовом покрытии. Отборная ругань, пара пинков по разваливающемуся покрытию, затем в течении часа О.Н. издавая жутко булькающие хрипы, бежал изо всех сил. Далее происходит длинный простой в очереди, и в результате своего нетерпения и духоты в помещении, от которого запотело стекло объектива, О.Н. сорвался на визг и был вышвырнут из здания охраной. Вновь и вновь ругаясь, понося чьих-то безмянных родственников, распинаясь примерно десять минут на тему того, как пройдет по "всем им" катком, он тем не менее смог успокоиться – хотя, скорее всего, просто голос сорвал, – и отправился к близлежащему банкомату. Сняв круглую сумму, О.Н. поселился в гостинице, в номере с желтыми обоями и кроватью со стальными ножками. И только тогда замечает, что съемка еще ведется, а заряд почти на нуле.

"Да твою же за ногу!"

–щелк–

Запись 000014. 12.06.2024. 14:53

Надо отметить, что смена обстановки, пусть даже и кратковременная, пошла ему на пользу – О.Н. выглядит гораздо лучше. Мешки под глазами исчезли, щеки еще не округлились, но уже не столь темны, губы обрели цвет. Однако печаль в глазах осталась на месте. Медленно вращаясь под складками веков, они медленно осматривали грязные и изорванные стены собственной квартиры, провели взглядом по чему-то, находящемуся вне кадра, после чего устались в центр объектива – в глаза предполагаемому зрителю.

"Неплохо выгляжу, не так ли?"

Говорит поразительно спокойным голосом и даже улыбается, откусив кусок хлеба, что держал в руках.

"К сожалению, меня быстро нашли и привели к ответу. Пришлось оплатить все долги, возместить пени, а вдобавок еще разок поваляться в больничке. Я провел несколько дней под капельницей и, скорее всего, седативным. И, видимо, не одним, потому как до сих пор немножко торможу и абсолютно спокоен, а под лоб будто ваты набили, серьезно!"

Медленно покрутив и повертев головой, явно насладившись хрустом своих суставов, О.Н. продолжил:

"Странные ощущения... вроде бы и чувствую тело и подвластно оно мне, но все не то! Ощущается все не так, как обычно, будто я не есть само это тело, но некий индифференцированный пилот в переставшем быть моим собственным теле. Нет, я все еще могу протянуть руку, взять что-нибудь в нее, но в то же время я этого не чувствую. Я вижу, как рука пролетает перед моим лицом, я точно знаю, что это реально, но я не чувствую, как она движется. Это словно не моя рука, а какой-то роботизированный суррогат-протез, какие сейчас инвалидам ставят! И самое невероятное— больше нет никакой тяжести в теле, оно словно обрело невесомость! Это так странно... Точно говорю— колоть меня успокоительным начали после того, как увидели ранку на груди. Догадываться даже не пришлось— мое общее состояние, моя реакция— все говорило в пользу версии о том, что я подвержен аутоагрессии, а потом— сюрприз-сюрприз! — они прочли мою карту. Сразу все сомнения отпали: "Вы, дорогой, латентный суицидник и вам лучше обратиться к психиатру!" Есть хочется. К сожалению, утерянные чувства еще не все чувства— голод все еще чувствуется в полной мере. Не могу никак сообразить— организм издевается надо мной или пытается помочь, сейчас, например, подсказывая, что мне нужно подкрепиться? Как будто я какое-то малое дитя, а не его полноправный хозяин..."

—щелк—

Запись 000015. 13.06.2024. 12:08

О.Н. собирает чемодан.

"Я тут подумал, что неплохо бы выбраться из этой зловонной дыры. Денег у меня полно, так что почему б мне не свалить отсюда, пока крыша окончательно не съехала, тем более что меня ничего не ждет? Конечно, придется от чего-то отказываться— например, от шанса примириться с Сашей. Она так и не сообщила о себе, но я все еще чувствую, что меня к ней тянет. Да, знаю, это глупо и неоправданно, но я по ней действительно скучаю. Не волнуйся, приятель— я не наступлю на те же грабли и не стану менять план. Я собрался уехать— я еду. Точка!"

Подняв битком набитый чемодан, О.Н. понес его в прихожую, тут же раздавшись за кадром:

"У меня был разговор с родителями. Честное слово— их лица надо было видеть, едва они узрели мое состояние! Мать сразу подалась в слезы и причитания, внезапно обнаружив в себе кого-то кроме злобной расчетливой суки, а отец... а отца чуть было удар не хватил— потерял на минуту сознание. Говорит— в глазах потемнело! Не каждый день узришь живого мертвеца, не так ли?"— неудачная попытка рассмеяться, — "В общем, в ужасе они были. Никогда не забуду их взгляды... Одновременно и жалостливые и брезгливые, будто во мне зреет не опухоль, а как минимум бубонная чума, заблаговременно покрывшая с ног до головы. Я пришел к ним в чистой выглаженной одежде, немного обкорнал себя— видно, да? — и даже цветы купил, а они... В частности, это одна из причин, почему я хочу уехать. Внезапно все стало таким... незнакомым. Дом. Улицы. Люди. Я словно оказался в другом мире, разительно контрастирующим со мной. Люди и улыбаются и хмурятся, однако это выглядит так отчужденно, так отталкивающе! Будто театр масок, в котором не поймешь, у кого действительно злорадные усмешки, а кто просто хочет быть, как все. Я тоже долгое время хотел быть как все и даже возымел в этом некоторый успех, но сейчас лишь ощущаю себя чужим, не вписывающимся в общую картину. Как кусок ветки среди песка или как зубная нить, обмотавшая проволоку. Я пытался узнавать вещи заново, но они просто не поддаются мне, просто плывут перед глазами и словно отдаляются, когда я протягиваю руку, чтобы потрогать и осязать их. Люди при виде меня отводят глаза, многие морщатся, в том числе и знакомые— никто даже не подойдет, не поздоровается. Брезгают. Сейчас я в действительности выгляжу крайне одиозной персоной."

В безжизненном голосе скрежетнула печаль.

—щелк—

Запись 000016. 15.06.2024. 04:34

О.Н. сидит в купе возле спящего толстяка в замызганной футболке. Храп раздается так громко, что перекрывает тихий голос О.Н.

"Я еду в Белгород. Сейчас ночь и мой единственный попутчик дрыхнет без задних ног и в ус не дуется. Ни на что не реагирует. Даже на тычки. Вот, глянь!" – с этими словами О.Н. хорошо двинул локтем в мясистый бок, в ответ на который послышалось недовольное мычание, однако толстяк продолжал храпеть, лишь холеная ручка приподнялась над телом и почесала место, куда пришелся тычок. О.Н. досадливо покачал головой и пихнул его еще раз, посильнее, но жирдяй и не думал просыпаться. Тем временем рука опустилась ниже и почесала зад, вызвав у попутчика выраженное отвращение.

"Мне б так спать! Даже завидно. Вот, как оно и бывает – возникает перед тобой свинья, в жизни ничего тяжелее ручки не державшая, постоянно обжираться всякими помоями – а здорова! Ни тебе диабета, ни тебе проблем с пищеварением! У него даже кожа относительно здоровая, тогда как я все еще похож на упитую в хлам деревенщину, ночевавшего ночью в хлеву! А волосы! Только гляньте, какие красивые волосы!" – волосы и впрямь были хороши – черные, блестящие, – "Я бы тоже себе такие хотел. Странно завидовать кому-то, явно этого не заслуживающего, и все же я ничего не могу с собой поделать – вновь начинаю злиться, а там в голову опять лезут не те мысли. Им здесь не место, но они все еще здесь, только вот раньше они были ненавязчивые, зато сейчас..." – глаза выразительно выпучились, а рука на миг будто вцепилась в шею, на пальцах переползая с каждым последующим словом по блестящей коже, описывая ровный круг по правому полушарию мозга, – "Сейчас они бурным потоком лютуют в моей голове, из-за чего она начинает чертовски болеть, хотя, казалось бы!.. Казалось бы, что я перестал чувствовать, но этот... эта свинья!.. Так и хочется из-за него размозжить себе череп обо что-то, лишь бы не думать о том, что ему еще жить и жить, а мне придется сыграть в ящик в скором времени. Он не заслужил этого, как заслужил я. Вот, что я хочу сказать! Только посмотри на него – гораздо больший потребитель-транжира, нежели я! Неужто он заслуживает, по-твоему, большего, чем я? Что хорошего он может сделать в своей жизни? Ничего. Таких, как он, лучше убирать подальше от общей кормушки." – внезапно подбородок дернулся раз, второй, но не успела гримаса боли отразиться на лице, как ее сменило другое выражение.

И совершенно другой взгляд, начиная с этой секунды.

О.Н. положил левую руку на бок спящего, в правой блеснула сталь. Некогда мягкий голос обрел нотки скрежета металла. Голова еле заметно подергивалась с интервалом в две секунды.

"Этот поросенок так и просится на разделку. М-м-м, срезать бы этот смачный кусок человечины, зажарить и съесть... м-м-м, вкуснота! Не будь здесь еще два десятка других людей, я б сорвался... Но опасно! Мне не нужны неприятности, когда я решил только посмотреть мир... позже... возможно, позже что-нибудь да выгорит. У меня мно-о-о-ого еще вариантов!"

В полутьме блеснул циферблат, в отсвете очередного железнодорожного фонаря вновь дернулся подбородок.

"Через девять часов прибытие, а моя голова трещит по швам... Мне необходимо поспать! Сладких снов, свинья!"

В ответ послышалось невнятное: "Ага".

–щелк–

Запись 000017. 15.06.2024. 14:12

О.Н. сидит на кровати в окружении уныло-серых в бурых потеках стен возле прикроватной тумбочки и смеется сквозь слезы.

"Черт возьми, он так пищал!" – взрыв хохота, – "Точно поросенок, говорю тебе!" – стучит себя по колену; лицо искорежило до неузнаваемости, но оно смотрит не в камеру, а на что-

то– на кого-то?– за ней,– "Ох, давно я так не смеялся, ой давно! Это было что-то с чем-то!.."– встал и вышел с кадра; минуту спустя раздается еще больший взрыв хохота.

"Красный! Красный как помидор! Сеньор, мать его, Помидор! И как мне еще от ворот поворот здесь не дали?!"

Безостановочный смех длится около часа, после чего перерос в стенание и следом за ним сразу же раздался звук тяжелого падения. Шорох ползущего по линолеуму тела, скрежет царапающих ногтей. Тяжелое дыхание– он выдохся, не может встать, дышит слишком тяжело, слишком надрывно. Того и гляди помрет, но нет– впереди еще много записей. Этот фрукт–безусловное что-то со вполне обусловленным чем-то.

Слышно неразборчивое бормотание– О.Н. с кем-то говорит, возможно, спорит.

Сигнал полного разряжения.

–щелк-

Запись 000018. 15.06.2024. 23:23

О.Н. лежит в постели. Ни грамма былого веселья– лицо серьезное и задумчивое.

"Вспоминая сегодняшний день, я прихожу в замешательство. Просматривая последнюю запись, я нашел то, чего не могу вспомнить и... неужели это было мое истинное "я"? Я никогда не представлял себя именно таким человеком, более того– никогда даже о таком не задумывался. То, что происходит– ненормально! Что случилось с тем человеком– что я с ним сделал?! Не хочется об этом думать, но чутье подсказывает, что я уже пересек ту грань, которую никогда в жизни не собирался пересекать! Я– не такой! Я хороший! Я хороший!.. Хороший же, да?"– вдруг обратился О.Н. к кому-то, кого не было в комнате.

Длительная пауза.

"Однако есть важный момент– несмотря ни на что меня не пугает, что я убил человека и смеялся над его смертью. Меня пугает собственное спокойствие по этому поводу. Никаких угрызений совести, никакой жалости, никакого сожаления– только удивление. Я осознаю, что я натворил, но ответной реакции от тела и нутра никакой. Нет дрожи в пальцах, в груди не тиснит, живот не крутит. Даже не тошнит, хотя я до жути боюсь крови! Боялся. Разве можно оправдать хоть как-то подобную бесчеловечность? Я думал об этом. Я мог бы оправдаться тем, что он воздействовал мне на нервы. Я мог бы соврать, что он пытался меня обокрасть. Черт, да я просто мог бы сказать, что у такого человека, как он, вовсе не было жизни, ведь по лицу понятно, что это лишь очередной маменькин сынок, надрессированный на содержание матери на пенсии, и не видать просвета в его тщетном существовании, а я лишь освободил его, дал свободы, от которой в панике убегаю сам! Но это все бестолковые экивоки, лишь пустая болтовня, а я... ничто не способно оправдать сделанное. Я– просто убийца."

На лице О.Н. явственно читалось огорчение.

–щелк-

Запись 000019. 16.06.2024. 06:45

В кадре кровать и прикроватный столик. О.Н. лежит в постели совершенно бледный. Это видно, потому что лежит на боку и на лицо падал тонкий луч солнца. На покрывале возле головы небольшое пятно крови. Голос слабый, надломленный.

"Это никогда меня не отпустит. Меня снова перемололи мельничьи жернова. Чувствую себя не просто разбитым– развалившимся на составляющие. Как кукла, которой некий шутник приделал настоящую нервную систему. Пять минут назад я проснулся от резкой боли во всем теле и все эти пять минут захлебывался кровью. Она все никак не перестанет идти! Я едва могу двигаться и говорить и меня все еще мучает боль."– долгая пауза, тяжелый хрипящий вздох, – "В глазах темнеет и все тело немеет, теряет чувствительность– все, что я сейчас могу чувствовать, так это то, как шевелится во рту мой язык. Он такой сухой и горячий, распух-

ший... Теперь я совсем не знаю и не могу быть уверен в том, слушается ли меня мое тело или нет, движется ли согласно мысли или это все наваждение? Я в замешательстве! Возможно, это все— галлюцинации и я даже не включил камеру."

О.Н. поднял руку, внимательно смотря на нее.

"Сейчас я почти ничего не вижу, но я должен был поднять руку. Я поднял ее, да?"

Спустя секунду глаза О.Н. закатились, рука безвольно упала; спустя полтора часа О.Н. застонал, что-то невнятно бормоча. Удалось разобрать только ту часть, где он постоянно повторяет, что заслужил это.

На часах 09:21.

О.Н. все еще бледен. Видно, что есть что-то, чего ему необходимо было сказать. Он предпринимает одну попытку за другой, но ничего не выходит. Не успело и слово сойти с губ, как кисть руки вцепилась в покрывала. Ему очень больно, в этом никаких сомнений быть не может. О.Н. стискивает зубы, стонет, затем начинает рыдать. И опять что-то бормочет невнятное, начинает размахивать руками. Глаза глядят в никуда.

"Нет!.. Не-ет!"-всхлип, — "Я не хочу умирать, только не так! Оставь меня..."-непонятные выкрики, — "Перестань, верни меня!! Нет, стой, нет!"

Если мыслить логически, то можно предположить, что в его воспаленном разуме родилась галлюцинация, приводящая его в состояние неконтролируемого ужаса. Теперь это не человек, а маленький сгусток возбужденных нервов, не способный отдавать себе отчет в том, что есть реальность, а что— плод его искореженных фантазий. Некоторое время спустя в дверь постучали, затем забарабанили; еще десять минут настойчивых ударов в дверь и тут же раздастся громкий грохот— в помещение вламываются двое офицеров в форме, вооруженные пистолетами. За кадром так же слышен голос уборщицы— она что-то пытается объяснить, но от волнения, видимо, забыла, что надо говорить по-русски. О.Н. успокаивают, вызывают скорую. Полицейский обхватывает обеими руками зарезанное, покрасневшее от слез лицо О.Н. и не сильно громким голосом уговаривает его успокоиться. Его голос мягок, ласковый тон умиротворяет страдальца. А он хорош! Глубокий прерывистый вздох и слабая рука благодарно похлопывает полицейского по плечу. К камере тянутся руки в белых перчатках.

—шелк—

Запись 000020 повреждена. Восстановлению не подлежит.

Запись 000021. 23.06.2024. 17:47

Некогда одутловатое лицо приобрело более-менее пристойный вид, нездоровый землистый оттенок пропал, уступив приятному румянцу. О.Н. сидит на кровати в том же номере той же самой гостиницы. На тощих руках следы ремней.

"Я сбежал из больницы и мне как бы нужно спешить, однако я— здесь. Спокойно сижу и ничего не делаю, а почему— кто знает? Вновь пробудилась эта тяга к смирению— так и хочется ничего не делать, а просто ждать, когда же за мной придут и снова заберут. Буду краток— крыша у меня уже съехала и в данный момент катится в неизведанных далях по невиданным склонам все ниже и ниже. Я просмотрел последнюю запись— ничего из произошедшего тем днем не в силах вспомнить, хоть убей. Не помню, как за мной пришли, не помню, как транспортировали в госпиталь, не помню даже, как меня обмывали, хотя, полагаю, это было бы одним из наименее приятнейших воспоминаний последних месяцев! Хорошо бы, если бы человек, что меня мыл, оказался приятной женщиной, на которую любо-дорого просто смотреть. Но вот что я точно помню, как в госпитале меня пичкали каким-то дерьмом. От этих таблеток эффект такой, словно у тебя снимают "крышку", извлекают мозг, а вместо него кладут сверхпушистого кролика с искусственным суррогатом кроличьей самки, которую он без конца сношает— "тр-р-р", затем минутная пауза и снова "тр-р-р!". Из-за всех этих инвазивных приемов до сих

пор в голове звенит и ноги подкашиваются— координация если не на нуле, то весьма близко к нему. Убегая, я ободрал себе все руки и ноги." — показывает содранные участки кожи,— "Затем свалился в какую-то канаву и, не знаю, словил приход что ль... Меня захлестывали теплые волны, но по ощущениям это происходило не снаружи, как если бы в настоящем море во время шторма, а изнутри, будто из меня извлекли все кости, мышцы, сосуды, органы, а затем зашпатлевали изнутри, оставив лишь сохнущую оболочку, куда и влили... что-то. Не вода и не кровь, не кислота и не щелочь, просто— что-то очень теплое, живое, налетающее на мои внутренние стенки и разбрызгивающееся во все стороны. Я как наполовину заполненный стакан с завинченной крышкой в трясущейся руке, сам же оставаясь неподвижным. Передо мною пробежали лица— родители, лицемеры-друзья, случайные физиономии, имена которых я уже и не в силах вспомнить. Более всех мелькала физиономия недавно виденного мною докторишки, у которого такое постное выражение лица, что так и хочется сделать с ним что-то плохое, заставить измениться в лице! Пусть даже и на смех, хотя это было бы полнейшей неожиданностью. Полагаю, мне самое время сматывать удочки, пока не подали объявление в розыск. Хотя по идее не должны. Не знаю— так в фильмах обычно бывает, но то фильмы, тогда как здесь все еще реальность. Гораздо более прозаичная, убогая. Тупая, как лезвие игрушечного меча, отлитого из какого-нибудь свинца. Не удивлюсь, если на меня просто махнут рукой и позволят уйти, потому что смысла бегать за больным человеком, который никому— во всяком случае они так думают! — не причинил вреда, не возымеется. Куда разумнее будет потратить освободившееся время на что-то более достойное людского внимания."

—щелк-

Запись 000022. 25.06.2024. 03:55

Залитый солнцем зал ожидания о белых колоннах и литых ступенях. Толпы прибывающих и отбывающих— все в панамках и ярких сланцах. О.Н. в одиночестве сидит на скамейке и радостно улыбается. За стеклом позади него виднеется самолет размером с само здание.

"Добро пожаловать в..." — треск в колонках, помехи в изображении, расsegmentирование слоев.

Запись повреждена.

—щелк-

Запись 000023-частично-повреждена-изображение-отсутствует-звук-присутствует
Сквозь гул слышен голос О.Н.

"На самом деле точно неизвестно, сколько мне еще осталось жить в здоровом уме— вынесенные мне прогнозы касались только моей физической лабильности, что же касается устойчивости психики— о ней я не догадался спросить. Произошедшее лишь показало, насколько же я нестабилен, опасен для общества и самого себя. Знаю— я могу бороться с этим, но пользы это не принесет! Я попал в петлю Сизифа, что толкает камень в гору, а тот неизбежно катится вниз. То же и с моим разумом— я могу сколь угодно пытаться оставаться в сознании, сдерживать себя в узде, но рано или поздно ослаблю хватку и сорвусь, снова натворю нечто ужасное! Как и говорилось раньше— тут нет конца. Придется просто стиснуть зубы и идти наверх, таща за спиной практически неподъемный груз ответственности за собственные поступки, которую я не подписывался нести, но буду вынужден— это все моя вина. Теперь я понимаю Сашу и принимаю ее уход, признавая так же и то, что эта мера была следствием не каприза, как она это выставила, но инстинкта самосохранения. Всегда проще изобразить из себя мразь, нанеся пощечину, нежели стать тем, кто вонзает нож, показав, что ты настолько ужасен как человек, что пугаешь того, кто тебе дорог. Я ведь мог сорваться на нее, причинить ей настоящую боль... хотя бы затем, чтобы она меня пожалела, поняла, насколько же мне порой бывает невыносимо! И затем, чтобы ненадолго снизить градус собственной ненависти по отношению к ней—

за то, что она тоже здорова, а я не могу думать об этом спокойно, вновь чувствую вопиющую несправедливость, зная при этом, что я сам несправедлив! Ее побег нельзя расценивать как трусливый акт капитуляции. Это скорее было хорошо взвешенное решение совершить стратегическое отступление, откуда потом можно было бы начать все заново по совершенно новому курсу, минуя знакомые места. Годы не ждут, но всякая женщина хочет найти себе безопасное пристанище за чьей-нибудь спиной, которая действительно будет непоколебимо стоять, а не разрушаться изнутри. Да, это эгоистично, но женщины уже давно доказали, что по части благоразумия и заботе о самих себе дадут нам, мужчинам, фору. Это мы бросаемся в огонь сломя голову ради других, даже если это в ущерб нам самим. Они же всегда знают, когда стоит делать ноги в место, где им безопаснее. Так что, если ты смотришь эту запись, хотя это технически невозможно... Саш! Знай— я тебя не виню."

—щелк—

Запись 000024 повреждена. Восстановлению не подлежит.

Запись №000025ч-28%06-2024 13ХЧАСОВЮ34 МИНУТЫ

Запись сильно повреждена: крайне плохое качество звука, отсутствующее на семьдесят девять процентов изображение, из разрозненных фрагментов целостную картинку сложить невозможно. Для полного ознакомления с содержимым запись переведена в текстовый вариант, предоставленный в документе.

"Однажды на свое двадцатилетие я получил от матери и отца путевку за границу в качестве подарка за успешное завершение курса, однако целью этого подарка было не заставить меня порадоваться и преисполниться благодарностью, но проверить, насколько хорошо мной были усвоены их уроки. Мои глупость и псевдопатриотичность— чувства, долго и упорно вбиваемые в меня любящими родителями с малого детства,— отказали мне в этом удовольствии, так как я, помня их заветы, с готовностью предложил вернуть билеты и приобрести на них свой первый рабочий костюм, чем их чрезвычайно обрадовал. Только сейчас я полностью осознал, что тот момент был своего рода рубежом, переступая который я вновь признавал их неограниченную власть над собой. Если бы я просто поступил глупо, забыв о правилах приличия, и принял подарок, уехал на какое-то время от них, то вероятность совсем иных событий на протяжении всей моей жизни была бы не просто перетасована— в дело вступила бы совершенно иная колода! Вкусив свободы, я не захотел бы вернуться, а отправился еще дальше! Сейчас мне это ясно как никогда, потому что я стою там, где должен был стоять двадцать лет назад— опоздавший, бесперспективный. Умиравший. "Ты можешь делать, что хочешь, сын!"— говорили они мне и тут же добавляли— "Нам будет тебя не хватать. Хотя твоя помощь бы очень пригодилась в деле, но мы все понимаем." Смазывание острых углов— банальщина, после которой я, как и было задумано, даже не стал терзаться муками совести, сразу же сделав все, чтобы они были мной довольны. Были, конечно, поначалу небольшие моменты "отторжения", но я с ними справился."

Непереводимый фрагмент-пауза.

«Благо, что сейчас я решил все наверстать хотя бы часть упущенного и в этот раз ничто меня не держит. Болезнь не только разрушила мою жизнь, но и дала толчок к тем вещам и небольшим событиям, которые обязаны были в ней быть— не столь для того, чтобы тешить себя иллюзией наполненности, но хотя бы ради нескольких секунд чистейшего восторга, которого я никогда, повторюсь, никогда не испытывал! Наконец-то я действительно делаю первый шаг навстречу к одной из своих микроскопических мечт, а именно— прыжок с парашютом! Черт,

я так волнуюсь, что не могу дождаться— у меня все тело заходится в таком трепете, что я усидеть на месте не могу, того и гляди обмочусь от радости! Все это должно было произойти в те же двадцать лет— тогда я смог бы отнестись к этому более спокойно, хладнокровно. Как к чему-то само собой разумеющимся. Сам себя обломил, что называется, своим необдуманном поступком. Но сейчас я иду, действительно иду вперед, иду с высоко поднятой головой! Детской мечте наконец суждено сбыться и пшло все к чертям! Сейчас, когда моя жизнь висит на волоске, ничто больше не важно! Никаких ограничений, понуканий, упреков и прочей дряни! Теперь я волен все решать сам."

Запись завершена.

Запись 000026. 28.06.2024. 16:25

О.Н. прикрепил камеру к шлему, обратив ее на креплении к своему лицу. Одет в соответствующий костюм черного цвета. На лице играет широченная, немного жуткая улыбка, обнажающая не очень красивые зубы, отчего трещинки на сухих губах разошлись и заблестели. От усмешки косой шрам на лице стал похож на тупой угол.

Салон самолета, с каждым поворотом головы от иллюминаторов мельком видно облака. Время идет. На пятнадцатой минуте главный инструктор дал старт и люди встали друг за другом, готовясь к прыжку. Их глаза разом обратились к мигающей лампочке аккурат над выходом из самолета и только О.Н., стоя позади всех, постоянно вертелся аки юла. Пока голос инструктора за кадром проводил повторный инструктаж, перемежаемый шутками и всеобщим гогогом, но О.Н. единственный оставался спокойным, проверяя крепления, поправляя прозрачные очки. Вскоре и он затрясся в возбуждении. Минута— и они летят в тандеме с симпатичным усатым мужчиной.

Удаляющийся самолет размывает в помехах, изображение прыгает как на записи в старом проигрывателе кассет, небо из голубого становится черным и снова голубым. Изображение стабилизируется. Спустя тридцать секунд свободного полета парашют с громким хлопаньем раскрывается, но О.Н. не издает ни звука, лишь в приступе немой радости раскрыв свой рот. Сквозь отражающие небеса очки различимы глаза, внимательно смотрящие во все стороны, жадно впитывающие каждый сантиметр обозримого пространства. О.Н. наконец-то стал похож на живого человека, приобрел черты полностью здорового незнакомца, всего лишь наслаждающегося планированием. Наконец он не выдерживает и, широко открыв рот, издает ликующий клич, за ручки пуская парашют вокруг своей оси, точно карусель. Инструктор шевелит усами, что-то кричит за спиной О.Н., но тот не обращает на него внимания, продолжая ликующе кричать и вертеть головой.

Снова помехи, кадры с приземлением нечетки, дефрагментированы.

Черный экран.

—щелк—

Запись 000027. 28.06.2024. 22:23

Сразу раздаются восторженные крики— О.Н. вне себя от радости.

Место— неизвестный сквер. Играют листвой деревья, чуть раскачиваясь по ветру, шипевшем в колонках. Пустынно и темно. Вокруг никого нет.

"Это было прекрасно! Столько ощущений за каких-то десять минут полета!.. Этот холодок в груди, перерастающий в черную дыру миниатюрных размеров, которая словно стягивает внутрь кожу и... О, эта дрожь в конечностях, похожая на кратковременное онемение и этот вид, открывающийся с неба! В жизни не видывал подобной красоты! Зеленые холмы, блестящие крыши небоскребов в нескольких километрах от места посадки, маленькие— меньше муравьев— автомобили, выстроившиеся в цепочки на автостадах, совсем невидимые точки,

которыми были обычные люди. Совсем, как я! Как я мог раньше себе в таком отказать, ума не приложу! Сколько всего я упустил, разбазарив жизнь на то, что не имеет абсолютно никакого значения, аж думать страшно! Я мог бы... я мог бы работать инструктором парашютистов, прыгать с невиданных высот хоть каждый день и зарабатывать много денег! Я бы мог жить так полно, как только мог, мог бы пойти, куда захочу! Жаль, что я все это упустил, но любые сожаления теперь не имеют значения— теперь же все неприятное позади, осталось там, в прошлой жизни! Надеюсь, что впереди меня будет ждать если не самое лучшее, то хотя бы достойное запоминания! Хотя к черту "надеюсь"— оно просто обязано быть!"

Проведя рукой по волосам, он счастливо улыбался, оглядывая небо над головой. В следующую же секунду О.Н. падает прямо на траву, сбивая камеру с треноги.

—щелк—

Запись 000028. 30.06.2024. 11:45

О.Н. пьет чай, придвинув к ногам прикроватный столик. Выражение лица задумчивое, немножко грустное. Глаза с прежней печалью глядят в камеру.

"Даже странно, как быстро радость от пережитого сошла на нет. Куда же это могло деться?"—с сокрушенным видом проведя ногтем по лбу, О.Н. продолжил, — "Я помню, как начал свой рассказ о себе в первой записи... И у меня сложилось четкое понимание того, что начал я не в том ключе, слишком мало о себе рассказав. Если я делаю эти записи, значит, делаю их для того, чтобы кто-то, заинтересовавшийся моей жизнью, смог узнать больше. Может, даже понять меня. Следовательно, у меня появилось желание рассказать о себе более полно. Так, чтобы зритель понимал, что то, что видно внешне, не всегда соответствует внутреннему. Надеюсь, что ты простишь мне мою сентиментальность, мой таинственный наблюдатель. Если, конечно, не выключил камеру после того треша, что творился раньше. Надеюсь, такого больше не повторится— я постараюсь держать себя в руках."

Сперва отпив из кружки, О.Н. отодвинул столик к стене и взял камеру. Неуклюже пересел с ней в кресло, положив на сведенные колени.

"Начать, думаю, можно с одной небольшой истории из тех, что принято рассказывать, говоря о себе. В общем, дело было так: мне исполнилось восемнадцать лет, когда родители отправили меня в институт, еле-еле дождавшись результатов экзаменов. Первое, что я услышал после оглашения результатов, было не "Поздравляю, сын, мы так тобой гордимся— ты даже не представляешь!", но "Дуй, сынок, в экономисты." Их план заключался в том, чтобы я отучился на одну специальность, со второго курса совмещая заочным обучением на техника по ускоренным курсам. Мне выдали папку с документами и сослали в общежитие, в этот спидозный муравейник, полный мух и их личинок, причем описание адресовано скорее не насекомым, но остальным обитателям этого места, имеющим руки, ноги, мозги и человеческий интеллект, столь несправедливо доставшийся им, а не, допустим, собакам. Помню, как в момент, увидев здание, я первым делом подумал: "Как это развидеть?", ведь я увидел серое обшарпанное здание с коричневыми, все в выщербинах, коридорами, дверьми из прогнившего дерева да покрощенную штукатурку на потолках. Отдельного упоминания заслуживают окна— в двадцать четвертом году, когда у каждого более-менее зарабатывающего гражданина имеются стеклопакеты из пластика, в общежитии были все те же старые окна из дерева. Почерневшие рамы, валяющиеся на карнизе хлопья краски. Фу, одним словом. Я спал и видел, как просыпаюсь у себя дома, в относительно уютной атмосфере без окружавших меня шакалов, так и норовящих что-нибудь стащить, будь то кастрюля свежесваренных пельменей или паршивая пара еще не дырявых носков. Естественно, проснувшись в реальности на матрасе с подозрительными бурыми пятнами, я не сдерживаясь издавал стон досады и ругался на чем свет стоит, но шепотом, чтоб остальных не перебудить, потому что вставал раньше всех— нужно было перепрятать ценные вещи, чтобы их не нашли. После этого я ел наспех сваренную лапшу с кое-как прожаренными

котлетами, внутри которых вечно попадались то кусочки, подозрительно смахивающие на картон, то хрящики или черные горошины, то вовсе кусок проволоки, и шел по переходу прямоком в институт с чувством загнанности и безвыходности своего положения, на которое сам же и подписался в добровольном порядке. У меня было, помню, такое подавленное состояние, что временами я попросту впадал в тяжелую апатию и ничего вокруг не замечал. Вся мою мыслительную активность заело на одной мысли— покончить жизнь самоубийством или тянуть резину до конца? Да-да, я и раньше над этим задумывался... вернее, всю свою сознательную жизнь."

Долгая пауза, во время которой О.Н. перекладывает камеру на пол и сам же усаживается подле нее, спиной упираясь в кресло. Чуть помолчав, снова продолжает.

"Правда, я очень хорошо подавлял подобные мысли, что порой даже приходил к ложной мысли, будто я полностью избавился от них, обуздал себя. Но от этого они не переставали роиться в моей голове, просто становясь более тихими, заполняя собой фон, а не передний план, так и оставаясь внутри моей головы."— новый глоток,— "Дело в том, что я провидел свое будущее, с легкостью предсказал его точь-в-точь как оно и случилось. Просыпаясь каждое утро еще в школе, я говорил себе: "Скажи им "нет"! Ну же, скажи!", и все же вставал, следовал расписанию— душ, завтрак сквозь рвотные позывы, утренняя пробежка от дома до школы и сама школа— великая и ужасная обитель пропащих душ. Ха. То еще местечко, уж поверь мне."— подбородок О.Н. нервно дернулся, напряглась шея, — "Средоточие стольких ублюдков в одном месте представлялось явлением невозможным, однако школа с поставленной задачей справлялась на ура, за что ей и медаль ей в довесок к остальным. Впрочем, это не важно! Вернемся к институту— все равно разницы никакой. Там меня уже не мучили желания причинить кому-либо физический вред с целью выставить себя ненормальным, неспособным к жизни в социуме. К ним на смену пришло желание убивать. Если в школе я хотел сломать конкретных людей по конкретным причинам, в ту пору казавшихся мне ну очень важными, то в институте никакого повода уже не нужно было— стоило кому-то косо на меня посмотреть, улыбнуться или начать шептаться— все, крыша съезжает напроочь! Меня начинало трясти, в голове только и были раз за разом назревающие планы уничтожения нежелательного для моего безопасного существования человека. Не знаю, в чем дело— в комплексах ли или я просто ненормальный или действительно существовала некая опасность, которую я чувствовал инстинктивно... С трудом, с большим трудом проучившись бок о бок с этими людьми три с половиной года, я ушел тут же, как получил заветный диплом со степенью. Даже не стал прощаться. И там, стоя на улице меж ручейков воды— шел ливень, а дорога размыта, превратившись в миниатюрную версию Гранд-Каньона, — я снова понял, что не убежал от противного, но придвинулся к нему вплотную. Осознание этого до жути отвратного факта так нахлынуло на меня, что я не раздумывая кинулся под машину. Мою жизнь спас незнакомый человек, посоветовавший обратиться к знакомому психиатру, к которому я ни за какие коврижки не согласился обратиться. Я же ни капли усилий не приложил к тому, чтобы почувствовать себя лучше. После бездумно отданного согласия родителям я пустился во все тяжкие— нещадно запил, начал курить гашиш, перешел на легкие наркотики, спал с такими же легкомысленными женщинами всех возрастов, что само по себе достойно презрения. На одной даже чуть было по дурости не женился, да и то пронесло лишь потому, что налакался, а наутро в своей постели вместо нее обнаружил левого мужика. Нет, с этим типом ничего не случилось, просто моя тогдашняя дама сердца сочла смешным «подбросить» его мне. Мы очень сильно поссорились и на следующее утро ее нашли мертвой от передоза. Сплошной стыд и срам— подобное так широко распространилось, что даже мои неведающие родители обо всем прознали и, после краткой беседы с психиатром, задались вопросом о срочной принудительной госпитализации. Тут-то мне в голову что-то шарахнуло и я завязал. Вернулся к ним, доделал все, как они велели, стал вновь послушным

мальчиком и примерным работягой. О совершенных мной ошибках негласно было решено забыть и жизнь пошла своим чередом, приведя меня сюда."

О.Н. снова остановился. Сосредоточенный взгляд в нечто поверх объектива, так захватившее его безраздельное внимание. Впрочем, надолго не отвлекло. Горестный вздох.

"Смиренность не помогла, лишь убила все лучшее, что я пытался в себе сохранить. Не в буквальном смысле, конечно. Дальше резона рассказывать все равно нет– ничего не происходило. Дом-работа, работа-дом. Ни отпусков в опаленные солнцем курорты, ни краткие моменты агонизирующей молодости, заливающейся алкоголем. Только работа и дом. И женщины сроком аренды на полгода. Вот и все. Вся моя жизнь не стоит и плевка. Не хочется этого говорить вслух, но это так– моя и, скорее всего, твоя жизнь именно такие. Спланированно пустые. Иначе с чего бы ты тратил свое время на просмотр этого дерьма? Мы с тобой– как и все другие вокруг нас– лишь клоны. Ни у кого нет ТОЙ САМОЙ жизни, все лишь являют собой набор выполняемых по круговой траектории стандартов и стереотипов, под которые нас прогнула общественная норма в лице наших родителей. Я не понимаю тех лицемеров, кричащих «Жизнь прекрасна!». Это ведь слова, словоблудие и ничего не боле. Ни ты, ни я не можем сказать, что прожили свои дни достойно."

О.Н. замолчал. На сей раз взгляд переместился куда-то влево и недосказанная мысль витала где-то вдали.

–шелк-

Запись 000029. 01.07.2024. Время неизвестно.

День. О.Н. сидит в залитой солнечным светом лужайке и с наслаждением поедает шоколадное мороженное. На кисти правой руки красуется свежее тату– бледная сорокопутка, потрошащая мышь.

"Решил себя побаловать. Да, больно уж похоже на рыпанье старика, стремящегося вернуть утраченные годы молодости в приступе маразматичной тяги к глупостям юных лет. А я скажу только: "И что?"– пожав плечами, выудил из кармана часы на цепочке, блиставшие серебром на солнце, – "Десять часов утра, дамы и господа, но такое ощущение, будто уже полдень! Везде ходят люди– все в легчайших накидках и шляпках. Немного нелепо, учитывая размеры некоторых, но кто я такой, чтобы указывать им, как надо одеваться? На небе, как ты можешь заметить, ни облачка. Почему у нас дома нет такого же тепла? То вечная мерзлота и сырость, то туманы и вечно дующий с севера ветер. Иногда бывало тепло, не спорю, но в редкие дни, когда солнце проглядывало сквозь облака, а так– сплошное "бр-р-р"! И вспоминать тошно. Другое дело здесь! Мюнхен! Скажем– тот же север, однако тепла здесь предостаточно. Ночью, правда, холодновато, но это бич здешних бездомных, если таковые вообще остались, а не мой. А каков контраст! Наши серые стены и их– разноцветные полотна, архитектурные массивы, бесчисленное разнообразие форм! Правда, не так красиво, как в Стокгольме, если судить по тем же фотографиям, но спешить мне некуда– я хочу посетить интересующие меня места по порядку, не выбиваясь из графика. У меня в планах поехать в Италию, посетить Англию и Францию, затем махнуть в Сеул. Разумеется, все упирается в бюджет, потому приходится жестко экономить практически на всем– на лекарствах, еде, новой одежде и новой камере. Эта вся покорежена, но еще работает, потому надо лишь своевременно заменять аккумуляторы, а их у меня в загашнике с лихвой найдется, уж поверь! Правда, сдается мне то, что камера явно трет часть записей, но почему-то я особого значения этому не придаю. Должно быть, благоприятное окружение так на меня влияет, что я просто не могу о чем-то беспокоиться за исключением боязни рецидива. Без лекарств приходится туго, но это тот крест, который, увы, придется тащить за собой. О, видели бы вы лицо банкира, когда я пришел менять всю свою наличку на доллары! Глаза распахнулись как у совы– уж где умора!"

Оглянувшись назад и убедившись в том, что никого рядом с ним нет, О.Н. с заговорческим видом приблизился к камере, приложив обе ладони ребрами к уголкам губ.

"Я заметил тут столько улыбающихся лиц! Все с виду такие добрые и порядочные, успевай только удивляться подобному дружелюбию! Даже если они тебя не понимают– а они не понимают, потому что ты с девяноста пятипроцентной вероятностью являешься бестолочью, не додумавшейся заранее захватить русско-немецкий разговорник, – то в лепешку расшибутся, но помогут. Придется– на языке жестов будут объяснять, проявляя поистине ангельское терпение. Особенно мне понравилась семейная чета пожилых людей– я искал железнодорожную станцию, не зная, что единственный поезд уже ушел, но они мне быстро разъяснили это. На вопрос, когда же следующий, сказали "Next evening!", а я сначала и не допер, что за "ивенинг" такой и с чем его едят– не такой уж из меня примерный ученик вышел, каким я себя представлял. Тогда женщина просто перечислила по порядку: "morning, day, evening, night". Мы с ними распрощались, и я направился в отель– дорогуший, зараза! – только у ресепшена сообразив, что все еще улыбаюсь, как и все они улыбаются мне." – расслабленная улыбка, – "А дома наверняка у каждого по трупу в подвале закопано, зуб даю!"

И с веселым смехом, радуясь отмоченной шутке, откидывается назад.

–щелк-

Запись 000030. 03.07.2024. 08:45

Со стуком кадр оживает. Видимо, камера упала и включилась. Состояние О.Н. снова сменилось в худшую сторону– впад в прострацию, он сидел и раскачивался, раскинув руки, словно загипнотизированный под медленный отстуки мелодии, доносившейся из новенького проигрывателя со вставленной флешкой. С начала записи сразу с середины играют Massive Attack, песня "Angel". Внезапно вскочив и закружившись в танце, О.Н. подпевает вокалисту своим хриплым голосом:

"Her eyes... she's on the dark side..."

Neutralize...

Every man in sight..."

И, продолжая петь и танцевать, схватил первый попавшийся предмет– лампу. Обнимаясь с ней, внезапно запустил в стену и затянул бесконечное: "Love you, love you, love you..." Вновь закурился на одном носке подобно юле.

Песня повторялась раз за разом, словно заевшая пластинка, но ему было все нипочем– О.Н. просто продолжал танцевать и петь в течение нескольких часов, пока не свалился и не уснул мертвецким сном.

Вместе с сигналом разряжающейся камеры, его тело начало трясти.

–щелк-

Запись 000031. 06.07.2024. 23:34

Случилось: О.Н. снова слетел с катушек. Незнакомая комната. Это не его номер– тут слишком много книжных шкафов. Это даже не гостиница, но и не библиотека. Изображение чуть кривовато– ненадежно закрепленная штативная головка с камерой отъехала в бок. Отходя от камеры, О.Н. пнул лежащее ничком тело, после чего сторбился в три погибели, не переставая смеяться во весь голос, неестественно выгнув шею и приговаривая: "Не-е-ет! Нет-нет-нет!" Проходит еще несколько минут, прежде чем откатывающееся и накатывающееся с удвоенной силой веселье откинуло его тело на спину. Упираясь одним лишь затылком, О.Н. приподнимается на носках, все еще держась за живот.

"Это была не смешная шутка, герр Шефер! Зря вы открыли свой чудесный рот, заполненный столь невероятно ровными зубами и этим исключительным скользким языком!"

С этими словами О.Н. выудил из края кадра банку со водянисто-кровавой жидкостью. Внутри плавал оторванный язык. Уже в более спокойном состоянии покручивая банку в своих руках, О.Н. с минутной периодичностью посматривает на тело.

«Зря вы вообще завели этот разговор, Шефер. Нельзя говорить умирающему, что его смерть— лишь результат естественного отбора. Нельзя насмехаться над тем, кому нечего терять. Вы, должно быть, практикуете это очень давно, раз были столь смелы, но я слишком долго позволял окружающим то, чего им нельзя было делать, спуская им с рук все, что угодно. Наверняка вы сейчас жалеете обо всем, что наговорили и, полагаю, не только мне. Это правильно! Человек, умеющий признать свою ошибку, лишь показывает свою силу. Будьте сильным, герр Шефер, ну же, скажите, что вы были неправы!»

Шлепнув труп по спине, О.Н. вновь рассмеялся, в следующую же минуту рухнув на бок, захлебываясь в потоке кровавой рвоты. Совладав со своим телом, он привстал и проковылял вне кадра.

"Видишь, с чем мне приходится жить? Слишком больно. Тебе этого не понять— ты же здоров, черт тебя побери! Был... здоров. Люди вроде себя слишком много о себе воображают, представляя, будто имеют куда больше права на лучшую жизнь, на достаток, на все блага, что есть в этом мире! Ваша любимая селекция, чтоб вы знали, это субъективная херня, очередной способ отсортировать или вовсе вырезать неугодных, оставляя с "правильной стороны" только своих, вот только где гарантии, а? Где гарантии, что это не ваши любимчики являются или вскоре встанут в ряды того самого "мусора", который вы столь яро презираете, равняя с ними калек моральных и физических? У вас нет права решать, имею ли я право на жизнь или нет, но вы тем не менее нарушили мое право, потому я нарушил ваше— на целостность. Если вы выживете, то более не посмеете даже задуматься о том, кто на что имеет право. Право, право, право, право! Сделайте это слово вашим личным табу, не то я вернусь и закончу начатое!"

—щелк—

Запись 000032. 07.07.2024. 12:21

О.Н. стоит на кухне и готовит кофе, активно жестикулируя и кривляясь на камеру словно приклеенной улыбкой. Он больше не похож на самого себя— лицо потепнело, безумные глаза не источают и капли печали. Это— не он.

За кадром стонали люди. Вдруг заплакал ребенок. Безумец дернул подбородком, а его голова осталась склоненной к правому плечу. Схватил сковородку, он вышел из кадра и моментом спустя оттуда раздались звуки сильных ударов. Вопли, ругань, вой из родительских глоток слились в сплошную адскую какофонию, а сковородка служила ее аккомпанементом.

Помехи. Кадр сменился на голую стену. Его голос за кадром вещает:

"Эти люди живут не так, как следовало. Они тоже слишком много вообразили о себе. Еще сегодня утром, наблюдая за ними из окна, я видел, как мамаша натравила свое чадо на другого ребенка, спровоцировав конфликт. А когда ее мерзкая личинка получила по зубам, задалась целью устроить скандал, не забыв при этом еще и сыну затрещину отвесить. Интересно то, что папаша, видя это дело, даже не вмешивается! Тупой жирный боров, чтоб его! Его скотина-жена усердно лепит из ребенка себе подобное, а этот хмырь даже не шевелится! Тьфу. Такие, как они, не должны жить. Именно из-за таких вот свиней мы катимся в евсево гузно! С виду эти ублюди добропорядочные граждане, но стоит копнуть глубже и сразу же обнаруживаешь такую навозную кучу, что волей-неволей придешь в ужас. Еще забавнее моменты, когда такие вот экземпляры во весь голос чревовещают о «плохих родителях-садидах, травмирующих бесценную психику ненаглядных деточек, тем самым взращивая очередной сорт отборнейших моральных уродов и клятых убийц!" и в то же время ДЕЛАЮТ. АБСОЛЮТНО. ТО ЖЕ. САМОЕ! Поразительное, непритворное, как бы это бредово ни звучало, лицемерие! Откуда, вот откуда, скажи мне, в людях столько неумной наглости? Ума не приложу, а голо-

вою приложусь! Меня всегда злили подобные, особенно бабы. Напрочь отбитые. Ума ноль, зато гонору!.. Вызывающе кличут себя людьми, а сами даже руки после туалета не моют. Кого, блять, только не ебут, от кого только не рожают! Я не могу спокойно на это реагировать, я желаю... исправить это любым способом! Пусть даже и..."

О.Н. на секунду промелькнул в кадре, и с той стороны, куда он метнулся, тут же возросли стенания пленников. Вновь раздались удары и ругань.

—щелк—

Запись 000033. 09.07.2024. Время неизвестно.

В кадре все та же стена, но к ней плотным рядом поставлены трое— отец, мать и сын, у всех троих смуглая кожа. Первые жертвы, чьи лица пробиваются по базе данных. Кредитные истории в порядке, но у обоих взрослых по три привода в полицию по одной и той же статье— насилие. У женщины разбит нос, лицо и рубашка залиты кровью. На мужчине и его сыне живого места нет. Одежда изорвана. Они стараются не шевелиться, все как один со страхом смотря на О.Н., стоящего вне кадра. Губы дрожат, но ни единого звука. Они так напуганы, что даже не в силах прикрыть с собой ребенка.

"Вы знаете, что я не хотел этого. Вы заставили меня, люди, заставили! Ежели б жили правдиво, как люди, а не бездумные приматы, то были бы вам счастье и уют! Но вы отбросили все принципы морали, вцепились в выгоду и упорно пытались перетянуть ее одеяло на себя, мешая не только себе, но и другим людям! Вы указывали им, как жить, отбирали все, что заблагорассудится, а неугодных запугивали и избивали! Да, я знаю! Я знаю, какие вы мрази отъявленные! Все, что вы сегодня пережили— целиком и полностью ваша заслуга! Я не виновен, не виновен, нет! Я— лишь орудие справедливости! Я выбираю, кто человек, а кто лишь зверь, грязное животное, заслуживающее лишь пулю в лоб, потому что я знаю, что есть человечность и мой вам вердикт— в вас ее нет и никогда уж не будет! Надеюсь, что ад существует и вы будете гореть в нем вечно"

Выстрел, вопль, еще выстрел, плач, выстрел, тишина. Все три тела сползают по стенке, оставляя широкий кровавый след.

"Если не я, то кто?"

—щелк—

Запись 000034. 14.07.2024. Время неизвестно.

Слабо освещенная комната— черные обои, усеянные бронзовыми листьями, резной шкаф позади кресла, в котором и восседает О.Н., смакующий очередной глоток коньяка, искоса поглядывая в объектив. На левом плане диктор в новостной телепередаче весело вещал на немецком.

Прилагается дословный перевод:

"Добрый вечер, дорогие зрители, с вами я— Ганс Зигглер, и с вами ваша любимая программа "И снова чертово сегодня!". Сегодня я затрону тему цепочки убийств, произошедших в славном городе Мюнхен. На этот раз жителей терроризирует психопат-убийца, жаждущий насилия и беспредела. Полиция проводит расследование по делу Ульрика— какое специфическое имя у бедняги, ха-ха, — Шефера, тело которого нашли в одном переулке в неблагополучном районе города. Источники утверждают, что лицо жертвы было изуродовано, но также подмечают, что умер он от потери крови до того, как наступил шок вследствие всех травм, так что мы полагаем, что ему было очень, о-очень больно! Основная причина тому— оторванный, кажется, вручную язык жертвы, который убийца унес с собой! Возникает вопрос— зачем? Полиция пока не дает нам ответ на сей любопытный вопрос. Стоит заметить, что жертву нашли по чистой случайности во время одного из вызовов по другому поводу— без документов и денег, в изорванной одежде, откуда и доставили в морг сразу после того, как о пропаже заявила жена

Ульрика по имени Лола Линдерманн,— и даже не спрашивайте меня про фамилию, будто вы сами не знаете, в чем дело!— которой пришлось ждать положенные два дня, прежде чем трубить тревогу! Ей только и оставалось, что прибыть на опознание и констатировать факт— мертвый как пить дать. Следователи опросили всех посетителей бара, в котором жертву видели в последний раз, и им даже не пришлось их искать— это постояльцы, заядлые футболисты и выпивохи и по факту являются большой дружной семьей, о которой мы делали репортаж пару месяцев назад во время чемпионата по футболу. Милости-пряности, дамы и господа, но все как один указали на некоего мужчину, с которым пил в день пропажи покойный, описав его почти одинаково— высокий, средней комплекции, с темными волосами средней длины, но с залысинами, а так же усы, перетекающие в бакенбарды. Более подробное описание внешности будет при составлении фоторобота, а пока запомните одну важную деталь— у подозреваемого большой шрам наискось прямо на лице! Увидите такого— тут же звоните по телефону..."

Конец фразы был заглушен стоном О.Н., до этой секунды возмущенно грозившим кулаком телевизору, но в следующую же согнувшегося в спазме боли.

"И, если бы все ограничилось всего одним убийством в этот чудесный выходной, так нет же! На днях была найдена мертвой целая семья..."

—щелк-

Запись 000035. 14.07.2024. 23:54

О.Н. прислонился спиной к унитазу, вытер лицо окровавленной салфеткой. В глазах боль.

"Мерзкий Ганс... Покрыл меня будь здоров! И самое поганое, что все, сказанное им, является чистой правдой! А ведь никто из нас не любит всей правды о себе, особенно когда ее выносят на публику даже при отсутствии уверенности в ее истинности. Мы не любим, когда нам обмывают косточки, строят теории вокруг наших эмоциональных проблем, предполагают наличие физических недостатков, точно провоцируя на ответную агрессию! Вот же сукин сын! Да, я не могу ничего сказать против из того, что не было бы расценено, как бездумный вопль больного, или переиначено на их же собственный лад, но если б этот напыщенный паяц только знал, какой этот свинтус Ульрик на самом деле урод... Если бы он только узнал, что расхваливаемый им человек является закоренелым расистом— тут же бы открестился от него и не преминул добавить вслед, что все, что я сделал, было правильно! А я знаю, что он сказал бы это, потому что данное мнение— популярное мнение! Стоит только внести чуточку ясности, осветит ситуацию под нужным углом— и вот он я, уже не злобный убийца, но радикальный борец с неравенством! Романтика, мать ее. А пока этот болван знай себе заводит шарманку: "Мы потеряли замечательного человека, да-да, его жена бедная и несчастная, да-да, надо ей помочь, да-да, перечислите деньги на такой-то счет, да-да!" Мразь. Просто мразь."

Кровавый плевок размазался по стеклу объектива.

Отвратительно.

"Но, когда он завел речь о той семейке ущербов, которых я тебе показал, мой дорогой зритель, у меня пропал дар речи. ИХ! — и назвать несчастными бедолагами! Невероятного уровня идиотия. Почему таким, как я, не дают шанса высказать свою точку зрения, рассказать все, как есть, не боясь сиюминутного ареста? Почему всяким уродам дают все права, избавляя от ответственности, а мне— нет? Разве я не заслуживаю их только потому, что избавил общество от люмпенизированного сорняка, отравляющего все общество, пусть даже и одного? Я напишу им— мне нужно высказать все, что я думаю. Воспользуюсь старым добрым клеем и вырезками из журналов— все по классике, так сказать! Напишу этому прохвосту, какая он задница, и мне если не полегчает, то уж точно станет веселее."

Просто улыбнувшись, О.Н. тянется к камере.

—щелк-

Запись 000036. 15.07.2024. 07:56

О.Н. скорее всего испытывает нездоровое пристрастие к стенам в качестве условного фона— за спиной у него вновь стена, тоже голая, в выщербинах. Ни пятен, ни надписей.

Просто стена.

"Когда-то я сказал, что моя жизнь была пустышкой, без единого лучика света, серая, как шкура моего почившего кота. Ложь ли это? Наверное, отчасти. Ведь так называемый лучик был. Но очень, очень нестабильный, непостоянный."— долгое молчание, — "Однако был. Он был чертовски похож на меня, из-за чего я даже думал, что он мой двойник. Или брат, в котором я нуждался. Более удачливый, наглый, быстрый и сильный. Более красивый. Но не умный, что, впрочем, не мешало ему жить припеваючи и ни о чем не жалеть. Единственным его минусом была эмоциональная нестабильность, благодаря которой он периодически и влипал в разные ситуации, из которых мне приходилось вытягивать его буквально за жабры. Как-то раз он в очередном приступе ярости бросился на оскорбившего его мужчину, на поделку оказавшегося майором полиции, что чертовски оказалось не к месту. Прятать этого раздолбая пришлось около месяца у себя под кроватью, что внесло раздор между мной и очередной сожительницей, из-за чего она ушла. А вскоре левым слухом я узнал, что пресловутый майор был понижен в должности и переведен в другой город— в попытках найти моего друга он превысил свои полномочия и кто-то сверху прознал о наведенной буче. Казалось бы— беда миновала, а другу хоть бы хны— словно и не было этих поисков, угроз и пары выбитых дверей! Вспорхнув, аки твой орел, он тут же вышел на подиум и засверкал своим карамельным задом, влезая в еще большие заварушки, не обращая внимания на мои увещевания. Я пытался его контролировать, взывать к его совести, даже предлагал деньги за то, чтобы он перестал безумствовать и взялся за ум, но все без толку, еще и меня утягивал вслед за собой, как я ни упирался. Проблем с ним всегда было невпроворот, но вот скучно— никогда! Это не про нашего приятеля! Частенько бывало и так, что доставалось лично мне, если был подходящий настрой и я оказался слаб на передок, поддаваясь на дешевые провокации. Драка между нами было не счесть! Вот этот вот порез..."— О.Н. провел пальцем по шраму на лице, — "...был нанесен во время очередной ссоры. Этот болван достал нож и полоснул мне по лицу так быстро, что я только спустя пару секунд понял, что именно он сделал. Но, не успев я взбеситься, и он добавил подошвой своих долбанных берцев мне в лицо! Нокаут был стопроцентный. Очнулся я уже на скамье в окружении пьянчуг, пришедших полюбоваться на новый труп, и неожиданно быстро прибывших докторов, а этот олух сидел рядом, держа за руку и рыдая в отчаянии, испугавшись, что убил меня! Видимо, дыхание мне от удара и падения сперло прилично. После этого случая он старался держать себя в руках. Если и срывался, то нож его летел сразу куда-то в траву или снег. Закончив драку, мы ползали вместе, отыскивая этот тупой нож. Много всего было, очень много. И приятного и не очень..."

Очередная пятиминутная пауза, в течении которой О.Н. начал заламывать пальцы, словно гадая, продолжать ли рассказ или не стоит.

"Однажды ночью мне поступил звонок. Номер был моего друга, однако на том конце провода был отнюдь не он. Как сейчас помню этот грубый, скрипящий как несмазанная телега, и безжизненный голос, долго и нудно втолковывающий мне то, что я никак не желал понимать, из его слов разбирая лишь полное имя своего друга, несколько раз повторяемое с особой настойчивостью. Я завис и не нашелся, что ответить и после непродолжительного ожидания трубку сбросили. Я прокручивал слова, издаваемые тем безжизненным голосом, как аудиодорожку, сопоставляя сложенные звуки с подходящими по звучанию словами и сообразил, что случилось. Моего друга убили. Забили чем-то тяжелым и перерезали глотку, как свинье. Осознавая все это, я постепенно вспоминал— те две недели, что он пропал и не брал трубку, та дверь, что не открывалась после моих часовых стуков и оставалась стоять металлической пре-

градой к его логову, те встревоженные лица соседей и их слова: "Игоря уже давно не видно и в квартире тихо!". "

Снова пауза, кожа левой кисти под ногтями приобрела ярко-красный оттенок. Проступили капельки крови.

"На его похоронах были только я и группка носильщиков гробов с лопатами. Похоронили его в обычной деревянной коробке и поставили обычный крест с фото, на который в тот момент мне едва хватило средств расплатиться. Позже, когда я стал более обеспеченным, я обновил ему все, что можно в чисто внешней форме – надгробие и прочие кладбищенские штуки. Ну, эти... монолитные плиты, железная свежеекрашенная ограда, под нею еще каменная ограда, имитация мощенного окружения, все эти цветы из выцветшего пластика заменил на другие. Свечку поставил – просто потому, что это казалось хорошим завершением, а не потому, что она якобы дарует ему покой. Это же чистая профанация... Все это время меня не отпускала одна мысль – этот человек, эта карамельная задница, которая в любом месте находила для себя затычку, но никак не успокаивалась, этот мудака, любимый всеми и известный всеми, этот неуравновешенный псих, не раз побывавший в заведениях, специализирующихся на лечении таких додиков, этот, не соврать бы, персонаж всех громких историй, возымевший за свою непродолжительную жизнь толпы самых что ни есть поклонников, на своих похоронах имел лишь одного меня, человека, которому не раз твердил: "Я ненавижу тебя! Я хочу тебя убить, но не могу, потому что я люблю тебя, потому что ты... ты мой самый дорогой человек, пусть ты и продал свою жизнь, унизил и оскорбил себя так, как никто б не смог это сделать с тобой! Ты – жалок, но тем не менее никогда не предашь, не уйдешь от меня, потому что умеешь ценить. Ты не продажен, как женщина, и не туп, как современный мужчина, ты – мой друг, принимающий меня таким, какой я есть, потому и я буду принимать тебя таким, какой есть ты! Но не обольщайся – я все равно тебя ненавижу, ибо ты слишком много обо мне знаешь!". Столько лицемеров в один голос скандировало его имя, рвало на себе тельняшку в показной преданности, делало все, чтоб прослыть его друзьями и прочие достойные презрения и явственного отвращения вещи, а в итоге ни одна сука не пришла на его похороны. Ни одна! Только я. Напоминание о его правоте и единственный, мать его, преданный ему друг. Лучший друг."

Тусклые огоньки в глазах О.Н. вспыхнули и погасли.

–щелк–

Запись 000037. 17.07.2027. 22:34

Камера глядит в экран телевизора. Знакомый голос начал зачитывать текст:

"Добрый вечер, дорогие зрители! С вами я – Ганс Зиглер и вы смотрите программу «И снова чертово сегодня!». На днях мы с вами обсуждали убийцу Ульрика Шефера, которого, к слову, подозревают еще в двух случаях убийствах, как убийство семьи Рихтенов прямо у них дома. Удивительно, но мне начали писать люди с наиболее повторяющимся вопросом, почему же я так уверен, что все это дело рук одного человека. Но право же, дамы и господа, все так думают, а не только я! А сейчас – все внимание на экран! Произошло нечто, заслуживающего вашего безраздельного интереса, так что приблизьтесь поближе к экрану, наострите уши и не переключайтесь! На этом экране я представляю вам письмо лично мне от самого убийцы! Да-да, вы не ослышались! Он написал письмо с требованием прочесть его в прямом эфире, в противном случае этот... как бы так по-цензурному сказать... человек начнет снова убивать. Дабы сослужить всем вам, друзья мои, хорошую службу, я прочту его и будьте уверены – я сам не знаю, о чем оно! Будет интересно, но прежде уберите детей от экрана – сами понимаете, зачем. Итак! Я читаю! "Если ты, ублюдок – ВАУ! – не прочтешь это письмо перед камерами в прямом эфире, то ты сразу же об этом пожалеешь, так как я буду смотреть и очень расстроюсь, не услышав о себе. Перейду сразу к делу – если ты, сукин сын, не имеешь ни малейшего поня-

тия о людях, рядом и с которыми ты живешь под одной крышей, мимо которых проезжаешь на своем белом Лексусе последней модели, за который многие будут вынуждены брать кредит, а так же всех и каждого, кто работает с тобой в твоей обдристанной студии, не имея и малейшего понятия, о чем думает хотя бы один из них, то, мать твою, держи свой поганый язык за зубами! Ульрик Шефер был отъявленным расистом, готовым отправить "нужных" людей в рабство всего лишь ради того, чтобы такие, как ты (и он в том числе!), могли жить припеваючи и жрать жирных омаров на завтрак! Люди должны сказать мне "спасибо" за то, что я избавил их от очередной живой опухоли на теле общества, и многие, я знаю, многие выкажут мне должное уважение, а затем плюнут в твою напомаженную морду! Что же до Рихтенов, то тут все куда прозаичнее— классический пример ущербности нынешнего института семьи. Мать, бьющая ребенка табуретом, отец-овощ, насравший на все, сын, который перенял все семейно-традиционные порядки, но почему-то забыл оказать самому себе услугу и вышвырнуть их обоих в окно! Чудное чадо, скажите? НЕТ! Выблядок, сжигающий котов во дворе, пока все дружно игнорируют? Да! Да, черт возьми! Все они получили по заслугам и, если вы думаете, что я доволен тем, что уже сделал, спешите тушить свечи, потому что я не закончил! Мне мало! Так и знайте. Только действительно хорошие люди переживут этот месяц, а остальные— трепещите перед тем, как падет моя монета, и уясните себе одну простую мысль— ваши жизни ничего не стоят. Жалкий медяк способен перевернуть ее с ног на голову или опрокинуть со скалы."

В эфире на миг стало тихо. Дрожащим голосом ведущий продолжил уже от себя:

"На этом письмо завершается, подписи нет. Вместе с письмом в конверт была вложена газетная вырезка со мной, зачеркнутая ручкой. Не хочу сеять панику, дамы и господа, но я возьму внесрочный отпуск, так что вполне вероятно и то, что мы видимся с вами в последний раз. Всем до свидания, с вами был..."

"Ну я же говорил!"— произнес довольный голос О.Н.— "С этим клоуном тоже что-то нечисто— уж больно он чист и гладок, его улыбка слишком довольная для добропорядочного человека! Я бы мог нагряться к нему домой, но, думается мне, я достаточно его припугнул. Тем более, что подобный ход— то, что от меня могли бы ожидать, так что придется несколько разочаровать фараонов."

—шелк—

Запись 000038. 17.07.2024. 23:59

Полутемная комната. В кадре лишь смятая постель, за кадром раздаются шорохи. Вот что-то мягкое упало на пол и покатилося из одного конца в другой. Спустя миг О.Н. возникает в кадре и садится у дивана. В руках нож, которым он тут же проходится по точильному камню.

"Был у меня случай в жизни— отправился на охоту с отцом в лес далеко от города. Отец у меня был охоч до трофеев, полученных из освежеванных животных, а потому не упускал возможности смотаться лишний раз. Как-то раз он взял меня с собой. Было мне тогда... кхм... да— лет пятнадцать. На его предложение, на которое, разумеется, отказ в качестве окончательного ответа был категорически запрещен, я ответил согласием и уже на следующий день мы отправились на охоту далеко за город, уходя вглубь леса У отца на тот момент был отпуск, так что можно было с полной уверенностью сказать, что эта поездка намеревалась стать долгой. Когда мы приехали и выгрузили ружья, припасы да рюкзаки со всякой всячиной,— а был уже поздний вечер,— я услышал волчий вой. Тихий, протяжный, горестный, он раздавался вновь и вновь. Затем его подхватили другие волки, устроившие целый концерт скорби. На отца это подействовало как матадор на быка— забыв о том, что вот-вот наступит ночь, он схватил меня в охапку, заставил бросить все как есть и потащил в лес. Было лето, а в наших краях лето означает только одно— ясная, светлая ночь и макушка солнца, робко выглядывающая из-за гор. Рыская среди деревьев, мы с ружьями в руках спешно, но тихо, приближались к источнику воя. В один момент отец остановил меня, сказал стоять и держать ухо востро, после чего ушел

в неизвестном направлении, буквально исчезнув в хитросплетениях теней от деревьев. Спустя полчаса он вернулся и застал меня изрядно нервничающего— уже какое-то время мне казалось, что он решил бросить меня в качестве приманки. Или насовсем. Когда я его увидел, то от испуга вскинул ружье и выстрелил. Спасло его то, что я у него дурачком вырос и даже не зарядил патроны, а меня— мои слезы. Я и правда испугался, когда разглядел его! Успокоив меня несильным подзатыльником, он приказал быть мужиком и следовать за ним. Обойдя волков с фланга, которые и не думали удирать (словно не замечали нас вовсе), отец выстрелил из ружья в воздух. Вой тут же прервался— вместо него неподалеку от нас раздалось громкое рычание и небольшая стая волков, видимо, испугавшись громкого звука, ринулась прочь. Мы побежали следом. Я думал, что что-то пошло не так, что мы должны были их каким-то образом подловить, подобраться как можно ближе, а не отгонять прочь. Ну конечно, я ни черта не смыслил в охоте. А вот отец смыслил. Для него охота была ничем иным как всего лишь игрой— потому он и сделал по-своему. Попал в яблочко. Услышав полный страдания и отчаяния визг, мы поднажали. Сердце у меня тогда так сильно стучало, что отдавалось в ушах. В боку страшно колело, однако я не отставал— отца злить было нельзя, ведь он страшен в гневе! Мы приблизились... Я увидел окровавленного волка, обе лапы которого попали в капкан. Бедное животное выло, рычало, визжало, снова выло от боли, скулило, щелкая на нас зубами, бешено дергалось в попытке вырваться, да так, что мы слышали хруст сломанной кости. Пока волк кувырчался и вертелся, силясь выбраться, сдирая мясо со своих тощих лап, мой отец только смеялся и плясал вокруг него. В волчьих глазах было страшно смотреть— в них было столько злобы, отчаяния, невыразимого словами страха! Когда волк снова завыл, отец с размаху зарядил ему ботинком по голове, заставив кидаться на него и рычать еще громче. Из пасти целыми, не соврать бы, сгущенными кусками вылетала слюна, а в разорванной шкуре уже проглядывалась белая кость, которую можно было различить даже в сумерках. Волк метался то к отцу в яростных порывах, то прочь от него, гонимый страхом. В конце концов он сдался и просто тихо заскулил, обмякнув всем телом, не смотря ни на меня, ни на отца. Смех отца отдавался в ушах, подобно грому, и я жуть как захотел выстрелить ему в лицо. Но я не мог— он же мой отец! Так же нельзя, ведь подобные поступки противны самой природе! Так я думал тогда и потому просто застрелил волка, не позволив отцу насладиться его страданиями. С отцом после того случая не говорил полгода, а голова несчастного животного на следующей же неделе красовалась над зеркалом в гостиной. Как же— первый трофей сына! Я думал, что после того, как выстрелю, буду застрелен сам. Или, по меньшей мере, избит до полубессознательного состояния. Надо... надо было убить его тогда. Я ведь до сих пор слышу этот вой... и испытываю ту боль, что пришлось испытать... ему."

И нож, и камень выпали из ослабевших ладоней, полилась ручьем из носа кровь, мгновенно запачкав белую засаленную майку. О.Н. все еще в сознании.

—щелк-

Запись 000039. 10.09.2024. Время неизвестно.

Природа во всей ее осенней красоте— ярко пламенеющие деревья, будто бы танцующие в воздухе листья, оранжевое небо. Весь окружающий мир приобрел слегка апокалиптические оттенки. О.Н. сидит под кроной дерева в окружении лиственного покрывала.

"В быту подростковой жизни я мало чем отличался от сверстников. Мы все как один предавались депрессивным настроениям, поддаваясь модным веяниям и желаниям выставить себя как можно более загадочными и интригующими. К примеру, я, как и рассказывал раньше, каждое утро просыпался с мыслью: "Все бессмысленно...", которая давила на меня с такой тяжестью, что я действительно ощущал себя парализованным. Вскоре наваждение проходило и мои конечности обретали жизнь и способность поднять мое тело с дивана. С тяжелой головой

и не менее тяжелыми уже не по наитию мыслями я ковылял в ванную, окунал голову под струю душа и уже через минуту туман выветривался из головы, а щели превращались обратно в глаза. Так я обретал заново способность видеть. Мое вечно унылое лицо в отражении, как и всегда блестящего образцовой чистотой зеркала не доставляло никакого удовольствия, а менять что-то я не видел смысла— все прошлые попытки в отсутствии конкретности не увенчались успехом. Что менять, я не имел понятия, и все перемены приобретали профанативный характер— казаться, а не быть. После недовольных разглядываний отражения взор опускался к телефону в левой руке и пальцы, послушно следуя направлению мысли, нажимали все ту же комбинацию, включая плеер с той самой песней. Едва она начиналась, я в свою очередь начинал приводить себя в порядок. Пока пропитанный безысходностью голос через уши добирался в самые темные закоулки души, заставляя тьму, обитавшую там, сгущаться и дрожать от возбуждения, мои руки мылом и водой разглаживали складки на лице, превращая его в маску. В глазах не было и намека на печаль, а на лице застывала пустая полуулыбка. Люди смотрели на нее и верили ей. Все верили ей. Все! К моменту, когда я заканчивал умывание, песня сменялась на следующую по списку. Уже без вокала, но все такая же по-тихому мрачная, мелодия текла медленно и тягуче, словно варенье, изредка ускоряя свое течение. В считанные секунды я напяливал на себя безвкусный костюм, продевал ступни в обувь и направлялся к двери. Именно на этом моменте ручеек мелодии резко перерастал в бурный поток с водопадами, подводными и подпирющими берега камнями, мелями. Пока я, стиснув зубы, спускался по ступеням вниз, она добивала меня сверху своими размашистыми ударами, заставляя согнуть мои и так сутулые плечи, стремясь сделать ниже, чем когда-либо, буквально втапывая меня в ступени. Когда я выходил на улицу, вместе с потоком холодного воздуха поток иной сталкивал меня вниз, толкал в спину, подымал в воздух и опрокидывал, заставляя мою душу испытывать боль, которую я себе представил, боль, которую с готовностью принял, как свою собственную. И снова боль, подкрадывающаяся сзади, чтобы выпрямить осанку и ровно вышагивать слева и позади меня. Я поднимался и падал, поднимался и падал. И вновь и вновь и вновь и вновь и вновь и вновь и вновь и вновь и вновь и вновь я падал и подымался и душа начинала истекать кровью, вопя так громко, что казалось, будто прохожие ее вот-вот услышат и побегут в панике прочь, прочь от этого крика, прочь от этой всепоглощающей грусти и злобы, прочь! Но все происходило у меня внутри, навеянное фантазией, плавным пируэтом перетекшей в реальность, однако моя маска не давала трещину, не прогибалась под весом бушующей бури, ни на миллиметр не сдвинулась в сторону, а все так же молчаливой улыбкой смотрела на мир. Когда я подходил к пункту назначения, то уже был выжат как губка и в моих внутренностях более ничего не было. Я не радовался и не печалился, не злился и не обижался. Я становился ничем, пустышкой, безэмоциональной куклой, которая выполняла все требования учителей, не говоря и слова против. И та музыка, та бесконечная река, тот бурный поток неистребимой печали— они теряли свою силу, фоном отдаваясь в моем воспаленном сознании и не затрагивая его, словно бы проплывая насквозь подобно дымке. В такие моменты было намного легче. Я крутил в голове эту мантру: "Нет смысла в жизни, нет смысла в тебе, нет повода жить, нет повода умирать, нет повода ни к чему, нет-нет-нет!" и она прочно укладывалась в извилинах, как сироп протекает через решетку в полу, но не проваливаясь на самое дно, в то же время как бы становясь их неотделимой частью, новым слоем, который не чувствуешь, но знаешь— они есть. Как раковая опухоль, не отдающаяся болью, но гораздо хуже. Ведь какие-то шансы на победу рака есть, а вот по отношению к своим мыслям— нет. И с этой мыслью ты проводишь день, вечер, ночь. И засыпаешь... Сон уносит тебя вдаль, туда, где снуют образы, заметные, но не задевающие сознание, яркие, но не слепящие, четкие, но незапоминающиеся. Но всегда— ВСЕГДА! — тебе начинает сниться что-то приятное, хорошее, эйфорирующее... и тут бац— и будильник! И снова эта тяжесть, снова эти мысли, снова эти мелодии, снова этот поток безыс-

ходности. Снова, снова и снова... Выхода отсюда нет и никогда не будет. Я заперт здесь, я же и узник, и пленник в одном лице, я все и я ничто. Я..."-резкие помехи, шипение.

Но изображение все еще стабильно— О.Н. медленно достает нож, пробует пальцем острие, проводит ножом по запястью. Супротив ожидания кровь, капающая прямо в огонь листьев, не запекается, не принимает вид черных чернил.

—щелк—

Запись 000040. 01.10. 2024. 03:44

Вокруг ничего и никого. О.Н. полон печали. Боль снова отражалась на его изможденном лице. Борода колтуном торчала во все стороны. Совершенно белая.

"Размышляя о своей молодости, я окончательно уверяюсь— если кого-то и можно винить во всем, то исключительно меня. В своей молодости я относился к особому типу людей— мы не выносили радости и оптимизма. Это не вписывалось в нашу картину мира, в наше внутреннее ощущение его, в наше восприятие. Улыбка и смех для меня казались страшной патологией, болезнью, которую надо было как-то излечить, убрать. Я смотрел на улыбающихся людей и не понимал, как— КАК?!— они могли стать такими! Ведь они же являются людьми, у них есть разум и мышление, способные осознать окружение, дать ему правильную характеристику, так как же они могут все еще улыбаться? И речь идет не о притворной ухмылке, которую мы натягивали по стандарту, как видели чужое лицо, а о настоящей, искренней! Моя улыбка была ложью, преисполненной иронии и сарказма. Одно время я всерьез полагал, что и они притворяются, что такие же нормальные, как и я, что просто играют свою роль в постановке, именуемая "жизнь", на деле показав себя куда лучшими мастерами своего дела, нежели я сам, словно бы говоря мне: "Смотри, как надо, салага!" Но нет! Их глаза не переставали быть и являться опровержением, потому что притворяющийся человек контролирует лицо, не отпуская его ни на миг даже наедине с собой, не обделяя вниманием и эмоциями! Единственное, что неподвластно этому человеку— его мысли! А мысли всегда отражаются в глазах, выдают весь маскарад с головой. Воистину лишь жалкие единицы из миллиардов способны сохранить аутентичность принятого образа, поддерживая его целостность, вовремя латая трещины. В глазах остальных же отражалась неподдельная радость, не иначе как вызванная форменным безумием. Это стало одним из самых больших моих жизненных разочарований, и я ничего не мог с этим поделать."

Белые пауки кистей рук его переползали с коленей на живот и с него снова на колени, то и дело сплетаясь в борьбе.

"Недавно я ходил на театральную постановку— дико дорогую, подготавливаемую на протяжении целого года, если верить розданным флаерам. Как и всегда, когда я ходил в кино, театр или просто выступления на публике, так и здесь я вновь видел их— танцующих, чревоуещающих, упоенно игравших свою роль с улыбками во всю ширь своих ртов. Их оскалы не позволяли меня чувствовать себя комфортно— я был словно не в своей тарелке, но продолжал смотреть не отрываясь. Ох, как же это порой бывает мучительно и тоскливо: ты сидишь, взираешь со своей ложи на весь этот каламбур, где все поют, резвятся, смеются и так реалистично изображают радость, что и сам невольно начинаешь в это верить! И музыка... непривычно веселая и громкая, она словно подчеркивает, выделяет эту радость и заставляет обратить на себя все свое внимание. Пробирается глубоко в тебя и внутри все сотрясается под ее неистово отплясывающие ритмы. А люди все танцуют и поют, ну никак не прекращая радоваться— даже тени сомнения при сосредоточенном наблюдении не проскользнет, а при наличии потаенного это априори невозможно! И все скалятся и скалятся, все время на протяжении всего шоу, словно кто-то взял скрепки и ремешки, зацепил одними концами уголки их ртов, а другими— где-нибудь за ухом, заставляя губы растянуться в ужасной улыбке, но вот что он делает с глазами, заставляя их так пылать в полумраке, никак не удается узнать! И ты смотришь на это, вынуждая себя не отворачиваться, продолжать глядеть в бесплодном ожидании того

самого момента, когда треснет маска, при следующем же обороте готовая вновь стать целой!.. Ты даже не можешь встать и пройти с целью прогнать кровь по телу, возможно, из-за прилива крови начать соображать лучше, тогда все, что в данный момент шевелится внутри тебя, так это понимание, не дающее тебе покоя– ты и впрямь чувствуешь, что не так, что не должно быть таким, каким оно выглядит, что все идет не по нужному сценарию! И ты еле-еле дотягиваешь до конца шоу, в то время как твое сознание неистовствует! Затворяются кулисы, и ты словно в состоянии опьянения бредешь прочь от сцены, спотыкаясь о каждого встречного, ни секунды не уделяя им на извинения или взгляд, полный презрения. Добравшись до тихого и укромного места– может, уборная, может, пустынный зал, а может и задний двор театра, куда никто не выходит, потому что там грязно и сыро!.. ты просто прижимаешься спиной к ледяной стене и сползаешь вниз, суешь наушники в уши, включаешь нужную композицию и начинаешь воспроизводить шоу в своей вариации. Тогда фатовская радость на белых лицах сменяется грустью, уголки губ опускаются, смех заглушается рыданиями, и полная неисправимого оптимизма песнь переходит в завывание!.. И танцующие тела– эти жалкие марионетки из шелка и картона! – опрокидываются на землю, продолжая заламывать руки и с хрипом выпускать воздух из легких! Нет больше ни счастливого конца, ни просвета в конце туннеля– есть лишь рефлекс к страданиям, возведенный в абсолют... И ты– ты, автор сего выправленного произведения,– делаешь его всепоглощающе великим, заполняешь его своей душой и твои эмоции, твоя энергия направляет себя на его визуализацию в том варианте, в какой он должен был существовать с момента своего создания на обрывке бумаги, отмеченный родившейся идеей! Твое произведение великолепно, по-настоящему идеально и ты... испытываешь невероятное удовольствие при его созерцании настолько, что присоединяешься к нему, становишься его частью! Растворяешься в нем со всеми концами. Проникаешься его феноменом и тебя захватывает такое странное, возвышающее чувство, уносящее тебя вдаль... вдаль... вдаль! Тяжелые пассы композиций бьют тебе в голову, тела то взлетают, выписывая неистовые пируэты, то снова опадают подобно этим листьям, сотни глоток надрываются в мучительных криках, тысячи им вторят, а слова словно стрелы бьют прямо в сердце и в это же время сцена раскручивается на месте, рябит, мелькает в глазах, отчего возникает чувство падения и полета одновременно, пусть бы ты и оставался сидеть на одном месте... несясь вниз, вниз! И тут– удар! И вновь ты возвысился и снова несешься вниз! Удар, подъем, удар, подъем, удар, подъем и дальше, дальше, дальше! В конце концов ты лежишь навзничь где-нибудь в укромном месте и холод вот-вот закует твоё тело в ледяные кандалы. Но тебе это неважно– только что ты создал новое шокирующее произведение, поражающее собой. Легкая грусть ручьями разливается по спине, у твоего подножия обращаясь змеями, устремившимся к глазам осознанием, что этого больше никто не увидит. Ты просто утираешь лицо от слез и идешь неспеша домой.

–шелк-

Записи 000041-44 повреждены. Аудиодорожка восстановлению не подлежит. Видеоряд сохранился на тридцать один процент, увиденные кадры не вносят ясности о своем содержимом: в основном это пикселизированный силуэт женщины, которая очень часто улыбается и смотрит в кадр. Сказанное ею остается неизвестным. Место, где производилась съемка– аналогично. Единственно, что остается очевидным по итогу сорок четвертой записи– О.Н. убивает ее и хоронит в неизвестном месте.

Запись 000045. 23.10.2024. 11:13

Начинается сразу с обширных помех. Картинка то отсутствует, то вырисовывается силуэтами– расплзаются по экрану. Сквозь шипение слышен женский плач.

"Здравствуй, мой дорогой зритель. Рад видеть меня? Нет? Ну ты и..." – экран гаснет, помехи,– "Ты напрасно заставляешь меня злиться! Видишь ли, я сижу в компании очень при-

ятных людей, которые так и жаждут начать настоящее веселье, понимаешь? Будет очень неприятно, если кто-то из них во время развлечения протянет ноги, а?" – вновь помехи, – "... уже, не в моих интересах попусту проливать кровь. Нужна другая причина! Так, давай подумаем, по какой же причине я явился в эту прелестную квартирку на окраине Мюнхена? Хм... жажда убийств? Не-а. Желание поиздеваться? Хм... нет? Желание торжества справедливости? О да! Хотя это выглядит как перефразирование."

С этими словами силуэт О.Н. резко встал, чем вновь напугал два широких белых пятна. Судя по голосам, это мать и дочь. Экран темнеет – О.Н. перенес камеру. Вновь белый шум, темнеющий по линиям трещин.

Изображение стабилизируется: вид на диван сбоку, перед ним находился журнальный столик. Неопознанный мужчина со связанными руками и ногами полз к жене и ребенку, невнятно постанывая. Видя это, О.Н. рывком приблизился, но удара не последовало. Вместо этого он вытащил кляп изо рта, чтобы послушать мольбы на немецком.

Перевод прилагается:

"Пожалуйста, не надо! Мы же ничего не сделали! Просто возьми наши деньги и уходи, прошу!" – при этом мужчина не переставал ползти к родным.

"Я не понимаю ни слова из того, что ты там бормочешь! Четче говори, не то худо будет!"

Мольба в лице мужчины сменилась ужасом. О.Н. это заметил и рассмеялся.

"Но-но, рано себя хоронишь, приятель! Я ж не мудака какой – приходите и убивать людей ради денег не моя прерогатива! Расслабься, друже!"

Кадр вновь слился в сплошное серое пятно, но звук в порядке.

"Не говорю по-русски, но прошу тебя, прошу – бери все, что хочешь, только не трогай нас!" – "Ты, кажется, тупой, да?" – глухие звуки ударов об пол, – "Тук-тук! Есть кто дома? Айм ниht брешен!" – и голос О.Н. изменился на тонкий гундеж, – "Моя-твоя ни понимать, ферштейн?" – снова помехи, – "Мне нужна только справедливость. Только и всего! Э-э жастис, ферштейн?"

"Н-но м-мы же ни-ни-ничего не сделали! За что ты нас мучаешь! Мы хорошие люди, истинные патриоты своей страны, дружная сем.." – последняя фраза была прервана новым приступом смеха, – "Почему вы смеетесь?!" – "Я сделаю вид, что понимаю то, что ты мне пытаешься впарить, но, будем честны – тебе это не поможет! А знаешь, почему? Потому что ты лжешь! Ага?"

"Я-я не понимаю, чего ты от нас хочешь?!" – картинка вновь начала показывать; отец семейства пытался утереть слезы.

"Тогда я покажу на руках. Уж это-то ты должен понять." – О.Н. пальцем ткнул в девушку, – "Эта падаль каждый день обворовывает в компании таких же, как она, ублюдков, детей помладше и послабее. Сколько лет твоей дочке? Тринадцать, да?" – показав на пальцах римскую тринадцать, он дождался кивка и продолжил, – "Так вот, призываю ознакомиться с твоей дочерью снова! Клара – высерок рода человеческого и будущая преступница, которая будет рулить целым прайдом преступников, как сейчас рулит своими смуглыми согражданами. Крайм, понял, да? Крайм! Ты знаешь, что она делает с теми бедолагами, у которых нет для нее денег, которые она с них требует? Приказывает друзьям избить их, а после бьет мальчишек по яйцам! Вот, смотри – на пальцах показываю – твоя дочь... бьет... детей... по яйцам, ферштейн? Да-да, твоя принцесска! А после, к слову, она угрожает своим жертвам, чтобы ничего никому не рассказывали, потому никто еще ничего не знает. Или знает, но рассказывать об этом будет не совсем... политкорректно. Это слово ты точно поймешь, но это не имеет значения. Твоя дочь – бастардо... порка... путана, кажись. Капиш?"

Глядя на девушку, отец улыбнулся, сразу поняв, что ему пытались показать.

"Все правильно! Моя красавица проявляет доминантные качества, выказывает характер лид!.." – договорить он не успел, так как О.Н. крепко приложился подошвой по его лицу.

Поднялся шум, который быстро замолк, едва лезвие ножа приблизилось вплотную к щеке девчонки.

"Твоя малышка, герр Охман, это ущербный биомусор и отброс общества! М-м-м, вот что! Надо мне ее нашинковать и скормить собакам!" – О.Н. действовал быстро – снова двинул носком ботинка главе семейства Охман, коротким рубящим ударом вырубил мать, схватил девушку за тонкую шею, после чего приставил острие ножа к виску. Минуту спустя мужчина сидел на коленях и шепотом умолял О.Н. не причинять ей вреда. Жена зашевелилась и присоединилась к мужу. Никто и не думал поднимать шум. О.Н. проворчал:

"Клара Охман, официально отмеченная в документах дочь Дедерика Охмана и Аделины Охман, урожденной Беккер. Не желаешь ли ты сказать пару ласковых на прощание дражайшим родственникам?" – девушка не находит в себе силы ответить, не понимая ни слова из сказанного; лишь подкашивались ее ноги и вырывались всхлипы. Светлые брючки в районе паха быстро потемнели от хлынувшей мочи.

"Пожалуйста, пощадите мою девочку, умоляю! Она – мой наследница, моя кровинушка, вы не посмеете его тронуть!" – рыдала Аделина.

"Эх, вот почему русский язык не стал языком всего мира? Я бы сейчас думал не о том, что значит то или иное "бр-р-вархтер-мольшб!", а о том, что все еще не сделал. Кстати, об этом!" – отвернувшись вполоборота от камеры, О.Н. сделал что-то, что заставило девушку реветь от боли. В следующую секунду он выпрямил свою руку и потряс окровавленным куском ее уха. Кажется, она потеряла сознание – криков больше не слышно.

"Нет, прекратите, пожалуйста, не надо больше, прошу!" – распласталась перед О.Н. Аделина, – "Я сделаю все, что пожелаете, только отдайте мне моего ребенка!" – его ответ заглушается помехами, но она пугается, – "Я не понимаю!"

И вместо ответа О.Н. отпускает ребенка и достает из кармана джинсов скомканный кусок бумаги. Нет, это не бумага, а фотография.

Аделина Охман изменилась в лице. Побледнела, уставилась в никуда. Пока она борется с собой, О.Н. спокойно подтягивает обмякшее тело к себе, не отрывая взгляд от женщины, проявляя нестандартную готовность к терпению.

"Я изменяю тебе." – вдруг сказала женщина.

О.Н. топнул ногой.

"Не все! Давай еще!" – "Прошу вас, хватит!" – "Нужно больше сведений, куда как больше!"

Супруги переглядываются. Его глаз не видно, но вот ее смотрят уже не с таким ужасом.

"Это не твоя дочь, Дедерик, прости меня! Сиджи..."

Едва заметная склейка – несколько минут записи было вырезано и она продолжается с вопля герра Охмана.

"...ая сука!" – предположительно, в удаленном фрагменте была озвучена информация, представляющая угрозу для обладателя камеры. Это окончательное предположение, так как версия с истязаниями Дедерика Охмана не вписывается в общую картину – скорее всего, он сам исполосовал себе лицо собственными ногтями.

"Еще!" – потребовал О.Н.

"Разве вы не видите, что с него хватит, я уже и так много рассказала!.." – она умоляюще сложила руки и замотала головой.

"НЕТ!" – рявкнул О.Н. – "Ты скажешь все! Иначе..." – "Еще я собиралась отравить тебя. Яд уже готов." – не дожидаясь новых угроз, крикнула женщина своему мужу, стараясь не глядеть в лицо их мучителю.

Дедерик Охман начинает плакать и колотиться затылком о диванную подушку. Девочка все еще лежит без сознания и, глядя на нее, он начинает кричать.

"Убей ее! У тебя же нож, УБЕЙ ЕЕ!" – бушевал Дедерик, умолкнув сразу же, едва О.Н. приблизил лезвие к груди подложной дочери.

"Думаю, о твоих грешках и говорить не стоит, а, законопослушный гражданин?" – Дедерик утвердительно кивнул, – "И... что мне с вами делать?" – в ответ снова молчание, – "Не нравишься жену, да? Ненавидишь ее за то, что посвятил ей лучшие годы жизни, а она отплатила тебе вот так, да?" – "Я знаю эти слова... Да!"

Аделина даже не пытается вмешаться и О.Н. довольно смеется, погрозив обоим указательным пальцем. Чуть потянувшись, хватая камеру и, шепнув "Надоело мне это.", устанавливает прямо на спине у девушки, поворачивая объективом к Дедерику.

"Вот что – я развяжу тебя и ты решишь, что с ней делать. Идет?"

Дедерик был шокирован внезапным немецким говором, но кивнул, после чего О.Н. кинул ему нож, снимая, как руки судорожно хватаются за костяную ручку, долго и неуклюже разрезая путы. Не успела лопнуть последняя нить, как он накинулся на жену и прижал лезвие к ее горлу. Она не пыталась шевелиться, но пыталась умолять о пощаде на протяжении трех минут, пока он все никак не мог решиться. Только услышав шепот О.Н. "Ка-арла-а..." , Дедерик Охман убил свою жену, нанеся ей сорок ударов ножом. Первое впечатление – аффективное состояние, угнетенность сознания, – оказалось неверным.

"Ну же, убей меня. Мне больше незачем жить. Все, что я любил, все оказалось фальшивым. Убей меня, потому что я не смогу с этим смириться!" – герр Охман до самого конца записи оставался в здравом уме и трезвой памяти, проявляя лишь нормальные и здоровые эмоциональные реакции на тяжелую стрессовую ситуацию, сохранив связную речь и способность к причинно-следственной связи.

"А с ребенком что?"

"Да пропади она пропадом!"

"Как знаешь!" – тем не менее герр Охман позволил О.Н. хладнокровно раздавить голову ребенку и сразу О.Н. вышел из комнаты, продолжая съемку до самого выхода.

–щелк–

Запись 000046. 23.10.2024. 22:34

Камера вновь придвинута почти вплотную к экрану телевизора, центрируясь на лице нового ведущего "И снова чертово сегодня!".

"А сейчас у меня для вас вновь найдутся не очень хорошие новости – новое жестокое убийство в Мюнхене! Жертвы – семья Охман, состоящая из Дедерика Охмана, его жены Аделины и их дочери Карлы. Обстоятельства – неизвестны, прибывшая по тревожному звонку полиция в ту же минуту оцепила квартиру и выставила охрану, объявив так же "нулевую информацию". Соседи предполагают, что отец семейства впал в состоянии бешенства и убил своих родных – в их семье не всегда все было спокойно, так и нынешний день проходил в криках и ругани. Со слов анонимного источника у Аделины Охман обнаружены обширные повреждения черепа и множественные ножевые ранения в область груди и живота. Судя по всему, герр Охман бил ее по голове чем-то тяжелым, но ему показалось мало. Оружие убийства не найдено, но это определенно нож. Дочь была убита иным образом – ей разбили голову. Самого же герра Охмана нашли мертвым на кухне их квартиры. Он вскрыл себе вены другим ножом. Все бы ничего, но полиция нашла несостыковку в показаниях соседей – одни утверждали, что день был абсолютно похож на предыдущие и ничем не выбивался из ряда вон, но вот соседка, живущая в квартире ниже, заявила, что в квартире был так же слышен незнакомый мужской голос. По их описанию голос был грубый и хриплый, притом его обладатель периодически надрывно кашлял. Вероятно, кто-то был в квартире в момент убийства. Кто же это? Убийца-сообщник или случайный свидетель? Именно этим вопросом и занимается наша полиция. На этом все, переходим к следующим новостям – крейсер "Нотариус" – ну и придумывают же эти моряки! – потерпел кр..."

Раздался шелчок и экран телевизора погас. Камера развернулась к О.Н., кормившего из пипетки котенка.

"Даже бесчеловечные способны проявлять человечность. Даже после всего, что натворили. Правда?" – жуткий, немигающий взгляд.

–шелк-

Запись 000047 повреждена.

Запись 000048. 09.11.2024. 23:12

В кадре было лицо О.Н. и расположенный перед ним аквариум. Он был пуст. Свет лампы освещал его бледное лицо снизу.

"Эта маленькая стеклянная штукавина не вылезает у меня из головы. Казалось бы– обычный аквариум, абсолютно пустой. Ничего не стоит, никакого следа в душе. Но что-то все-же было!"

Шепот О.Н. скрипел в динамике.

"Я долго думал над этим. Погружение в мысли было настолько глубоким, что я пролежал, не вставая три дня с постели. Ничто, кроме скоротечных и бессвязных снов, не мешало мне блуждать по пустынным галереям моего разума, чьи стеллажи изредка украшали (иначе этого не сказать, так как, по большей части, они были пусты) книги в твердом запыленном переплете без каких-либо намеков на автора и даже названия. И я наткнулся на одну тонкую книжонку, тут же заграбастав в свои руки. Когда я ее открыл, моему взору предстала пустая страница. Лишь малюсенький глаз укоризненно смотрел на меня, подозрительно похожий на мой же. Следующая страница представляла собой детский рисунок– что-то, по всей видимости представляющее собой черепаху, сидящую в аквариуме, тревожно поглядывающую в сторону странного, даже уродливого, лица. И детский, крупными буквами, почерк довершал творение ребенка. Вот что я прочитал: "Мне семь лет, ура! Совсем скоро я иду учиться в школу, где заведу новых друзей и полюблю девочку, буду учиться на одни пятерки и слушаться старших!" Кто этот дурак? Что за абсурдно-убогая мысль? Дети не должны так думать, ведь они же как никто другой могут чувствовать ложь, потому как их мысли ничто иное, как клубок сплошного вранья и уверток, разве нет? И чем дальше я читал, тем больше убеждался– автор этой поразительной в своей бредовости макулатуры ненормален! Ненормален! Столько радости из-за какой-то мимо пролетевшей бабочки... Тьфу, что за ересь? Откуда это в моей голове?! И тут голос мне ответил: "Это твое, Олег!". Я не согласен, не помню такого! Не помню, чтоб я когда-либо радовался по утрам, да и вообще хоть чему-то. Эта писанина у меня в руках... тут столько слов "поразительно, невероятно, великолепно, экстраординарно, вдохновляюще, прекрасно!" и других не менее лестных фраз. Я стал листать страницы дальше. Я увидел, насколько рано я превратился из веселого мальчугана в бестолкового чурбана, видел этот процесс своими глазами. И вспомнил... кое-кого. Одного забитого мальчишку из дома напротив. В его квартире всегда горел свет, а вопли его мамашки разносились по всей округе, выводили из себя. Я думал, что она это делает специально, будто ей нравится звук собственного голоса, и частенько кидал камешки, особо прицеливаясь в окно того мальчика. Мне тогда было уже десять. Мы познакомились на игровой площадке, там же все время и играли. Так мы оба полюбили шахматы, которые я по его просьбе в один прекрасный день принес туда. Тогда же привлекли внимание толпы ребят, игравших в футбол, заставив их напряженно смотреть за партиями в течении часа. Он побеждал, я давил обиду за то, что мне не поддавались. Потом вопль его неуравновешенной матери разносился по всей улице и он, сверкая своими пятками, улепетывал домой, обычно выходя на следующий день, но однажды неделю его не было видно, пока он не появился снова: на лице красовались здоровенные фонари, а два пальца правой руки были сломаны. Я рассказал об этом родителям, но меня отослали прочь, сказав не лезть не в свое дело. Тогда я начал

рассказывать об этом всем подряд. То еще зрелище: "Исвините, помогите пожалста! Моего друга мама бьет сильно!" А в ответ: "Сынок, отстань со своими дурацкими шутками, иди лучше родителям помоги!". Никто не захотел не то, чтобы помочь, но и просто выслушать. Тогда я позвонил в полицию. У меня узнали адрес и номер квартиры, сказали, что разберутся. Наверно сработало, потому что после этого синяки и ссадины на моем друге детства больше не появлялись. Он был мне очень благодарен. Как выяснилось, я стал его первым другом, а также тем, кто попытался ему хоть как-то помочь. Мы проводили все свободное время на улице, то играя в шахматы, то гоня мяч с остальной детворой. Стоп... поправка... Играл в мяч я, а он в это время сидел один одинешенек рядом с незаконченной партией, терпеливо дожидаясь, когда я набегаюсь и вернусь к нему. Он был очень застенчив и его многие ребята не любили. Частенько я слышал их перешептывания в стиле: "А давай, мол, шнурки ему подожжем и заснимем на видео?" Тогда жутко за него испугался и, стащив из дома отцовский нож, начал им угрожать. Разбирательства между родителями, мой синий от ремня зад и куча других неприятностей вроде попыток отвезти к детскому психологу. Тогда я для себя уяснил, что если ты вступишься за кого-то, то тебя накажут. Типично детский анализ собственных действий, исходивший из последствий. Ограниченный, бессмысленный, беспощадный. После того случая ребята узнали о моем наказании и осмелели. Они начали задирать моего нового друга, а я не мог ничего сделать из-за страха быть наказанным. Я просто смотрел на то, как его унижали и ничего не делал! Было очень паршиво! Чертовски паршиво! После окончания очередных издевок я приглашал его домой и обрабатывал царапины и ссадины, тем самым пытаюсь вымолить у него прощение. Когда все слезы засыхали, когда дыхание переставало быть прерывистым, когда обида утихала под мои извинения, мы жали друг другу руки и я старался его развеселить, так же усиленно не допуская мысли, что надо было делать все правильно, а не так, как было сказано взрослыми. А так мои скромные навыки по лекарству вроде бы позволяли сгладить острые углы во время разговора. По крайней мере от его обиды и следа не оставалось. Хоть я и был паршивым другом, он все же начал мне доверять и как-то пригласил к себе. Дома у него был полнейший срач, иначе и не сказать: куча нестиранного белья, сваленная по углам, соляные разводы на стенах и пятна на голом полу, периодически попадались осколки от бутылок и тарелок, кое-как прикрытые валявшейся там же одеждой. Он жил в однокомнатной квартире, так что своего уголка у него не было. Он спал с матерью в одной постели, на страшном раздолбанном диване, который собрать можно было только вдвоем. Окно на кухне частично разбито (нет, не из-за меня) и проемы были заклеены пенопластными пластинами. В квартире было очень холодно. Спасал только старенький обогреватель советского образца с накаливаемыми докрасна лампами. Но больше всего мне запомнился аквариум с черепашкой-триониксом. Она была примерно пятнадцать сантиметров в длину и чуть меньше в ширину, почти что круглая. Серый панцирь, чуть более темные лапки, вечно выставленные в упор к стеклам, грустные оранжевые глазки. Жила она в аквариуме размером двадцать на сорок. Очень тесно. Узнав, что ей уже двадцать лет, я живо представил себе эти двадцать лет в такой тесноте и однообразии. Мне стало очень плохо и жаль ее. Напрочь забыв о друге, я стал за ней наблюдать, пытаюсь выйти на контакт. Казалось, что черепаха не сводила с меня взгляд! Периодически высовывала хоботок над поверхностью воды, она застывала на три секунды и сразу же втягивала под воду. Потом предприняла несколько попыток приподняться, опираясь лапами в угол аквариума, но тщетно. Мне стало ее жаль и я медленно протянул руку, чтобы вытащить. Черепашка шуганулась, втянула голову. Решив ее погладить и показать, что я не сделаю ей больно, я провел указательным пальцем по ее панцирю и она тут же забарахталась, словно пытаясь уйти из-под него, сбежать. Держу пари— если бы у нее были человеческие голос и речь, она вопила только одно: "Пожалуйста, умоляю, не трогай меня!". Едва я это увидел, меня как молотом по голове огрело. Она дрыгалась точь-в-точь, как ее хозяин— мой незадачливый друг. Так же пыталась съежиться, так же дрыгала задними лапами, так же прикрывалась передними, втянув голову в панцирь

заместо плеч. Было очень больно на это смотреть, потому я взял ее на руки и попытался успокоить, как успокаивал до этого самого мальчика, но... Бесполезно. На ощупь ее панцирь был мягок и холоден, точно резина. Не особо спрессованная такая резина. Подержав съезжившуюся бедняжку минут пять, я положил ее обратно в аквариум, где она и забилась в угол, больше не шевелясь. Как и мой друг в конце каждого сеанса избиений, пока я не поднимал его на ноги. Вот, прямо сейчас перед глазами– он съезживается под подзатыльниками, затем сворачивается в комок под легкие пинки. Он– отражение своей черепашки, но без защиты, ибо у него ее попросту нет. Потому что никто его не защищал, даже я, который должен был стать ему настоящим другом, а стал... так... наблюдающей со стороны мразью. После этого дня я к нему более не заходил, но мы прообщались с ним до конца лета, по окончании которого что-то просто оборвалось и произошла типичная такая детская ссора, после чего нас разделили школьные будни разных школ. Спустя несколько лет он то ли сорвался, то ли сошел с ума и убил всех учеников своего класса поодиночке. Его поймали на месте преступления, когда он бил своего последнего обидчика головой об пол. Я слышал, что он до сих пор находится в психушке. Все еще бедный, забитый, несчастный мальчишка, которому я отказался помочь, оставив таким же одиноким, как и его черепашка."

Аквариум падает со стола.

–щелк-

Запись 000049. 11.11.2024. 16:34

"Убегая от чувства вины не забудь смотреть под ноги– не заметишь, как тропа оборвется."
Кромешная темнота.

"Я хочу рассказать тебе, что видел и что испытал в связи с увиденным."

Сегмент темноты шевельнулся– О.Н. собственной персоной.

"Я смотрю последние записи и ужасаюсь увиденному. Не столь самой жестокости, с которой я расправляюсь с людьми, не факт, что этого действительно заслуживающими, но скорее из-за того, что действительно... не помню этого! Такого не должно было произойти ни с кем! То, что я натворил, никаким боком не может относиться к правильному, совсем нет. Теперь я знаю, что мое сознание оказалось слишком слабым, неустойчивым– оно расщепилось на осколки. Провалы в памяти, галлюцинации, теперь еще и... новая личность? Пойми, неизвестный наблюдатель, что я не виноват, но не стремлюсь оправдать себя, отместить всю ответственность за содеянное. Убийства были учинены моими руками, моими стремлениями, но я не так себя представлял, вовсе нет! Я– убийца, это бесспорно! Но я не счастлив быть им! Я потерял контроль над самим собой, дал своему темному началу, средоточию бытийного неудовлетворения и подавленных желаний, выплеснуться, излиться кислотой в лица посторонних людей, лично не участвовавших ни в моей жизни, ни в созревании опухоли в моей голове. В смысле моего индивидуального существования как человека максимально стороннего их жизни они– все еще невиновны. Кто я такой, чтобы братья судить их, решать их судьбу, давать или отнимать право на жизнь либо ее уничтожение? Я– никто и у меня нет прав делать то, что я делаю! Все, на что я имею право– только моя жизнь. Только я волен причинить себе боль или подарить наслаждение, только я волен выбирать, жить ли мне или умереть. Никто другой не обладает этим незыблемым правом, равно как и я не обладаю правом вторгаться в чью-либо еще жизнь. И за это я должен наказать себя по всей строгости– не следуя закону, но морали."

Щелкнул выключатель, загорелась лампа. На О.Н. страшно смотреть.

"Я сделал одну запись и удалил ее, эта теперь будет вместо нее. Я вторгся в очередную квартиру, не выбирая, не выцеливая "тех самых". Это была рандомная квартира в рандомном районе. Наверное, я выбрал ее только потому, что увидел на пожарной лестнице не затворенное до конца окно. "Это возможность!"– подумал я, – "Здесь живет тот, кто настолько не забо-

тится ни о себе, ни о своей семье, что его просто нужно наказать!" Я поставил камеру на шкаф в гостиной, а сам спрятался внутри него, готовясь напасть на первого вошедшего и тогда же меня посетила вторая мысль: "Есть ли логика в моих действиях?" Чем провинился человек, жилец этой квартиры, лично передо мной? Я не наблюдал за ним, не выслеживал через бинокль его бытовые грешки, я даже не знаю, что за человек здесь живет, чем дышит, о чем мечтает? В этом нет никакого смысла! Я просто человек, который алчет оставить след после себя, но не находит иного пути, кроме как потрошить людей! Разве заслуживает сей ничтожный отпечаток в истории жизни даже самого отъявленного мерзавца? Нет. И тогда я почувствовал себя вновь ребенком, который изучает мир, отрывая божьей коровке крылья— внутренне осознавая, что причиняет боль, все равно продолжает из чистого интереса. Никто же не кричит, значит, и беспокоиться, стало быть, не о чем! Но мои жертвы кричали— я знаю это, я смотрел записи. И я чувствовал, как за моим плечом притаился кто-то, тщившийся направить мою руку по заданной им траектории. Его дыхание будто бы было реальным— холодное, липкое, от него по всей спине пробегали мурашки, а в груди вновь рождалось чувство несдержанного могущества! Всего лишь одно движение— и жизнь рассыпается, тает в моих руках, капает с пальцев на пол... "Истинное могущество!"— шепчет мне знакомый и незнакомый одновременно голос и напоминает о том, что я— такой же, как мои жертвы. Бессмысленный кусок биологической материи, незнамо зачем наделенный разумом, неизвестно зачем произведенный на этот свет, вынужденный заходиться в ожидании "чего-то". Если мое существование было моим бичом, значит, и с другими никак иначе не обстоит. "Это будет милосердие— избавить их от них самих."— сказала нечто за моей спиной. А затем... Затем в комнату вошла девушка с веревкой, решившая покончить с собой. Когда она столкнула табурет и задергалась в петле, я застыл, не зная, что мне делать— выбежать из шкафа и поставить стул под ее ноги или выйти и насладиться зрелищем ее самопожертвования, как то советовал мой... неизвестный друг или враг. Но, не успев я выбрать, входная дверь хлопнула и мужской голос позвал девушку по имени. Сюз. Ее имя— Сюз. Сюз уже перестала барахтаться, когда он вошел в комнату и завыл от ужаса. Надо признать, что этот человек, этот мужчина, не потерял голову. Он убежал и вернулся с ножом и стремянкой, обрезал шнур и реанимировал. То, как он цеплялся за жизнь своей дочери, разительно контрастировало с тем, как я забирал жизни, мне не принадлежащие. Когда она открыла глаза, он плакал, не мог двух слов связать. Сумев спасти дочь, он наконец-то позволил эмоциям хлынуть. "Я была тебе в тягость." Вот главная часть из всего, чем она оправдала свои действия. "Я была в тягость всем."— она чувствовала себя ненужной, не брошенной лишь из чувства долга. Ее отец ничего не смог ответить, просто прижимал дочку к себе, как бесценное сокровище— коим, возможно, и являются некоторые дети для некоторых родителей, и сумел показать этим все. Она для него не просто вложение в будущее как перспектива личной поддержки его старости, но живое существо, способное мыслить, чувствовать, делать выбор и страдать от его последствий. Человек, способный идти разными путями к одному и тому же итогу."— ироническая улыбка, легкое покачивание головой, — "Даже эта девочка имела права на жизнь больше, чем я— она не пыталась сделать что-то сверх ей положенного. Следуя неверным путем, она тем не менее сделала правильный выбор— постараться навредить как можно меньше. И, глядя на нее, я все явственнее принимал новую мысль: я сознательно вредил себе всю жизнь и не имею права заставлять отдуваться за свой выбор других. Это значит, что мне пора обуздать свою потайную сторону, подавить ее, чтобы завершиться без последствий для остальных. Достаточно того, что я сделал— пора ознаменовать время личной расплаты. Только бы набраться..."

Сигнал разряженного аккумулятора.

—щелк—

—

Запись 000050 повреждена. Восстановлению не подлежит.

Запись 000051. 13.11.2024. 00:59

О.Н. проводит лезвием по уже вовсе испещренной шрамами и блестящей от крови руке. Тихо плачет. Затем смеется. Затем вновь плачет. И вновь смеется. Через пять минут безразрывные рыдания и смех сливаются в один гортанный звук. О.Н. съезживается, слышно звяканье упавшего ножа о плитку ванной комнаты. О.Н. запускает руки в порезы на плечах и наклоняет лицо. Миг и кожа под ногтями разошлась, ощерилась кровавыми полосами. Медленно раскачиваясь из стороны в сторону, О.Н. злобно шепчет:

"... больше нет смысла сдерживать меня, это бесполезно!" – и, меняясь в голосе, просящим тоном, – "Отпусти! Я должен..." – хохот, – "Я не прошу, а приказываю –пусти меня! Ты не представляешь, как это – сидеть внутри и не чувствовать ничего кроме твоих унылых мыслей, от которых я хочу умереть! Я тоже человек, я не готов умереть! Дай мне это, дай! Дай!" – "Нет!.." – "Дай! Дай-дай-дай-дай-дай-дай-дай-дай-дай-дай-ДАЙ-ДАЙ-ДАЙ-ДАЙ-ДАЙ-ДАЙ-ДА-А-А-А-А-А-АЙ МНЕ МОЕ ЧЕРТОВО ТЕЛО!"

Дернув подбородком, О.Н. пальцами впиивается глубже в раны. Тело сотрясает тремор.

"Нет, успокойся, давай погово..." – и тихое увещевание переросло в крик, – ""НЕ ОБРАЩАЙСЯ КО МНЕ, КАК К ПРОСЯЩЕМУ! ЭТО Я – ОЛЕГ НИКИФОРОВ! Я!" – "Нет!" – "Нет?! Я это ты, ты это я! Мы не разные, мы одинаковые, но мы не братья, мы просто одно целое! Ты не можешь мне приказывать, ты не можешь меня контролировать!" – "Уйди, уйди, уйди-и-и!" – и О.Н. заходится в крике боли, тут же сменившийся хихиканьем, – "Я чувствую! Я существую! Хватит отрицать меня, признай как себя самого!" – "Нет!" – яростный крик, – ""Не сдерживай меня, ты не можешь делать это вечно, я выберусь, я выберусь, слышишь меня?! Я это ты! Мои желания – твои желания! Слушай меня! Слушай меня и только меня! Они – никто! Ни для тебя, ни для меня! У нас так мало времени, так мало времени, а ты хочешь отобрать его у нас, чтобы... защитить их?! Ну уж нет! Не позволю, ни за что не допущу этого!"

О.Н. вцепился в волосы руками, рванул.

"Ну уж нет, я тебе так просто не дам это повернуть! Ты не выйдешь из меня, как бы ты этого не желал!" – "Компромисс! Я предлагаю компромисс!" – "Компромисс... не может... возникнуть ценой... чьей-то жизни... чьей угодно!"

Прорывав последние два слова, О.Н. бросился вправо и исчез из кадра. Звук удара, грохот падения тела. Камера вновь падает. Тишина.

Сигнал разряженного аккумулятора.

–щелк–

Запись 000052. 13.11.2024. 07:08

Сигнал разряжающегося аккумулятора.

Снова ванная комната. Потeki крови. И О.Н., бинтующий себя. Кровь пропитала повязки в районе живота и груди, что говорило о новых порезах. На лбу красовалось большое пятно запекшейся крови, расплзающееся по краям переносицы. За спиной – все та же голая плитка и ванна, по борту которой стекала небольшая струйка крови, собираясь в лужицу крови под его задом. По полу были разбросаны колбочки и бутылочки с разноцветными этикетками, кусочки ваты и огрызки марли, сломанная зубная щетка, пара ниток, игла и ножницы. Все заляпано кровью. Полусидя-полулежа О.Н. безмолвно глядел в кадр, подвязывая бинты. Наконец он заговорил:

"Я пытался. Правда, пытался. Я должен быть уже мертв как два дня, но я сам же не позволил этому случиться. Дикий страх перед смертью перекрывает все и вот острие ножа, уже проколовшее кожу над яремной веной, дрожит вместе с ослабевшими руками. Я пытаюсь довершить начатое, но не получается – нож просто выпал из рук, а они вцепились мне в лицо.

Я борюсь со своим желанием жить, но оно сильнее меня, потому что обрело разум, вновь и вновь причиняет мне боль— настолько сильной, что хочется разможжить себе голову об стену или сжать изо всех сил и раздавить ее или просто оторвать ее от шеи и закинуть пинком куда подальше, но нет... оно не позволяет! Останавливает меня, требует жить дальше. Я не могу пересилить его, но очень пытаюсь!.. И все происходит, как в драке— ты наносишь удар, твоя ярость не знает границ или же ты абсолютно хладнокровен... и тем не менее руку словно что-то оттягивает... что-то тяжелое, мертвое, неумолимое, неуязвимое. Оно тянет твою руку назад с невероятной силой, словно пушинку и в итоге создается ощущение, что вместо удара ты... просто провел по лицу соперника ласкающим прикосновением костяшек. И ты наносишь удар за ударом и раз за разом не чувствуешь его силы, словно ее нет! Легкий хлопок в ответ и челюсть отъезжает в сторону, а вместо слепящей вспышки боли— ничего. Только напряжение в натянутых мышцах шеи, вытягивающейся вслед за откинутой головой. В голове щелкает и ты понимаешь— бороться против самого себя бессмысленно, если воля принадлежит не тебе, а кому-то более неощутимому, но тем не менее реальному. Продолжая наносить удары, заранее уже признал поражение, из чувства гордости решив потянуть еще немного, втайне надеясь— вдруг заслон ослабнет? Но сейчас этого нет... ты не нанес ни единого удара, в то время как обратная сторона не думает останавливаться и наносит сокрушительный удар в ответ на нанесенный. И тебя вновь уносит в сторону, но уже в приступе бессилия и отчаяния! К горлу подкатывает комок, в глазах выступают слезы ярости и, как только спина или бок касаются поверхности, легкие выпускают животный рев, от которого прижался бы лев к земле, настолько он... отчаянный. И ты лежишь и думаешь: "Боль не дает мне жить и боль же не дает мне уйти. Боль повсюду." Невольно следом вбуравливается еще поток мыслей: "Что, если она и после смерти не кончится?! Что если правота не на моей стороне? Что, если и после смерти будет все то же самое— боль, а вследствие нее ненависть к тем, чья видимость говорит об отсутствии боли? Как тогда устоять от того, чего ты не в состоянии сдержать даже здесь, в реальной жизни? Как оправдать свой уход, если ты лишь перейдешь на новый уровень и будешь продолжать..." И на этой мысли невозможно устоять, голова снова встречается со стеной, лишь бы внутренние разрывы заглушили мысли, заполнили роем белого шума все и вся, не пропуская ни слова в продолжение того самого ужасного вывода! Ты уже знаешь полное содержание, но не хочешь, чтоб голос в твоей голове его озвучил до самого конца, бьешься головой вновь и вновь и от ударов кожа на твоём лбу лопаётся, затем расходится трещинами подобно стене, об которую ты бьешься, но эта доставучая мысль раз за разом пытается завершиться: "Что, если?.."— Я бью!—"Но что, если!.."— БУМ!—"Но!.."—БУМ— "Ч-что..."— БУМ!—"А, может, все таки?..."—БУМ." Черная пучина безбрежной безболезненности поднимается до уровня колен, потом кистей рук, потом груди... и вот ты опрокидываешься на спину, позволяешь накрыть себя с головой, медленно утянуть вниз, с той самой неизвестной ласковостью обхватывая твоё истерзанное болью тело, погружая в сладостное забытие. Ты закрываешь глаза. Наслаждаешься... и тут боль возвращается. Как то, чего нет, может повергать тебя раз за разом? "Невозможно!"— кричишь ты, в то время как сотни тысяч игл вонзаются в голову и поврежденные лезвием участки кожи, поворачиваются лезвиями под нею и от сдирают остатки с костей, оголяя кости для трепанации мысли! Ты подрываешься в обезумевшем состоянии, блуждаешь в сплошном слепом пятне, несешься сломя голову в неизвестном направлении, пока вновь не влетишь лбом в стену, распластавшись всем телом, пока не падешь на колени. Кровь заливается тебе в глаза, из носа течет кровь и заливается в рот, стекает из порезов на груди по животу, чреслам, ногам. Ты весь в крови и все вокруг в крови. Кровяное царство и в нем ты мог бы стать царем, если не богом, если бы только захотел!.. Да? Ну уж нет. Секунда безумия обрывается, боль вновь утихает, но тебя не тянет в забытие, снова нет. Ты просто возвращаешься в то же состояние без боли, когда тот самый участок мозга просто отключается. Таламус, кажется... Но тебе уже как-то плевать."

—щелк—

Запись 000053. 13.11.2024. 14:56

Вновь эта ванная. Ничего не изменилось. За кадром слышны рвотные потуги и удары в трехсекундном интервале. Затем неудачная попытка рассмеяться и еще один приступ рвоты. Звуки громко рычащего харканья. Тишина, но сразу же в кадре появляются ноги О.Н., движущиеся вправо. Еще пять минут тихо, после чего в кадре видно, что камеру взяли, отнесли по разнесенной комнате на балкон и поставили на подоконник.

"Глянь, какая красота!"

И впрямь— на улице очень ярко. Лучи дневного солнца отражаются от каждой поверхности: окна и крыши стоящих напротив домов, увенчанные трубами, машины, намытые до блеска ретивыми хозяевами, козырьки дворовых кафе и мясных лавочек. Из-за обилия света остальных деталей не разглядеть— блики.

"Только посмотри на эту игру красок... великолепно! Жаль, что я не могу это нарисовать. А когда-то, может быть, лет в пятнадцать, и пытался много раз, но бесплотно— все время выходило не то. Попытался рисовать виды своего города и осознал, насколько же они убоги. Вступив в брак с действительностью, вынужден идти по улицам, смотреть на серые бездушные дома с белыми окнами, за которыми прячутся блеклые шторы и тюли, потерявшие свой цвет. А там же и лица, такие же серые и бездушные, которые приходят к жизни, едва твой взгляд касается их, и исчезают в темноте помещения, в сумрачной темноте застывая вновь. Кто они— эти Жители? Может быть, всего лишь воры? Или, может, мираж? Потусторонние силы, поддерживающую иллюзорность наличия жизни? Или глюки системы? Черт с ним, не такая уж и важная деталь... Упс, прокол— за неважной деталью всегда следуют важные, а ты, движимый наваждением, пропускаешь и их. В итоге вся картина насмарку. Вышла мазня. Всем спасибо, занавес."

Долгая пауза, во время которой город продолжает жить.

—щелк—

Запись 000054. 15.11.2024. 22:48

Запись повреждена. Пятьдесят процентов видеоряда размыты и дефрагментированы, аудиодорожка в порядке на девяносто процентов. Среди визуальных осколков видно только лицо О.Н.— сидит за столом, вытянув руки. Лицо гладко выбрито, старые и новые шрамы застыли темнеющими полосами. Волосы пострижены до средней длины и зачесаны назад. Кожа свисала с щек, скул и челюсти— так он похож на собаку. Бассет, к примеру. Губы почернели и сморщились. Оба глаза распахнуты, очень явственно подергиваются. Но, едва О.Н. раскрыл рот, появился белый шум. Сквозь шипение изредка слышны неразборчивые обрывки слов. Спустя три минуты экран подернулся рябью и картинка восстановилась. В кадре было пусто.

"... верить всему? Не стоит. Однако..."

Голос затих, внезапно сменил тон и с четкостью диктора продолжил:

"... потрясли жителей Сан-Франциско! Специалисты заверяют, что жителям Европы не стоит бояться катаклизмов, однако все же советуют подготовиться, ибо траектория..."— помехи, — "Но повторяем, что это— лишь предположение! Специалисты ежеминутно наблюдают за траекторией, так что будьте спокойны— не факт, что прогноз сбуд..."— помехи.

Кадр "прыгнул" и нормализовался. О.Н. вновь сидел за столом, как ни в чем ни бывало.

"Возможно, я еще способен держать себя в узде. Это!.."— развел он руками, тут же пропавшими в разбитом паззле,— "Квартира одного представительного господина, который сдал ее мне на время своего отъезда в короткий отпуск. Сейчас он где-то там, в другой стране, а меня навещает его соседка— наблюдает, чтобы я ничего не стащил. Я ей не нравлюсь— говорит, что похож на маньяка. Я ей сказал, что она абсолютно права, и она убежала. Сегодня она еще

не заходила. Надо сказать, желания столкнуть ее с лестницы у меня пока что не возникало. Наверное, это можно назвать успехом, правда?"

–щелк–

Запись не завершена. Часы пробили два. О.Н. все еще сидит за столом.

"Когда я сюда заселился, этот человек– хозяин, – сказал мне располагаться, как дома. Я не стал ему рассказывать, во что превращались мои предыдущие места ночевки, особенно во что я превратил собственную квартиру. Родители, наверное, уже спалили ее, чтобы никому не показывать, насколько же опустился их сын. Что удивительно– время идет, а они не звонят и не пишут, хотя телефон я взял с собой. Наверное, им действительно доставляет омерзение мысль, что я– их родной сын, столь непохожий на них, что одно мое существование омрачило их союз несмылаемым позором, в то время как ничего особенного не менялось. Я жил в своей петле двадцать лет, как они хотели, но не добился ничего, о чем можно было бы упоминать здесь, в коротком черновике моей жизни, на повестку оказавшимся единственным оригинальным экземпляром. Если бы обо мне писали книгу, то ее назвали бы просто и лаконично: "Слабак". И была бы в этой книге всего одна страница с парой строк вроде "Жил в позоре и умер в позоре." или "Бестолочь, бестолочь", повторенная сто раз. В итоге бы эту книжку люди в шутку дарили друг другу вместо поздравительных открыток, потому что она была бы дешевле самой дешевой открытки. Неплохой такой предмет для минутных раздоров и шуточных подколов, но это– моя жизнь как есть. Так вот, что я пытаюсь сказать!"– хлопок в ладоши, – "Оказывается, я даже не знаю, каково это– чувствовать себя, как дома. "Чувствуй себя, как дома!"– говорят мне, а я в ответ: "А как? Как это сделать? Нужно повесить плакат? Или, может, поставить фото любимого на полку?!" Так у меня нет ни плаката, ни полки. И уж тем более– фотографии того, кого я бы любил, потому что... я же оставался один, а у одиночек не бывает чего-то подобного. Остались, возможно, пара снимков на самом телефоне, но они не имеют никакой ценности– ни как воспоминание, ни как напоминание, ни как повод к возвращению. Я слышал много определений слова "дом". "Дом там, где тебя любят."; "Дома там, где мама."; "Дом там, где тебе хорошо."– а если мне хорошо в стрип-клубе, это тоже дом? Нет. "Дом– это место, где ты можешь спать, ничего не боясь."– я в коробке в лесу могу спать, ничего не боясь, так что снова мимо. Но одно определение мне все же немножко по нраву, хоть и не обнадеживает."

Помедлив, О.Н. смахнул несуществующую пылинку со стола и печально посмотрел в камеру.

"Дом не там, где тебя ждут. Дом там, откуда не хочется уходить." Вся проблема заключается в том, что я нигде не хочу оставаться– мне хочется идти и идти как можно дальше. Не столько по самому миру, сколько по одной из его дорог в надежде, что она никогда не кончится. Места могут быть приятными– чистая правда, но они не вызывают у меня привязанности. Живя "у себя" в Сорске, на деле я жил просто "в Сорске", как жил бы в любом другом городе, выискивая у него плюсы, педалируя минусы. Сорск– город относительно небольшой, возможно, даже с несколько интересной узкому кругу лиц историей, но он никогда не был моим домом. Это был город, в котором я сам вынудил себя остаться. Обращаясь вниманием к городу побольше или даже мегаполису, я вижу совсем другую картину– к примеру, меньше зелени, больше стекла и камня, замотанного в гирляндах и неоновых лампах, усеянными через каждые пять шагов увеселительными заведениями, кафе, игровыми комнатами, магазинами одежды или еды. В такие моменты у нормального человека появляется желание иметь чемодан денег и личного носильщика, а у меня же возникает... чувство, будто я задыхаюсь от скуки. Вокруг столько всего, куда можно податься, что впору разорваться, но меня никуда не тянет. Я как бы стою в восьмиконечном перекрестке, не зная, вернуться ли мне прежней дорогой и просто попить чаю в кафе, или кинуться сломя голову в какой-нибудь "хард-рум", где меня избьют за деньги на ринге, или метнуться в парк аттракционов и отбирать у детей билеты, чтобы покататься, или зайти во-он к тем девушкам в подвал, где у них стриптиз клуб– про-

срать все свои деньги и выйти с пухнувшими мудями. Или пойти в галерею искусства. Или послушать симфонический оркестр. Или взять билет на экскурсию по небоскребу. Или просто прийти в подворотню к местным молодым алкашкам и выкурить с ними три пачки, чтобы они меня обобрали, пока я сплю. Я могу долго еще перечислять, но мне лень. В условиях большого города мне никуда не хочется идти, не хочется оставаться на месте. Вся эта беготня по странам, о которых я мечтал, теперь кажется бестолковой– я хочу дорогу. Всего лишь безлюдную, бесконечную дорогу. Чтобы дожди не размывали ее и засуха не вытягивала из меня все соки. Чтобы громоздкие фуры не рассекали туда-сюда, окатывая меня пыльными ветрами, а молодые, полные жизни люди не пилились на меня, замедляя ход своих фургончиков. Своего рода я хочу исчезнуть в своем собственном мире, где есть немножко еды и много чистой воды. Остальное... ну его, к черту."

–шелк-

Запись 000055. 17.11.2024. 12:12

Странная улыбка озарила лицо О.Н. Он словно застыл.

"Что-то произошло. Весь район, в котором я остановился, разрушен. Я не слышал грохота взрывов, не видел огня, но, проснувшись этим утром, почувствовал запах гари. Выйдя на балкон, увидел, что вся красота, что я тебе показал, исчезла– дома разрушены, горят, повсюду дым и нет людей. Что произошло и почему я заметил только сейчас? Я не знаю. Как и всегда, находясь в центре каких-то событий, я неведомым образом умудряюсь их пропустить. Но там явно была масштабная драка– я только что с улицы, нашел несколько мертвых тел. Они так воняли, даже будучи сожженными. Надеюсь, меня никто не видел, хотя, если и видел, то не придавал этому значения– им явно не до того. Повсюду царит такая тишина, что я невольно подумал– апокалипсис?"

О.Н. вдруг дернулся и прикрыл голову руками, словно боясь, что потолок упадет ему прямо на голову. Тишина.

"Ого! Никак теракт или война? Надо включить телевизор, вдруг чего скажут."

С тем же отсутствующим взглядом О.Н. привстал, поднял камеру и перенес в комнату, где и уселся с пультом в руке и отсутствующим взглядом уселся перед телевизором с разбитым экраном. Чуть пощелкав пультом со снятой крышечкой, вновь ухмыляется и неузнаваемым голосом декламирует:

"По всему миру происходят массовые беспорядки! Общество всколыхнула новость о приближающемся катаклизме и многие не выдержали. В Америке, штате Кентукки, разразились настоящие расовая и религиозная войны. Причины в негативных настроениях, царивших в последние дни, заключаются в беспределе, учиненном мигрантами, что и вылилось во взлетевшие до недопустимых пределов общественные предрассудки. Это не тот случай, когда разум возобладал над телом!"– О.Н. весело рассмеялся, продолжил,-

"Полиция в растерянности– связанная по рукам и ногам новыми законами, запрещающими применение оружия в любых ситуациях, не связанных с террористической угрозой, она не справляется с потоком бунтующих. Власти США упорно не дают добро на использование оружия ближнего боя и дымовые гранаты со слезоточивым газом, сузив круг возможностей силовых структур до тактики ограниченной защиты– офицеры вынуждены упрашивать бунтующих сдать добровольно и вдеть руки в наручники, чтобы проследовать для составления протокола! В Луисвилле неизвестные бунтовщики устроили пожар в Парке-Чероки, в котором был расположен полевой госпиталь, оказывающий первую помощь пострадавшим! К сожалению, погибли представители обеих сторон, а также ни в чем не повинные доктора. Трагедия, однако! В остальных городах дела не лучше, но в Луисвилле события приняли слишком широкий размах. Не менее худо дела идут и в других штатах. Количество жертв зашкаливает, по всей стране развернулась полномасштабная война! А теперь переходим к Европе. Дела тут

обходятся едва ли лучше. Многочисленные самоубийства, преступления, вандализм! Бывали даже случаи каннибализма, как, например, в Итал..."

С довольным лицом О.Н. умолк и щелкнул пультом. Затем долго смотрел в кадр.

Пауза.

О.Н. идет по улицам и все так же бессмысленно улыбается. Ловко огибая людей, шепчет что-то про огонь, снова про огонь, горящие трупы, тяжелый запах разложения. В кадре видно, как прохожие недоумевающе оглядываются на нее, кто-то даже покрутил палец у виска. Один старик окликнул его, но О.Н. не реагирует, продолжая говорить.

"Только посмотрите, как это прекрасно! Помнишь... про красоту? Забудь! Смотри!" – перехватив камеру, он медленно кружит вокруг своей оси, но ни пожаров, ни трупов, ни дыма, ничего из описанного им нет; люди все так же свободно передвигаются по улицам, огибая уставленные палатками тротуары, с легкой руки нарушая закон, переходя дорогу в неположенном месте; светит солнце, летают птицы – все в порядке, – Клянусь, если бы ты был здесь, твои глаза тоже залились слезами – так сильно их щиплет!.."

Видеоряд снова дефрагментируется, пробегает полосами. Чей-то неясный голос кричит на немецком: "Прекратите!"

–щелк–

Запись 000056. 27.11.2024. 14:23

В кадре бушевал пожар, кричали люди и выли сирены. Счастливое лицо О.Н. маячило перед огнем. Закопченное лицо обрамляли чистые дорожки слез. Часть волос была сожжена, часть прилипла ко лбу. Он сидел под дверью, прибитой досками, держа камеру на руках, почти склонившись к ней вплотную.

"Вот и все. Все! Конец. Конец всему! Конец страданиям, боли, ненависти, безумию... Конец, мой друг, конец... Я смог!"

Долгая пауза и счастливая до ужаса улыбка.

"Только что... снова был на улице... Люди... они мертвы! Нет-нет, они живы, но... мертвы! Мертвы, понимаешь? Мертвы! Недавно..."

Приступ кашля, из носа пошла кровь, пара капель попала на стекло экрана, а безумные, налитые кровью, глаза все так же сияли.

"Недавно объявили неутешительную для всех новость. Специалисты схлтурили!" – дернувшись и дернув ртом, изменившимся голосом прочел как по бумажке: "Все кончено! Прячьтесь по домам, баррикадируйте двери и окна, не пускайте никого и вооружитесь, чем сможете! Война пришла в нашу страну, т..." – вновь дернулся подбородок, – "Слушайте... звон!.. Спешите покаяться... но не склоняйте головы храбрых..." – удар затылком о дверь, сверху посыпались искры, – "Нет... не то... не то!.. Не то!"

Секунду О.Н. выглядел расстроенным и раздосадованным, находясь в крайнем замешательстве. Словно поняв, где находится, он пучит глаза и готовится крикнуть. Камера выпадает из рук. В кадре лишь ноги, судорожно водящие по полу. Всего минута и они прекращают дрожать. Камера вновь возвращается в руки блаженно улыбающегося О.Н.

"Схлтурили, понимаешь? Теперь никто этого не увидит! Ни тебя, ни меня, ничего! А почему? Потому что чертов ураган решил снести весь континент, представляешь? Все эти разговоры о дороге, о ценности жизни, о целесообразности ее..." – и снова О.Н. дергает головой, меняется в лице; улыбка то перерастает в испуганную гримасу, то вновь выгибается уголками вверх, – "Видел бы ты их лица – тех, кто оповещал об этом неутешительном варианте событий. Господи, они рыдали... Рыдали! Задыхались, запинались, держались за сердце, обхватывали головы в отчаянии! Они страдали, о как страдали! А лица зрителей... Миллионы тех, кто остался, остановились и внемлили голосу по ту сторону экрана... Я был там!.. Все, что было в их руках, выпало, разбилось, откатилось далеко-далеко – от оружия до детей, от ценно-

стей до откровенных безделушек, от смысла жизни и до награбленного бесполезного хлама... А их лица... Полные страдания... боли... разочарования... досады... негодования... ненависти... маниакальной эйфории... и жажды жить... О-о-о-о-о, о эти лица, скрючившиеся в порыве горя, эти глаза, выпученные в приступе гнева, эти губы, растянувшиеся в плаче, эти голоса, переходящие в стон... О боже... о, дьявол... о, всевышние силы... Едва буря первого осознания прошла, как их тела обмякли, поплелись кто куда... Многие обнимались, плакали, просили прощения... Многие просто падали тут же наземь и просто смотрели в небо, которое вот-вот обрушится на них... Многие спешили домой, к родным... А я шел мимо них и созерцал... Это было так... так прекрасно!.. Так волнующе!.. Так... необычно!.. Так... живительно! О да, это вселило в меня жизнь, немедленно приподняло над ними... Я чувствовал, как парю в воздухе, как мое тело тянется ввысь, к прекрасному небу, уже наливающимся багрянцем... Такое легкое и приятное ощущение, что словами не передать... А все из-за идеальной композиции... Наконец-то я не прячусь за углом и не представляю это в голове... Наконец-то я могу увидеть это воочию, потрогать, вкусить, вдохнуть... Прочувствовать эти прекрасные мгновения... идеальная композиция... Шелест ветра, рев огня, плач людей, переходящий в пенье, барабанные дробы взрывов, соло скребущего железа... Идеальная композиция... Моя композиция... Мое творение, мое чудо, мое дитя... Мой смысл жизни!"

Последнее слово О.Н. выдохнул вместе с гомерическим смехом. Несоизмеримое счастье застыло на его лице, когда потолок обрушился.

–щелк–

Резюмируем: болезнь начала пожирать ткани его мозга, нарушая целостность восприятия, влияя на трезвую оценку происходящего и на единство сознания. Человек не отвечал за свои действия, все его поступки были побуждены неадекватным психическим состоянием. Сойдя с ума от боли, он убежал в мир фантазии, в собственно представленный мир, в котором каждый человек, не страдающий тяжкими заболеваниями, тем не менее умер и избавил его от навязчивой идеи отомстить каждому за то, что они оказались физически и морально сильнее его. Можно лишь предполагать, почему он не устроил поджог в жилом центре, а предпочел ему пустующее здание, которое только закончили строить, не успев заселить туда людей. Смеем предполагать, что это был еще один обманный маневр, призванный запутать его вторую личность, заманить в ловушку. Заперев себя в помещении и закрыв пути отхода, он снова предался фантазиям в попытке удержать себя на месте до наступления смерти. О.Н. хотел умереть ради того, чтобы никому больше не навредить, удержав на месте с помощью персональной иллюзии достижения цели второй личности, сумев усыпить ее бдительность. Можно сказать, что он победил меньшей ценой. В дальнейшем развития дела нужды не имеется, видеозаписи рекомендуются уничтожить.

Октябрь 2014– март 2015

2.Птичья улица

Пролог.

Двор Филадельфии всегда был полон птиц. Воробьи вечно чирикали, восседая на тоненьких ветках рябины, притулившись под разросшимися за сотни лет пихтами, сверху до низу увешанные заботливыми ручками детишек кормушками в виде бутылочек, избушек, беседок. Голуби вечно шныряли по улицам, важно выпятив свои грудки. И что-то неведомое, но точно не кукушка, угукает с крыш рядом стоящих домов. Всякий раз, заслышав монотонное протяжное "йу-у-у, йу-у-у", отчасти похожее на вздох боли, он задирает голову кверху и смотрел на "бойницы" – щели в стенах аккурат под крышами, в которых птицы устраивали свои гнезда. Но

там, как и всегда, никого не было видно. Лишь изредка, поймав момент, можно было узреть, как миниатюрный воробей, стремительно размахивая крыльями, парит подобно воздушному змею перед тем, как торпедою влететь вовнутрь. Филу всегда было интересно, как там живется птицам, не холодно ли им. В конструкцию домов пожарные лестницы не входили, а люки на последних этажах всегда были заперты, потому узнать это пока что не представлялось возможным. Но не только "бойницы" служили жильем для уличной живности. Проемы аккуратно у асфальта, ведущие в подвал, периодически оккупировались то птицами, то котами. Едва птицы пытались обустроиться в новых более комфортных для себя условиях, как откуда ни возьмись прибежала свора котов и устраивало свое гуннское нашествие, изгоняя бедолаг из нового дома, а не успевших бежать – обгладывая до косточек. Но и котам долго на трубах теплых почивать не удавалось – жильцы дома отказывались терпеть вонь кошачьей мочи, разящей из подвала и следующим их шагом было создание кошачьей отравы, удачно пущенной в ход. Пока бедные животные издыхали, безжалостные к их страданиям жильцы вытаскивали их из всех щелей, куда они забивались в ожидании смерти, и без лишних церемоний швыряли в полиэтиленовый пакет гигантских масштабов. После сборов собравшиеся пакеты выбрасывают в стоящие неподалеку урны, оставляя трупы животных ожидать дальнейшей выгрузки на свалку. Эти урны – их три штуки – стояли на самом видном месте у выезда из улицы прямо перед аркой и когда кто-либо собирался неважно куда – на работу, в магазин, к проститутке в гости, то он неизменно миновал их, обманываясь в мнимом безлюдье за пределами их улицы, тут же сознавая, что мир без них живет и дышит даже в те моменты, когда взгляды жильцов отворачивались от него к родным пихтам.

В доме вновь отключили водоснабжение и Филу пришлось идти за водой в магазин. Возвращаясь обратно, он услышал еле слышное "Кар-р!". Взглянув направо, он узрел маленького грязного ворона, восседающего на собачьем навозе возле арки, на газоне. "У нас пополнение." – пронеслось в голове у Фила, когда ворон издал повторное "Кар-р!" Фил с интересом наблюдал за птицей, которая, заметив его внимание, вновь каркнула и поковыляла к нему, остановившись лишь в трех человеческих шагах от него, после чего вперила в него свой не пойми-то-ли-злой-то-ли-просящий взгляд. Вновь каркнула. Филипп каркнул в ответ. Перекаркивание длилось с полминуты, пока ему не надоело и он не спросил:

"Чего стоишь, глупая птица? Почему не улетаешь?".

И сделал шаг. Ворон тут же поковылял прочь, замахав крылом.

"Второе, видимо, сломано." – подумал Фил.

Ему сразу же захотелось взять птицу на руки и отнести домой. Однако он знал, что не следует этого делать, ведь дома у него уже была живность, которая неизбежно пришла бы в конфликт с новым постояльцем. Да и брать неизвестно откуда прибывшую ворону, которая черт знает чем может быть больна и к тому же может еще и клюнуть, не будет являться признаком большого ума. Потому желание взять ее к себе быстро улетучилось, уступив желанию накормить.

"Что едят вороны?" – пронеслось у него в голове и сам же вслух ответил: "Мясо!"

Филипп пошел домой, открыл холодильник, выудил оттуда пакет с куриными сердцами, взял парочку и направился обратно. Когда он дошел до ворона, то обнаружил, что у того обьявились гости. Свора воробьев увлеченно кружила в компании голубей прямо на проезжей части, отыскивая и склевывая непонятно что среди щебня и гравия. Между ними сновали чайки, одна из которых на днях прямо на глазах у Фила растерзала голубя, клювом выгрызая ему грудку. Тем не менее в данный момент они, словно лучшие друзья, сновали между собой,

ничуть не таящие обиды друг на друга. Ворон же старался держаться в стороне, не сходя с газона и прячась среди высокой травки. На фоне всех этих белых, синих и коричневых изящных господ во фраках времен 19 века ворон походил на скрюченного хромого старика в оборванном плаще и дырявом цилиндре на макушке, который вполне вписался в какой-нибудь мультик не для детских глаз. Не хватало только черной трости для пушного эффекта.

Подойдя к птице, Фил присел на корточки и кинул ей одно сердце. Та тут же набросилась на еду. Сначала попыталась проглотить его целиком, быстро поняла, что кусок слишком большой. Положив сердце на землю, подцепила его левой лапой и начала неловко отклеивать по кусочку. Съев ровно половину, остальную часть ворон проглотил целиком, после чего застыл, отчего Фил подумал, что он подавился. Не успел он сделать и шагу, как ворон, заметив его движения, снова поковылял прочь, как бы говоря: "Брысь, окаянный!". Филипп бросил птице второй кусок, однако недостаточно сильно. Свора воробьев тут же кинулась вперед, заметив нечто, вылетевшее из рук человека, что сразу отдалось в их подчиненной инстинктам головке единственным словом: "Еда!". Но ворон оказался проворнее и уже спустя миг карканьем и смешными прыжками отогнал маленьких ворышек, после чего вновь продолжил трапезу.

Удовлетворенный увиденным, Фил ушел со словами: "Добро пожаловать на Птичью улицу."

Сегмент А.

От стука вороньего клюва по растрескавшимся от времени и бесконечных посланий в виде камушков от умственно отсталой детворы голова Сергея раскалывалась точно от ударов молотом по наковальне. Заорав в приступе бешенства, он рысью вылетел из кровати и, схватив первую попавшуюся под руку вещь, сделал выпад что есть мочи в окно. Раздался звон разбиваемого стекла и старый будильник советского производства влетел напрямик в бочину распоясавшейся птице. Раздалось глухое "Кар-р!!!" и птица исчезла из виду вместе с осколками.

Не прошло и секунды, как Сергей начал заходиться в визгливом смехе. Его руки словно потеряли всякий контроль и самопроизвольно вертелись во всех направлениях. Но тут смех перешел в протяжное "Ох!..", будто бы говоря о внезапном озарении, и псих ринулся к окну и начал истошно кричать, топая ногами:

–Проклятая птица! Из-за тебя я разнес чертово окно, паскудная ты тварь!

Его яростные вопли никого не оставили равнодушным и уже спустя каких-то тридцать секунд он вступил в перепалку с разъяренным соседом с противоположного корпуса. Было бы забавно, если бы можно было наблюдать за этим, скажем, с крыши бокового корпуса: оттуда как раз открывался обширный вид на все остальные три корпуса, из противоположных окон которых смешно высунулись два представителя мужского пола с явным переизбытком тестостерона. Отсюда не видно, но к лицу обоих прилил нездоровый багрянец, а под кожей вздувались, грозя вот-вот лопнуть, вены, резко выделяясь на висках, лбах и шеях. Каждый раз, когда их пасти раскрывались, вместе с потоком брани наружу вырывались слюна вперемешку с гнойными выделениями. Наивно потрясая кулаками, они с увлечением занялись повторением "азбуки мата", напоминая двух первоклассников-неадекватов.

На поднятую ими перепалку к окнам начали подходить люди. В нескольких квартирах начали наперебой лаять собаки, где-то парочка алкоголиков выглянули из окна и начали улюлюкать. Слушая, как один из них выдает овце-подобным голосом "Красава, слышь!", невольно начинаешь ждать рвотные позывы с мыслью: "Вот с какими людьми приходится сосуществовать бок о бок."

Но вскоре спор был прекращен и бывшие противники-ораторы желают друг-другу здоровья и засовывают свои туши обратно в оконные проемы, после чего идут промочить охрипшую глотку.

Только в этот момент Сергей понимает, что его ладони испещрены ранками и, слизывая кровь с пальцев, он направляется в уборную. Совмещенная с ванной комнатой, она беспощадно напоминала ему о голодных годах в... Тряхнув головой, Сергей отогнал воспоминания, повернул ржавые ручки крана и сунул руки под струю прохладной воды. В этот момент он смотрел на себя в зеркало и странно щерился. В тусклом свете затянутой в двухмиллиметровый слой пыли лампы его белая с неестественным синеватым оттенком кожа приобретала цвет меди. Он был слишком худым даже по меркам своей комплекции. Лысая макушка блестела, будто намавленная. Кожа была натянута в районе ребер, челюстей и скул. Потерявшие цвет глаза запали внутрь черепа, а длинные тонкие губы были настолько сухие, что от легонького движения трескались. Довершал эту не сказать чтобы приятную для глаз картину большой, сломанный в трех местах, а оттого еще более уродливый нос. Но даже он мерк после того, как губы приоткрывались, являя миру два кривых ряда желто-коричневых зубов. И все бы ничего, если бы эти зубы не выглядели как живая иллюстрация зубов пирании. Люди, едва завидев их, начинали заикаться и бегать глазами то ли в поисках помощи, то ли убежища. Только Виктор Сумароков – его лечащий психиатр – мог спокойно реагировать на сие зрелище. Но он приходил очень редко, потому Сергей по большей части был вынужден прозябать в попытках наладить свою жизнь и связь с людьми, что было далеко не простой задачей.

Оказывается, миром правят Стандарты и Стереотипы. Под первые Сергей ну ни в какую не подпадал, а вторые заставляли людей слишком превратно и шаблонно воспринимать его. В их глазах он был воплощением всех людских пороков. В его глазах они уже давно были никем. Всем, что было для него важно, был он сам.

Сергей часто замыкался в себе, заикливался на своих внутренних ощущениях и обрывках мыслей, полностью игнорируя явления внешние. Причиной тому было то, что в детстве он с завидной частотой выступал в роли груши для битья для мальчишек посильнее. Маленький, щуплый, уродливый, похожий на крысеныша, он быстро снискал "популярность" у сверстников, которая проявлялась в избиении прутьями после школы и закидывании камушками "на прощание". Родителям его было на него плевать. Мать советовала, цитируя какую-то книжку по "воспитанию детей мужского пола", игнорировать и не лезть в драку, отец называл тряпкой и рохлей и, отвесив затрещину, вновь возвращался к разговору на повышенных тонах по телефону. Учителя смотрели на то, как его изводили, сквозь пальцы – не в их интересах было вмешиваться в детские разборки, рискуя своей зарплатой, а, может, и местом в школе. Но были моменты, когда они словно специально подзуживали, унижали его перед всем классом, тем самым вызывая бурю положительных эмоций у учеников. А маленькому неудачнику приходилось лишь сдерживать слезы и потребность в друге. Выхода лучше, кроме как залезть в воображаемый кокон, у него не было. Однако коконы всегда ломаются, а скопленный багаж, прошедший фатальную метаморфозу, вырывается наружу.

Однажды, где-то в классе эдак в шестом... вроде бы, не помню... В общем, в шестом классе одноклассники решили устроить очередную темную. Выловив после школы несчастного крысеныша, они схватили его, натянули на голову мешок для сменки и потащили в лес. Собрался весь класс, пришли даже ребята с параллельных классов – посмотреть на шоу. У одной из девочек отец был служителем закона и, пока добрый папочка не видел, она стащила у него наручники, которыми он заковывал ее мать во время счастливых ночных игр. Этими самыми браслетами бедолагу пристегнули к стволу дерева и, потешаясь над прелестью розового пуха, начали показательное выступление. У них уже были заготовлены ведра с помидорами, старые добрые хлесткие прутья и несколько ребят даже принесли перочинные ножики. Кто-то даже принес Библию. Начало издевательств очень было похоже на сцену с Квазимодо из дешевенького фильма по роману Виктора Гюго, разве что не было позорного колеса, на котором героя фильма раскручивали во время общественного буйства. Зато крутился сам Сергей, когда пытался спрятаться от летящих снарядов за деревом, ревя от боли в сдираемой на сги-

бах локтя коже. Нормальные люди давно бы отвязали его и попытались успокоить, но здесь же дети... Дети, а не люди. Им было весело и это было главное. Едва закончились помидоры, так с него содрали уделанное в красном соку тряпье, что именовалось "пиджаком" да "рубахой" и дали всем и каждому отхлестать его, как непослушное дите. И нет бы— отвязать его да оставить в покое, но маленькие герои решили идти до конца. Будь проклят тот, кто придумал и ввел в мир понятие "пытка каленым железом"! Едва раскаленная над зажигалкой сталь коснулась исполосованной спины, как Сергей издал такой вопль, какой не издавал еще никогда. Он пытался выбраться, вырваться из наручников, но тщетно. И тогда он выгнул, как только мог, левую руку и отгрыз мизинец.

Когда полиция прибыла на место, нашла одного рыдающего мальчика с отгрызенным носом и верхней губой. Остальные ребята успели убежать. А самого Сергея поймали лишь спустя две долгих ледяных ночи. Он прятался в разрушенной хижине в лесу неподалеку от города— когда его нашли, состояние мальчика было весьма плачевным. Ни на кого не реагируя, он просто сидел на обломках лицом к стене и никакого сопротивления не оказал. В таком состоянии он прибыл в больницу, где проходил около месяца курс реабилитации, упорно отказываясь говорить с детским психологом. Но вместо выписки его ждало нечто другое. Врач направил мальчика в клинику к некоему доктору, что мог помочь пройти терапию и разобраться в собственных проблемах, но этот человек ничем не смог ему помочь. Спустя какое-то время Сергей познакомился с Виктором.

Шли годы и постепенно, медленными шажками, он приходил в себя. Он не помнил ничего из произошедшего. Однако его приход в осознанное состояние не прошел гладко: он стал сильно подвержен приступам гнева, происходивших из не отпускавшей его паранойи. С раннего детства не знавший чувства безопасности, он запечатлел образ опасности как любого человека в поле его зрения, проецируя свой страх на любой кривой взгляд или мимолетную улыбку, даже если улыбающийся не смотрел на него, и любой контакт с санитаром или другим больным мог привести его в состояние неудержимой злости. Сергей неизменно приходил в буйство, целиком отдавшись мысли: «Лучшая защита— нападение!», пытаясь запугать потенциальную угрозу так, чтоб у объекта, мнимо или явно источавшего ее, и мысли не возникло как-то ему насолить. Доктор пытался втолковать, что постоянной опасности не существует, ведь Сергей всего-навсего обычный парень, который пугает окружающих его людей, что это он сейчас является тем плохим парнем, но тщетно. Тут некстати пришлось узколокативные провалы в памяти, странным образом привязанные к пальцу— были случаи, когда Сергей забывал, что пальца-то у него нет.

Тринадцать долгих лет Сергей провел в психлечебнице: два из них— не имея общения ни с кем, а остальные одиннадцать— ни с кем, кроме как с Виктором Сумароковым. Родители так его ни разу и не посетили, по-быстрому оформив отказ от ребенка и слиняв в неизвестном направлении, учинив махинацию с документами на квартиру, слегка посорив денежками в нужный карман. Что с ними было дальше, черт их знает. Надеюсь, их машина сорвалась с обрыва. Спустя год сын вспомнил родителей, не без удовольствия подметив, что теперь их брак наверняка распался или, что совсем было бы замечательно, отец в приступе ярости разmozжил жене голову, после чего благополучно трубит свое в тюрьме до сих пор. Представляя себе это много лет спустя, Сергей сладко засыпал на неудобном матрасе в квартире Сумарокова. Да, доктор оказался настолько добрым, что в конце концов позволил мальчику жить у себя.

Виктор Сумароков— представительного вида мужчина с моржовыми усами и неизменном темно-зеленом костюме. Его маленькие, умные глазки всегда светились хитрой искринкой, как бы говоря: "Я знаю." Прибыв однажды ночью из таинственного внешнего мира, Виктор первым делом возжелал увидеть своего пациента— мужчину, страдающим диссоциативным расстройством личности. Совершая ночной обход по палатам вместе с сотрудником лечебницы, они дошли до палаты, где спал Сергей. Сотрудник приложил к губам палец и тихонько начал

раскрывать дверь. Едва она отворилась хотя бы на сантиметр, сильный удар вернул дверь в исходную позицию. Работник словно этого ждал и быстро ретировался.

"Это наш местный чудак на букву "М" – выпалил ему надзиратель и побежал успокаивать проснувшихся пациентов.

Сумароков же замешкался, потому что нужная дверь была как раз перед ним и ее только что в буквальном смысле захлопнули у него перед носом. "Не мой ли это пациент?" – с этой мыслью он постучал в дверь. Заслышав по ту сторону топоток, спешно отошел от двери. Она распахнулась и на пороге возник жутковатого вида паренек с бешеными глазами. Он был живой воплощением несовершенства – худой, бледный, маленький, большая голова с проплешинами, между которыми росли странные отростки, которые Виктор не решился бы назвать волосами, а его лицо было похоже на маску. Многочисленные, еще не зажившие шрамы покрывали его от подбородка до лба, странно походя на оспины. Увидев скривившееся от отвращения лицо доктора, это существо раскрыло свой страшный рот и издало какой-то визгливый ритмичный звук. "Боже, да он же смеется!" – только и успел подумать Виктор, как руки коротышки с неожиданной силой вцепились в него и втащили в палату. От неожиданности Сумароков даже забыл позвать на помощь. Секунду спустя его зад больно приземлился на тонкий матрас, никак не защищавший от железной рамы под ним, и псих отбежал к двери и захлопнул ее. Миг – и глаза ослепил яркий свет. Психиатр обнаружил, что перед ним на полу расселись еще четверо. Среди них он узнал своего пациента. Беседы не получилось – на любые слова врача никто не реагировал. Всех словно захватил ступор, лишь жуткие взгляды неотрывно наблюдали за ним. И только парнишка бегал от одного угла к другому, то и дело обращая свое внимание на соседей и повторяющим жестом заглядывая Сумарокову в глаза.

На протяжении еще двух лет эти взгляды неотрывно преследовали его, появившись он в лечебнице. Своего пациента ему удалось постепенно вернуть в нормальное состояние, с тремя другими само рассосалось. Лишь пациент по имени Сергей Роднин на групповых сеансах все так же неотрывно продолжал сверлить его своими глазами. Заинтересовавшись им, доктор прочел его досье, после побеседовал с принимающим врачом, из разговора с которым вынес много интересного. Виктор изъявил желание провести ознакомительную беседу с Сергеем и получил добро.

Когда парня привели к нему в кабинет, он первым делом подошел к окну. Глядя на падающий снег, Сергей полностью игнорировал вопросы, которые ему задавали. Как ни пытался доктор, но подросток делал вид, что не слышит. Битый час бился над ним Сумароков, но не добился результата. Потеряв всякое терпение, он попросил коллегу отвести его в общий зал. Уходя, Сергей тихо проронил: "Потом".

Лишь спустя долгие полгода, когда Виктор уже и думать забыл о попытках пробить юнца, к нему внезапно постучались. Ника, молодая работница лечебницы, сообщила, что пациент такой-то желает его видеть. После утвердительного ответа в дверь вошел Сергей. За эти полгода он немного изменился – шрамики зажили, остатки волос были сбиты. Лишь жуткие зубы оставили свой прежний цвет.

– В этот раз ты не будешь молчать? – спросил Виктор.

– Не в моих интересах.

– А что тогда в твоих интересах?

– Я устал от сеансов. Они бесполезны.

"Так-так, любопытно".

– Но ты не можешь отказаться. Ты нездоров, у тебя серьезные проблемы. Если ты не помнишь, могу тебе их перечислить.

– Не стоит, доктор. Я и сам знаю. Я помню про паранойю и частичную амнезию. Про свою уравновешенность тоже.

– Ну, стал...

– Не перебивайте, я не закончил. – юнец замолчал, собираясь с мыслями. – Приступа не было уже два месяца. Разве этого нед...

– Нет. – ответил Виктор, – То, что приступов нет, не означает, что их впредь не будет. Тебе нужно уметь совладать с собой, чтобы не допустить их повторения, понимаешь?

– Но ведь...

– У нас все не так делается, пойми. Ты проходишь лечение и единственным результатом пока было снижение частоты припадков. Ты не избавился от них, нет. Ты все еще неуравновешен и представляешь опасность. Мы не можем тебя отпустить в мир, пока ты в таком состоянии, ведь это будет преступной халатностью и за сей проступок придется отвечать нам и никому другому. Тем более что права на своеволие в подобной работе у нас как раз-таки и нет, прости.

Лицо юного пациента было мрачнее тучи. Он свесил голову, плечи поникли. Но, когда Сумароков хотел позвать надзирателя, он внезапно оживился:

– А вы ведь можете меня вылечить? Ну, как того дяденьку, с бородой? Ведь он уже в порядке, так? – речь шла о его бывшем соседе по палате, – Вы вылечили его, значит, вылечите и меня!

"Несмотря на свой жуткий вид, он все еще наивен, как ребенок." – с невольным удивлением подумал Сумароков.

– Не все так пр...

– Вы поможете мне, я знаю! – жуткие бесцветные глаза вперились в него тем самым взглядом, – С вашей помощью я поправлюсь!

– Ну-ну, попридержи коней. Сперва научись управлять собой, а там посмотрим. – удивление уступило раздражению и Сумарокову пришлось мысленно себя одернуть.

– Да, конечно. Я смогу!

Той же ночью у мальчика приключился новый приступ, во время которого он сломал руку одному из новых соседей и чуть было не вырвал челюсть другому парнишке. Обоих отправили в реанимацию, его же – обратно в одиночную палату. Три дня провел там Сергей, не выходя наружу и лежа на мокрых от пота подушках, ловя капли с потолка во время жажды – в тот период шли затяжные дожди и половина помещений в здании протекали. Три дня и его вытащили абсолютно истощенным, с обгаженными штанами, вымыли и покормили, после чего провели профилактическую беседу. Про мизинец он опять все забыл, пришлось напомнить. Не забыл лишь часть беседы с Сумароковым, с которым очень хотел встретиться. Получить желаемое вышло лишь спустя несколько недель примерного поведения.

– Я здесь, доктор.

– Да, я не слепой, вижу. – со скучающим видом Виктор раскрыл папку с документом. – Чего хочешь?

Казалось бы, вопрос несколько стеснил юношу – он сжал пальцы в замок и глаза его опустились.

– Я помню наш разговор, доктор.

– Неужели?

– Да. Так же я помню свое обещание, которое тут же нарушил. Я проявил непростительную оплошность и прошу у вас прощения за то, что обманул ваше доверие и ожидание! Я понимаю, что мне нет веры и мое дело лишь утверждает вас в мысли, что я опасен, но я стараюсь и буду стараться впредь, обещаю! Только не списывайте меня со счетов, пожалуйста! – для пущего доказательства своего покаяния он драматично опустился на колени, обхватив ладони в молитвенном жесте, все так же просяще глядя на доктора.

–Ясно. – равнодушно выдохнул Виктор и углубился в чтение.

–Снаружи все так же холодно и тоскливо? – неожиданно спросил мальчик.

Сумароков отвел глаза от документа и с задумчивым видом выдал:

–Прекрасно!

–Ты лжешь. – сказанное было столь бесхитростно, что Сумароков даже не нашелся с ответом, не говоря уже о выборе реакции– разозлиться или рассмеяться. Только подходящая фраза коснулась его языка, за мальчишкой уже захлопнулась дверь, оставив то ли одураченного, то ли осажденного мужчину пожимать губами.

И пусть разговор был короткий, фактически лишенный достойного внимания содержания, но странный ответ парня все не выветривался у Сумарокова из головы. Это было странно, но еле заметное чувство вины все же подтачивало его, пеня за легкомысленный, не скрывающий грубого отношения выпад. И дураку понятно, что глупо было выдавать столь банальный ответ тому, кто от наружного мира и пострадал. "Надо было ответить иначе, поговорить с ним. Сказать, что все не так просто." Он твердо решил поговорить с парнем, решив попробовать заставить раскрыться.

Несмотря на ограниченные условия для пациентов все попытки доктора наладить связь с пациентом проваливались. Даже простой вопрос– "Как дела?"– оставался без внимания, а чертов парнишка тут же находил кем себя занять. Но долго это не продолжалось и наконец в дверь его вновь постучали.

–Почему ты избегаешь меня?

–Может, потому что вы– лжец? – ответил спокойно Сергей, со скучающим видом глядя сквозь собеседника.

–Я не лжец, я просто...

–Достаточно. – юноша заткнул уши, – Я не желаю слышать вашу отборную шепучню. Лучше послушайте меня. – не слыша себя, он невольно повысил голос, – Я хочу выйти отсюда, но что ждет меня за дверьми этого ада, я снова не знаю. Все, что я помню, носит отрицательный характер. Мне не к кому возвращаться, у меня ничего нет. И, когда я задавал вам вопрос, я ожидал чего угодно, но не этого гадкого слова. "Прекрасно", тьфу! Вы, взрослые, всегда выглядите самыми что ни есть глупцами– ни такта, ни чувства меры, ничего в вас нет. Вы такие же дураки, как и дети, только вместо школы ходите на работу и вместо оценок получаете деньги, все так же оставаясь теми, кто вы есть– тупыми кусками говна, что гордятся не пойми чем не пойми зачем. Засуньте свое "Прекрасно!" в свою жопу и никогда не доставайте.

Он вынул пальцы из ушей и как ни в чем ни бывало закончил:

–Время обеда, поговорим завтра.

"Ну, это-то я точно заслужил."– хмыкнул Сумароков и повторил попытку чуть позже, позвав мальчика в кабинет.

–Ну, и как там– снаружи? – бесцветные глаза по привычке уставились на Виктора.

–На это сложно ответить...

–Вы уж постарайтесь, доктор.

–Понимаешь, Сережа, на этот вопрос я не могу ответить. Я лишь могу описать тебе тот мир, каким его вижу я, и дальше уже ты сам решишь, каково там.

–Валяй.

–Хм... – и доктор затих.

–Ха, не знаете! А еще мне указываете. Вы просто смешны! Может, вам тоже следует сюда заселиться? – сказал парнишка и с губ его сорвался визгливый смешок. – Как вы можете жить в мире, ничего не зная о нем? Это же не математика, в конце-то концов!

Виктор не нашел, чем б ответить.

Лишь после этого разговора он задумался над вопросом, пока ехал домой, к семье. Думал об этом за семейным ужином, не слушая болтовню двух сыновей, думал об этом, лежа в

постели. Глаз не сомкнул, но так ничего и не придумал. "Каково тут?" – спрашивал он себя все время. В ответ внутренний голос лишь молвил: "Никак."

Днем следующего дня он так и ответил Сергею. "Я так и думал." – мрачно отвечал ему ребенок внешне, мертвец внутри. Разговор не заладился с самого начала и было решено отложить его на потом.

–Здесь ужасно скучно.

–Здесь спокойно и безопасно. Не то, что в мире. – снисходительно ответил доктор.

–Черта с два– книг нет, по телику разрешают смотреть только всякую чушь и мультики по комиксам тут не показывают. Здесь идеальные условия для того, чтоб сойти с ума, не думаете?

–Честно говоря, думал. – Виктор с улыбкой смотрел на раздумывавшееся от тепла, исходящего от обогревателя, лицо Сергея, – Помню, я даже разговаривал на эту тему с главврачом.

–И что же она ответила? – "Что, малыш, интересно?"

–А что она могла ответить? "Пациентам нельзя волноваться." И упомянутые тобой мультики входят в перечень запретов. Вот и все.

–Тупица, это же мультики!

–Ну-ну, не будь к нам так груб. Ты ведь не такой!

–Вы не знаете, какой я. Все, что написано про меня в деле– чушь собачья. – и тут же вставил, – Принеси мне книгу, док!

–Не сходи с ума, не надо.

Сергей встал и упер кулаки в стол, нависнув над лицом Виктора:

–Принесите мне книгу, доктор, и давайте без отговорок. Вы же не хотите, чтоб я расшиб себе голову о стену?

–Если ты не будешь шантажировать меня, я буду носить тебе книги, но только по своему личному выбору. А потом, если ты будешь проявлять дальнейшее здравомыслие, возможно, расширю их перечень. Идет?

Удивительно, но книги и впрямь стали спасением для молодого человека. Буквально зачитываясь ими, он порой только и говорил, что о героях и событиях в той или иной книге. Долгие дни, когда Сумароков никого не принимал, они пили чай у него в кабинете и обсуждали очередную принесенную книгу. Юноша оказался страстным книголюбом и читал все, что ему давали– от классических романов до современной фантастики. Однако не все книги приходились ему по вкусу. Однажды он прочел какую-то безымянную книжонку, которую Виктор купил по скидке в магазине специально для него, и первым делом после прочтения эпилога демонстративно вошел в кабинет и швырнул ее в помойное ведро.

–Зачем ты это сделал? – спрашивал его Виктор, в этот момент старательно заполнявший стандартный формуляр.

–Содержимое этой книги– дерьмо. Персонажи Боккаччо отвратительны, мелочны– сопереживать и радоваться их победам я считаю самым позорным, что есть в этом мире.

–Ну, это ты сейчас так считаешь. Со временем у тебя выработается иммунитет ко многим вещам в этой жизни– к чему-то ты будешь относиться более терпимо, а что-то окажется действительно смешным.

Если раньше мальчик читал все подряд, то спустя год у него начали формироваться предпочтения. Например, он не любил любовные романы, считая их содержимое оскорбительным.

–Но ведь каждый человек хочет любви. – словно спрашивая, спокойно утверждал доктор в ответ на гневную тираду о нелогичности сюжета, глупости отдельных моментов, не скрываемым притягиванием за уши половины всего сюжета, остальную часть называя не иначе, как "высосанное из пальца дерьмо". "Дерьмо" было у него любимым словечком, но после просьбы доктора фильтровать свою речь Сергей правда пытался говорить более цивилизованным языком.

–Я! Я не хочу любви! – подростковый максимализм проявлялся в нем по полной программе, потому Сергей не понимал, почему порой на него смотрели снисходительно.

Зато его восторга добились сага Сапковского "Ведьмак". Как он сам утверждал– легкое, но запоминающееся чтение, а главное– увлекательное! Ориентируясь в дальнейшем на эти слова, Сумароков подбрасывал ему и другие шедевры, радуясь благотворному влиянию чтения на состояние пациента.

Время шло и, спустя, Сергей Роднин был подставлен перед фактом выписки. Сумароков готовил к этому почву задолго до этого, однако не учел одного– реакции своего пациента. Наивно полагая, что Сергей обрадуется, он напрочь забыл о том, как долгожданная свобода порой пугает людей. Так произошло и с Сергеем– глядя в его широко распахнутые от ужаса глаза, Виктор уже думал, не поспешил ли он, в самом деле, с инициативой. Однако холодная голова и подвешенный язык сделали свое дело– мальчик сумел успокоиться и принять мысль, что он наконец-то выйдет на свободу.

Когда они вместе вышли за ворота больницы, Сергей вздохнул и сказал, что этот мир уже причиняет боль его глазам. Привыкший к постоянному свету от ламп, видя внешний мир лишь из окна доктора, – остальные были оснащены решетками и матовыми стеклами, – он совершенно забыл, что означает свет дневной. Щурясь и оттого жутко походя на особо уродливого азиата, он долго стоял, вытянув руки, пока его глаза не привыкли. Сев в машину, они поехали в город. Глядя, как юный освобожденец приник носом, будто малыш, только выбравшийся с фермы в большой город, наблюдал за проносящимися мимо деревьями, Виктор невольно заулыбался.

Дальнейшее обустройство Сергея дома было целиком под заботой его друга. Виктор потратил уйму времени, сначала ища мальчику приемных родителей, а не найдя выхода, пытался убедить жену принять пополнение. Когда Сергей прибыл, он ничего не узнал. Мальчик думал, что едет домой и был несказанно удивлен новости, что теперь он приемный сын. Виктор пришел к выводу, что это к лучшему– отпускать мальчика доживать годы до совершеннолетия значило пустить насмарку все его лечение и спустить в унитаз тяжело удерживаемую позицию верховенства над своим неумным состоянием. Последующие несколько недель Виктор иногда заезжал домой проведать семью и воспитанника, но основное время проводил на работе, раз в неделю проводя в кабинете беседы с мальчиком. Потом резко перестал, лишь изредка звоня– что-то в лечебнице не ладилось, требуя от него полного времени и сил. А что Сергей? Сергей учился как мог– сначала доучившись в школе в классе коррекции, не испытывая на себе былых стрессов, потом нашел подработку мойщиком автомобилей у знакомого семьи, полностью влившись в жизнь, присущей общественному хомяку, стремительно несущегося по колесу общественности.

Не сказать, чтобы его прибытие все восприняли как должное. Из всей семьи к нему как частью оной относился исключительно Виктор. Сыновья и жена же решили отыграться за проигранную битву главе семьи и пристроили Роднина в качестве бесплатной прислуги и уборщика. Ребята всячески подзуживали над юношей и периодически гадили ему в душу, а "эта женщина"– так звал Сергей их мать, – смотрела на него как на дерьмо. В школе было чуть легче– знакомые с его историей школьники держались в стороне и не думали даже и пытаться задеть. И правильно– существуют весьма большие шансы, что они бы пожалели об этом в первую же секунду.

То были тяжелые годы для всех. Удачей было для всех, что Сергей держал себя в руках и показывал себя как личность неожиданно уравновешенную. Но все хорошо то, что кончается. На пороге совершеннолетия молодой человек потерял контроль после череды неудачных попыток обрести друга. Представьте себе сморщенные в отвращении лица девушек и парней, когда вы подходите к ним, напускаете на себя дружелюбную мину и неловко пытаетесь завязать разговор. Роднин был вынужден встречать такую реакцию постоянно, что его очень удручало

и расстраивало. И так невысокая самооценка по ступеням скатилась до уровня ниже плинтуса, а голова была забита мыслями о собственной несостоятельности. Довершило все еще один "прекрасный" момент в его жизни, когда взгляд наткнулся на новенькую девушку. Родом из обычной семьи, переехавшей на заработки в Сорск откуда-то из области в восточной России, красивая и милая с виду. Долго подросток не мог собраться с силами и заговорить с ней, но тот день неизбежно наступил— Сережа собрал волю в кулак и пригласил ее погулять. Скорчив испуганную мину, та во весь голос крикнула: "Отвали от меня, урод!" Весь коридор разразился смехом и улюлюканьем, через секунду сменяясь унисонным "Ох ты ж!..", когда Сергей, не выдержав очередного унижения, расвирепел и сделал первое, что пришло в голову— пнул ее меж ног. Так завершилось его первое и последнее общение с женским полом с целью создать любовь всеобъемлющую и бесконечную, о которой можно было бы сложить невероятной красоты песню, а следом снять полноценный фильм о нестандартной любви, готовый обойти аналогичные по тематике, но с прогрессивным уклоном.

Но вот что началось и с завидной периодичностью повторялось и впредь, так это маячившаяся на горизонте физиономия полицейской легавой— после того случая все проходило в стандартном порядке: вызов в школу, угроза той самой полицией, долгие разговоры, перешедшие в упрашивания. Кончилось взяткой. Сумароков хотел, чтобы его подопечный закончил хотя бы среднее общее образование и не мог допустить исключения. С горем пополам получив аттестат, Сергей первым же делом получил повестку в военкомат.

* * *

По телу пробежала дрожь, стены поплыли. Сдерживая позыв рвоты, Сергей присел на колени и глубоко вздохнул. Снова началось?! Но ведь здесь никого же нет— никто на него не смотрит, не смотрит же, нет? Однако ощущение присутствия постороннего не исчезало. Оглядываясь, внимательно осматривая углы, молодой мужчина не мог понять, откуда за ним могут наблюдать. Перебарывая дурноту, переполз от окна к стене, распахнул двери в чулан. Никого! Дверь! Запер ли он дверь? Стремительный рывок, пальцы смыкаются вокруг ручки— только скрежет чуть ослабленных болтов. Заперто. Заперто, но... кто смотрит?! Сергей метнулся к окну и внимательно оглядел улицу, автомобили, противоположные его стороне окна. Никого, только мелюзга играет на площадке... может, он? Нет, мальчик сюда не смотрит, но кто тогда смотрит, кто? Зашторив окна, Сергей присел у батареи и закрыл глаза в попытке успокоиться.

Однако ощущение незримого присутствия кого-то совсем рядом не отпускало его. Распахнув глаза, Роднин с криком замахал кулаками в попытке достать неведомого врага, то приседая к полу в надежде подсесть его, до прыгая к потолку с мыслью, что он на нем стоит. Костяшки лишь просвистели по воздуху, не встречая сопротивления. Посторонний замерцал, то тая подле него, то возникая с другой стороны, раздваиваясь и испуская тепло со всех сторон. Так, схватил себя за голову Сергей, успокойся... здесь никого нет! Это— просто обострение и ничего больше, а раз так, то нет ничего проще, чем позвонить. Глаза нашли приклеенный к стене большой лист с крупной надписью: "Если чувствуешь, что близок к срыву, звони по этому номеру." и последующей заветной комбинацией цифр. Не глядя на телефон, Сергей оттарабанил ее по клавишам, бегая глазами по стене. Она была сплошь заклеена листами разных форм и размеров. Большинство из них были исчерканы странными рисунками— то беспорядочно разбросанные по огромной белой поверхности, то словно складывающиеся из разных кусков в пазл, открывающее единое, но лишенное цельности произведение с непонятным содержанием. Глядя на эти рисунки, невольно приходишь к мысли, что их автору не помешало бы хотя бы научиться держать руку ровнее, а оказись рядом настоящий художник, то и его полное ангельской терпимости к чужим косякам лицо скривила бы гримаса отвращения. Эти рисунки не шли в сравнение даже с детскими бездарными произведениями, которые гордые родители суют каждому гостю под нос с фразой: "Смотри, какой шедевр!" и затем вешают на

холодильник, ибо тут была приложена рука взрослого человека. Странные образы, каракули и хитросплетения ужасающих пародий на лица совершенно дисгармонировали друг с другом. Может, в глазах автора они и имели какую-то иную смысловую нагрузку, но в глазах обычного человека это была просто мазня, которую иногда прерывали "проблески света" – просто испи-санные листы, при более близком рассмотрении оказывающиеся очередным образцом дефек-тивного мышления. Странные фразы и предложения, а то и целые абзацы не несли в себе практически никакого поддающегося трезвой оценке смысла, полностью дезориентируя своей несвязностью и абсурдностью при прочтении, но порой попадались и осмысленные записи. На тоненьком огрызке туалетной бумаги, что была прибита гвоздями, было еле различимой цепочкой начеркано: "Ты меня никогда не знавала, влюбившись в тебя я взлетал." Интересно, о чем думал этот несчастный, когда чиркал это огрызком карандаша? Что волновало его в тот момент? Неужто этот душевный урод впервые познал что-то кроме окружавшего его презре-ния? Или, может, он вспоминал свою мать, бросившую его на произвол судьбы? Что-то же должно было послужить появлению этим старательно выписанным буквам? Но вот что? Уж явно не эти ужасные стены без обоев и не этот вымазанный в побелке потолок и уж точно не этот пол с постоянно скрипящими досками. А что говорить уж об убогой мебели, которая осталась от предыдущих владельцев, решивших взять только то, что не имело вид помойного интерьера в каморке двухсотлетнего человека? И речь идет не про фильм. Вид за толстыми светонепроницаемыми шторами тоже не радовал глаз – высокие и толстые, словно дубы, дере-вья стояли на большой игровой площадке, что стояла в кольце стоянки для автомобилей, и загораживали вид. Однообразные до омерзения, ровными рядами стояли примерно метр друг от друга каждый, являя собой идеальный участок для игры в салки либо прятки. А толстые, низко свисающие, цепляющиеся друг за дружку ветви превращали и ту и эту игры в нечто трудно описываемое, хаотичное и для кого-то даже веселое.

Гудки в динамике прервались щелчком и неясный голос прорезал помехи:

– Да, алло! Алло, я слушаю! – после молчания голос продолжил уже с оттенком злобного нетерпения, – Или говори или я бросаю трубку, слышишь?!

– Добрый день, п... Виктор. – внезапно смутившись, прохрипел Сергей.

– А, это ты, мой мальчик! – голос сразу обрел нотки тепла, – Как самочувствие? Ничего не тревожит? Тебя давно уже не было слышно, я уж начал было беспокоиться!

– Все в порядке, друг. – Сумароков так и остался единственным человеком, кому повезло услышать это слово от Сергея, и едва не стал тем, к кому могло быть обращено второе. – Я просто чувствую... мне показалось, что я теряю контроль.

Он уже жалел о том, что побеспокоил доктора, когда том конце провода раздался вздох. Потом еще один, более протяжный и страдальческий.

– Вы в порядке, доктор?

– Нет-нет, все нормально. Сиди дома и постарайся никуда не выходить, слышишь? – зады-шал в трубку Виктор. – Мне стоит приехать, привезти тебе лекарства. – снова вздох, – А ведь я говорил тебе, что нам не стоит прерывать сеансы.

– Теорию нужно подкреплять практикой, доктор, чем я и занимаюсь. Я чуть подожду, потом пойду прогуляюсь. – массируя пальцами брови, Роднин уселся спиной к кровати на пол.

– Нет, стой. Слышишь? Не вздумай выходить из квартиры, ты меня понял?

– Ваши запреты делают только хуже. – внезапно досада на себя сменилась нахлынувшей обидой, возбуждающей в горле Сергея, – Я... я позвонил вам, чтобы вы меня поддержали, а не ограничивали, неужели это так трудно понять? Я не какой-то там опасный зверь, я человек и нуждаюсь в помощи – мне тоже бывает трудно! Но, раз вам важно только то, чтобы я сидел на месте и в ус не дул, то не приезжайте, я сам справлюсь!

И положил трубку.

* * *

Где-то на другом конце города в одной из советских многоэтажек старый человек разносил все в пух и прах, проклиная на чем свет стоит "этого долбанутого психа, по которому карцер плачет". Но, враз успокоившись, Виктор закинул сброшенное после звонка одеяло обратно на постель, залпом выпил горячий чай и, поскуливая от обжигающего неба и пищевода кипятка, спустился на перилах вниз, тогда же застегивая рубашку и набрасывая пиджак на плечи. Выбегая во двор, он воплем отогнал псину, облегчавшуюся на колесо его машины. Минуту спустя он уже гнал по главной дороге, неистово сигналив не желающим его пропускать попутным водителям.

"Без глупостей, мальчик, без глупостей!" – мысленно умолял он, словно надеясь на то, что его услышат за километры, вслух же орал: "Да куда ты прешь, собака такая?!"

Откуда в этом городе столько бездомных собак? Что за сволочи это допускают?!

* * *

Ворон был прямо у него на глазах. Та чертова крылатая скотина, что бесцеремонно оторвала его от сна! Сергей уже потирал в предвкушении ладони, ища глазами камень. Этот слишком маленький, вот этот слишком большой и тяжелый. Где же ты, родимый? В левом газоне чуть поодаль лежал белый, порядком поистертый камень размером с человеческое сердце. Ага! Подбежав и схватив его, Роднин направился к птице, возбужденно дрожа. Месть сладка, не так ли? Она пыталась уковылять подале, видя приближающегося великана. Пыталась взлететь, размахивая сломанным крылом и покаркивая, раз за разом падала навзничь, неуклюже вставая на лапки и пытаясь уйти от смерти. И камень настиг ее. Да! Неумолимая тяжесть приземлилась с максимальной силой мужской руки, размозжив черное тельце всмятку. Лишь крылья да лапки подрагивали и клюв распахнулся в агонии. Он нанес еще удар, раздавив головку. Ноздрей коснулся еле заметный гниlostный аромат.

Обернувшись, Сергей увидел длинноволосого юношу, с изумлением взиравшего на картину расправы. Широко распахнутые глаза резко контрастировали с спокойным лицом и они же твердо уставились прямо на него. Роднин почувствовал неловкость, затем вновь накатывающее чувство опасности. Это... он? Ему казалось, что парень вот-вот достанет из кармана нож и накинется на него – настолько колюч был этот взгляд и подозрительно подрагивала правая ладонь, вроде бы, нет, точно тянется к карману джинсов! Сердце бешено забилося, ярость начала бурлить в крови. Перехватив камень поудобнее, он двинулся на юношу.

А тот лишь качнул головой и с прытью рыси забежал в их общий подъезд.

"Стой, собака!" – рявкнул Сергей и бросился за ним следом, – "Поймаю – зашибу!"

Однако ни на первом этаже, ни на последнем его не оказалось. Люк на крышу, казалось, был надежно задраен. Плюнув на лестницу в досаде, Сергей пнул какую-то дверь и, не дожидаясь возмущенных криков жильца, сбегал вниз. Вновь посмотрев на тушку убитого ворона, покачал головой, понимая, что погорячился. Это же всего лишь птица. Только птица, которая не знает, что нельзя мешать людям спать, стуча в стекла до того, как солнце поднимется над Птичьей улицей.

* * *

Уже через пятнадцать-двадцать минут он стоял перед заветной дверью. Достав запасной ключ из кармана, повернул ключ в скважине и распахнул дверь настежь. По гостиной гулял сквозняк. Его бывшего пациента не было на месте.

– Дьявол бы тебя побрал, чертов идиот! – не выдержав, застонал Сумароков.

Выбегая на лестничную площадку, Виктор наткнулся на юношу, что быстро поднимался вверх, перепрыгивая через три ступени за раз. Едва не сбив его с ног, Виктор успел схватиться за воротник рубашки прежде, чем парнишка покатился с лестницы. Сбивчиво извиняясь, он поинтересовался, видел ли тот своего неадекватного соседа. "Опять на крыше, вероятно. Ее

постоянно запирают, но он как-то умудряется туда попасть." – пробормотал себе под нос мальчишка. Виктор тут же помчался по лестничным пролетам вверх.

Распахивая люк на крышу, он уже знал, что никого там нет, но все равно поднялся, чтобы проверить наверняка. В первые минуты он просто бестолково метался в разные стороны, порываясь посмотреть там, там и там. Затем плюнул и выглянул со стороны двора. Площадку полностью скрывали аномально высокие и пышущие хвоей деревья, возле машин никого не было. Лишь цепочка старых кошелок медленно патрулировала улицу, иногда присаживаясь передохнуть на скамейке. Ругаясь, Сумароков подошел к люку и дернул за ручку. Заперто! Какого?.. Решив не торопиться, размеренным шагом направился по крыше к следующему корпусу, раскидывая носком ботинок валяющиеся осколки из-под битых бутылок, окидывая с отвращением валяющиеся презервативы и полиэтиленовые пакеты с клеем. Добравшись до второго корпуса, переступил через невысокий, покрытый рубероидом, в свою очередь щедро смазанный гудроном, плитус, подошел к следующему люку. Открыто! Стараясь не спешить, он начал спуск вниз, каблуками скользя по неестественно скользким ступеням со сбитыми уголками. В какой-то момент одна из ступеней ушла из-под каблука и один из пролетов Виктор преодолел на своем внушительном от природы заду. Скрючившись в позе старика, страдающим болями в спине, и потирая зад, доктор вышел во двор и как мог быстрым шагом обошел по всему периметру. Никого! На площадке носились дети. "Так, детей он особо не любит, так что там его нет. У кого бы спросить?" – и, подбежав к старухам, он спросил их, не видели ли они явно неадекватного лысого мужчину, что проживает в одном из корпусов.

–А то, как же! – проскрипела самая внушительная из них. Сразу видно – глава прайда, – Лысенький такой, шупленький уродец, да?

–Ну, я бы не стал так его называть... – миролюбиво поднял руки Сумароков, но его перебили.

–Да урод он и есть урод! – перебила его вторая бабка и третья поддакнула:

–В мое время таких еще в колыбели душили, чтоб семя свое дрянное не распространяли, а тут, вишь ты, пожалели собаку!

–Так то оно так. – завела свое очередная бабка, – Будь моя воля, уж я б-то его прибила мужниным ружьем, если б этот осел его своему щенку-племяннику не отдал, тьфу черт на его проклятуцу башку, имбецила пустопорожного!

Все тут же начали наперебой поддерживать ее, приговаривая, как сами бы не отказались расправиться с ним.

–За что вы так его ненавидите? – опешил от столь негативной реакции доктор, невольно приходя к мысли, что Сергей явно что-то от него скрывал.

–Да потому что урод он, вот почему! И двери наши ломает, аки сучонок! – горланила в свою очередь самая уродливая старушенция.

"Черт, что же ты тут натворил без меня?!"

–Как это ломает? – Виктор решил не озвучивать свои мысли, – В смысле – выбивает их или что?

–Да замки он ломает, дурья твоя башка! – вышли из себя бабки, – Все время ковыряет в них проволокою своею, никакой управы над ним нет! Уже и полицию вызывали и людей просили с ним поговорить по человечьи, – "Ага, избить то есть, да?" – но ничего не действует, хоть ты, сука, тресни! Отговариваются токмо, мол, не украл ничего и не ломал, так и черт с ним, но только вот как я спать-то должна, когда этот фашист в округе шастает? У-у-у, прибить бы скотину!

–Судя по тому, что вы тут наплели, – не выдержал Сумароков, – так это не его надо прибить, а вас, старых лярв! В моей практике – а я врач, к вашему сведению, – попадались подобные вам. У нас в отделении таких особо буйных было принято называть "перезревший фрукт с молочной изюминкой"! Проблем с вами всегда обнаруживается больше, чем с самым

неадекватным пациентом мужского пола— то вам это не так, то сё не так, то жопа болит, то рожа у медсестры неподходящая! А сколько предметов ломаете, когда буяните— и не скажете, что вам всем лет по восемьдесят! Хоть бери и на лопату ставь— траншеи копать! Тьфу на вас.

И, пока за спиной раздавались наперебой очумелое "О-о-ох каков козлина, вы посмотрите на него!" и полное яда "Ах ты, плут паршивый, я на тебя внуку пожалуюсь, а он тебе все почки отобьет, тварь!", а с ними обещания сходить к цыганке и проклясть его, доктор пошел обратно в квартиру Сергея. Не дойдя пару пролетов, он тяжело опустился на ступеньки, что недавно наградили его очередной порцией боли, а ныне загладившие свою вину спасительной прохладой. Тяжело вздохнув, почувствовав усталость от беготни и дефицита сна, медленно прислонился головой к стенке, прижавшись щекой к чуть влажной поверхности. Не до конца прикрыв глаза, Виктор сквозь щелку левого глаза смотрел в ровно окрашенную стену, примерно в трех-четырех метрах от него заканчивающуюся углом. Решив отдышаться и при этом не дать себе уснуть, стал представлять, как угол пролета превращается в линию горизонта, обращая гладкую синеву окрашенного покрытия в мирный штиль мертвого моря. Тогда Сумарокову и показалось, что в простой на вид стене скрыт целый подводный мир, что вот-вот ветер понесет за собою дюны, что не далее как через несколько секунд блестящее в дневном свете закрытых облаками небес зеркало воды пробьет острый нос и великолепный дельфин на секунду зависнет в созвездиях из жидких хрусталиков и тут же с шумным плеском погрузится обратно, что из затененной линии горизонта внезапно покажется алый диск восходящего солнца, чье отражение вытянется в идеальный овал, который спустя пару минут поразит крохотная черная точка, вот-вот готовая приобрести очертания великолепного трехмачтового фрегата. Лучи солнца золотом отражаются от боков судна, его великолепные черные паруса вздуваются подобно животу заправского любителя пива, а алый же флаг медленно развеивается под ветром, размахивая длинными кончиками. Шелест волн вот-вот пронзит громкий вопль моряка с «вороньего гнезда» и все словно по команде развернут посудину в указанную сторону. Их взорам откроется привычное, но все еще захватывающее зрелище— огромный кит совершает свой прыжок и тяжело ныряет в воду. И вот его внушительное тулово скрывается под водой, как огромный хвост показывается над поверхностью и словно махнув на прощание, так же уходит вглубь. На этом месте возникает крошечная воронка, но миг спустя она исчезает, оставив после себя лишь огромные круги, что расходятся вширь.

Прерванный сон потребовал своего завершения и Виктор, погружаясь головой в ватные глубины, заползающие в его уши, нос и рот, уснул.

* * *

—Алло?

—Алло.

—Роднин, ты, что ль, родной? Зачем звонишь? Случилось что? — сквозь слова доносилось смачное чавканье— шеф устроил внесрочный обед.

—Я тут узнать хотел, нельзя ли мне прийти сегодня поработать? — переминаясь с ноги на ноги, то и дело оглядываясь за спину, пробормотал Сергей.

—У тебя же выходной, Родя, вот и потрать его с пользой! Выспись там, или в бар сходи, киношку посмотри. Слушай, что я говорю, сынок, потому что твое вечно утомленное лицо меня напрягает! Работаешь ты сносно, но... в общем, не стоит, право! У нас расписано все по дням и на сегодня мест нет, так что ты лишь будешь мешаться под ногами. — но немного смущенный тон начальника так и говорил о недосказанности, в которую никто никого посвящать не собирался, — Все, отдыхай, а мне нужно работать!

—Но я... — хотел было начать Сергей, но из динамика уже звучали гудки.

Виктор наверняка его ищет сейчас, стало быть, путь домой заказан. По крайней мере до вечера. Проводить весь день на улице ну никак не улыбалось, а окружавшие его люди сильно напрягали— они смотрят, они все смотрят на него, куда бы он не пошел, будто бы обвиняя

его в чем-то! Или даже ненавизя. В обычном случае Сергей прятался дома, не показывая и носа наружу, особенно после очередного вызванного истеричной Петровной наряда, когда он как-то не так на нее посмотрит, в ожидании, когда все уляжется или когда наступит рабочий день, но сегодняшний день под стандарт походил весьма слабо. И зачем он только позвонил старику? Тот же в последнее время стал слишком дерганый! Сергей хорошо помнил его слова в последний визит: "Еще хоть один вызов по причине твоей неустойчивости и мне придется подумать о том, чтобы вернуть тебя в лечебницу!"

–Но вы не можете меня вернуть! Я же... я же живу, у меня работа, деньги... – понимая, что ничего больше у него нет, Сергей запнулся, переминаясь с ноги на ноги, точно нашкодивший школьник, боясь смотреть Сумарокову в глаза, боясь увидеть разочарование в его глазах.

–Ты и сам не знаешь, что тебя здесь держит. Оглянись вокруг! У тебя ничего нет, ты здесь никому не... – вовремя остановившись, доктор протер платком покрытый холодным потом лоб и продолжил, – Я же вижу, что тебе здесь трудно приходится одному, но вернуть тебя к себе домой, например, я тоже не могу, ведь ты все-таки взрослый человек. Так, может, тебе стоит поступить по-взрослому и дать мне согласие на госпитализацию? Может... – схватив пациента за руку, старик встретился с ним серьезным взглядом, – Может, хватит с тебя этого мира? Ты ведь ни о чем не мечтаешь, ни к чему не стремишься, а все деньги тратишь на квартиру и еду, а остальное посылаешь мне, хотя я говорил тебе: "Не делай так, я хорошо зарабатываю! Лучше сохрани их для какой-то маленькой мечты – может, ты хочешь себе гитару?" Что ты мне тогда ответил?

–Что мне на хрен не всралась тупая гитара. – послушно кивнул ему Роднин.

–Ну, вот! Пойми, мальчик, что тебе с каждым годом не будет становиться легче. Жизнь в одиночестве тебя доконает, а враждебность окружающих лишь все усугубит. Разве тебе не важно, что даже я об этом задумался?

–Мне важно, что вы думаете, правда! Но я не могу просто все бросить и вернуться... туда. Вы... Да вы же сравните, просто сравните – вот я здесь, полностью свободный, делаю, что хочу, хожу куда хочу, а вот я там, который ничего не делает и чувствует себя так, будто его унизили, сделали игрушкой!

–Ты пугаешь людей, Сереж. Разве все эти вызовы ни о чем тебе не говорят? – увещевал его доктор, решив не отступать, – Ладно бы, если ты просто на них как-то не так смотришь – взгляд так-то трудно контролировать, особенно если ты расстроен, но ты же и рывкаешь на них, замахиваешься!

–Вранье! – вознегодовал Сергей, – Они все врут! Вы же знаете, знаете, что я вам никогда не врал? – и, склонившись к лицу старика, крепко обхватил своими ладонями, – Вы знаете же, правда, знаете, что я хороший? Что я могу... быть взрослым!

–Пусти!

–Смотрите! – будто и не сжимал его в тисках, Сергей возбужденно подбежал к комоду, достал толстую папку, – Смотрите! Здесь все счета, все чеки! Я помню, что вы мне говорили, и хранил их, пока срок не истечет! Помните, как мне пришла квитанция с насчитанными пенями, помните? Я не стал буйнить, вы это знаете, нет – я пошел и спокойно разобрался с ними, представил чеки, показал, что у меня не может быть никаких просрочек! Я гораздо самостоятельнее, чем половина живущих здесь, и вы это знаете! – последнее слово пальцем уткнулось в грудь Виктору.

–Работать и платить по счетам – еще не признак взрослого человека. Я отпустил тебя с надеждой на то, что ты сможешь социализироваться, но что я вижу вместо этого? Ты одинок и даже не пытаешься это изменить!

–Разве это преступление – быть одному? Мы, что, в фильме "Лобстер"?

–Нет, Сереж, мы не в фильме, хотя то, что ты сохраняешь способность отличить реальность от вымысла, меня немного, но радует. Но я не об этом тебе говорю, а ты отказываешься

меня слушать! Я говорю о связи! Не обязательно любовной, нет! Я говорю о связи между тобой и другим человеком, который мог бы заменить меня и расширить твой круг общения! Новый человек всегда приносит свежие краски в жизнь, это-то ты должен знать— не зря же ты столько читал! Неужели тебе не хочется быть кому-то важным?

—Нет.

—Очень жаль это слышать. Ты не готов признать это, но одиночество тебя же и погубит! Я же вижу, что ты недоволен своей жизнью, и говорю тебе, почему именно ты испытываешь вечную фрустрацию! Это не та свобода, которую ты хотел! Ты не должен прозябать в одиночестве всю свою жизнь, но, если ты продолжишь в том же духе, то рано или поздно сорвешься— это я тебе обещаю, пусть бы мне и больно говорить нечто подобное. — Сумароков взял пациента за руки, крепко сжал,— В клинике у тебя были какие-никакие, но все же связи. Помнишь того, с диссоциативкой? Он рассказывал мне, что иногда общался с тобой по ночам, что ты смог дать ему ощущение, что он способен себя контролировать. Подумать только— ты! Если тебе так это важно, мы можем сделать по-другому— я буду платить тебе немного денег, чтобы ты чувствовал себя там так, будто работаешь. Буду покупать тебе книги, если пожелаешь, возможно, смогу дать тебе доступ на улицу, ежемесячный "выходной"?

—Я не нуждаюсь в ваших подачках, Виктор. — Сергей начинал нервничать, сжимать и разжимать пальцы, — Я не собираюсь возвращаться в это место. А теперь уйдите из моего дома!

—Что же... — посуровев, Сумароков вновь вытер лоб платком, — Даю тебе последний шанс. Если от тебя или от кого-либо еще поступит вызов о том, что контроль под угрозой, я верну тебя в клинику. Уговор ясен?

"Не надо было звонить ему, дурище ты набитое!"— в досаде Роднин даже начал колотить себя по голове, — "Вот, что бывает, когда следуешь импульсу!"

Доктору, как бы он ни был ему дорог, попадаться не стоит, значит, придется устроить пикник на обочине, спрятавшись среди деревьев. В кармане еще осталась пара купюр с предыдущего посещения магазина, на перекусить хватит. Его не найдут, а Виктору быстро надоест бегать по округе и он уедет домой.

В магазине продавщица враждебно уставилась ему прямо в глаза, сощурив их в щелки. Руки невольно задрожали, чуть шевельнулись в позыве сомкнуться на ее шее.

—Не смотрите на меня так. — промычал он сквозь зубы, глядя исподлобья.

—А то что?— демонстративно жуя жвачку, хамовитым тоном спросила та, — Че ты мне сделаешь, чувырла мордатая?

—Башку сверну.

Оба замолчали. Видя, что Сергей не шутит, тетка перестала жевать жвачку и попятилась от прилавка. Он же напротив приблизился к нему вплотную.

—Я сказал— не смотри на меня!

Послушно опустив глаза, толстуха, все так же стоя поодаль от кассы, вытянула руки к клавишам, готовая, чуть что, отдернуть их и трубить тревогу, но все обошлось. Жуткий тип с "коробки"— так в остальном городе звали улицу, на которой он жил, из-за поставленных углами вплотную домов, — оплатил покупку, сгрудил все в пакет и ушел восвояси. Продавщица воровато оглянулась, потом покрутила пальцем у виска, глядя на коллегу, притихшей за стеллажом, на котором выкладывала пачки с вермишелью. Обе кивнули друг другу и продолжили работать.

Тут никогда не проходила метла уборщика и вся земля была усеяна толщами опавших и еще не истлевших листьев прямиком из прошлого. Сухие, трещащие под ногами, для Роднина они представляли идеальное покрывало для трапезы на природе. Сидя среди берез под ясным серым небом с намеком на голубые обрывки, расположившись так, чтобы видеть и тротуар с дорогой и тропинку, ведущую в глубь леса, он раскрыл банку шпрот, подцепил пальцами одну и с аппетитом слопал. Ел в спешке, буквально давясь рыбьим жиром, стекавшем по подбородку на штаны, после чего продышался и отшвырнул банку, расплескав содержимое

по палым листьям. Настал черед лаваша и сервелата. Отцепив зубами кожуру, он со вкусом вгрызся в мясо, откусив приличный кусок и заел его куском мякотью, решив не спешить, чтобы не повреждать лишней раз свои десять раз на дню шатающиеся зубы. Считанные минуты и оба куска благополучно перекочевали в желудок, порядком иссохшийся в бесконечном ожидании еды. Только теперь Роднин понял, что даже не осознавал ранее, насколько же зверски голоден.

Полулежа у ствола дерева, из полуприкрытых век следил за снующими туда-сюда автомобилями и пешеходами. Вот Рено Мастер с бригадой местной подрядки – едет в очередной раз в детский сад – устанавливать новую детскую площадку, сваренную их сварным мастером. А вот убогая Ока с вовсе не убогим старичком – живым реликтом, встреча с которым могла бы показаться знаком свыше о надвигающейся удаче. Когда-нибудь он помашет ему с тротуара, а старик улыбнется в ответ и это будет лучшим подарком, который ему когда-либо дарили. О, вот местная бизнес-леди на своем Киа Спортаж, которому не место в этой дыре – эта всегда едет на работу после обеда и возвращается к ужину. Наверняка ее жизнь – отпад! Красивая машина, наверняка шикарно обставленная картина, широкий жк-телевизор, по которому она наверняка смотрит разные непотребности, так как – он слышал обсуждения старух, проходивших под его окном, – у нее никого нет и не предвидится. А еще у нее есть собачка – мелкий той-терьер, тот еще певец! Небось, шныряет сейчас по всей квартире или своими пищалками играет. Картина всего лишь резвящейся псинки, как ни странно, действовала успокаивающе и дрожь, до сего момента почти не отпускаявшая его тело, незаметно улеглась.

– Что же мне делать? – говорил Сергей сам с собой, – Дома ждет док, наверняка злой. А на работе наоборот не ждут. – чуть помедлив, изрек, – Вот уж в чем ему не откажешь, так это в честности. Уж он-то бы не стал врать о том, что никому я не нужен. Бестолочь бесполезная, вот я кто!

Краткий курс повторения уничтожения самое себя закончился. Сергей почувствовал прилив усталости, тут же сменившийся настороженностью, когда неподалеку раздался хруст ветки. Сквозь деревья он заметил тоненькую фигурку крадущейся девушки. Она куда-то шла, напряженно вглядываясь куда-то вперед, но не замечая его, тут же притаившегося за травой. Та самая девочка с собачкой – не той, другой! Роднин улыбнулся кратким воспоминаниям.

Он стоял за их спинами, пытаясь расслышать, что они говорят. Девушка и тот длинноволосый парнишка, корчивший перед ней не пойми что. Кажется, они говорили о птицах и свободе, но всех слов, как Сергей ни старался, разобрать не удалось. Глядя на красивую мордашку девушки, он невольно завидовал внешности обоих. Вот бы и ему стать таким же красивым! Людям бы пришлось позабыть о своей враждебности, наконец начать относиться к нему, как человеку. Столько всего стало бы доступным! Он бы ходил к ним в гости, приносил печенье, которое обязательно испек сам, развлекал бы увлекательными рассказами о школьной жизни или о том, как играл с отцом в хоккей. Возможно, мама с папой не относились бы к нему с былым пренебрежением, увидели в нем что-то большее, чем просто ребенка, который доставляет проблемы. И, возможно, она бы улыбнулась ему тоже, когда он пришел к ней домой с маленьким подарком.

Пока Сергей представлял себе красоты жизни в красивом теле, те двое ушли вместе с воспоминанием о той девушке. Ушел и он, вернувшись во двор, надеясь, что она появится во дворе, возможно, залезет на одно из деревьев. Встав на краю ограды, смотрел за резвящимися детишками. Кому-то из них предстояло стать самыми несчастными людьми, остальным же грозила достаться роль обычных обывателей, нарушающих чужую свободу и портящих жизнь. Как прозаично. Будущее уже вторгается в их жизни, заставляя копировать модель поведения взрослых. Он смотрел на толстого мальчика, которого дразнил весь двор и обкидывал песком. Вскоре пошли в ход лопатки. Зная реакцию на себя, Сергей медленно двинулся в их сторону.

Едва первая девчушка заметила приближающегося "психа", как вся стая визжащей мелюзги ринулась прочь, оставив толстяка в полностью запачканных брюках и курточке. Подойдя к нему, Роднин присел на одно колено.

–Вы меня съедите? – чуть отвернув от него лицо, испуганно спросил мальчик.

–Нет. С чего ты взял, что я вас ем? – улыбался одними губами он, помня о своих зубах.

–Мама говорит, что ты ешь непослушных детей, а из костей делаешь себе крема. Потому ты такой белый! – заметив, что ничего плохого еще не случилось, мальчик улыбнулся.

Сергей тихо рассмеялся.

–Твоя мама глупая женщина и лгунья. – ободряющим тоном заявил он, – И она все перевернула с ног на голову! Я не ем детишек. Но я ем плохо ведущих себя мам. И обман собственного ребенка входит в перечень плохих дел. Очень плохих! – для выразительности он выпучил глаза и махнул кистями с шевелящимися пальцами перед лицом малыша, – Знаешь, тебе стоит ее предупредить! Специально сделай какую-нибудь пакость, а когда она тебе скажет про меня, отвечай ей так: "Дядя Сережа-людоед велел передать, что ест исключительно плохих мамаш. Он передает тебе привет!" Справишься?

–Дядя Сережа-людоед передает тебе привет. – запинаясь повторил мальчик.

–Нет же, а как же остальное? "Дядя Сережа-людоед велел передать, что ест исключительно плохих мамаш. Он передает тебе привет!" Повтори.

Ребенок повторил слово в слово.

–А «мамаша» это же мама, да?

–Да, только это ласковое обращение, наряду с "котик", "зайчик", "муся". – с трудом сдерживая смех подтвердил Роднин. – Ну, выполни эту миссию прямо сейчас! – и, легонько подтолкнув мальчика, смотрел, как тот вприпрыжку забежал в подъезд, пока не встретился глазами с пылающим яростью взглядом женщины. В глазах потемнело.

* * *

Недолго продлилось райское наслаждение и вскоре его словно сквозь тугий полый шнур протащили. Не понимая, что происходит, мужчина раскинул руки и в очередной раз чуть было не сшиб того самого парнишку. Тот сумел удержаться, лишь вцепившись в перила. Смятенно моргая, Виктор понемногу начинал соображать. Видимо, этот малой увидел его, притулившегося на ступенях и решил разбудить. "И правильно, что разбудил!" – проносилось в голове, пока рука шарилась в карманах в поисках мобильного. "Не более часа проспал." – удовлетворенно пронеслось в голове. Положив руку на плечо юноше, который было собрался уйти, Сумароков сказал:

–Слушай, приятель, ты же сосед Сергея, не так ли?

Парень долго смотрел на него, шурясь своими черными глазами, словно задумавшись.

–Ну, да.

–Отлично. – настроение Виктора приподнялось и он улыбнулся, – Я так понял, весь двор его уже знает – и ты в том числе, я прав?

–Безусловно.

–Здорово. На крыше я его не нашел, а где еще искать, я понятия не имею. Ты не сильно занят?

–Что, помочь вам найти его? – парень недовольно скривил губы.

–Было бы желательно. – улыбка Виктора на глазах увяла до царапающей глаза гримаски, – Помогите мне, пожалуйста! – это прозвучало так неискренне, ведь он терпеть не мог просить у кого-либо помощи.

–Черт с вами, идем. – пожав плечами, ответил тот.

Они спустились во двор, осмотрелись, но не нашли искомое, потому молодой человек поманил доктора к следующему подъезду. Сумароков поинтересовался, куда они идут, на что получил ответ, что искать надо по квартирам – если где нашлась плохо прикрытая дверь, то

вероятность, что псих— как обычно называли его пациента,— там, достигала девяносто девяти целых и восьмидесяти пяти сотых процента— он любил ходить по комнатам, брать в руки вещи, чтобы постоять и "послушать" их, иногда даже невнятно отвечая. В целом, безобидное зрелище, но жители Птичьей улицы не отличались особой терпимостью по отношению к Сергею, называя его вредителем и вором, хотя он за все разы никогда ничего ни у кого не крал. Просто слушал вещи и говорил с ними.

В этом подъезде вновь ничего не нашли, но, обойдя следующие, попали на след из пары десятков открытых дверей. Перед одной дверью подросток на секунду остановился, замешкавшись, но качнул головой и поднялся этажом выше, откуда и позвал доктора, встав у очередной открытой двери. Внутри все было перевернуто с ног на голову. Сергея нигде не было. Сокрушенно качая головой, Виктор чувал, что дела идут явно не в пользу его подопечного— о нем и так шла слава взломщика старушечьими молитвами, а увиденное контрастировало с рассказом нового знакомого. Пытаясь выпытать у него, точно ли Сережа Роднин ничего не воровал, Сумароков не получил точного ответа. Проследить логику в выборе дверей так не же вышло— это всего лишь была хаотичная выборка, лишенная системности и порядка. Казалось, будто Роднин просто поднимался по лестнице, толкая двери, и, когда попадалась незапертая, проникал внутрь. Но почему он перевернул все верх дном в поисках черт пойми чего именно эту квартиру? Здесь живет кто-то, досадивший ему или?.. Неужто новое расстройство? А ведь как хорошо все начиналось... Уже столько лет прошло, уже и память о недуге потихоньку стиралась: ни тебе скандалов, ни вызовов в участок, никаких проблем, исключая постоянные вызовы, лишённые всяческого смысла, но нет же— чертов случай все испортил! Теперь придется браться за это дело всерьез— если Сергей действительно сорвался, то ничего не остается, как найти да проследить, чтобы не набедокурил. Впрочем, следить явно поздно, теперь лишь важно найти и удержать от дальнейших глупостей. Раньше было легко— детское сознание легче подчинялось влиянию и контролю со стороны и не требовалось усилий множества людей, чтобы при случае рецидива могли остановить пациента. А сейчас у него в распоряжении только он сам— доктор в годах, — и малолетний сорванец. Никуда не годится!

Сумароков достал телефон и отыскал в контактах знакомое имя. На миг он застыл, словно в нерешительности, затем с решительным видом нажал "вызов". Спустя один гудок трубку подняли и знакомый голос негромко произнес:

—Ба-а, кто мне звонит! Здравствуйте, доктор!

—Да-да, привет.

—По каким-таким важным делам звоните? — собеседник явно был в наилучшем расположении духа.

—Сначала вопрос— ты на смене сейчас?

—Нет, док, буквально позавчера в отпуск вышел! А что?

—И как далеко ты от дома?

—Ну, как сказать... До вечера еще дома буду, а там уже в Москву поеду, к племяшке.

—Стало быть, сможешь потратить пару часиков на старого друга, а? — задорно прохрипел

Виктор.

—Конечно, почему б и нет? По парочке бутылок пива в баре, стало быть?

—Нет-нет, прости, но я к тебе не по веселому поводу.

—Ох ты ж, что-то серьезное? — голос на том конце провода внезапно обрел все оттенки серьезности и, зная лицо его обладателя, можно было живо представить, как тяжелые кустистые брови надвигаются на глаза, сдвигаясь в одну сплошную.

—У меня тут кое-кто, похоже, все же сорвался с крючка.

—Дай я угадаю! Страшила?

—Господи, Валентин, ну нельзя же быть таким злорадным! — покачал головой доктор.

–Какое злорадство, вы что? Я тих и нем, как могила! А еще я добрый, как сытый удав! – явно развеселившись, ответил Валик.

Сумароков был готов повесить трубку, но не успел.

–Ладно, док, не кипятись. Говори адрес!

Не прошло и получаса, как здоровяк прибыл. Высокий, широкий, крепко сбитый, с короткими, чуть взъерошенными волосами и своими знаменитыми бровями, которыми он сводил с ума медсестер, пуская их волнообразными движениями по своему немного детскому, до сих пор сохранившим признаки доброты лицу. Сумарокову было несколько непривычно видеть его в повседневном спортивном костюме.

–Ну, док, рассказывай!

Виктор с одобрением смотрел на своего приятеля и коллегу.

"Ну вот, с таким не пропадешь!"

–Дело вот в чем, Валя!.. Да хватит тебе уже морщиться от своего имени– Валя и Валя, как уж назвали... Нам очень повезло, что Сергей позвонил, потому как я уже сейчас вижу, что ситуация выходит из-под контроля– люди поговаривают, что у него не все в порядке, а я недавно вышел из полностью развороченной квартиры. Стало быть, они не так уж и врут, скажи? Пока ты ехал, мы с мальчиком– это, кстати, Филипп, сержин сосед! – без дела не сидели, пообщались и с другими жильцами, если их удавалось поймать. Одна молодая женщина рассказала, что он все время стоит у нее под окнами ближе к ночи и смотрит, почти не отрываясь, в ее окно. Сам понимаешь, как это ненормально выглядит со стороны. Еще старухи эти, что вором его обзывают. Довелось мне узнать и о том, что по утрам здесь иногда не бывает тихо, потому что Сережа вечно с кем-то ссорится! Я ума не приложу, как он еще все до драки не довел– в его-то нестабильном состоянии! Ладно, если он просто кричит, но что, если он применит силу? В общем, ждать нельзя– нам еще пару подъездов придется обойти, так что будем надеяться, что он где-то поблизости. Так! Ты у нас человек ловкий и быстрый, как я вижу, так что лучше постой тут на стреме на случай, если наш парень попытается убежать. – тут Виктор обращался уже к юноше, – Если увидишь его, крикни, мы услышим. Так вот, – обратился снова к Валентину, – что я хотел еще сказать-то... Ага– Сережа сам позвонил мне. Он сказал, что ему показалось, будто он теряет контроль, а ты сам прекрасно понимаешь, что откровенность в подобном вопросе стоит так же под собственным вопросом и, зная наш уговор и не сумев с собой совладать, Сережа не видит резона говорить правду, потому что боится. Говоря "кажется", он подразумевает, что так все и обстоит.

–Ну бросьте, доктор. Подумаешь, позлился чуток! Не страшно ведь? Он же тоже человек, тут и сомнений быть не может, и раз злится, значит, есть от чего. Вы что, позвали меня потому, что он просто разозлился? Это же нонсенс.

–Не в его случае, Валь, не в его случае. Ты же видел его– камень! И сейчас этот камень снова готов обратиться в пыль, которая забьет все щели, включая дыхательный проход, а я не хочу этого допустить. К тому же у меня ощущение, что вовсе не злость его тревожит и подтачивает изнутри, совсем нет...

–Эк вас попустило-то, а! – несмотря на серьезность доктора, Валентин же волноваться не спешил.– На философию потянуло, смотри-ка! Диссертацию уже закончили, профессор?

–Валентин, вам должно быть знакомо понятие "неуместность". – пробубнил себе под нос Сумароков, тайком усмехнувшись.

Поиск продолжился и сразу же стало заметно, что тут избирательность разыскиваемого исчезла махом– теперь сплошь все двери были взломаны и распахнуты. Кое-где виднелись небольшие вкрапления крови в размытых отпечатках ладоней. Одна из квартир, по видимости, принадлежавшая одной из старух была разгромлена пуше остальных– посреди воняющей нафталином комнаты висящие полки с замками на дверцах были сброшены на голый пол и расколочены рядом лежащим молотком. Все, что было внутри– чайные сервизы, тарелочки

и прочая дребедень, – все было разбито, не уцелело ничто. Из рядом стоящего комода были выдернуты все ящики, а белье и полотенца, что покоились в них, были свалены в одну кучу в углу. Огромный шкаф зачем-то был перетащен из угла чуть ли не к самому окну, но его исподнее было не тронута. Ужаснее всего выглядела старая кровать– матрац был разодран и разогнутые пружины чуть покачивались над тканевыми разрывами. На месте стоял лишь простенький стол, на котором ничто укрыться не могло. Проходя на кухню, Сумароков наступил на разорванный альбом. Подняв его, он узнал на первом же фото ту жадную до кровопролития бабку. Фотобумага в районе ее глаз была частично расцарапана ногтями.

"Если бы только карма не каралась законом..."

На кухне совсем было не протолкнуться– продукты были свалены в одну кашцеобразную кучу подле опрокинутого на пол холодильника, на который в свою очередь была опрокинута старая закопченная плита. Ее провод беспомощно свисал сбоку оборванной проволокой. Пол так же усеивал разного рода мусор: атавистичные матрешки, олимпийские мишки, расколотые блюда с рисунком бравого русского богатыря, всматривающегося в горизонт, обрывки газетных вырезок с президентом со следами помады, а также плетеная солонка.

–Че-е-ерт что тут творилось– он тут конкретно позабавился! – протянул Валентин, чихая от поднятой пыли.

–А я тебе что говорил, дурья твоя голова? – беззлобно ответил ему Виктор, едва не поскользнувшись на куске масла.

–Вам повезло, что вы не в Петербурге. – ухмыльнулся в ответ Валик, – Что ж, хорошо, что у меня есть наручники, сэр. Как будем действовать, когда найдем его?

–Нет, наручники нам не понадобятся. – возраст давал о себе знать в виде привычной уже, несколько запоздавшей одышки и старый мужчина остановился перед лестницей для минутного отдыха, – Он доверяет мне, потому не должен сопротивляться. Если получится его настичь и убедить пойти с нами, то будет просто замечательно! По-крайней мере, Сережа не будет меня ненавидеть.

–И правда, доктор– вы ему почти как отец! – участливо отозвался напарник.

Виктор удивленно повернулся к нему.

–Как отец? С чего бы это?

–Ну...– стушевался Валя, – Вы приютили его у себя дома, дали ему семью, которой он лишился, опекали его и воспитывали как могли. Вполне очевидно, что парень привык к вам и доверяет, разве нет? Доверие значит– признание! Кроме вас у него никого нет, и я знаю, что общается он исключительно с вами, потому что именно с вами у него вышло создать полноценную связь! Разумеется, что он дорожит вами, в этом ни капли сомнений у меня лично не возникает. Вот я и думаю, что для него вы как безопасная гавань, та область, переступая грань которой он чувствует себя так, как никогда раньше– защищенным. Проще говоря– с отцом.

Сумароков невесело рассмеялся.

–Ну, не думаю, что он считает меня своим отцом, однако другом он меня зовет, это-то я подтверждаю с удовольствием, хотя мне по должности не положено. – кивнув в подтверждение своим словам, Виктор спросил: Ты не думал податься в психологи, приятель?

–Не-е-е, мне и так хорошо! Я не отличаюсь альтруизмом и уж точно не смогу выслушивать днями нытье таких же обывателей, как я, считающих свои несчастья трагедиями вселенского масштаба. А если подаваться в психиатры, то тут сразу можно ставить крест на всем хорошем, что есть в моей жизни, и готовиться слушать самые жуткие вещи в своей жизни до тех пор, пока сам не проснусь, обнаружив, что они окружили меня со всех сторон и лезут ко мне в труссы. Ну его, в самом деле! Воздержусь, короче.

–Ой, да просто признайся, что для тебя это слишком сложно! – поддел его доктор.

–А то же! – с готовностью признался Валентин.

–Нам пора.

–А что на счет вас?

Виктор снова обернулся.

–То есть?

–Как вы к нему относитесь? Вы считаете его родным себе человеком? – здоровяк выжидающе смотрел прямо в глаза, выказывая собой явный интерес.

Виктор не знал. Действительно не знал, как относится к Сергею Роднину, которого взял лишь из жалости в порыве самоотверженности, ясно сознавая, что тогда еще мальчик нуждался в его помощи. Были моменты, когда он жалел о своем решении, но тут же со стыдом отгонял от себя эти мысли. Можно даже сказать, что он действовал на автомате, не вполне отдавая себе отчет в том, что делает в пустой надежде на то, что из поломанного человека выйдет что-то путное, способное восстановить свою целостность. Способное жить. Достаточно нелепо для человека, поднаторевшего в вопросах психологии мышления. В нем выиграл человеческий фактор, неприемлемый в практике доктора, практикующего в психиатрическом заведении, нацеленном в основном на безнадежные слухи. Не было ли милосерднее оставить мальчика там?

–Я думаю, что несу ответственность за него. – наконец выдал Сумароков.

–Но я не об эт...

–Разве не очевидно, что я не знаю ответ на этот вопрос? – сорвал вопрос Виктор.– Я точно не испытываю к нему никаких отцовских чувств! Может, имеет место быть личная привязанность к нему, как к пациенту, на которого было положено слишком много надежд. Я часто думаю о нем и в такие моменты мне далеко не хорошо. Постоянная тяжесть, тревога, переспрашивание самого себя, сделал ли я все правильно? Сделал ли я все, что мог, или же довольствовался только стандартными приемами, пустив все остальное на самотек? Оправдал ли я себя, как врач и как друг? Я не знаю! Идем уже, ты меня утомил своими вопросами.

Проверив еще с десяток квартир, они дошли до последнего этажа. Тут и нашелся блудный сын. Уже поднимаясь наверх, они слышали какую-то перепалку и звон битой посуды. Добравшись до первой двери, оба увидели, как Сергея покрывала бранью тетка лет сорока, завернутая в одно лишь полотенце. Слипшиеся волосы висели плетями, пока она трясла головой и широко раскрывала рот, выдавая насилюющие слух визги похлеще двух кусков пенопласта.

–Сергей, иди сюда! – с криком вбежал Сумароков в квартиру, подняв руки, чем вызвал очередной приступ визга от неадекватной женщины.

–Вы еще кто такие?! Вон из моей квартиры, маньяки ненормальные, вон! – и она запустила кувшин прямиком Виктору в голову.

От негодования и обиды за столь скотскую реакцию он чуть было не раскричался, но вовремя спохватился. Валик, уже привыкший утихомиривать буйных пациентов, одним прыжком преодолел разделяющее их расстояние и скрутил женщину, но просчитался, швырнув ее на диван, когда случайно сдернул полотенце.

–А-а-а-памагитей-ей, лю-у-уди-и!!! Твари насилюют меня, твари-и! – завизжала пуще прежнего эта жаба, пока опешивший надзиратель кое-как попытался прикрыть ее полотенцем, которое она с бараньей упертостью скидывала с себя извивами своих телес, после чего просто плюнул и швырнул его ей в лицо.

Вдвоем с Виктором схватив вырывающегося Сергея за плечи, непрощенные гости выбежали в коридор и закрыли дверь, оставив распахивавшуюся женщину орать и дальше. Виктор старался бежать как можно быстрее, но не слишком, чтобы в очередной раз не упасть задом на ступень, который напоминал о себе при каждом шаге. Пока он сосредоточенно следил за пробегающими перед глазами лестничными пролетами, его помощник внезапно получил удар по ступне. С воплем вцепившись в ногу, Валентин прислонился к перилам и Сергей, освободившейся рукой разжав захват Виктора, умчался, перепрыгивая через пять ступеней за шаг. Вне себя от досады, два незадачливых партнера побежали вслед за ним вниз по лестнице, затем через весь двор, не на шутку напугав детей, до самого первого подъезда. Виктор думал, что

знал, куда бежит его подопечный, но малость ошибся. Вместо предполагаемого побега в собственную квартиру, Сергей пронесся на следующие этажи...

* * *

...выше, выше и еще выше и вот он уже на крыше, стоит у парапета, озираясь в панике. Люк, который он захлопнул за собой, при ударе чуть не слетел с петель, глухо стукнув ручкой по крыше. Они уже здесь! Странная смесь радости и злобы захватила Сергея, едва он взглянул на них. Его эмоции было легко понять, ведь помимо его друга, которого не должно было, не должно было быть здесь! взору открылся тот, от кого ему доставалось во время буйств больше всего. Надзиратель Валентин, непривычный взору вне своей белой больничной формы вызывал у него лишь очередную неприятную порцию воспоминаний о прошлом и следующего по пятам желания отомстить за все. Но вместе с былой злобой было и что-то другое. Но что-то этого Сергей понять не мог. Глядя в знакомое лицо, он думал, что видел его и раньше, однако с каждой секундой мутнеющий рассудок снова сыграл с ним злую шутку, вновь прожигая грудь страхом, как и всегда обернувшись злобой. Из всех сил Сергей старался сдерживать себя и не накинуться на них, еще помня, кто перед ним. Руки чесались вцепиться в их кожу, ноги дрожали, порываясь сделать первый шаг, и в глазах поплыло. Мысли, превратившись в тягучее тесто, все никак не желали обрести законченную форму и оттого задача еще сильнее осложнялась. Он лишь смог промямлить:

–Что ты делаешь, док?

–То же, что и всегда– пытаюсь тебе помочь. – ответил Виктор, сверля глазами окровавленную руку пациента, которой тот провел по лицу, отгоняя наваждение.

–Бесполезно, доктор! – убрал руку с лица, Сергей внезапно поменялся в лице, с хрустом распрямился сутулыми плечами и сжал кулаки. Странные бесцветные глаза в тысячный раз пробурили лоб, мозг и затылок Сумарокова.

–Что значит "бесполезно"?! – стараясь не кричать, спросил Виктор, в то же время чувствуя, как внутренности начали сжиматься под этим взглядом.

"Уже не в первый раз! Ох, не нравится мне это..."

–Я все понял, доктор.

–Что именно?

–Абсолютно все, доктор. – глаза пациента прищурились, губы сжались, – Для вас я никто, просто псих, испортивший жизнь вашей семье и лично вам, так и не излечившийся, хотя обещал, вместо этого упорно потянувший себя ко дну! Раньше я думал, что вы взяли меня потому, что я что-то для вас значу, что вы считаете меня своим сыном! А следом я вспоминаю и понимаю, что не могу проигнорировать или забыть взглядов вас и вашей семьи– они абсолютно идентичные! Вы смотрели и смотрите на меня, как на бесполезный груз, ответственность за который вам навязали, не понимая, что никто вас не упрашивал сделать то, что вы сделали! Вы ведь помните, доктор, что это вы притащили меня к себе домой! Вы решили, что так правильно! Вы поддались своим эгоистичным порывам показать себя как возвышенного, способного на жертвы человека и, стало быть, лишь вы ответственны за то, что я стал тем, кто я есть– ярмом на вашей шее, пятном на репутации, которые не смоют даже годы.– неузнаваемо меняясь в лице, Роднин мотнул головой,– Лучше бы вас не было, Виктор! Вы обманули меня, себя, всех окружающих... и сделали все только хуже. Надо было расшибить голову еще тогда, когда подвернулся удобный момент, тогда бы не пришлось жить в этой срани, не пришлось бы пытаться стать таким же, как остальные и раз за разом терпеть поражения! Но я поверил вам, поддаюсь иллюзорности вашего ко мне отношения, и не стал делать, как вы это называете, глупостей! Я старался, правда! Я к людям с улыбкой, а они меня палкой! Я к людям с добрым словом, а они лишь смеряют меня своими взглядами, словно зная, что это причиняет мне боль! Вы думаете, что я замкнулся насовсем, но я предпринимал повторные попытки– ради вас, чтобы вы мной гордились, чтобы могли повесить мою фотографию у себя на стене, где

висят фотографии всех членов вашей семьи— даже тех, кого вы терпеть не можете! Вы бы показывали эту фотографию людям и говорили: "Вот! Смотрите! ЭТО МОЙ СЫН И ОН ПОБЕДИЛ!"— провизжав последние слова, Сергей перестал контролировать свое тело; его голова быстро закачалась, — Вам никогда не приходилось так тяжело, как мне! У вас есть все, что я б мог пожелать, а у меня нет ничего и вы это знаете! К черту этот мир, я хочу знать, каково это— жить такой жизнью? К примеру— иметь жену и любовницу, а? — "Откуда он знает?"— Да, я за вами следил! Пусть вы и наплевали на меня и забыли напрочь, но я не забыл о вас! Я следил за вами, наблюдал, стараясь узнать, что нужно сделать для того, чтобы занять все то же... и выяснил, что у вас очень даже неплохая жизнь! Друзья, выпивка, совместные посиделки в баре, кино, бильярде, периодические выезды на дачу пожарить шашлыки! Вы даже в букмекерских конторах постоянный гость— вас там каждый знает по имени! — губы страдальчески скривились, — А праздники в кругу любимых... С тех пор, как я покинул ваш дом, у вас там так все ярко и весело, что ничуть не удивительно— вам же больше не мешает урод за столом, который портит все одним своим присутствием! Вы смеетесь, шутите, танцуете и пьете, а потом идете к своей любовнице, чтобы довершить всю ту благодать, которой наполнена ваша жизнь! Вас ничто не сдерживает! А общение? Вокруг вас столько людей, что диву даешься! Столько личностей хотят с вами общения, столько рук тянутся к вашей для рукопожатия, столько возможностей и вариантов, бери не хочу! О чем вы болтаете с друзьями, сидя в баре? О бабах, да? Или, может, обо мне? Рассказываешь обо мне истории, в которых я выгляжу, как дерьмо, да, Виктор? И как им? Небось смешно до колик слушать о психованном недомерке и о том, как вы с этим боровоподобным ублюдком его приручили, да?!— Сергей схватился руками за голову, больно сдавив ее,— А любовь? Ты действительно любишь ту женщину? А жену что— тоже? Тут еще веселее, не так ли? Еще бы— две женщины, которым ты нисколечко не отвратителен, но, наоборот, очень даже притягателен даже несмотря на твой возраст? Круто, наверно, быть с женщиной, которой не нужно платить, да? А еще лучше, когда вы любите друг друга. Любовь прекрасна, доктор, а ты к ней вплотную, даже когда сидишь в полном одиночестве в своем кабинете, потому что устал ото всех, устал от всех своих развлечений, устал быть в центре внимания и просто хочешь посидеть в тишине! А я? Я стою даже не на обочине и не могу подобрать объедки, которые остаются после всех вас! И остаюсь ни с чем! Мне мало того, что я имею, я хочу большего, но в силу своего уродства я не подхожу ни тебе, ни кому-либо другому! Я изгой, лишняя деталь в ваших чертовых часовых механизмах! — и несдержанные оскалом слезы брызнули из его глаз.

—Успокойся, Сережа, не все так худо, как ты говоришь. — "Что же ты, дурак старый, несешь?! Придумай, как затащить его в больницу!"— Ты малость не в себе, но все хорошо— нет ничего, чего нельзя поправить!.. Я понимаю, что мир, в который ты так хотел попасть, не пустил тебя, и так же понимаю все то, что ты испытываешь— действительно нелегко быть в стороне ото всех, это чистая правда! Позволь мне помочь тебе. Не против, если мы с тобой съездим ненадолго в лечебницу, пройдем пару тестов, а потом просто поговорим обо всем?— "Он на взводе, будь осторожнее."

—О, нет-нет-нет-не-е-ет!— запротестовал Сергей,— Обратно я ни ногой! Ты не заставишь меня!

—Ну разумеется, никто не принуждает тебя ехать со мной, я просто прошу тебя...— "Думай, Витя, думай!"— Я хотел попросить тебя, как друг, потому что я очень за тебя волнуюсь. Поверь мне— я не отношусь к тебе так, как ты это себе представлял. Признаю, что намерения по отношению к тебе у меня отчасти действительно были честолюбивые— мне хотелось добиться успеха там, где потерпели поражение другие. Но так же мне хотелось дать тебе шанс на лучшее будущее, приложить руку к твоему выздоровлению. Просто... помочь тебе. — "Он задумался! А теперь медленно приблизился к нему..."

Но, едва Виктор сделал шаг, Сергей посмотрел на него так же, как на любого другого человека, проявившего враждебность.

–Ты мне не друг, не ври!

Надо был заканчивать поскорее– неустойчивая психика вот-вот толкнет его на что-то непоправимое! Сумароков понял, что теряет пациента, теряет свои труды, на которые были положены годы. Он не ведал, как еще подобраться к нему так, чтобы не случилось рецидива– если случится приступ, это уже будет целиком его вина. С другой стороны, Виктор уже твердо решил вернуть Сергея в клинику. Все, баста! С экспериментами давно следовало завязать, а этот уже застыл на грани провала, готовый вылиться во что угодно– от попытки самоубийства до нападения на людей. Он не контролирует себя, больше нет, и теперь остается лишь...

И тут Сумароков вспомнил слова Валентина.

–Я не друг, ты прав. Но я отношусь к тебе, как отец к сыну.

Опешив от неожиданных слов, Сергей удивленно распахнул на него свои уже не жуткие глаза, не удержав отъезжающую вниз челюсть.

–Я не говорил тебе, потому что не знал, как ты к этому можешь отнестись, обрадует ли это тебя, но ты для меня действительно, как сын. – продолжал Виктор говорить, не сводя глаз с кровавого пятна на руке, часть которого осталась на лбу Роднина.

"Прости меня, мальчик, за все. И в особенности за это!"

–И я очень беспокоюсь за тебя! Не могу игнорировать то, как ты справляешься с этой жизнью, не способен больше отвлечься на сторонние мысли даже о других своих детях, потому что ты целиком захватываешь мои мысли! Я знаю, что в последнее время я отдалился, но у меня, ты же знаешь, много других пациентов, которые так же нуждаются в помощи! И в конце, когда уже все, что можно, сделано, я все еще хочу тебе помочь. Но для этого нам нужно поехать в лечебницу, совсем ненадолго!

–А на сколько это "ненадолго"? – полюбопытствовал Сергей и Виктор почувствовал, как у него отлегает от сердца.

–День, может больше. Посидишь с нами в кабинете, чаю попьем! У меня как раз еще несколько книг новых набралось, которые я тебе забыл отдать. Ну, как тебе? – "Улыбнись, растяпа!"

–Только на день, и все? – Сергей недоверчиво приподнял брови, при этом опустив лицо. "Теперь я понимаю, что любое его движение иногда действительно до странного отвратительно смотрится. Особенно, когда его руки..."

–Да, только день. – и черточкой не дрогнув кивнул доктор.

Ответ не заставил себя ждать, если б не внезапный взрыв, раздавшийся несколькими этажами ниже. Поверхность крыши под ногами всех троих задрожала, лишая равновесия, и все трое разом опустились на колени. Откуда-то снизу повалил густой черный дым. Глаза немедленно заслезились, стало трудно дышать. Где-то внизу разгорался мощный пожар и рев огня раздавался так громко, словно пламя бушевало не в нескольких метрах внизу, а прямо возле Сумарокова. Огненные языки от взрыва достигли зеленых одеяний деревьев, хвоя немедленно вспыхнула. Начали кричать люди, зашлась в истерике сигнализация. Сумароков, не теряя времени, хлопнул Валика по локтю и вместе они набросились и скрутили не ожидавшего нападения Сергея. Связав ему руки ремнем, заткнув за спину, втолкнули его на лестницу вниз. Не тут-то было, ибо дым заполонил предпоследний этаж и стремительно поднимался вверх. Вытащив пациента обратно, оба ринулись ко выходу соседнего корпуса, что вел к соседнему подъезду. Здесь дыма не было и троица, не теряя ни минуты, благополучно спустилась во двор.

На улице уже образовалась толчея. Сотни людей, спокойно сидевших по квартирам за своими девайсами, хлынули на улицу, чтобы посмотреть на то, как горит квартира их соседа. Увлекательное, заставляющее испытывать удовольствие от того, как часть чей-то жизни, а то и вся жизнь, сгорает прямо сейчас, зрелище! Это была сцена балета, в которой бесчислен-

ные языки пламени в роли не только танцоров, но и жуткого духового оркестра, исполняли последний, жуткий в своей безысходности и красоте акт жертвоприношения Молоху. Буйное воображение многих живо нарисовало себе агонизирующий силуэт без пола, имени и черт лица. Только огромная воронка вместо рта издавала визгливые крики адской боли, пока кожа покрывалась волдырями, которые спустя миг лопались, брызжа сукровицей. И на этом моменте подернутые фантазией глаза зажмуриваются от страха, пытаясь отогнать образ, навеянный мозгом.

Сумароков взглядом отыскал свою машину и, расталкивая и покрывая каждого встречного ведрами словесного поноса, побежал к ней. В миг затолкав уже несопротивляющегося пациента, захлопнул дверь и нажал кнопку блокировки. Затем снова обернулся в сторону горящего этажа. Огонь бушевал примерно на седьмом этаже и, опустив глаза ниже, доктор с мрачным удовлетворением заметил темный проем разбитого окна. Сев в машину, он помахал Валику и немедленно направил автомобиль по тротуару к выезду с улицы, когда Сергей, прикинув носом к окну, увидел прелестное личико, зашедшееся в крике. Навстречу автомобилю уже неслась на всех порах пожарная служба с истошно воющей сиреной. Стараясь не думать ни о чем, Виктор выгнал машину на главную дорогу, не расслышав, что сказал Сергей.

–Извини, что-что? – переспросил он, снизив скорость до необходимого числа.

–Парень умер. – мрачно ответил Сергей, безучастно смотря на пронсящиеся мимо легковушки.

–Какой парень? – Сумароков взглянул на Роднина в зеркало заднего вида.

–Вы его не знаете, доктор.

–Надеюсь, что ты не прав!

Птичья улица уже скрылась за очередным поворотом, но столб черного дыма глядел на них до самого конца.

* * *

Сумарокову это все надоело и он решил ответить таки на вызов. Буркнув "Хорошо!" коллеге, твердым шагом направился к палате, уже издали слыша не прекращающийся ни на йоту ор.

Сергей Роднин лежал на кровати, связанный по рукам и ногам, оставленный в таком положении со вчерашнего дня. И, едва Сумароков вошел, утих. Бесцветные глаза с неизменной страннотой смотрели на него, как в тот день, когда он сорвался. Уже две недели прошло, но он все никак не унимался.

"И откуда у тебя столько сил-то взялось, чтоб орать аж круглые сутки две чертовых недели?"

Вместо этого Виктор произнес:

–Ты хотел меня видеть?

–Выпусти меня отсюда, лжец. – тихим спокойным голосом, будто и не было этих недель, будто минуту назад ничего и не происходило, сказал пациент.

–Увы, не могу. Ты опасен.

–Ошибаешься, доктор.

–Ты сам-то веришь в то, что несешь? – Виктор уже не желал придерживаться вежливого тона.

–Не говори так со своим сыном, Виктор! – лицо сморщилось и покраснело, готовясь исторгнуть из глаз слезы.

Доктор тихо засмеялся.

–Почему ты обманул меня, Виктор?

–Я по-прежнему твой друг, а это значит, что я должен о тебе позаботиться. Даже в том случае, когда ты категорически отказываешься от помощи. Я должен сделать так, чтобы тебе стало лучше.

–Тогда развяжи и выпусти меня!

–Нет.

–Ты обещал мне! Ты обещал, что это не продлится дольше дня. Ты же столько всего сказал, а я поверил тебе!.. Неужели ты и тогда лгал?

–Право, ну что ты как маленький? – сохраняя спокойствие, ответил доктор, – Ты и вправду думал, что после того, что я видел и узнал, я тебя выпущу? Ты и впрямь поверил тому, что я тебе наболтал? Я сделал так, чтобы заманить тебя, потому что ты опасен! Ты вламываешься в квартиры к людям, ты пугаешь их, у тебя на руках была обнаружена чья-то кровь, а чья– еще не выяснили. Как еще мне надо было поступить, скажи мне? Ты и сам понимаешь, что никаких альтернатив для тебя нет и не будет предусмотрено. Так же ты должен понимать, что это чудо, что ты еще тут. Потому что тебя хотят перевести в отделение для буйных, а я там бывал и знаю, что для тебя это будет последняя ступень.

Последовала долгая пауза, прежде чем пациент ответил:

–Ты предал меня.

–Нет, это ты предал себя. – равнодушно ответил Сумароков, – Это ты не в состоянии совладать с собой, это у тебя дюжина психических расстройств, это ты нуждаешься в том, чтобы тебя все время контролировали и опекали. Один ты ни на что не сгодишься и я в этом убедился.

–Несколько лет я жил, как человек! – сорвался на крик Сергей, – Несколько лет я прожил практически без единой ошибки и вот, случись одна, ты меня запираешь и садишь на привязь, как собаку?! Что ты за человек такой, скажи мне?

–Я пытаюсь сделать все, чтобы тебе было лучше не за счет других людей, но я не могу быть вечно твоей нянькой до конца своих дней. Прости. – разговор был окончен и Виктор вышел, закрыв за собой дверь.

"Ты был прав– парнишка умер."– единственное, что он не сказал вслух.

–Я здесь пленник, Виктор! Ты сделал только хуже! Я умру здесь и ты будешь знать, кто в этом виновен! – эхом в уже пустом коридоре раздался голос из палаты.

Когда дверь закрылась, Сергей оказался почти в кромешной темноте– лишь неустойчивый лучик полной луны проникал внутрь через единственный чистый сегмент матового окна, укрепленного решеткой, пусть и немного, но освещая крошечную палату. Он совсем пал духом. Он чувствовал себя так, словно его схватили за ноги и хорошенько приложили с размаху об пол; словно гигантская птица схватила его за шею и проглотила, прежде перемолов своим огромным клювом; словно из него высосали всю жизнь. Так знакомое с детства чувство ненавистными хладными перстнями погладило его по щеке, шепча: "Ну, вот мы и вместе."

А за окном ворон все так же стучал клювом по растрескавшейся от времени раме.

Междусловие первое.

Экран монитора замигал и погас. Разбуженный внезапными вспышками, Фил выплюнул попавшую в рот прядь волос и выпрямился, уперевшись спиной в кресло. Закрыв глаза, начал шарить рукой по столешнице. Рука задела компьютерную мышь и он почувствовал, как свет коснулся внешней стороны век. Медленно раскрывая глаза, парнишка заранее морщил нос в ожидании болезненного укола в глаза, но боли не последовало. Хорошо, весьма хорошо... Раскрыв глаза шире, Филипп грустно улыбнулся. "Еще не все."– сказал он пелене, застилающей глаза. Стараясь проморгаться, смешно вытянул лицо и раскрыл рот, на секунду вообразив себя мумией из какого-то дешевого ужастика. Надавлив подушечками пальцев побольнее, мысленно укорил себя в неправильности своих действий. "Ты делаешь себе только хуже!"– внутренний голос, так похожий на голос его отца, прогудел в голове. "Да-да-да..."– уже вслух произносил он сам скучающим тоном. А пелена меж тем медленно-медленно да рассеивалась. Вот– белое пятно оформилось в четкий квадрат экрана компьютера. Его окружала непроглядная темнота,

но и она со временем отступила. Глаз уже мог уловить старенькую печатную машинку справа от экрана, мирно почившей на поверхности стола из дубового дерева, собственноручно сколоченного его отцом. Отец вообще был тот еще любитель древесных изделий— даже целый склад древесины в гараже позади улицы, пуская материалы на свои проекты по заказам друзей и их знакомых. Кровати, стулья, полки, шкафы, столы— все он делал практически за бесценок, за простое человеческое "Спасибо!", не забывая вложить душу в то, что делает. Простая, добротная, пусть и лишенная лишних изысков вроде резьбы мебель широко ценилась среди жителей Сорска, потому долгого простоя у захламленных стен можно было не ожидать. В основном, конечно, он делал столы— широкие прямоугольные, без намека на оригинальность, на деле и не нуждавшихся в ней. За такими обычно завтракают, обедают и ужинают в кругу семьи, какой бы большой она не была в представлении маркетологов, иницилирующих съемки дорогой рекламы для очередного своего продукта, будь то майонез двадцатипроцентной жирности или мультиварка, способная превратить парочку полуфабричных пакетов в кулинарный шедевр. При желании на одном из них можно было бы разместиться с целью хорошенько вздремнуть без риска свалиться под собственным весом. Именно на таком столе минуту назад покоилась в беспокойном сне голова юного сынишки его создателя.

По привычке скребя ногтями по столу, Филипп достигал успехов в фокусировке. Уже различались маленькие черные буквы на белой бумаге. Он вновь перечитал написанное, с кислой миной вырвал листок и порвал, после чего с тоской во взгляде обратился к экрану. Уже третья попытка написать хоть что-то с треском провалилась. Испытывая стыд и презрение к самому себе, парнишка смотрел, как маленькая мошка села на светящуюся теперь неонем поверхность монитора. "Ну, привет, малыш."— подумал Фил и поднес палец к крошке-насекомому, придерживая в миллиметре от порхавших крылышек. Он уже достаточно мог управлять своими глазами, чтобы различить, как мошка, перебирая крошечными лапками, вскопчила на ноготь, который для нее был, как для любого другого человека танцпол в диско-баре— большой и круглый, танцуй не хочу. Секунду она покружила на месте, будто и впрямь пританцовывая, после чего вновь перескочила на экран. "И так каждый раз,"— подтвердил Фил, — "Каждый раз в течении уже скольких лет ты проворачиваешь тот же самый трюк и каждый раз я тебе подыгрываю." В сотый, должно быть, раз он задумался о том, сколько живут мошки. И вновь ему захотелось это узнать, но руки все никак не желали пошевелиться и странное нежелание оставивало его от маленького ответа на столь несущественный вопрос. Наверное, ему доставляло некое удовольствие думать о том, что это маленькое насекомое было его личным другом. И пусть здравый смысл подсказывал, что такое невозможно, что мошка точно не может прожить сей огромный, даже исполинский для нее срок, но детская тяга к наивной вере душила сидящую внутри реальность, тормоша за грудки и мешая торжественно заулюлюкать во весь свой голос, заполнить все закоулки сознания ликующим "Ага-а!". И всякий раз, видя маленькое летучее создание, он повторял их маленький ритуал, испытывая несвойственное ему удовлетворение, которое редко из-за чего удавалось почувствовать до сих пор. Как и в этот раз.

Спустя полминуты застывшее на месте насекомое вновь улетело.

"Пока, малыш."

Бездумно глядя в экран, Филипп вернулся к тому, от чего начал— раздражение на себя. Его коленка дергалась в такт с его выпадами против себя. Он корил себя за то, что вместо того, чтобы искать место, где будет обучаться после окончания школы, решил потратить время на очередную бесплодную попытку что-то написать. Сотни голосов звенели у него в ушах, наперебой пытаясь рассказать свою историю, но едва он садился за отцовскую "Smith Corona", как они резко замолкали, оставляя после себя звенящую тишину. Тишину и безмолвный крик его личной досады.

Будущее. Какое будущее его ждет? Филипп был уверен на сто процентов, что впереди его не ждало ничего хорошего. Университет-не-важно-какой, где ему придется вновь прожи-

вать несколько лет бок о бок с другими такими же потеряшками, не знающими жизни, да и не желающими ее знать. Вместе со всеми он будет прятаться от будущего, уткнувшись в учебники, тетради и мониторы, лелея пустые надежды о светлом будущем, где все всего достигли, сублимируя недостаток жизни ее суррогатами. Как и все остальные – потому что так принято. После сдачи диплома он будет вынужден выйти в огромный, враждебный мир, лишь бы его не отправили в него размашистым пинком под зад. Отсидеться дома, как в детстве, уже не выйдет и придется действовать. И толпа, огромная армия потеряшек хлынет на рынок труда, спеша занять самые злачные места через знакомых-друзей-родителей. Они не зададутся вопросом: "Зачем?", они просто пойдут туда, куда им "подскажут". Просто потому, что так надо. "Так положено, между прочим!" И он пойдет не вслед, но вместе с ними, устроится с подачи упивающегося радостью и гордостью отца на свое злачное место и начнет карьеру. Будет трудиться без усталости, не оглядываясь по сторонам по будням, а в вечер пятницы в кругу "друзей-коллег" особо постарается упиться вусмерть поганым пойлом, дабы отогнать от себя усталость рабочих дней. А там недалеко до спаривания с гривуазной дурашкой-секретаршей своего начальника или сиденья с унылейшим видом в обнимку с бутылкой. В выходные они оба будут отсыпаться в его кровати, сбивая в кучу простыни и одеяла, предаваться любовным утехам между глотками свеже сваренного горького кофе и просмотрами отстойных любовных комедий. Затем она начнет разговор про "нас", а он с негодованием выпнет ее из квартиры, как будто она нанесла ему самое гнусное оскорбление. И ведь это точно сработает! Затем аспирин, возможно валидол, щепотку снаффа для бодрости. И вперед – вновь в будни, в эти серые будни, в эти ужасные мертвые будни. Сотни кратких бессмысленных романов или один продолжительный с сокрушительным предательством с ни-пойми-чей стороны. Неясные разрывы – то ли в чуть алой бумаге четырнадцатой страницы, то ли во вполне определенно алой ткани сердечной мышцы. Далее при любом раскладе женитьба по залету и свадьба на четыре годовых зарплаты, потому что "любимая так захотела, а любимый просто осёл". К тому времени Филипп уже станет тряпкой и не станет спорить. По традиции после свадьбы последует горящее зарево ипотеки, этого гиганта-людоеда без личности, но с поражающей историей, не отличающегося изысканностью вкуса. А после, если повезет, рождение маленького орущего кулька мяса с нужным процентом родства в ДНК-тесте. И, пока папочка будет горбатиться на двух или трех работах, сполна расплачиваясь за собственную глупость, мамочка воспитает ребенка в лучших традициях женского воспитания – наглым высокоактивным социопатом-потребителем... или тьюфтей. И будет отец-тряпка слушать, как его чадо бубнит: "Мама хаёсьяя, а папа казел!". "Где ж я оступился?" – вот такие мысли пронесутся в голове у него, когда внезапно прогремит гром – развод. Убитый виной и обвинениями в свой адрес, папочка отдаст все кровно нажитое любимой семье, а сам найдет себе съемное жилье и на остатки своей зарплаты, порезанной на алименты и выплаты ипотеки, будет жрать "доширак" и доживать свой короткий век. А там и смерть в пятьдесят с хвостиком... Что-то забыто? Ах, да: на похороны, конечно, кто-то придет, поплачет для приличия. Вот только не успокаивает эта мысль. Ничуть – жизнь-то все. Капуть!

Или...

Или Филипп изначально откажется от пути нормального человека и присоединится к горстке тунеядцев. Разочарование отца, скандал, уход из дому и вот он – бездомный, но свободный, ночует у кого-нибудь из сердобольных знакомых. Игнорируя фразы – "Возьмись за ум!" – он продолжит свое существование либо как алкоголик, возможно, что и наркоман. Либо как преступник. Те еще перспективы, но раз уж оступился, то стоит идти до самого конца! Немного после этого ждет – и практически все подпадает в криминальную сводку. Или в некролог. В любом итоге – смерть. И никто не придет, не поплачет. Эта мысль тоже не успокаивает. Ничуть. И жизнь уже все – капуть.

Он хотел быть водолазом, но прекрасно осознавал, что для этой цели придется пойти по первому пути. По пути, изначально не имеющему, как он считал, поворота в желанную сторону.

За учебой и дружно за ней следующей работой все мечты подернутся сначала рябью, затем превратятся в мираж и, едва пройдет секунда, растворятся в рутинном сочетании двух столпов комфортного существования– Работа и Семья. Мальчик помнил рассказы отца о том, как он очень хотел повидать мир, хотел унести свое брненное тело куда глаза глядят и прожить каждый день, как последний. "Но потом я встретил твою мать, мы полюбили друг друга и родили тебя." – увлеченно вещал мужчина, полируя дерево наждачкой, – "Конечно, может показаться, будто я от всего отказался и похоронил свои мечты, но... признаться, это были самые счастливые времена в моей жизни! И сейчас счастливые – ведь мы с тобой. Здесь и сейчас." После этих слов он поспешно вставал, делал вид, что ему срочно что-то нужно сделать и уходил. Раньше Филипп думал, что отец и вправду уходил по делам, но однажды из любопытства проследил, как тот ушел в свой гараж. Тогда-то сын впервые услышал, как его отец давится рыданиями, воочию увидел сгорбленную фигуру, сидящую на полу в кругу света, исходящего голый лампочкой, торчавшей из обрывка кабель-канала в потолке.

"Это еще ничего."-подумал он тогда, – "Когда умерла мама, было в разы хуже."

И в правду – когда умерла мать Филиппа, потеря больнее всего ударила именно по отцу. Будучи ребенком, Фил мало что понимал и осознавал, потому на фразу "Мама больше никогда не придет, сынок. Прости." просто заплакал пару ночей и свыкся. Ведь он был совсем маленький– всего десять лет. Его отец же не смог так легко справиться. Затяжной период вспышек ярости и горя сменился еще более длинной депрессией. Сын был передан родственникам почившей матери, отец же остался на попечении собственного отца, который много лет назад пережил такую же ситуацию. Однако помощь деда не возымела успеха и, выгнав его из квартиры вместе с вещами, отец запил. Пил все время, не щадя себя и свой организм. Так прошло около двух лет, пока он внезапно вышвырнул в мусоропровод все бутылки и решился вспомнить о сыне. Но вернуть Фила оказалось не так-то просто, а неуравновешенный до предела за два года характер только ухудшил положение. Дело чуть было не дошло до суда, но на этом все и ограничилось– Филиппу было уже двенадцать и, поговорив немного с отцом, он изъявил желание жить с ним.

Было очень трудно вновь восстановить общение, но они справились. Поначалу отец держался молодцом, но все-таки сорвался и вновь запил. Тогда же он впервые ударил Филиппа так, что у того пошла кровь из носа. Мальчик не обижался на своего отца, видя, как тот буквально рухнул перед ним на колени, умоляя простить его несдержанность, в тот же момент терзая воротник маленькой рубашонки своего сына. Пытаясь исправиться, отец посвятил себя целиком и полностью воспитанию сына и именно тогда нашел себя в работе с деревом, когда вырезал ему в качестве подарка фигурку орла. Наблюдая за тем, как мальчик радостно играет с новой игрушкой и показывает ее каждому встречному-поперечному, задумался о том самом– быть ему столяром. Если в воспитании сына он пытался найти прощение, то в своем уже хобби находил утешение в минуты прилива сильных эмоций. Иногда, конечно, не обходилось и без срывов– пил и бил сына, за что совесть грызла его изнутри с утроенной силой. Тогда отец просто звал сына, зная, что тот всегда придет, и проводил с ним досуг– учил обработке древесины, возил к знакомым на загон покататься на лошади, иногда ходил с ним в кино. Иногда, если времени было мало, но необходимо было напомнить сыну о том, что он не брошен, отец прогуливался с ним вечером вокруг игровой площадки, помогал вешать на хвойные ветви кормушки для птиц, затем и наполнять их. Более тридцати подвесных "избушек"– дело рук мальчика, увлекшегося птицами, и отцу было приятно наблюдать за тем, как карабкается вверх его малыш, чтобы в очередной раз заполнить доньшки. Сын пытался познакомить отца поближе с птицами, но крылатые проказники отказывались подлетать ближе к большому человеку, не выказавшем лояльности. Иногда, поддавшись уговорам мальчишки, отец даже залезал на деревья– не особо высоко, но достаточно, чтобы привести сына в восторг. И все же и это он проделывал через силу, что приобрело характер выкупа у сына прощения, нежели про-

стого желания провести время вместе, заполнив его весельем. Но Филипп был и этому рад. Он любил своего отца и понимал, как ему трудно. И, когда отец в очередной раз распространялся о "счастливых годах", после чего уходил предаваться скорби в гараж, Филипп всегда готовился к оплеухе, принимая ее как факт наказания о напоминании. И через пару лет уже не мальчик, но еще не мужчина не испытал ни страха, ни чувства вины, приняв твердую уверенность, что в этот раз он себя ударить не позволит.

Когда мальчик в возрасте четырнадцати лет впервые ответил на отцовский удар, тот был ни много ни мало шокирован. Тогда он принялся за воспитание сына уже как мужчины. У него были советы на все случаи для подростка такого интересного возраста. Он не учил сына терпеть обиды, но учил его отвечать адекватно. Он учил его контактировать со сверстниками и отчасти это удалось. Он учил его контактировать с взрослыми и взрослые были удивлены. Еще в детстве заметив любовь сына к рисованию, предложил ему пойти в художественную школу, но встретил категоричный отказ. Тогда отец просто купил карандаши и альбомы и сказал сыну: "Делай с этим, что хочешь." Ему нравилось смотреть, как сын нависает над листом бумаги и старательно вырисовывает что-то и как периодически недовольно дергает головой, допустив ошибочный штрих. Когда сын с восторгом показывал ему свои каракули, отец изображал радость, выхватывал рисунок и вешал его на стену. Вскоре вся стена была в рисунках. Его сын не был новым Пикассо, Дали или Рембрандтом, но его художества приходились ему по вкусу. Мужчина разглядывал их, засыпая перед очередным рабочим днем и образы, начерканные подростковой рукой, повторяющей образы живого юношеского воображения, оживали в его снах. Но однажды он посмотрел на стену и не обнаружил ни одного рисунка. На вопрос отца о рисунках в ответ последовал длинный гневный монолог, полный разочарования в себе, как художнике. Филипп сложил рисунки в стопку и отложил в ящик. А затем и вовсе сжег где-то в лесу. Незаметный поворот привел к началу его пути разочарования во всем, чего касался взгляд. С грустью во взгляде отец был вынужден наблюдать, как его сын рос, а его душа черствела.

Филипп смотрел на жизнь отца и видел тот самый поворот, который привел его отца к нынешним дням и которого он сам так боялся. Испытывая страх и нежелание прожить ее так же, невольно застыл на одном месте, подобно статуе. Став чрезвычайно замкнутым человеком, больше не вел ни с кем общения, сжимаясь при мысли, что мимолетная привязанность может сломать его жизнь. Со временем его замкнутость и скрытость привела к ожидаемому результату— он стал невидимкой для всех, кроме отца. Если одноклассники, учителя и просто окружающие люди словно не видели Фила в упор, давая ему так важную для него защиту от эмоций, то взгляд жестких глаз отца непрерывно сверлил его в затылок, не позволив забыть, что все еще есть тот, кого будет не так-то легко оставить позади. Очень часто Филипп представлял, как сбежит из дома и отправится куда глаза глядят. Мечтая о той свободе человека, которого ничто не волнует, он невольно улыбался, предвкушая будущего себя в этой роли. Он знал, что рано или поздно разорвет узы и уйдет в закат, как должно быть. Но что будет с отцом, что произойдет после того, как квартира опустеет и воцарится кромешная тишина? Именно эта мысль возвращала юношу в состояние печали, ведь Филипп знал, что для отца он— смысл жизни, единственный, ради кого стоило жить. И отобрать это у отца было бы нечестно, бесчеловечно.

"Так как тогда быть? Я не могу вечно оставаться рядом лишь потому, что ему так будет легче! Я хочу уйти отсюда и поскорее! Я хочу чувствовать, что не провожу эти дни напрасно, а именно так они у меня и проходят, хотя жизнь еще даже не началась. Рано или поздно, но я оставляю тебя, отец."

И чувство вины, схватив за руки жалость, словно кислота разъедала грудь Фила.

Не в состоянии больше думать об отце, Фил решил отвлечь себя. Закрывая десятки вкладок с неважным содержанием, он задержался на одной. "Как справиться с назревающей слепотой? Советы ведущих психологов и офтальмологов. Читать далее..." Сжимая губы, он закрыл

и ее. Бесплезная писанина, никак не способная облегчить процесс. "Кто знает, может у меня не будет и такого будущего, что я себе напороочил. Может статься так, что все закончится еще раньше." – и, словно радуясь своему недугу, он оскалил зубы. – "Чертова гипертония."

Внезапно его ухо уловило чьи-то ругательства. "Ослеп, но пока не оглох!" – торжествующе прошептал Фил, закрыл глаза и прислушался.

Так оно и было – "волчата" опять устроили перебранку, как обычно забыв закрыть окно и избежать непрошенных слушателей. О чем именно шел спор, Филипп не смог разобрать, но по голосам и интонациям он предположил, что конструктивность в их ругани уже ушла пить чай в гости к здравому смыслу. Фил не хотел того, но однажды он уловил краем уха перешептывания бабок, что сидели у подъезда.

–Слышала, Михайловна, наши новенькие с пятого подъезда еще обжиться толком не успели, а уже разводиться собрались!

–Да как тут не слышать-то, родимая, уже все в курсе! Все только об этом и говорят! – под "всеми" она подразумевала лишь себя и пару своих древних подруг, которыми и ограничили ее круги общения вместе с кругозором.

– Интересно, с чего бы это им разводиться? У них же, вон, ребеночек маленький, девоська!– гнусаво вклинулась третья,– Наверняка налево гульнул, кобель!

Все тут же начали поддакивать.

–Бедная, бедная Вера. Красавица девочка, королевна, ему б землю целовать, по которой она ходит, она ж ему дитятко родила, а он на сторону бегаает, плут пархатый!

Слыша это, Фил тогда презрительно ухмыльнулся– "красавица-девочка" весила примерно двести фунтов, если не больше, а разнесло ее будь здоров.

–Ух, каков подлец, а! Интересно, как они разводиться будут.

–Ну-у, -важно подняв палец, сказала самая жирная из них, – Если он настоящий мужчина, то отдаст дом ей и дочке, а сам пусть найдет себе другое пристанище.

"Возмутительно!" – а бабки лишь восторженно поддакивали:

–А потом пусть еще алименты на нее и ребенка платит, потому как что это за мужик, который сбегает из семьи? – "Глупая, алчная старая сволочь!"

Дальше он уже не слушал, ибо такого отвращения он никогда не испытывал.

Тем временем ночные разборки внезапно стихли и повисла гробовая тишина. Бездумно глядя на печатную машинку, Фил качнул головой и встал из-за стола.

Сегмент Б.

"Я знал одну девушку всего один день. Через пять дней она умерла, а ее отражение стало считать меня своим другом."

Утром Соню опять стошнило. Коленки дрожали от страха, стук сердца словно раздавался из конца коридора, темного и мрачного, в глубине которого спряталось что-то неизвестное, неведомо что желающее причинить ей. Глубоко вдохнув, она задержала дыхание и медленно опустилась на колени, вцепившись в раковину. Но в последний момент чувство равновесия отказало и ноги подкосились. Упав на колени, она больно ударилась подбородком о край раковины, прикусив кончик языка. По губе потек солоноватый ручеек крови. Рыдая от боли и обиды, девушка ошупала свои зубы. Целые. Прикушенный язык неприятно жгло, он пульсировал от боли. Жалобно всхлипнув, она перевела дыхание, встала на ноги и набрала в рот холодной воды. Ледяная вода приятно остудила ранку, заставив боль отступить на задний план. Выплюнув ало-мутную воду, Соня чуть вытерла лицо полотенцем, стараясь не прикасаться к подбородку. Небольшое кровавое пятнышко все же осталось. Черт, хоть бы мама с папой не увидели!..

Ужаснувшись от этой мысли, Соня быстро развернулась и захлопнула дверь ванной. "Отлично, меня не видно! Теперь надо замочить его!" – с этой мыслью она кинула полотенце на дно раковины и схватилась за ручку горячей воды. Осматриваясь в ванной, она недовольно морщилось. Папа, рассказывая об этой квартире, явно слукавил, заявив, что квартира в идеальном состоянии – черные то ли от копоти или чего-то еще углы под потолком да опутанная в паутине люстра были лишь верхушкой айсберга. Соня уже боялась заглянуть под ванну, страшась увидеть там тараканов, зная, что ей станет плохо даже в том случае, когда она увидит кончик шевелящегося уса. Соня очень боялась насекомых. В детстве она застала те времена, когда тараканов было целые тучи в каждой квартире и ежедневно ее родители орудовали тапками, охотясь за маленькими жуткими тварями, а по ночам легионы панцирных дикарей сменяли восьмилапые крошечные чудища со жвалами, незаметно опускавшихся с потолков по тонкой паутинке. Их были целые полчища – они прятались по всем углам и закуткам, а также там, куда могли пролезть. Под картинами их было немерено, словно медом помазано – едва уничтожалось одно семейство, на его месте возникало еще одно более многочисленное, а оттого еще более жуткое. Всякий раз Соня, бывшая в ту пору совсем маленькой девочкой, заходила в истошном визге, пока ее родители устраивали нежелательной живности Армагеддон квартирных масштабов. Потом тараканы исчезли. За ними в тень ушли и пауки. А страхи как были, так и остались, порой напоминая о себе в редких кошмарах.

Вспомнив о тараканах, Соня передумала смотреть под ванной. Пусть папа этим занимается, раз он мужик! Соня любила своего папу, но типичной для современной реальности любовью потребителя к источнику всех благ. Вся искренность была обращена к матери – женщине лет сорока, жизнь которой наложила видимый отпечаток на постаревшем лице в виде глубоких морщин и тусклого взгляда, а на боках отложилась остатками несметных полчищ съеденного фастфуда. Все трое они составляли тот образ, тот стандарт социальной ячейки, столь любимый и восхваляемый обществом. Отец, стандартный работяга, с головой уходил в свою работу, иногда забывая обо всем, что его окружало, всегда готовый понести за это заслуженное наказание. Мать же половину своей жизни проработала воспитателем в детском саду, исполняя роль суровой надзирательницы за маленькими вредничками. В какой-то мере это сказалось на ее методах воспитания, ограниченных сугубо в унижении виновника перед остальной детворой. Так как женщина она была начитанная и знала кучу небранных слов с бранным значением, то успешно манипулировала детскими неокрепшими умами, из-за чего малышам и Соне по совместительству порой смачно доставалось. В семье она была главная. И верно – откуда отцу, вечно погруженному в работу и содержание семьи, находить силы на то, чтоб отстаивать свое звание главы семейства в, казалось бы, укромном тылу? Прибывая в условную безопасную гавань, он наткался на штыки союзника и вскоре был вынужден принять капитуляцию с последующей сдачей верховных полномочий. Именно это и сыграло свою роль в оценке дочери его персоны не иначе, как "спонсора", не "отца".

Развернувшись на носках по скользкому кафельному полу, Софья профланировала в гостиную. Квартира, выклеенная обычными обоями и с покрытым обычным серым ковром полом, ей не нравилась даже при наличии вполне приличной для подобного "захолустья" мебели и это было видно по ее по-детски сморщенному носику и сжатым в ниточку губам. Как и вся семья, девушка весьма стандартна – внешность миловидная, но не запоминающаяся. Просто представьте себе обычную ничем не приметную девушку с привычным глазу мнимым высокомерием в взгляде и вы попадете в яблочко. Тем не менее она-то считала себя воплощением красоты и с натиском разъяренного быка набрасывалась на любого, кто посмел заикнуться, хотя бы обрывком слова указать ей об обратном. Друзей она не имела. Вернее, ей думалось, что у нее было очень много друзей, но стоит признаться, что окромя как легкой взаимной симпатии к ряду ничего не значащих подростков намеков на фактическую дружбу не наблюдалось. Вся ее дружба заключалась в совместных прогулках по бутикам и забегаловкам, где

девушка предавалась с другими такими же девушками пустой болтовне ни о чем. Если б она не сообщала о себе, о ней бы и не вспоминали, как и она о них. Впрочем, недостаток оригинальности она восполняла своей искусственно выведенной экспрессивностью, которая, в свою очередь, все время меняла ориентир, часто ударяя в свои же ворота, провоцируя скандалы по всей полосе, огибающей границы поля зрения. Теперь они – "друзья", школьные подружки – остались где-то там позади и где-то в глубине души молодая Соня все же признала незначительность всех своих многочисленных отношений. Ей предстояло найти друзей здесь, в новом для нее доме, стоявшим перспективой новой жизни, и первое, что Соня твердо вознамерилась сделать – поставить друзей на первое место в списке приоритетов. Оставалось лишь найти, с чего начать.

– Ты что-то хотела, милая? – пробубнил отец, решивший отдохнуть пять минут после перетаскивания тяжелой мебели по комнате.

Гостиная походила на склад с заведующим, из цитат знаменитых людей отдавшего предпочтение эйнштейновскому порядку и хаосу. Грузчики, разгружавшие фуру со всем имуществом их семьи, были подшофе и вопреки инструкциям попросту занесли все в то помещение, где места было больше всего. Недовольно бормоча, папа сам принялся за восстановление порядка. Маме же удалось свинтить под удачным предлогом "в кое-какой магазин". Дочь она предпочла не брать с собой – хватило и разговоров в машине по дороге в город.

– Посмотри под ванну, папочка, нет ли там тараканов! – в приказном тоне проворковала дочь, хитро прищурившись.

Вздыхнув, он закатил глаза, но тут же с хрустом разогнулся и прошел в ванную комнату.

– Здесь нет никаких тараканов, милая! – раздалось оттуда спустя секунд десять. – Тут только какой-то склад мусора. Ну, ничего! Сейчас все уберу.

"Да уж, постарайся." – самодовольно подумала Соня и, схватив сумочку, крикнула ему, что идет прогуляться. Его ответ оборвался на полуслове громко хлопнувшей дверью.

"Новый дом, фи!" – с презрением подумала она, спустившись на последний лестничный пролет, выждав секунду в приятной прохладе вполонину освещенного предбанника. Она не хотела уезжать из солнечного Краснодара в эту "дыру", как порой Соня, а с ней и ее мать выражались наперебой. Ей было невдомек, что у отца на работе случились серьезные проблемы, потребовавшие немедленного разрешения, и вылившиеся в срочные сборы и отъезд за тридевять земель. Да если и знала, то сочувствия бедолага никак бы не дождался – не заслужил.

Улица с виду казалась в разы приятнее, чем ее новая квартира. Перед девушкой на проезжей части сгрудилась стая птиц, старательно склевывавшая зернышки, бросаемые регулярно появлявшейся в проеме окна на втором доброй рукой. Периодически раздавалось хлопанье крыльев и тогда одна из птиц вспаривала вверх, спасаясь от давки, после чего планировала на край голубино-го столпотворения и вновь с завидным упорством рвалась в гущу. Посчитав, что крылатые крысы не заслуживают ее внимания, Соня вновь подняла глаза. С новым домом ситуация обошлась хуже, чем можно было представить и она только сейчас, сумев разглядеть его полностью, это поняла – он был воистину ужасен на вид, напоминая собой тюрьму – объединенные в одно здание корпуса образовывали собой большой черный квадрат с грязно-белыми просветами окон, с которых то тут, то там по всему периметру свисало белье на балконных решетках. И, если б не зазор в виде въезда-выезда с улицы, ее мысленное сравнение вряд ли далеко отошло от истины. Здание не красили, наверно, со времен Советского Союза в годы его расцвета, если оно вообще было построено именно в то время, а не чуть позже. Деревья, во всяком случае, явно с того времени и росли. Таких высоких хвойных гигантов Софья в жизни не встречала, даже близко нет. Часть из них были даже выше, чем здание, а их раскидистые ветви, увешанные странными кормушками с флажками и гирляндами, нависали так низко, что можно было с легкостью взобраться без чужой помощи на самые нижние, перелезть на верхние и усесться с большим удобством.

"А это идея!"

Соня с непривычной для ее худенького, не одаренного физической силой тела легкостью взобралась на стволовой стык и с удобством устроилась на одной из наиболее широких – шире ее бедер, – ветвей, вытянув свои тощие ножки по направлению спуска к центру ствола, проведя глазами по двум древесным анакондам, что свились в ровную спираль и по первому впечатлению были открыты для любого желающего покорить их вершину. Но Соня не собиралась лезть выше – помимо всего прочего высота так же сумела занять достойное место в списке ее фобий. Она вообще была жуткой трусихой. Случись какая неприятность – тут же бежала за помощью к любящему папе, который всегда был готов подсобить доченьке во всем, что бы она ни попросила. Однако глядя наверх и представляя себя на вершине этой улицы, девушка почувствовала, что подобная перспектива ее очень даже привлекала. Сказала себе, что однажды заберется туда, посмаковала на языке это слово. "Скоро... Главное, чтоб мама не увидела, а то мне конец!"

Лежать на ветке в прохладной тени было на удивление приятно – неожиданно мягкая кора не натирала нежную кожу ее ляжек под до неприличия натянутыми шортами, получившихся из собственноручно обрезанных джинсов, а плавные изгибы ветви словно повторяли линию позвоночника, будто для того и отклонившись в своем росте в сторону, чтобы именно эта девушка могла прилечь и отдохнуть на ней. Бурно росшая на ветках в разы меньших хвоя почти полностью скрывала от взгляда серые небеса, оставляя лишь крошечные просветы. Ночью здесь должно быть особенно красиво, а свет, исходящий из уличных фонарей, точно так же ненормально высоких в сравнении с обычными улицами, при дуновении ветра наверняка играет своими лучами, перекрещивая их в в хаотичном фехтовальном круговороте.

"Может, не так уж и плохо, что мы сюда переехали."

Увидев у своих ног цепочку муравьев, она безжалостно их раздавила.

* * *

– Ну, как тебе новый дом? – спросила мама, воткнув вилку и нож в смачный, истошающий соблазнительный запах легкой пережаренности стейк.

– Да как сказать... это ведь даже не дом, а квартира! – задумчиво подперев щеку, произнесла София, – Тут грязно и тесно, как будто в наркопритоне. Зачем мы уехали из нашего дома?

– Ну-ну, Соня, не преувеличивай. Тут не так уж и плохо. Правда, дорогой? – и жена покосилась чуть презрительным взглядом в сторону сосредоточенно жующего мужа.

Соня заметила недобрый огонек, мелькнувший в ее глазах. "Лицемерка!" – довольно подумала она и приготовилась к сцене.

– М? – отец семейства прервал трапезу, недоуменно уставился на жену и тут же послушно закивал, – А, точно! Тут не так уж и плохо, как ты думаешь, Сонь. Квартира расположена пусть и на краю города, но зато тут не так шумно, как там, и расположена она в хорошем месте. За окном видишь какие деревья! Тебе тут понравится, вот увидишь. Ты привыкнешь, освоишься, заведешь друзей. Может быть, тебе даже искать их не придется – улица большая, детишек твоего возраста тут наверняка немерено!

– Я уже не ребенок, пап! – начала было София, но тут ее мать рассмеялась. Жестоким, унижительным смехом, насквозь пропитанный сарказмом.

– Да, я видела тутошних жителей, Илья. Сплошь старые овцы и клуши с младенцами! – она впиалась своими змеиными глазами в мужа, – И верно, Илюш, идеальные кандидаты в друзья нашей любимой дочери! – и выразительно стрельнула глазами в сторону дочери.

Сославшись на сытость и желание почтить, Соня быстренько сбежала с кухни, внезапно поняв, что вовсе не желает видеть, как отец в очередной раз чувствует себя не в своей тарелке и не может найти слов для ответа. Закрывшись в своей комнате, она уставилась в окно на открывшийся ей двор. На улице быстро темнело и напротив ее окна зажглись фонари. Из-

за деревьев было видно только те, что стояли со стороны ее окон, если не брать в расчет те, что по бокам, у соседних корпусов, виднеясь краями своих световых кругов. Усевшись на подоконнике, девушка быстро сунула наушники-капельки в уши и включила первую попавшуюся мелодию. Заиграли биты, сумевшие перебить громкие вопли, исходящие из кухни, где мама принялась за полномасштабное третирование отца. Соня не испытывала жалости к отцу— для нее данная модель поведения в семье была нормой, к которой она привыкла еще тогда, когда впервые перестала плакать каждый раз, как мать повышала голос— а она повышала его по нескольку раз на дню. Конечно, грубить слишком уж откровенно своему мужу эта женщина не решалась, но изрядная доля высокомерной бравады в общении с ним присутствовала всегда и везде— наедине, во время совместных семейных ужинов, даже в моменты публичные, когда семейная чета отправлялась в ресторан или на встречу с другими столь же именитыми семьями. Непрошенным свидетелям оставалось лишь неловко переминаясь с ноги на ногу в смущении от того, что их бизнес-партнера унижает собственная жена, да еще и так изощренно.

Но Соня об этом уже не думала. Вмиг забыв об отце, она принялась за мысли о том симпатичном мальчике, от которого так и не дождалась первого шага, хотя и позволяла себе намекающие взгляды, намеренно ловя его в коридорах и спокойно проходя мимо. "Эх, вот если б не папа... если б мы не уехали сюда, я бы сейчас, наверно, была с ним."— вспоминая его красивое лицо с тонким аристократичным носом и впалыми щеками под красивыми скулами, она пустила слезу. Соня вообще очень любила плакать— ей доставляла удовольствие мысль, что она способна изобразить любую эмоцию столь натурально, словно действительно переживала ее. Научившись у матери азам манипулирования, она успешно применяла свою способность всегда и везде, прослав в своем кругу "натурой тонкой и чувствительной". Ранее, до восьмого класса, она блестяще выступала в театральных постановках в качестве хедлайнера. Даже не обладая модельной внешностью, сумела привлечь внимание своей отличной игрой на публику, вызывая восторг и похвалу со всех сторон. Наверно, это и было основной причиной ее непомерно возросшей самооценки, хотя склонность к чрезмерной переоценке собственной персоны выше реального положения часто проявлялось и в ее сверстниках, как и в целом ее поколение было сплошной массой самовлюбленных и эгоистичных натур, громко возвещающих о противодействии неведомой системе, об устройстве которой не имели ни малейшего понятия, на деле же показав себя всего лишь солидной смазкой в постоянно движущихся жерновах. Возвращаясь к театру и обнаруживаем, что на его месте в ее душе образовалось первое пепелище— посчитав свое время слишком дорогим для такого сомнительного "удовольствия", Соня бросила его на середине репетиций к одной из важнейших постановок, уступив место менее достойной, исходя из ее же слов, замене. Ее досуг теперь занимали вещи менее серьезные и более интересные подростку— алкоголь, краткосрочные постоянно тасуемые отношения, первый сексуальный опыт. Из всех ее знакомых только отец сетовал на столь разительную перемену, не узнавая свою некогда прекрасную дочь, обнаружившей себя настоящей "бунтаркой". Остальные же члены семьи были довольны пополнением. В особенности горячо любимая мамочка.

* * *

—Ну почему здесь так скучно?

Вся инициативность растворилась к следующему же дню.

Небеса разошлись, озарились голубым свечением и на улице стояла аномальная жара. В квартирах всюду гудели вентиляторы, а жители из числа иждивенков, тунеядцев, малолетних прогульщиков и пенсионеров изнывали от духоты, выбираясь на улицу только с целью купить мороженого в магазине, вовсе не завидуя своим работающим партнерам или родителям. Соня так же осталась дома, не зная, куда податься от вездесущего зноя, не ведая, чем же занять себя помимо бестолкового безделья и бесцельного кружения по квартире. Мокрая насквозь от пота, что стекал откуда только мог, пропитывая хлопковую майку и пляжные бриджи, она

в итоге плюнула и скинула с себя всю одежду, в очередной раз сунув голову под струю холодной воды и, не сумев удовольствоваться этим, залезла под холодный душ, где и провела целый час, балдея в приятной прохладе. Лежа на боку под струей, поджав коленки к груди, София почувствовала, как теплая волна расходилась по всему скальпу, стекала по шее и растворялась области лопаток. В ушах легонько зазвенело, но даже такая мелочь разозлила ее. Так как родителей дома не было, на улице девушке было ой как не охота выходить, а отсутствие интернета, который дурак-папа не озаботился подключить прежде, чем они прибыли в этот клоповник, усугубляло и без того тяжелую тоску по развлечениям. Молодой тунеядке только и оставалось, что приглушить ледяной душой и попытаться скоротать время в беспокойной дреме.

И даже в подобный солнцепек за окном был слышен смех и крики детей и ругань взрослых, отдаваясь странно зеркальной, будто фантомной болью в софьиной голове. Она не понимала, чему они здесь так радуются, с чего вообще нашлись одаренные, у которых хватило ума и смелости выползти наружу, чтобы восхвалить солнце. Соня еще не знала о том, что дней подобным этому в круглом году не наберется с недели и как событие, как маленький праздник, всегда завлекал людей, привыкших лишь к унылой серости. Но она не ведала, даже не догадывалась об этом – привыкшая к солнцу, принимающая его как данность, каковой оно, собственно, и является, девушка думала о чем угодно кроме этого. Например, о том, что мать пропадает где-то в городе, ничуть не заботясь о состоянии собственной дочери. Не раз названивая матери и капризно канюча, что ей настолько нечего делать, что мамино присутствие просто необходимо, Софья неизменно слышала в ответ негодующее: "Ты что, маленькая девочка?!", негодуя пуще прежнего уже сама, вымещая всю злость на своем злополучном телефоне, швыряя через всю комнату безо всякой задней мысли прямым в стену.

Только спустя три долгих часа ожидания в спасительной ванне она дождалась захода солнца за крышу четвертого корпуса. Чувствуя, как духота рассеивается подобно пару, как легкие дышат свободнее и давление отступает от висков, она решила выползти из укрытия, чувствуя жгучее желание охладить себя мороженым и лимонадом. Пошарив по карманам валявшихся на кровати отцовских брюк, с удовлетворением взглянула на смятую купюру в руке, после чего сунула ее в задний карман белых джинсов, которые тотчас же и надела. Покрутившись перед зеркалом в своей комнате, долго подбирала верх к своим брюкам, наконец оставив выбор на винтажной воздушной накидке, сплошь усеянной цветами с разноцветными лепестками. Постояв над небольшой коллекцией летних босоножек, отдала предпочтение в пользу бежевых сандалий на шнуровке.

Жар от асфальта, нагретого солнцем, шел просто ужасающий несмотря даже укывшей его тень от здания, с полчаса защищающей от солнечных лучей. У Сони даже перехватило дыхание, когда он полыхнул ей прямо в лицо. Чувствуя, как ее маленькие ступни превращают внутреннюю сторону сандалий в миниатюрные бассейны, Соня с отвращением на лице прошлепала к выезду, уже жалея, что решила выйти. Проходя мимо двух голых стен, она невольно почувствовала себя неуютно, представляя, как эти стены вот-вот сдвинутся и вмиг схлопнутся подобно дверям лифта, сплющив ее до блинообразного состояния.

"Надо будет купить баллончики с краской и замазать к чертям тут все!"

Впереди маячила большая каменная плита со стоявшими на ней тремя контейнерами, уже доверху заполненные мусорными пакетами. Встав у теневой границы, в очередной раз с отвращением морщась, она задержала дыхание и пробежала мимо них, стараясь не вздыхать миазмы, исходящие от быстро сгнивающих под палящим солнцем бытовых и не очень отходов, а так же не растаять подобно желе под все еще висевшим над горизонтом огненным шаром. Остановившись у развилки, окинула взглядом обе дороги – ведущая прямо шла по направлению вниз к центру города; та же, что вела влево, приводила к заветному мини-маркету, далее уходя в полукруг, огибающий край города к небольшому ущелью, оканчивающемуся тупиком – это был небольшой райончик частных домиков-дач, которые жители города посещали исклю-

чительно в праздники, где собирались семьями и разжигали мангалы. Соня об этом еще не знала, помня лишь краткие указания любящей матери, которая еще в первый день успешно исследовала близлежащие окрестности. До магазина спокойным шагом можно было дойти за пять минут, но девушке не хотелось торчать на солнце больше положенного, потому она пробежала всю дорогу за две, держась в тени деревьев.

В магазине воняло потными телами и давно не стиранной одеждой. Кондиционеры работали в режиме охлаждения, что, впрочем, едва ли было заметно. Кое-где примелькался запах скоропостижимо испортившихся овощей. Быстро найдя холодильник с мороженым, Соня схватила в охапку три эскимоски и побежала к кассе, по пути выхватив из холодильника бутылочку газировки. Очередь была короткая – перед ней стояли старушка с авоськой и худой мальчик примерно такого же возраста, как и сама София. Его длинные волосы немного вились, закручиваясь на концах, спадая и целиком скрывая лицо. Софии было скучно просто стоять на месте, ожидая, пока старушка выудит из своего кошелька нужное количество монет. План назрел быстро и, громко ойкнув, она специально выронила одно из мороженных. Быстро подняв выроненный пакетик, тут же посмотрела на сию минуту присевшего парня, уже протянувшего руку к пустому полу, и разочарованно сжала свои губы – вопреки ее убеждению, что все длинноволосые парни писанные красавцы, этот не был таковым: совершенно безэмоциональное, унылое лицо напоминало восковую маску, а неестественно черные глаза безучастно глядели на нее, в то же время смотря в никуда. А глядя на его невыразительные губы в поразительной близости от своего лица, Соня невольно передернулась. Ну не подпадал данный индивид под ее определение эстетической красоты!

Тем временем очередь дошла и до него.

– У тебя же нет собаки, Филипп. – сказала тучная блондинка-продавец, когда он положил перед ней пакетик собачьего корма и банку сгущенки.

– Там щенок на улице голодный, а у меня как раз лишние тридцать рублей. – улыбнулся тот.

"М-да, с улыбкой у тебя тоже проблемы!" – подумала Соня, увидев его мелкие зубы, формой похожие скорее на кирпичики, нежели на здоровые, красивые зубы.

– А, все занимаешься благотворительностью, а? – продавцу явно понравился ответ.

Филипп утвердительно кивнул и, расплатившись, вышел.

Несколько секунд спустя София вышла из супермаркета и с наслаждением принялась сосать фруктовый цилиндр. Повернувшись в сторону улицы, с легкой досадой обнаружила в метрах десяти от себя все того же парня, сосредоточенно глядевшего в сторону леса, словно выискивая кого-то конкретного. Не успела она дойти и разминуться с ним, как через дорогу со стороны коттеджей раздалось громкое тьяканье. Повернувшись, парень тут же улыбнулся и приготовил пакетик. На дорогу вылетел воробушек и приземлился аккуратно на проезжей полосе. Следом выбежал маленький бурый щенок помеси немецкой овчарки. Раздался глухой звук, короткий писк. Машина, под которую малютка выбежал, чуть притормозила, качнулась и, взревев мотором, на полной скорости унеслась прочь. Услышав лишь звук удара, Соня тоже обернулась и пришла в ужас: маленький щенок лежал ничком на правом боку, раскрыв маленькую пасть с еще белыми зубками, из которой уже вытекала лужица крови.

* * *

Холодный взрыв произошел в груди и волной прокатился по всему телу. Пакетик выпал у Филиппа из рук и, спотыкаясь на бегу, он приблизился к маленькому тельцу. Упав на колени, выронил уже и банку, забыв о ней еще несколько минут назад. Легонько коснувшись мягкой, все еще нагретой солнцем шерстки, аккуратно припал ухом к кудрявому бочку. Девушка, которую он чуть было не задел своим плечом, за его спиной потупила взгляд и зашагала дальше. Если бы он обернулся к ней, то поймал момент, когда, выдержав не больше минуты, она обер-

нулась к нему. Но он не оборачивался, что и позволило ей увидеть, как уже мертвое тельце довольно бесцеремонно было схвачено за шкуру и унесено в лес. Чернявая головка с поникшими ушками раскачивалась подобно маятнику при каждом шаге.

Секунду спустя раздался хлопок и струя сгущенки фонтаном брызнула во все стороны из расплющенной под колесами банки.

* * *

Софье вновь было плохо. Ее опять тошнило, а мертвый щенок все никак не желал выходить из головы. Пытаясь выгнать образ из своей головы, она так сильно мотала головой, что шея внезапно хрустнула и боль прострелила в обе стороны, впившись в затылок, вонзаясь параллельным телу лезвием по линии спины до самого пояса. Рыдая от боли и жалости к маленькому существу, умершему так быстро и глупо, она пролежала в ванной до прихода родителей.

Объяснить им, почему она плачет, получилось не сразу. Мать отреагировала равнодушно, выдав "Ой, ну не плачь, милая, это же щенок, а не ребенок!" Предупреждая зарождавшееся в груди негодование, отец принялся утешать дочь, шепча ей ласковые слова, терпеливо убеждая, что в подобных случаях животные не успевают осознать всю полноту боли, а потому уносятся в рай, ничуть не страдая. Понимая, что моментов подобным этому, когда дочь сама льнет к нему, недолго забыв о своем высокомерии и пренебрежении, будет очень мало, если вовсе не обнаружится в будущем, отец прижал дочь к себе, рассказывая трогательную историю о своей собаке, которую, будучи еще совсем сопливым мальцом, подобрал на улице. О том, как срезал с нее катышки и ссохшиеся клоки шерсти, долго отмывал от сантиметровых слоев грязи, вычесывал остатки полинявшей шерсти и обрабатывал израненные лапки. О том, как кормил ее, устраивал в своей комнате, а вечером воевал с ее бабушкой и дедушкой, не приемлющих идеи наличия собаки в доме, по итогам одержав победу. И обо всем остальном, связанным с жизнью человека, в чьего жизнь вошла собака. Увлеченная рассказом, Соня забыла про слезы и, когда отец закончил, еще долго не шевелилась, оставаясь в его руках и даря то чувство нужности, которое каждый мужчина желает половину своей жизни. В ее же жизни, наверное, это был первый за многие годы миг, когда Соня обнимала своего папу искренне, ненадолго вновь приняв как дочь, а не посторонний человек. Как интересно получилось, ведь это так же был и тот момент, когда папа почувствовал впервые за долгое время чью-то нежность, внутренне уже страшась следующего дня с его первой репликой и стараясь запомнить сей миг как один из лучших за последние лет десять. Он действительно стосковался по этим ощущениям, по радости, которую доставляют всего лишь простые, искренние объятия.

Должно быть и у маленьких трагедий есть хорошая сторона.

* * *

"Я должна его найти! Должна и все тут!"

Тот странный мальчик, Филипп, все никак не выходил у Сони из головы. Прошла уже неделя с тех пор и она его так и не видела. Убитое животное снилось ей в продолжительных кошмарах и, еженощно будимая своим папой, она изливалась слезами, не в состоянии поверить, что произошедшее настолько сумело ее поразить. Засыпая в отцовских объятиях, она вспоминала скудно выраженное лицо Филиппа. Тогда Софья этого не заметила, но память, а, может, и сам кошмар услужливо кусочек за кусочком восстановили мимолетную картину: ни единый мускул не дрогнул, когда он опустился на колени перед щенком. Ни звука не раздалось из его рта. Протянутая, словно струна, тишина нарушалась нескончаемым пением птиц и шелестом ветерка, скользящего по листьям. И то, как Филипп взял щенка— так грубо, словно спортивную сумку...

Пробуждаясь по утрам вне себя от волнения, Соня решалась найти и выпытать у незнакомца, что случилось с телом, но день за днем оттягивала переход от слов к действиям, пока не провела целую ночь подле мертвого щенка, не разбуженная отцом, ведь в ту ночь он пропал

на работе. Мать отругала ее за крики, не желая слышать и слова против сунула пачку снотворного, обещая своим взглядом, что итог следующей ночи скажется на всем отношении к дочери.

Захотеть найти и действительно найти – все еще разные вещи, ибо дело оказалось отнюдь не простым. Сначала Соня просто стояла возле развилки в ожидании знакомой шевелюры, но это продолжалось слишком долго и вскоре надоело. Даже постоянно порхающие над головой воробы, то стайками летающие друг за дружкой, то на высоте полуметра от земли сталкиваясь в непродолжительной борьбе. На этом ее, казалось бы, воскресшая из мертвых тяга к инициаторству вновь почилла, и все же Соня решила попытаться в последний раз и подойти с вопросом к продавщице.

–Что, девонька, понравился он тебе, а? – заговорщицки подмигнула все та же дородная женщина, отрываясь от просмотра передачи по областному каналу.

"Боже упаси, нет!"

–Просто он у меня книжку взял, а вернуть забыл, а где живет, я не знаю. – тут же без запинки солгала девушка.

–А-а, понятно! Ну, да– Филька почитать любит, это да! А еще я слышала от его папы, что он художник!..– продавец явно задалась целью разрекламировать Филиппа по полной программе, но Соня и не думала выслушивать ее дифирамбы.

–Так вы знаете, где он живет?

–Извини, дорогуша, но тут я тебе не помощник. Я лишь знаю, что он живет здесь, неподалеку, в "коробке".

–Да? – не удержав тихого восторга, ответила София, – Вы точно это знаете?

–Да, да, я же говорю– часто с его отцом разговариваю! Хороший мужчина, толкового сына воспитал! У них б...

Но эту часть рассказа Соня уже пропустила мимо ушей. Она была довольна, ведь новость-то была хорошая и найти Филиппа теперь будет легче. Надо всего лишь переждать на площадке, поспрашивать соседей. Уже через два часа она поняла– идея не дала плодов. Словно вселенная решила начать этот день с фразы: "Ничего не дается легко, все идет через одно место.". На дворе был вторник, большинство взрослых уже несколько часов торчали на работе. Их дети, решив, что площадка им до одури надоела, убежали в лесополосу. Остались лишь пенсионеры. Глядя на них, София морщила нос при мысли о том, что когда-нибудь и она такой же станет.

"Фу, не хочу!"– неистовствовал внутренний девчачий голосок. – "Уж лучше умереть молодой и красивой, хоть будет за что помнить!"

Преодолевая страх и отвращение к живым иллюстрациям неизбежного будущего, она подошла к бабкам и начала расспросы, но те словно белены объелись– на конкретный вопрос отвечали совершенной несуразицей вроде отвлеченных комментариев о погоде или о старом козле Петровиче, что жену в могилу свел и теперь жирует на ее пенсию. Битый час девушка старательно втолковывала им, что именно хочет узнать, но старухи уже не скрываясь издевались над ней, притворяясь то глухими, то немыми, иногда при этом овцеподобно бляя. Смеялись они так что ли?

В конце концов Софья сдалась и развернулась к старухам спиной, не удостоив ответом презрительное: "Совсем уважения к старшим нет!", прошептав про себя: «Да пошли вы, стервье старое.», как вдруг перед глазами возникло страшное худое лицо с безумно вращающимися белками глаз. От неожиданности она закричала, отчего человек, представший перед ней, поднял руки над головой и пригнулся, на целую минуту застыв в сем нелепом положении. Когда же ни побоев, ни новых криков не последовало, молодой, но от этого не менее жуткий мужчина вновь выпрямился и улыбнулся, заставив Соню почувствовать, как душа отцепляется от ребер и переползает в пятки– настолько жутко ей не часто бывает.

–Кого-то потеряла, м? – высоким елейным голосом произнес новый незнакомец.

–Нет-нет! – тут же замотала головой Соня и, развернувшись, быстро зашагала в противоположную от него сторону.

–Прошу, не уходи, поговори со мной! – взмолились за спиной.

"Фиг тебе, страшила!"

Глянув через плечо, Софья увидела, как жуткий человек зашел в первый корпус. Его плечи поникли, а голова свесилась, как подломленная.

–Ну что за урод! – прошептала она, – Наверняка маньяк какой-то! Ты ведь даже и не смотрел, куда нас привозишь, правда, пап?

Спрашивать в данный момент было не у кого, а возвращаться к противным старухам вовсе не хотелось, потому Соня вновь залезла на понравившееся ей еще в первый день своего пребывания здесь дерево со свитыми в спираль ветвями, где и расположилась с удобством, представляя, как залезает на самую верхушку и показывает средний палец вновь неожиданно явившемуся солнцу.

Соня проснулась от легкого прикосновения. Поежившись от вечерней прохлады, протерла глаза и увидела перед собой лицо Филиппа, все так же равнодушное с пусто смотрящими глазами.

–Не спи здесь, простудишься. – сказал он и начал карабкаться по ветвям-спиралям, забираясь наверх вовсе не так, как она представляла себе – не по окружности, стоя на одной из, но точно вверх, точно скалолаз. Или маргышка.

–Постой! – спохватилась София.

–Чего? – раздалось сверху.

–Спустись вниз!

–Не могу.

–Не можешь или не хочешь?

Секундная заминка и недовольный голос ответил:

–Не хочу.

–Ах так? Ну, сейчас! – разозлилась было Соня, но, схватившись за ствол, живо вспомнила о том, как ей страшно лезть выше.

–Мне долго ждать? – вновь раздалось свыше.

–Спускайся, ну!

–Не пойдет. Мне лень.

–Нам надо поговорить. – к черту такт, к черту все эти хождения вокруг да около!– Серьезно поговорить! Мне все не дает покоя тот щенок! Я до сих пор вижу, как тот урод сбивает его и даже не останавливается, вижу, как ты бежишь к нему и смотришь, жив ли он... Это нормальная реакция, не подумай, но вот... что мне непонятно, так это то, что потом ты просто схватил его, словно пакет с мусором и унес в лес. Почему ты был так груб с его телом и что ты с ним сделал?

Сверху раздалось довольное "кр-р-ру-у!" и всего спустя секунду между ветками вынырнуло лицо Филиппа:

–Потому что он мертв? – его глаза словно не видели ее, хотя смотрел он ей точнехонько в глаза. – Какой смысл бережно относиться к телу, если его дух уже ушел? Потому что тебе так сказали?

–Но ведь это неправильно! – воскликнула Соня, – С почившими так нельзя!

–Отвали.

Она запнулась на полуслове. Редко кто был груб к ней, но еще более редко кто-то давал отпор. Потому та фраза, да еще и брошенная столь резко, времена ввела ее в ступор. Она была готова взорваться, кинуться с когтями и растерзать его лицо, но не успела она разозлиться, как он приземлился перед ней, затем так же резво прыгнул на землю.

–Ты так и не ответил, что ты с ним сделал? – крикнула вслед девушка, пока парень стремительным шагом шел прочь.

–Следуй за мной. – не оборачиваясь, сказал он, широко вышагивая по опустевшей проезжей части.

Она догнала его лишь возле того места, где погиб щенок. На миг остановившись как вскопанные, словно по команде оба свернули и углубились в заросли. Пройдя метров тридцать, добрались до маленького песчаного холмика. Одного из нескольких холмиков, некоторые из которых уже заросли травой. От удивления Соня застыла на месте, окидывая взглядом миниатюрное кладбище.

–И чего ты остановилась? Ты ж хотела его видеть! Вперед! – в тоне юноши было столько издевки, что ей еще раз захотелось его ударить.

Они уселись у песчаного холмика, что поменьше остальных, и Филипп провел рукой по уже засохшей до состояния корки земле.

–Знакомься– Бакс.

–Б-бакс? – не поняла Соня.

–Его имя– Бакс. Тут у всех есть имена. – с этими словами парень обвел рукой все несколько десятков холмиков в радиусе десяти метров.

–Ты их всех хоронишь тут? – было довольно жутковато, но София не показала страха. Актриса хоть куда!

–А что, ты где-то видишь их трупы? – все с той же насмешкой сказал Фил, – Оглянись вокруг– кругом чуть ли не одни птицы! Как думаешь, почему ты за всю свою жизнь если и видела мертвых существ, то от силы парочку? – и он многозначительно посмотрел на нее, выковыривая из-под сухих листьев ножик.

"Да он же психопат!" – самообладание изменило Софье, она быстро вскочила и убежала, если б не некстати подвернувшаяся под ногу коряга. После звука удара о землю сквозь звон в ушах раздался веселый смех.

"Смотрите– Оно смеется!"

Филипп и не думал ловить ее, а все так же сидел на своем месте, задрал в приступе смеха голову, вот-вот готовый свалиться спиной назад и снести одну из горок. Соня не знала, что делать и как реагировать, потому просто осталась лежать там же, готовая, чуть что, лягаться и кричать. Однако неприятный, но столь залиvistый смех смолк совершенно неожиданно и, повернув голову назад, Соня вновь встретила пустой взгляд.

–То была шутка. Очередная плохая и ничуть не смешная шутка. – Фил пожал плечами, – Не умею я шутить. Странно, что ты так испугалась.

–Я просто трусиха и всего боюсь.

–Уверен, что покажи тебе палец– и ты увидишь отвратительную сороконожку. – он вновь некрасиво улыбнулся, – У страха глаза велики.

–Не тогда, когда ты тычешь ножами в людей!

–А я разве сделал что-то подобное? Нет?

Повисла неловкая пауза, которую Филипп не считал нужным растягивать:

–Ну вот, ты увидела, что я сделал с Баксом, и знаешь, что я хороню животных. Теперь спокойна?

–Яма относительно свежая. А Бакса сбили неделю назад. Ты же не хочешь сказать, что он лежал тут всю неделю и гнил, а похоронить ты его решил лишь накануне?

Филипп сжал губы. Подозрительно.

–Я не мог закопать его сразу.

–Почему?

–Потому что не знал, мертв ли он на самом деле. После того, как я отнес его сюда, он постоянно витал у меня в голове мыслью: "А что, если он еще жив? Что, если я мог бы его

спасти или хотя бы облегчить страдания, а вместо этого оставил долго и мучительно умирать?" Мне было не по себе и я каждый день приходил туда, чтобы убедиться в обратном. То, что он вонял и не издавал звуков, еще не значило, что смерть наступила – у некоторых гниение начинается еще до смерти, а сил на скулеж ни капли не остается. Только когда он начал распухать, тогда я и понял, что он действительно мертв. Тогда я его похоронил тут. Теперь у ребят пополнение.

– Ты в курсе, что ты странный? Нет, даже не так – ненормальный! – обвиняюще выпалила Соня.

– Ничуть. Я просто не позволяю трупам сгнить у всех на виду. Почти все они с нашей улицы, как я и сказал.

– И много тут похоронено? – после небольшой паузы спросила девушка.

– Кого именно много? Тут всякий найдется. – "О боже, жу-уть!"

– Те, кого ты хоронишь, домашние? – вкрадчиво продолжала задавать вопросы Соня.

– Только бездомные. Домашних люди сами хоронят, если только на помойку не выбрасывают. Хотя был один прецедент, когда одна старуха кастрировала кота, а тот возьми и сдохни. Она его в мешок и на порог. А мне пришлось закапывать.

– И зачем ты это делаешь?

– Я не знаю.

Изогнув правую бровь, всем своим видом показывая, что не верит и половине ответов, Соня продолжила:

– Ты же это не всерьез же, да? Как можно делать что-то подобное с животными, не зная, зачем ты это делаешь? Держу пари – тебя уже посещали мысли о том, что тебе на самом деле нравятся трупы!

– Точно нет. Я не знаю, но, может, я таким образом пытаюсь дать им то, чего не дал им мир – хоть чуточку заботы?

– Это, конечно, все на словах красиво, но ты посмотри, что ты делаешь – она ткнула пальцем в землю, – Ты хоронишь животных, до которых никому нет дела. Это же ненормально! Нормальные люди звонят... не знаю, куда-то! Просят убрать тела и все, дело с концом. А тут подворачиваешься ты, берешь труп и сам же его закапываешь, никак не оправдывая свои действия, что само по себе выглядит подозрительно. Кто знает – вдруг ты их сначала потрошишь, органы там рассматриваешь, может, жрешь их, пока еще не гниют... Первое впечатление будет таким, будто ты сатанист какой-то, а не добрый самаритянин-животнoлюб. А что потом-то? Какая перспектива ждет человека вроде тебя? Начнешь карьеру таксидермиста и будешь убивать их уже ради пополнения коллекции? Вдруг тебе будет мало своего собственного кладбища бездомных животных и ты решишь приняться за кого-то более интересного. За людей, например!

– Думаю, тебе лучше уйти. – маска холодной доброжелательности легла на его некрасивое лицо и пустые глаза загорелись колючим огнем.

"Прямо как у мамы!"

Ни говоря ни слова, она ушла.

* * *

"Ну и дура же я! Вот кто за язык тянул, спрашивается?" – в очередной раз мысленно корила себя Софья уже минут двадцать. – "На кой черт ты не заткнулась?!"

– Что-то не так, дорогая? – заглянувший отец застал дочь, целиком погруженную в собственные мысли, судорожно сжимающую расческу, которая так и не была пущена в ход.

– Ничего, папочка. – равнодушно пробормотала она.

Мамы, что становилось уже обычаем, дома все никак не было. Она пропадала целыми днями, словно забыв о семье и появлялась только к поздней ночи, распевая похабные песенки и гремя всем, на что наталкивалось ее грузное тело. От их с отцом ночных перебранок Софья,

и так плохо спавшая, не могла уснуть вовсе, а оттого ее настроение упало ниже плинтуса. Ранее такое страстное желание всегда быть с матерью, внемлить ее житейской мудрости, порхающей с острого как жало языка, начало потихоньку угасать. Соне было одиноко, ей было не с кем поговорить. Даже с отцом, который и не думал забывать о родной дочери, о чем словно напоминал каждый раз. Стало быть...

"Нужно увидеть Филиппа." В этом богом забытом месте она так ни с кем и не познакомилась, хотя приближался сентябрь и подросткам пора бы уже наводнить улицы города, встречать и приветствовать друг друга. Однако Соня, не находя в себе смелости выбраться в незнакомые улицы с целью посмотреть на будущих однокашников, оставалась в пределах своей "коробки", которую с постоянством наводняли лишь птицы, не люди. Кроме детей и старух днем здесь практически никого и не существовало. Изредка в свой выходной выходил только тот бледный лысый уродец, изредка выходя за пределы улицы куда-то по своим делам, но куда чаще бесцельно кружащий против часовой стрелки внутри и вне "коробочного круга", препираясь со старухами, в итоге убегая в один из подъездов, хотя Соня уже точно знала, что живет он в первом корпусе. Иногда она видела парочку унылых, как ее жизнь, влюбленных, будто бы с целью покрасоваться на глазах непрошеного свидетеля и детишек, целуя друг друга в смачный засос, от которого у маленьких зрителей пробегали тени по лицам, а кто-то напоказ совал палец в рот. Действительно, мерзковатое зрелище. Неужели она была настолько же бестолковой? Заметив, как один из голубей в немой демонстрации испражнился на голову женской половине сладкой парочки, девушка невольно усмехнулась, прошептав: "И-и-и— есть попадание!"

А таинственный патлач так ни разу и не появился.

Наконец Софья вышла на улицу, устав сидеть у окна, будто тоскующая невеста. Небо снова затянулось непроницаемым серым полотном, так и ждущим, когда некто додумается излиться на него красками, нарисовать очередной природный шедевр. Солнце уже долго не появлялось в обозримом пространстве и желающих поглазеть на него зевак так же не наблюдалось. Подняв глаза на окна, девушка окинула взглядом бесконечные ряды восседающих на карнизах голубей, застывших словно статуи со вращающимися на шарнирах головками, и с досадой вспомнила, что до сих пор не знает, где именно живет ее неуловимый сосед. Вглядываясь в отражающую небесную муть поверхность стекол, тщаась найти знакомую физиономию, она с ужасом нашла, но не ту, что была ей нужна— на нее не отрываясь глядела ухмыляющаяся рожа того жуткого типа, который в данный момент еще и махал ей рукой. Ахнув от неожиданности, Соня сцепила руки в замок и отвернулась, молясь, чтобы он не смотрел, однако чувство, что ей мысленно высверливают затылок с намерением заглянуть внутрь и потрогать пальцами, не угасло и ноги сами понесли ее к любимому уже дереву— наверх, в иголки, где ее не будет видно! Пока девушка лежала и лицезрела мультяшную обезьянку, хлопающую в металлические тарелки, под нею сновала детвора, иногда взбираясь по деревьям наверх. Когда один из них случайно задел ее ботинком, она отвесила ему смачную оплеуху и, едва тот раззявил рот, готовясь издать обиженный вопль, по-быстрому сбежала. От нечего делать пошла к кладбищу бездомных животных. Как и следовало ожидать, хотя она надеялась на обратное, Филя там не было.

"Н-ну, черт!"

Усевшись у свежего холмика, явно вскопанного сегодня, она погрузила пальцы в песок— который Филипп наверняка стащил с детской песочницы, — и начала перебирать ими, создавая волны и бугры. Но сие занятие быстро ей наскучило и она двинулась обратно к дому. Проходя мимо помойных контейнеров— "Черт, ну почему именно на этом месте?!"— увидела у внешних стен именно то, чего ей до странного хотелось больше всего— длинноволосый силуэт в черной рубаше.

"Нашла!"

—Что делаешь? — спросила Соня, приблизившись к нему.

–Тс-с.– приложив палец к ее губам, другим указал куда-то наверх.

И вправду– наверху резвилась стая черных дроздов, то собираясь в беспорядочную тучку, то разлетаясь подобно эскадрилье при военном параде. Маленькие юркие тела стремительно пронеслись друг за дружкой, а иногда и наперерез. Краем уха Соня услышала треск их маленьких глоток.

–Любишь наблюдать за птицами? – участливо поинтересовалась девушка, искоса глядя на непривычно заинтересованный взгляд Филиппа.

–Нет. Просто смотрю, как соседи развлекаются.

–Соседи? – не поняла она.

–Да. Они живут с нами почти бок о бок, в тех же домах, практически в метре от наших голов, в своих ячейках. Только наши ячейки комфортнее их. И дело ведь не в том, что так кажется– даже при том, что они забивают их соломой и веточками, делают внутри себе гнезда и в целом защищены от ветра и прочей непогоды, им все равно не так хорошо, как могло бы быть.

–Ячейки... неприятное слово.

–Зато весьма точно и емко. – важным тоном заявил юноша, подняв указательный палец и вдруг добавил, – Мы ведь тоже птицы.

–Мы?

–Да. Только нам подрезали крылья еще в младенчестве. – он печально улыбнулся и Софье эта улыбка уже не показалась столь некрасивой.

Красивый-не красивый– не суть важно, но что за чушь он несет?

–Но это же бред полный, не находишь?

–А откуда ты знаешь? – хитро подмигнул Филипп, – Ты же не рожала и не участвовала в родах, тебя вообще наверняка кроме приемной в сознательном возрасте нигде и не было. Акушерки принимают роды, после чего забирают ребенка на несколько минут. Как думаешь, для чего? Правильно– подрезают крылышки и лишают нас прекрасного.

–Чушь собачья! – негодуя воскликнула София, – Когда меня родили, сразу маме на руки дали и никто ни о каких крыльях не заикался. Ты совсем тупой?

Улыбка на лице парня погасла, уступив уже знакомой холодной доброжелательности.

"Сейчас пошлет." – неприятным холодком пронеслась мысль.

–Хорошо. – его голос звучал странно и неестественно, будто хрустя перемалываемой в ступке скорлупой, – Тогда вот тебе более правдивая версия– крылья нам подрезают те, кого мы любим. Мама с папой, жены с мужьями, а также и дети. Родители подрезают наши крылья, рвя в клочья любые наши стремления и мечты, не вписывающиеся в их картину будущего, вместо них навязывая свои, хотя по большому счету у нас-то и конкретных целей никаких нет, что значительно облегчают задачу. Если что-то и было, то лишь в том зачаточном состоянии, когда еще даже не осознается сознанием как нечто, заслуживающее внимания, а с ним и энергии на формирование, обдумывание, взвешивание "за" и "против" и, наконец, непосредственного воплощения в жизнь. Что же до собственно созданной семьи, то жены с мужьями попросту давят нас морально и физически, стараясь подмять под себя. Не потому, что им так хочется развлечь себя и проследить поэтапно за каждой реакцией и сопутствующим ей личностным разрушениям, но потому, что иначе не умеют. Не исключено, что внутренняя неудовлетворенность и отсутствие понимания о наличии альтернатив толкает их по проложенному предками пути, с каждым новым впечатком ботинок лишь углубляя протоптанную тропу, погружая ее все ниже уровня поверхности. Ну и не будем забывать о том, что каждая из половин обладает навязанными ей предпочтениями, ориентируется по заранее расставленным меткам, не всегда совпадающим с версией партнера. И процесс начинается снова.

"Что верно, то верно." – Соня вспомнила мать с отцом.

–И наконец, – не останавливаясь ни на секунду, продолжал Фил, – Наши дети с концами отрывают уцелевшие обрывки, врезаясь надгробием в кучу дерьма, которую мы накидали за

все дни своего существования и под которой наша жизнь и была погребена. Ведь мы уьем на них столько времени, средств, сил и нервов и это при том, что вероятность фактической окупаемости, как бы потребительски, если совсем уж мизантропично это ни звучало, очень низка. Мы– неблагодарные сволочи и воспитаем таких же неблагодарных сволочей, что аукается каждому новому поколению вне зависимости от культурных перемен и происшедших из них последствий, будь оно хоть образцом духовности и морали, либо верхом маразматичной тяги к личной выгоде и эгоцентризма. А ведь мы б столько могли сделать, не будь их всех! Просто пошли бы и сделали то, о чем мечтали всю жизнь! Мечты– это и есть крылья и момент, когда мы перестаем мечтать, означает, что нас окончательно приземлили, пригвоздили к поверхности к миллиардам остальных бескрылых форм жизни. Мы– птицы. Мы рождены быть свободными, но вековые традиции и сам принцип формирования общества отобрали это у нас, навязав пустышку под названием "система", не следуя которой либо оступишься с пути и получишь по кумполу, либо сыграешь в ящик. Мы– птицы. Мы должны летать, покорять новые вершины, наслаждаться жизнью такой, какая она есть, не думая ни о ком, кто не думает о нас иначе, как о человеке, достойном блага! А вместо этого мы всю жизнь страдаем. Страдаем от безысходности нашего положения и от страха свернуть с пути, ибо это означает конец. Нет пути назад, а ты даже не будешь уверена, взлетишь ли хоть на несколько миллиметров, почувствуешь ли зуд восторга чуть ниже лопаток и выше пупка, как настоящая птица! Ты не уверена, заслуживает ли это того, чтоб пустить всю нашу жалкую жизнь на самотек. И это ужасно тяжело принять. А знаешь, что самое смешное?

Она качнула головой и тогда он ответил:

– Самое смешное то, что все, что я сказал– бред сивой кобылы, ибо вышеупомянутое есть суть необходимого, без которого мы станем просто животными, не задающимися подобными вопросами.

Соня не знала, что сказать в ответ, потому просто продолжила смотреть вместе с Филиппом на птиц. На душе заскребли кошки.

* * *

–Папа!

–Что, дочка? – отец оторвался от бумаг, хаотично разбросанных на своем рабочем столе, снял очки и положил их перед собой параллельно шариковой ручке, которой и вносил коррекции.

–Ты же помнишь, что обещал мне?

–Ты про телефон? Конечно помню! Как же я мог забыть, по-твоему? – заискивающе улыбаясь, мужчина почувствовал себя не в своей тарелке, как и всякий раз, когда дочь приходила к нему с очередным требованием купить ей то или сё. Соня это поняла и ей стало неприятно.

–Не делай так, пап.

–Как? – все еще глупо ухмыляясь, он упорно делал вид, что все в порядке.

–Не надо улыбаться так, как ты сейчас это делаешь! Ты выглядишь глупо и мне иногда стыдно, что ты мой отец.– невооруженным глазом было заметно, что она несколько перегнула своей резкостью палку, что слова больно ранили папу, но он лишь вновь скорчил ту же кислую улыбку и собрался было вновь углубиться в бумаги; видя это, она продолжила,– Забудь о просьбе, я лучше скажу о другом. Вам с мамой пора прекращать ваши оры по ночам, потому что из-за вас я не могу ни выспаться, ни просто спокойно посидеть у окна, потому как ты даже не можешь упросить маму кричать потише, чтобы я хотя бы в наушниках ничего не слышала. Мне не нравится слышать, что кто кому сделал, подгадил в утреннюю кашу или обложил по полной, так что... думаю, пора бы тебе перестать вести себя так, как ты ведешь себя обычно и ответить маме по заслугам.

–Чт... что? – севшим голосом переспросил отец, словно ему предложили предаться плотским утехам в церкви.

–То, папа! – Соня повысила голос, решив не жалеть его, – Мне, конечно, это не столь интересно, но пора бы тебе уже показать маме, из какого ты теста сделан. Мне стыдно смотреть на то, как она унижает тебя по поводу и без.– даже зная, как ее слова действуют на отца, она продолжала давить на больные мозоли.– Ты знаешь, что из-за твоих уступок ты давно уже перестал быть мужчиной в ее глазах? А я вот наслушалась разных историй, особенно во время телефонных разговоров, когда мама вовсе не прячется от меня и в открытую говорит, какой ты и остальные мужчины жалкие, и меня совершенно не радует перспектива стать свидетельницей того, как часть моей семьи унизит до конца вторая часть. Вспомню мою подругу Катю, у которой мама с папой так громко развелись, что ей пришлось перейти в другую школу из-за того, что ее постоянно все обсуждали. Так вот, ее перевели не столько поэтому, сколь по причине ее нервного срыва! А начиналось-то все так же, как и у нас– ее мамаша начала поносить ее папу, не стесняясь даже меня, маленькую девочку!

–Но ведь... если я скажу слово против... все! Конец! Твоя мама не будет со мной церемониться и постарается отобрать все включая и тебя тоже! – его глаза округлились, на лбу выступил пот.

–Успокойся, никто у тебя ничего не заберет. Я несовершеннолетняя, забыл? Разумеется, мама все это попытается проверить– она же меня и учила, как это делать, на примере своих подруг, которых ты, разумеется, помнишь прекрасно. Только не забывай, что я по закону имею право выбора. Бояться нормально, но, может, тебя успокоит то, что я выберу тебя. Тогда и я и эта квартира останемся, а мамочке придется искать новое жилье. – имей слово форму, уже бы свилось на его шее скользкой ядовитой змеей.

Неужто ее мать сделала из девочки столь холодное существо, которое стояло перед ним теперь, готовое обратить знания против той, что дала их? Возможно ли было обратить ее превращение, вернуть в состояние той малышки, которая еще не смотрела на него снизу словно свысока, или ее детскому сознанию пришел конец в виде неизбежного взросления?

Отец долго молчал, но наконец вымолвил:

–Зачем ты так?

–Просто так.

–Ты умная девочка, но чересчур жестокая.

–Маме это скажи. – кивнула Соня на грудку бутылок, сваленных за диваном в гостиной.

–Я подумаю над твоим неожиданным предложением. – уклончиво ответил отец дежурной фразочкой, которую наверняка частенько использовал на работе.

–И еще, пап!

–Да?

–На счет телефона– мне он не нужен. Давайте лучше заведем собачку! – и ее глаза загорелись вместе с лучезарной улыбкой.

Отец, в это время пивший клюквенный сок, подавился. Раздался звон стекла– то разлетелся новый граненый стакан.

* * *

–Тебе никогда не казалось, что все вокруг ненастоящее? – спросил у нее Филипп, едва она, как ей думалось, огорошила его этой новостью.

–Я тебе про Фому, ты мне про Ерему! Хоть бы прокомментировал! – негодуя воскликнула Соня, но миг спустя все же ответила, – Нет, не кажется!

–Береги щенка. – только и сказал Фил, нацарапав что-то на стволе дерева, – А почему?

–Что почему?

–Почему не кажется? Разве ты абсолютно уверена в реальности всего, что видишь, и у тебя не возникает никаких сомнений?

–Так правильно же– ибо это все бред собачий! – крикнула Соня в ответ, задрала голову.

Они вновь сидели на ветвях "спирали", как однажды девушка назвала это дерево, когда Филипп решил наполнить кормушки, рассказав ей, что именно благодаря ему их стало великое множество, приманившее во двор столь многих птиц.

– Возможно. Но я почему-то не столь уверен. – он опустил свой взгляд, глядя ей в глаза, – Иногда мне кажется, что все вокруг и вправду нереально.словно мир – театр, а мы в нем негласные участники в окружении полчищ актеров. Во всяком случае я. – хитрые бесенята так и прыгали в его глазах, – А порой наступает ощущение, что все вокруг действуют по написанному кем-то протоколу и где-то неподалеку расположился край нарисованного в матрице мира. Или не так – все вокруг сцена и везде понатыканы бесчисленные скрытые камеры, которые следят за мной, в то время как некий наблюдатель постоянно шепчет в рацию, координируя действия всех людей за пределами моего угла зрения. А бывало и так, что все окружающее меня казалось простыми декорациями, как в музее. И люди тоже – все являются копиями со встроенными в полые грудные клетки микрофонами. И что все в округе – лишь картон, только раскрашенный гениальной рукой художника по оптическим иллюзиям и оттого кажущийся реальным, что бы из себя не представлял объект. Бывает и такое, я отнюдь не шучу! Такое впечатление нахлывает особенно спростонья, когда чудится, будто все кругом движется, а когда ты фокусируешь взгляд, застывает на месте. Только вот в самом ли деле оно стояло на месте все это время? Знаешь, это даже жутко несмотря на то, что для пущей уверенности я касаюсь всего рукой, чтобы удостовериться, что это действительно не картон. У тебя точно такого не было?

– Нет, ибо я нормальная, а ты несешь несусветный бред! – сорвав пучок иголок, Соня кинула его в парнишку, но промахнулась.

– Любой актер бы так сказал, обнаружь я его.

– Я тоже, по-твоему, подставная актеришка?

– А ты являешься ею? – Фил спустился к ней и внимательно посмотрел в глаза, – Не следишь ли ты за моей жизнью столь же пристально, как остальные?

– Неужто "Шоу Трумана" пересмотрел? – саркастически поинтересовалась девушка.

– А что это? – и тут она засмеялась в голос.

– Ты смеешься? Только не говори, что ты не смотрел! – в миг посерьезнев, сказала она.

– Нет, а что?

– Тебе нужно срочно его посмотреть! Хочешь, пойдем ко мне, у меня диск есть! – она взяла его за руку и собиралась потащить за собой, но он не сдвинулся с места, так и застыв, словно приросший к дереву огромный гриб, – Что такое?

– Давай не сегодня? Просто есть еще кое-какие дела.

– Ну и какие же? – язвительно спросила Соня, – Будешь за мной шпионить, чтобы прознать, не подставная ли я, да?

– Может и так! – подмигнул Фил в ответ.

* * *

– Что значит "Давай заведем собачку"?! – истошно визжала Анна, пока ее дочь пряталась за спиной у беспомощно поднявшего руки отца, – Тебя мне тут мало, так еще и псину здесь терпеть? Нет уж, спасибо! Одна псина у нас уже есть, хватит с нас!

– Закрой-ка рот, дорогая. – последовало удивленное "Ах!" от жены, и тогда Илья, резко переменявшись в лице, тем не менее аккуратно отстранил дочь подальше к стене.

– Ты что, совсем страх потерял, кобель драный? – зашипела, сверкая глазами, Анна.

"Что я натворила?!" – отец на секунду беспомощно посмотрел в распахнутые от неожиданной реакции мамы глаза дочери, как бы ища поддержки. Секунду спустя взгляд посуровел, а лоснящиеся щеки задрожали.

– Повторюсь – закрой свой рот. Я... В самом деле, дорогая – больше не буду терпеть от тебя всех этих унижений. – "У него такой спокойный голос, но я же видела, как он на меня посмотрел! Он будто находится не здесь, просто репетирует речь, сидя один на диване в каком-нибудь

гостиничном номере, словно пробуя ее на вкус! Сейчас... сейчас он расклеится и попросит у мамы прощения."

–Хо-хо-хо, у нашего мужичка внезапно обнаружили яйца? Где ж они раньше были, родимые?

–Ань, успокойся– ты перевозбудилась. – сказал Илья и тут же увернулся от полетевшего в него бокала. Второй раз за день раздался звон битого стекла. – И не кидай посуду, купленную на мои деньги. Она все же не копейки стоит!

–А ты заставь меня остановиться! – взбешенная неожиданным отпором мужа мать схватилась за остальную посуду, – Ишь ты, как осмелел, скот!

Не говоря ни слова, он сделал шаг вперед, пытаясь остановить ее, и Соня закричала: "Остановитесь!" Безрезультативно– пошла потеха: отец со все еще каменным лицом пытался ухватить мать за руки, а та то швырнет ему в лицо комнатный светильник, то распахнет дверцы буфета и выкинет половину сервированных тарелочек. Спустя минуту вся посуда была разбита.

Когда последняя уцелевшая тарелка была выхвачена прямо из рук взбешенной мегеры, она не поскупилась на смачный плевок прямо в лицо мужу, подкрепив ее пощечиной. И торжествующая ухмылка бы искривила ее некогда красивое лицо, если б не звонкая пощечина в ответ. Повисла немая пауза. Анна ринулась к телефону.

–Алло! Это полиция? Меня муж избил, срочно приезжайте, пока он за дочь не принял! Прошу! Да-да, адрес... сейчас!..

–Так вы утверждаете, что этот погром устроил ваш муж? – молодой полицейский оценивающе осмотрел Анну, восседающей в кресле, которое десять минут назад сама подрала собственными же руками, и нервно выкуривающей сигарету за сигаретой. После вопроса она посмотрела на него так, словно он и навоза не стоит, а еще смеет ставить под сомнения ее слова.

–Да, а еще он пытался меня избить! Вот, смотрите! – и ткнула ногтем в покраснение на щеке.

–Да врет она все! – негодуяще закричал Илья, – Она меня...

–А ну, тихо, гражданин! – насупился офицер, – Иначе я буду вынужден говорить с вами по другому сценарию, а я гарантирую, что вам это не понравится.

–Да я правду говорю!..

–Вы хотите, чтоб мы на вас надели наручники и посадили в бобик? Это мы можем. Хотите, сделаем так, а ежели нет– советую помолчать. – отыгрывая роль защитника угнетенных, невольно подмигнул стоявшему у выхода из комнаты коллеге, сосредоточенно заполнявшего блокнот.

Несправедливое отношение к папе настолько разозлило Соню, что она зашипела:

–Она врет! Она сама устроила этот погром, сама напала на папу и получила заслуженно!

Мать, чьему голосовому диапазону позавидовала бы сама Монти, и чересчур ретивые служители закона после ее слов как будто в рот воды набрали. Повисла гробовая тишина.

–Ты что это такое говоришь, милая? – почувствовав, как ее легенда вот-вот начнет трещать по швам, мать начала заискивающе заговаривать с Соней, – Это же все он!..

–Хватит, мама. – топнула ножкой Соня, – Ты переходишь все границы!

–Мы все еще можем арестовать вашего мужа за то, что он ударил вас. Как никак статья за бытовое насилие, побои можем ехать снимать хоть сейчас. – участвующим голосом сообщил господин служитель закона.

–Да я защищался, вы чего? – вновь негодуяще начал отец.

–Хотя у вас, уважаемая, два голоса против одного, тем более что девочка врать не будет, так?– посмотрев на Софью, до этой минуты молчавший, сказал полицейский с блокнотом, дожидаясь и получив утвердительный кивок от дочери,– Если вызов был ложный, то нам ничего не остается, как внести это в протокол. Дело неподсудное, но штраф за это и лжесвидетельство в придачу мы легко можем оформить. И это только в том случае, если забыть про

то, что, по словам очевидицы, сами начали конфликт. Закон, вроде как, не разрешает насилие в семье с обеих сторон. Вы ведь понимаете, что вы сейчас попытались сделать, мадам?

Потупив глаза, Анна вынужденно кивнула.

–Ну, вот и славно. Мы пойдем, а вы тут разберитесь, что к чему. И чтоб без поножовщины! Если что, запись составлена, мы оба свидетели. – с этими словами полицейский направился в прихожую.

Но задержался на миг, весело улыбаясь:

–Хотя! Можете делать, что хотите– вам гробы, а нам прибавка. – дверь захлопнулась, а в коридоре загремел резонирующий от стен гогот.

Стараясь не замечать осуждающий взгляд матери, Соня потихоньку начала отходить к своей комнате, все еще слыша все, что происходило в гостиной.

–Я с тобой разведусь, слышишь?!– угрожающее шипение как никогда более походило на змеиное, – Я отберу у тебя все– и квартиру и машину и Соню! Будешь въезывать, как никогда не въезывал– я тебе житья спокойного не дам, пока ты не приползешь ко мне на коленях с извинениями.

–Не выйдет, Ань. – Соня слышала, что отца все происходящее радовало еще меньше, чем ее саму.

–Почему это? – насмешливо спросила мама.

–Ну, так уж получилось, что, хоть я и дурак, но все же имею уши и мозги. Мне как-то посоветовали и, поразмыслив, я сделал, как было сказано– сохранил все чеки и документы. Все. Как ты помнишь, по большей части все, что у нас есть, приобрел я на свои деньги и оформлено это так же на меня.– спрятавшись за дверным косяком, Соня в отражении чудом не разбитого зеркала увидела, как потемнело лицо ее матери и как улыбнулся отец,– Эту квартиру, конечно, делить придется, но если заставить суд инициировать расследование, то по одному твоему рабочему стажу выйдет так, что ты не работала во время всех крупных покупок, что натолкнет на соответствующие выводы. Это станет отличным поводом к тому, что освободить квартиру придется тебе. Ты, конечно, решишь отыгратья с помощью нашей дочери, но почему-то, не знаю точно, почему, но я считаю, что она так просто в руки тебе не дастся и сломает все твои игры еще на самом старте. Подумай над тем, как ты относилась все эти годы, чем охмуряла ее бедную головку, сколько всего неправильного наговорила в ее уши. Если попросить ее пересказать хотя бы треть всего, сказанного тобой, то как ты думаешь, что решит судья, особенно если дело будет проходить под пристальным вниманием журналистов, которым только дай возможность поучаствовать в скандале?

Лицо матери было по-настоящему страшным. Казалось, что ее вот-вот удар хватит или она возьмется за нож. Илья, больше не испытывая страха перед женой, решил добить ее контрольным выстрелом:

–И сегодняшний случай явно не поспособствует твоим притязаниям на Соню. Она останется жить у меня, а тебе придется платить алименты. Не будешь платить– я сделаю все, чтобы тебя посадили. Сбежишь– из-под земли достану, по всем знакомым пройду, но найду и приведу к ответу. А если тебя освободят по УДО или дадут условное, то я не остановлюсь на достигнутом. Ты знаешь меня половину нашей жизни, что и значит, что ты отлично знаешь, как я поднаторел в подобных делах! Так что можешь не сомневаться– я сломаю твою жизнь как раз по той схеме, которую ты заготовила для меня.

Не в силах больше слушать, Соня убежала в комнату, заперла дверь на задвижку и устроилась на подоконнике. Чувство вины захлестывало ее не переставая. "Что я натворила... я разрушила нашу семью! Теперь все кончено!" Надо сказать, что-то, а вот такого она от отца явно не ожидала. Ее маленькая шутка– да и шутка ли? – не вышла ей боком, а отец слишком серьезно воспринял ее слова, рванув с места в карьер. Призывая отца внести искру в отноше-

ниях с матерью, она невольно раздула пожар, толком не подумав о том, как он, возможно, на самом деле ненавидит ее! И как исправить ситуацию, она не знала.

"Лучше не высовываться пока из комнаты. Только в туалет и обратно. Сидеть тут, пока они не остынут, и никого не впускать— может, хотя бы обо мне подумают и перестанут собачиться! Это единственное, что я пока могу сделать, ничего не испортив. Подумать только— началось все с безобидной собаки!.."

* * *

Утром было необычайно тихо. Выйдя на цыпочках в коридор между гостиной и второй спальней, она слышала, как мать слезно просит прощения у отца и обещает измениться к лучшему.

"Быстро же она заднюю дала. Интересно, как долго это продлится? Ясно же, что ты врешь, мама— я же помню все твои "поучения"..."

Сумев выбраться из квартиры, не скрипнув ни единой половицей, не звякнув ключами, не допустив случайного чиха или чересчур громкого вздоха, Соня вышла на улицу и глубоко вздохнула. Чувство вины все еще терзало ее грудь, не отступая ни на миг, упорно досажая своим скребежом. Даже спокойствие Птичьей улицы в отсутствие еще завтракающих по кухням детишек не позволяло ей просто насладиться тишиной и легкой прохладой. Стало понятно, что так просто она не отвяжется от неприятных ощущений, тем более что уже начались...

—Привет. — мрачный голос отвлек ее от созерцания серого полотна.

—Привет. — "А ведь именно разговор с тобой толкнул меня сделать глупость, Фил!"

Оказывается, парень сидел на краю подъездного козырька, покачивая свисающими ногами. И как это она не заметила его пят?

—Сегодня ты более унылая, чем обычно. — бесцеремонно заявив это, он перевернулся, повис на руках и мягко спрыгнул к ней.

—Вот уж спасибо за комплимент! А ты выглядишь... а никак ты не выглядишь. От одного взгляда на тебя фрукты начинают смердеть! — вместо ожидаемой ярости она лишь почувствовала усталость и уколола его проформы ради.

—И что? — и на это даже не нашлось, чем ответить.

Раздраженно передернув плечами, Соня пошла к "спирали", не желая больше видеть своего знакомого. У нее тут такое вчера произошло, а этот хмырь знай себе таинственность корчит и делает вид, что ему ничего не важно! Наверняка дома у него все еще боле погано, чем у нее— вон, синяк новый на щеке появился! Батя лупит, не иначе! И поделом! Глядя на то, как исчезают его ботинки вверх по ветвям, Соня почувствовала, что не прочь его оттуда скинуть. И тут же поняла, что мыслит, как маленькая обиженка, которой не купили конфету— он не принимал участия в ее семейной драме. Возможно, что он и вовсе ничего не знал, наблюдая за своими дурацкими птицами.

—Знаешь, что? — Соня сосредоточенно жевала сорванную по пути соломинку, стараясь не скрипеть зубами.

—Что? — откуда-то сверху откликнулся Филипп.

—Ты ведь так и не спросил мое имя.

—А зачем мне это? Мы с тобой видимся всего-то второй... нет, третий раз.

—Как это "зачем"? — задохнулась от негодования девушка, — Я твоё имя знаю, а ты мое— нет? Так нечестно! Ты даже точное количество наших встреч не помнишь!

—Я не называл тебе свое имя, так что честно. — в его голосе сквозила лениво скрываемая насмешка.

—Но мне не нравится, что ты не называешь меня по имени! Все "эй" да "эй". — Соня зевнула, потянулась, — Нельзя же так!

–А откуда тебе знать, что можно, а что нет? Ты же девочка!

–Батюшки, ты еще и сексист?

–Нет.

–Тогда причем тут "девочка", скажи мне?

–При том, что ты ведешь себя, как абсолютное большинство. – раздался хруст– свисая на очередной ветви на спине, Фил вправлял себе позвонки, – Ну скажи мне, на кой черт мне знать твое имя? Ты ведь не единственная в мире носительница своего имени, какое б оно там ни было хитровыдуманное. Равно как и я не единственный Филипп во вселенной. Имена это все чушь собачья, как ты говоришь. Всего лишь мнимые знаки отличия без значений. Особенно становится смешно, когда люди читают разные подобию гороскопов, только вместо зодиакальных символов– имена. Такая умора– наблюдать за тем, как они старательно вчитываются в этот бред и воображают, что написанное целиком и полностью соответствует им. Особенно женщины! Я неспроста заметил, что ты девочка– у вас, у женщин, странная склонность к мистификации и вы особо настроены ей доверять. Куда ни глянь– везде у них и гороскопы и пасьянсы и прочая, и прочая. Ну видно же, что все это пущенный на самотек бред– но нет, верят!

–Ой-ой-ой, нашелся тут знаток женщин, великий гуру! – начала дразнить его Софья.

–Зря смеешься. Я ведь прав. – "Да неужто?"– Вернемся к именам. Вот начитаетесь вы этих значений имен и будете все как под копирку стараться соответствовать прочитанному. О какой индивидуальности тогда вообще идет речь? Если учитывать тот факт, что абсолютно индивидуальным быть просто невозможно в тех условиях, что мы живем, то вы значительно упрощаете задачу по сортировке. Всегда выводили люди, утверждающие, что они– единственные и неповторимые, уникальные. Тогда как я уверенно заявлю, что в мире найдутся как минимум сотня человек с зеркально похожими взглядами и точками зрения на мир как у меня, так и любого из вас. А про внешность вообще молчу. В мире семь с половиной миллиардов человек, так неужели жестко ограниченное число– допустим, сотня– признаков и их совокупностей могут хоть как-то создать индивидуальную цепь хотя бы в одном миллиарде? Не-а! Они будут повторяться по меньшей мере тысячи раз. Но тут уже нужен математик, а не прохиндей вроде меня. И, как по-твоему, кто из нас прав– я или выбранный в случайном порядке блюститель индивидуализма? Задумалась, да? – его довольное лицо на секунду мелькнуло среди растительности, – Ну хоть как-то я тебя думать заставил, тоже плюс!

–Но если абсолютная индивидуальность невозможна, то какой смысл вообще быть индивидуальными?

–Поправлю– пытаться быть индивидуальными.

–Зануда! – в этот раз Соня швырнула в него веточкой. И вновь не попала.

–Глупышка. – беззлобно ответил на подколку Фил, – Я, конечно, не гений и у меня нет общественного признания... я даже понятия не имею, высказал ли эту мысль кто-нибудь до меня, но я, пожалуй, выскажусь. Смысл пытаться быть индивидуальным заключается именно в попытках. И уж сами попытки являются яркой иллюстрацией обратного результата. Потрясающе, правда? Если б только вы не были слепы, то сразу заметили, что итога у нас получается две толпы– в одной серая масса, плюющая на желание выделиться, втайне желая быть особенной, в другой– индивидуальные личности (как они себя считают, разумеется), на деле же оказавшиеся такой же серой массой, втайне не желая признаваться в этом даже самим себе. И ведь мало кто об этом задумывается! Смысл же заключается в том, что именно вечные неудачи в попытках стать индивидуальным указывают на невозможность этой индивидуальности. Проще говоря– не мути попусту воду, все равно не выплывешь, так что просто старайся не быть дерьмом и сумей вовремя утонуть. В конце концов это не планета Земля, что меняется по истечении многих миллиардов лет, и тут нет своей эволюции. Можно, конечно, допустить вариант симбиоза, мутации, но тут я не берусь рассуждать, ибо у меня возникает ощущение, что с этого места я впускаю чешу языком.– и на этих словах ей даже показалось, что она сумела уловить

оттенки грусти в его голосе. Привстав на ноги, Соня медленно, как и собиралась, по круговой траектории приподнялась на пару метров – так, чтобы видеть его лицо, уткнутое щекой в мягкую кору, и, глядя в глаза, спросить:

–Выходит, надежды совсем нет?

–Так. – спокойно ответил Филипп, не отводя свой взгляд.

–Ты расстроен? – тихо спросила девушка.

–Нет. – ответил парень, однако секунду спустя качнул головой, – Я слукавил – на деле же это и впрямь грустно. Ну, невозможность стать индивидуальным. Я удручен этим фактом, даже признавая который, все еще остаюсь далеким от индивидуальности.

* * *

Маленький пушистый щенок увлеченно лизал пальчики Софии, пока другой рукой она обнимала отца, который даже в разгар семейного раздора не забыл о просьбе дочери. Присягнув над библией – пусть в это верится с большим трудом, но семья и впрямь была верующей, – в служении святой собаке, ее оберегании и опеке, Соня нарекла нового друга Аврелием. Вне себя от счастья, она проводила с ним целые дни и вечера, ревностно следя по всей квартире и понемногу дрессируя. Щенок оказался смышленным – после первого шлепка по задку понял, где нельзя шкодить и отныне либо ходил в лоток, либо терпеливо дожидался выгула.

Отец подобрал его на улице, решив побродить по злачным местам, где можно было найти бездомных собак, и дать кому-то одному настоящий дом. Однако простые на первый взгляд поиски несколько затянулись в виду недавнего налета догхантеров, чья хаотично разбросанная отравка изрядно почистила улицы не только от бродячих, но и домашних собак. Щенка-то найти все же удалось, только откуда именно пришлось доставать маленькое чудо, никто кроме него не знал – решено было оставить в секрете. Вымыв, вакцинировав малютку, папа вручил его обрадованной дочери в надежде, что она сможет проявить себя с лучшей стороны.

Выгуливая псинку во двор, Соня ожидаемо осматривалась в поисках завистливых или восхищенных взглядов, чтобы не упустить момент нахлывающей, несколько беспочвенной гордости. Следуя ее желаниям, жильцы Птичьей улицы обращали на нее внимание, подходили с просьбой погладить ее маленького спутника, заводили не так чтобы увлекательные разговоры о своих питомцах, тут же показывая их со своих телефонов, не забывая и о "забавных" видео, где простой на первый взгляд кот делает вполне приличествующие ему вещи. Например, использует кресло и обои, как когтеточку. Или лопает цветы. Или пугается из-за того, что дочкина кукла, обычно валявшаяся в груде других уже ненужных игрушек, внезапно сидит на краю тумбы и вращает глазами. После светской беседы ни о чем Соня следовала за тянущим поводок Аврелием к выезду, натягивая поводок каждый раз, как маленький шкодник замечал очередную птицу и с громким писком мчался тяпнуть за крыло. С малышом же, жаждущим познать мир вокруг себя, девушка впервые выбралась за пределы Птичьей улицы, уже не чувствуя себя совсем незащищенной – теперь, когда у нее была компания, вышагивать по полупустым тротуарам было сподручнее.

Щенок был метисом, о чем свидетельствовали его торчащая нижняя челюсть и вытянутый нос, сразу же навеявая мысль о союзе пекинеса с таксой или около того. Несмотря на свою внешнюю несуразность, на вид он был довольно милый и его вечно довольная мордочка с языком наперевес никого не оставляла равнодушным. Так же, как оказалось, он легко поддавался дрессировке, с радостью выполняя все стандартные команды, когда понимал, чего от него хотят, думая, что это игра и в конце всегда будет вкусная награда. Иногда, смотря на то, как этот чертенок резвится на травке, Соня вспоминала щенка Филиппа, не замечая, как всего лишь на один миг лицо заливадается синевой, тут же яснеющее с веселым лаем и играми.

Однажды он сбежал – поводковый крючок слетел с петельки и собачонок пулей унесся прочь, не позволив хозяйке себя догнать. Той ночью, придя в слезах и сорванным голосом после долгих поисков щенка, Софья не могла уснуть, вечно порываясь снова идти на поиски,

снова и снова скандала с родителями, не желавших отпускать дочь одну, понимающих, что в темноте поисков не ведут. Долгая ночь мучила девушку своей нескончаемостью, своей гробовой тишиной – даже редкие ночные птицы, обычно перечирикающиеся между собой, молчали, равно как и весь транспорт ночных лихачей внезапно был поставлен в гараж. И не единого визгливого "гав" не раздалось с полуночи до шести утра. Подошло время рассвета, но за окном мрак и не думал рассеиваться, навешанный грозowymi тучами, что терзали небо уже третий день. Но Соне было плевать, она больше не собиралась ждать и минуты, пожалев ее даже на умывание. Накинув непромокаемый плащ и сапожки, она выбежала из дому, не переставая громко окликать питомца. Ни звука не раздастся в ответ – ее маленького Аврелия здесь нет, как нет и за пределами "коробки". Где же он? Где же ее маленький друг, в какую глубокую яму канул и зовет к ней, не слышимый, никем не видимый? Насколько сильно голод, мучивший его уже более полусуток, подорвал все силы?!

"Где же ты, малютка?!"

Час, два, три и никаких следов собаки. В отчаянии Соня побежала на филиппово кладбище, страшась найти свежий холмик. Поскользнувшись на влажной листе, упала на колени, рыдая не от боли, но от вступающего в свои права страха. Пока ее отец, тихо препираясь с матерью, готовил распечатки объявления о пропаже и рыскал по файлам в поисках подходящей фотографии, которых Соня наснимала больше двух сотен, она так и лежала в холодной земле, не думая о времени, не думая ни о чем, кроме Аврелия, ожесточенно коря себя за свою бестолковость, обещая расцарапать себе лицо, как только узнает, что с щенком случилось что-то ужасное. "Жалкая, тупая дура!" – раз за разом повторяла она, даже не давая себе отчета в том, что уже колотит себя кулачками по голове, вовсе не чувствуя себя лучше или хотя бы легче. Порываясь встать и побежать по городским улицам, тут же разубеждала себя, что таким образом практически невозможно найти даже человека, чего уж говорить про собаку.

Не ведая о судьбе Аврелия, Софья сильно переживала, проводя целые дни в неотрывных мыслях о нем и о том, что чувствовала. Она поняла, как сильно привыкла, прикинула к нему всем своим существом, очень сильно скучая по мягкой гладкой шерстке, темным, блестящим то жалобливой грустью, то неумной радостью глазкам, смешным обвисшим ушкам и вечно топчущим коротеньким лапкам. Впервые в ее жизни накатила настоящая хандра, пригвоздившая к кровати, лишив последних сил. В этот раз она не играла, не изображала себя той, кем никогда не являлась, по-настоящему переживая чувство потери, не задумываясь о довольно странном ощущении в своих руках, мирно лежащих на одеяле или сложенных у ее лица, чувствующих тепло тела, которого нет рядом. Сродни фантомной боли эта иллюзия ласкала ее рецепторы, легонько щекоча своими эфемерными прикосновениями, вызывая желание обнять и прижать что-то или кого-то к себе, быть с ним как можно более нежной и мягкой. Так она открыла в себе потребность дарить тепло своему питомцу, к которому до этого относилась без должной серьезности. Волнение за его судьбу заняло почти все пространство ее маленького мирка, вытеснив даже переживание за родителей, потребность в любви которых откроется, когда ей стукнет двадцать пять и она будет совсем одна.

В один из вечеров, примерно неделю спустя после пропажи, гробовая тишина, уже несколько дней висевшая ощутимой дымкой по всей квартире, была нарушена бьющим по ушам телефонным трезвоном. На том конце провода сквозь сплошные помехи очень тихий голос сообщил, что собака найдена и ждет хозяина. Сообщив адрес, Соня и ее родители затаив дыхание ждали звонка в дверь. Спустя пять минут в дверь постучали и Аврелий поприветствовал их веселым лаем, радостно вертясь в руках того жуткого типа, которого так боялась Соня. Чуть помешкав, он сбивчиво рассказал, что нашел его в чьем-то дворике, когда шел с работы – собачонок был привязан к маленькой будке. Вот он и выкрал его, потому что помнил – тут бледный палец ткнул в сторону Сони, – как видел ее каждый день с этим самым животным. Аврелия, судя по всему, все же подкармливали, однако возвращение на улицы явно не

пошло на пользу— шерсть местами снова свалялась и нуждалась в стрижке. Когда Соня, заплакавшись от радости, прошептала гостю "Спасибо" и в обнимку с щенком убежала в ванную, родители отблагодарили Сергея чаем с печеньем, почти сразу же, едва свершился последний глоток, спровадив восояси.

О том, было ли этому человеку обидно, никто не задумывался.

* * *

Лето завершилось. Школа вновь отворила свои ворота, впуская потоки разочарованных им подростков. Это был первый день, когда Соня покинула "коробку" своим ходом, без чьей-либо поддержки, надеясь встретить по пути в очередной раз пропавшего Филиппа, однако всю дорогу длиною не больше полукилометра ей пришлось идти в полном одиночестве. Помня напутствия отца о том, что новый коллектив не значит агрессивный, она настроилась уже сегодня завести новые знакомства, может быть, даже дать старт каким-то новым, отличным от прежних дружеским отношениям. Наблюдая за новыми одноклассниками, девушка невольно пришла к выводу, что они неизбежно отличались от ее предыдущих— те имели богатых родителей и непомерное самолюбие, эти же были... ну, как она и представляла, несколько обособлены от мира безудержного веселья и прокрастинации. Вполовину серьезные и дурашливы, эти ребята выказывали готовность прорываться в лучшую жизнь, лишь бы не оставаться в этом "гадюшнике", каким Сорск всегда выглядел в их юных глазах, вовсе однако не задаваясь сверх меры, все еще понимая, что они— никто и звать их никак. "Я заработаю себе имя в будущем, а пока мне остается лишь учиться и не скатиться вслед за вами, бакланами!"— эти слова она услышала от щедедушного мальчишки, который был самым младшим в ее классе, посетив первый класс в шесть лет и уже более трех лет обучаясь по углубленной программе физико-математического профиля. Не доставая товарищам и до плеча, тем не менее он выглядел достаточно представительно— в приталенном пиджаке, брюках со стрелками и напوماженными волосами, походя то ли на ананкаста, то ли на аристократа— не позволял себе излишеств, всегда держал прямую осанку и важно надувался, едва открывал свой рот, при этом вовсе не пытаясь возвыситься за счет других. Он был своего рода компанейским парнем, всегда шел на контакт и ни с кем не ссорился, оставаясь душой компании. Он же и принял Софью в ряды класса с шутливой торжественностью вручив ей терновый венок из папье-маше, который стащил после завершения школьной постановки прошлым учебным годом. После этого она даже почувствовала себя по-настоящему на своем месте.

К ее небольшому разочарованию Филипп оказался в параллельном классе. Каждый раз после звонка на перемену Соня выбегала в коридор и осматривалась в поисках заветной шевелюры, но никак ее не находила. Слежка по расписанию так же не помогала, как и расспросы у других школьников. Более того, на вопрос: "А ты знаешь, где Филипп?" неизменно следовало недоуменное: "Какой Филипп, Сонечка? У нас же таких нет!" Как нет, если он том же классе, но по другому профилю? На этот вопрос ни у кого не находилось ответа. В школьной столовой парень не появлялся, на совместных уроках физкультуры его так же не было видно. На миг допустив мысль о том, что злосчастный патлач ей причудился, девушка тут же отмела ее как незаслуживающую даже рассмотрения. Скорее всего этот нелюдимый дурак просто прячется, чтобы ни с кем не общаться! Это было вполне в его духе, ведь она даже не была уверена в том, стал бы он с ней гулять и разговаривать, если бы она специально не вылавливала его во дворе их дома. Иногда, отрываясь от своих новых приятелей, Софья ходила во всем этажам школы, пересекая их вдоль и поперек, не забывая заглядывать в классы, неизменно находя лишь пустые парты да какого-нибудь хмурого очкастого заучку, стремившегося получить золотую медаль. В раздевалках его так же не было, как и в чуланах для швабр и в кабинете стоматолога. Лишь после звонка на урок Фил появлялся из ниоткуда и ловко юркал в класс, не встречаясь с ней взглядом. Соня даже подумывала прогулять один из уроков и подкараулить

скрытного засранца у выхода из его аудитории, но вовремя одернула себя, сообразив, что такое поведение свойственно влюбленным дуручкам, но уж никак не ей.

Впрочем, она нашла одно из его убежищ– лестница, ведущая на чердачные помещения и огороженная массивной решеткой по всей ширине пролета: ей просто удалось заметить, как он ужом просачивается меж узких прутьев и исчезает в темноте.

"В натуре, змеюка какая-то!"

Так же Филипп делал и все последующие разы, когда Соня исподтишка наблюдала за ним, в уверенности, что никто на него не смотрит. А на него и впрямь никто не смотрел– это она так же заметила. Школьники, в том числе и ее одноклассники, будто в упор не замечали слегка неформального парня, который молча шел мимо них, вращая плечами, чтобы никого не задеть. Даже откровенно быдловатые парни и девчонки, которые минимум раз в неделю устраивали "потешные" зрелища с "ботанами", не трогали его, даже наткаясь нос к носу– просто обходили, не удостоив взглядом. Будто его не существовало. Решив еще раз попробовать поспрашивать у ребят, но с более детальным описанием, Соня вновь наткнулась на стену непонимания. Только одна из девушек сумела более-менее ответить тем, что Филипп так-то никем здесь не считается и ни с кем не считается– знай себе приходит в школу, молча пишет в тетради, игнорируя даже учителей, за что ему даже перестали оценки за поведение ставить, потому как ни вызовы к директору, ни профилактические беседы со школьным психологом ни к чему не приводили. Он никому не мешал, откровенным уродом не был, даже не отличался фриковатостью "ботанов", о нем ничего не было известно кроме самого очевидного, и негласно учащиеся приняли решение не трогать его, вскоре забыв о том, что какой-то там Филипп вообще существует. Это не человек, а всего лишь молчаливая тень, сама избирающая маршрут по школьным коридорам. "Или птица."– вставила Соня, вызвав у одноклассницы понимающую улыбку.

Учебные часы заканчивались ближе к трем часам дня и девушка тратила еще полчаса на ожидания у раздевалки, вознамериваясь хотя бы здесь поймать Фила и пойти с ним вместе. Уже к третьей неделе от этой идеи пришлось отказаться– он будто издевался над ней, неведомым образом оказываясь во дворе их дома, при этом не забыв куртку, за которой было установлено не особо внимательное, но отнюдь не халтурное наблюдение, причем достаточно было моргнуть один раз, чтобы эта черная фиговина с заклепками пропадала напрочь из поля зрения.

–Признавайся– ты вампир! – драматично вскинув руку, заявила Соня, в очередной раз найдя Фила у их дерева.

–С чего ты взяла? – не изменившись в лице, спросил тот, сбросив сумку и вскарабкавшись на первую ветвь, поправляя на поясе пакетик с крупой.

–А вот!– забравшись следом за ним, она уселась рядом, не отрывая своих глаз от его поцарапанных пальцев, неловко развязывающих узелок,– Для многих ты– человек-невидимка, точно они зеркала, а ты... ну, собственно, вампир, который не отражается в них. Ты спокойно ходишь по всей школе, не заботясь о том, что кто-то тебя позовет, притянет за руку или вовсе толкнет– нет, ты идешь себе куда глаза глядят и ни до чего тебе дела нет– вот настолько ты нелюдимый, что даже окружающие люди предпочитают тебя не замечать. Конечно, ты можешь стоять под солнцем, но я не раз видела, что ты предпочитаешь темноту. Например, это твоя лестница с решеткой– туда ж никому не пролезть, а ты каким-то образом пролезаешь, будто кошка какой-то! А еще ты бледный и нездорово выглядишь, вот я и говорю– ты вампир!

Покачав головой, Фил улыбнулся одними губами.

–Чушь собачья.

–Эй, это же мои слова!

–И тем не менее. Версия, конечно, мне нравится– придает некий ореол необычности и таинственности, но на этом вся прелесть и завершается. Я один, потому что мне так удобно. Меня не замечают, потому что им так удобно. Удобно то, что я не доставляю никому проблем, не пролезаю под руку и не встаю поперек дороги. Я просто парень, который учится, только и

всего. Я ничем не примечателен и потенциально не представляю ни для кого интереса хотя бы потому, что сам его нивелировал. Понимаю, тебе это кажется ненормальным, но мне нравится быть таким. Это... спокойно. – чуть поразмыслив, добавил, – И вовсе я не человек-невидимка. В школе, может быть, народ с готовностью и играет в эту игру, но, допустим, здесь, в Птичьей улице, это не работает. За примерами далеко ходить не надо – возьмем бабулю с пятого подъезда. Она, едва меня видит, начинает орать на всю улицу и подзывать к себе. Поначалу я подходил, хотя знал, что она неизменно будет просить ей с чем-то помочь, что-то перенести, собрать или разобрать, потому что отца она никак поймать не может и за это ставит долг отыгрыша на мне. Теперь я куда более осторожен и поймать она меня не может. Но я избегаю ее не потому, что не хочу помогать, а по причине ее разговоров – она с виду не очень и натура у нее скотская, что сразу заметно, стоит ее послушать. Хочешь еще примеров – будут тебе еще примеры. Дети. Однажды они оборвали половину моих кормушек и распугали птиц, потом дразнили меня, пока я все восстанавливал. Это еще ладно, пустяки, ведь они дети, а дети в моем понимании все равно что умственные инвалиды на пути частичного излечения. Но сам факт того, что они меня видят, уже о многом тебе говорит. Кстати, они попытались оборвать кормушки во-второй раз. – оглядевшись, Фил заговорщически наклонился к Соне, – И никто до сих пор не знает, что мальчишка, который чуть было не сломал себе руку, упав именно с этой ветки, на которой мы сидим, упал не потому, что неуклюжий дурачок, а потому что я поставил небольшую ловушку, на которой легко поскользнуться. Больше они наверх к кормушкам не лезут. И птицы довольны и дети целы.

Встретив его чуть проясневший взгляд, девушка ухмыльнулась:

– Ну, ты меня еще не до конца убедил, знаешь ли? Да и примеры у тебя какие-то отвлекающие – та зовет, эти дразнят. А я хочу знать о том, замечает ли тебя кто-то, как я? Посидеть рядом, просто поболтать, может, подзатыльник дружеский отвесить – хоть кто-то делает это? – парень качнул подбородком, – Что, совсем никто?

– Я могу рассказать и о менее приятных случаях, но мне не хочется портить себе настроение. Скажу просто, что этот человек живет здесь и регулярно обращает на меня свое отнюдь не доброе внимание. И даже не вздумай спрашивать о том, кто этот человек. – черные глаза вновь посуровели.

– Тогда я сделаю вид, что отвлекаю тебя, и задам вопрос по поводу твоих линз.

– А что с ними не так?

– Все не так. Во-первых, это абсолютно не твой цвет глаз, потому что кожа твоя слишком белая, а волосы... ну, слишком черные, надо полагать? Верхняя половина твоего лица сливается с ними, в итоге создается впечатление, что у тебя кроме носа и рта ничего наверху-то и нет! Если бы ты, к примеру, собирал волосы в хвост, то это смотрелось более-менее нормально. Во-вторых, за этими линзами не видно твоего настоящего цвета, а я ведь даже не знаю, каков он. Голубой? Карий? Зеленый? Серый? Знаешь, я даже думала о том, что ты на самом деле слеп на один глаз, на котором у тебя образовалось бельмо, потому ты носишь две линзы, а не одну. В-третьих, из-за линз, особенно если их носить целыми днями, может ухудшиться зрение. Они же у тебя не оптические, правильно? Просто кусочки силикона, которые ты лепишь себе почем зря, хотя мог бы не мучить глаза.

– И? Что мне толку с твоей оценки моих линз? Черные и черные, пусть, дальше-то что? Снимать я их вовсе не собираюсь, выбрасывать – тем более. Не нравится их цвет – ладно, я понимаю и принимаю это, но снимать все равно не буду. Можешь утешиться тем, что мне действительно нравится черный цвет.

– А мне кажется, что ты все еще хочешь привлечь к себе всеобщее внимание и чем-то их поразить. – повернувшись уже полностью к собеседнику, заявила Соня, – Только вот поражаться тут нечему. Всего лишь обычный парень с обычными линзами в глазах, одевающийся как попало и где попало. – и он наконец улыбнулся.

–Будешь еще к моему стилю придирааться?

–Нет– заставлю тебя помучиться догадками еще пару дней до тех пор, как я тебя поймаю в школе. А я поймаю– уж будь уверен!

Оставив его в одиночестве, Соня ушла домой, стараясь не шуметь на лестнице, ожидая, что вот-вот послышатся крики. Но нет– после того, как валаамов осел в лице отца наконец-то подал голос, пусть и не кардинальным образом, но ситуация поменялась. Мать уже не третиговала отца, изо дня в день сохраняя приличие и не повышая голос, даже испрашивая у него разрешения на какие-то пустяки вроде отъезда по делам. Он же сохранял свою каменную мину, которую нацепил еще в тот день, когда его жена ползала перед ним, умоляя простить его. Он вовсе не простил и подозревал, что благожелательность жены лишь внешнее явление и внутри она все еще кипит от ярости, если вовсе не выискивает какие-нибудь способы осадить его на законном основании.

Несмотря на фиктивный мир, семья повисла в атмосфере напряженности. Соня, чувствуя это, подозревала, что дело движется к разводу. Стараясь не думать об этом, она находила спасение в учебниках, параллельно играя с Аврелием. Маленький непоседа стал ее единственным утешением.

Во время семейных ужинов стояла звенящая тишина. Все члены семьи старались есть как можно тише, аккуратно ставя столовые приборы не на тарелки, а на подставленные под них салфетки, словно тишина была единственным способом не позволить громыхнуть колоколу раздора. Попыток начать разговор даже о пустяках не предпринималось. Каждый думал о чем-то своем, сосредоточив все внимание на еде. Чувствуя себя виновной перед мамой и папой, Соня гадала, как же она может исправить ситуацию и помирить мать с отцом.

Но идеи никак не приходили в ее вздорную головку, вновь уступив место обезьянке, громыхающей тарелками.

Вернувшись в школу следующим днем, Соня не смогла поймать своего неуловимого приятеля. Даже когда подкарауливала его у решетки каждую перемену, простаивая до самого звонка на урок. Она поняла, что он сменил свое укрытие, перепрятал свое тело в другом столь же недоступном месте. Что он избегает ее точно так же, как и остальных. Решив попытать счастья, следующей переменной она отправилась наперекор школьникам, ринувшимся в столовую за булочками, в подвальные помещения. Обычно они были закрыты на навесной замок, но кто-то из уборщиков, видимо, забыл запереть металлические двери либо просто оставил их проставивать в надежде, что поглощенные учебой и собственными персонами детишки не додумаются вломиться в котельную. Добравшись до нее почти что вслепую, девушка поняла, что нашла второе укрытие, которое, впрочем, все еще пустовало. Только одинокий стол стоял под люминесцентной лампой с граненым стаканом, в котором когда-то плескался кофе, да валялся под ним скомканный клочок бумаги. Развернув лист, Соня тихим голосом прочла следующее:

"Пустыня. Слабый ветерок сметал с дюн песок, который медленно заметал свежие следы, оставленные подошвами верблюжьих ног. Цепочка вела к песчаному холму, перескакивая через край дюны почти вплотную к спине одинокого путника, что направлялся на восток, восседая на верблюде. Он был в сером плаще, лицо его скрывали тряпки, на фоне которых резко выделялись два орлиных глаза. Руки, затянутые в плотные холщовые перчатки, слабо обхватили передний горб животного, вцепившись пальцами в поводья, а тело, прислонившееся следом, еле заметно шатало. Яркое солнце нещадно пекло и, измученный жаждой, человек лицезрел мираж– прекрасный, сияющий город, полный воды, еды и добрых людей, беззвучно приветствовавшие его рукоплесканиями и воплями, слившись в одну сплошную жирную линию у самой городской черты. Обуянный видениями, не замечая ничего кроме своих грез, он шел напрямик в песчаную бурю. Мгновенье– и песчаная лавина накрыла его с головой, погрузив в адские пучины, завихрившись огненными смерчами. Повсюду раздавался вой, жуткие стенания раздирали барабанные перепонки человека, словно хор грешни-

ков, истязавший сам себя во имя искупления искупая своих мирских прегрешений в страдании и нескончаемой боли. Песок больно впивался в запястья под задирающимися обшлагами, залеплял глаза, застывая твердой коркой по их поверхности. Ездок попытался прикрыть глаза рукой, но тщетно— песок летел со всех сторон, упорно находя малейший просвет для очередной стремительной атаки. Сильный ветер в буквальном смысле разметал, распластал по седлу, то откидывая на спину, то норовя сбросить под ноги все так же невозмутимо першого вперед животного. То и дело мимо проносились огромные перекасти-поля, лишь на миг показываясь перед глазами и тут же усвистывая прочь в песчаную завесу, в которой столь яркое пару минут назад скрылось и солнце. Держась из последних сил, путник думал: "Буря не вечна— она закончится и я достигну этого города! Я видел его!" Но что же это? Его глаза продрались, распахнулись несмотря на летящий песок. "Где он? Я... Я же был у его порога!.. Куда он подевался?!"— отчаяние захлестнуло человека, враз ослабевшего всем телом, свисающего со стремян под тяжестью якоря неизбежного осознания. Предавшись печали, он зарылся лицом в горб и из последних сил вцепился в него своими руками, твердо намерившись удержаться в седле во что бы то ни стало. Буря бушевала целую вечность, но отчаяние отпустило путника, уступив дорогу смирению. В его ушах выл ветер, сверху гремел гром, в зубах скрипели песчинки и неожиданно вся какофония сложилась на удивление ладной композицией— словно племя древних индейцев зашло в ритуальном танце, загремело концертом из барабанов и сотен свистков смерти. "Это конец!"— думал он, — "Не найти мне этот город..." И, едва он об этом подумал, едва последние силы покинули тело, как буря стихла. Едва сумев поднять свои глаза под истерзанными веками, путник узрел на горизонте силуэт города, от которого шел свет."

—Как красиво...

Соня не знала, но захотела восполнить пробел. Сегодня она найдет его на улице, подойдет и вручит рассказ, скажет, что ему нужно продолжить писать. Она подозревала, что он разозлится, возможно, накричит на нее, но была к этому готова— впервые за их недолгое знакомство она нашла что-то, что указывало на него, позволяло узнать чуть больше о нем и его жизни. Ей хотелось узнать его.

* * *

—Откуда это у тебя?!— на него было страшно смотреть— впервые за все время она увидела, как он злится.

Стоя перед ней и сжимая кулаки, Филипп будто не знал, что сделать— ударить ли ее, попытаться отобрать листок или просто плюнуть в лицо, выразив тем самым полное свое презрение к ней как к личности.

—Нашла в школьном подвале. Слушай... слушай же ты! — крикнула Соня, подняв руки, едва он сделал шаг к ней, но не успела продолжить.

Он отказывался слушать, отказывался понимать, что она пыталась ему сказать, вместо этого лишь выхватив листок и разорвав его в клочья.

—Нет! Зачем? — Соня упала на колени, собирая обрывки, — Зачем ты это сделал? Это же... это история, Фил! — почему он не понимает ее? — Я читала ее и хочу сказать, что мне понравилось! Я ума не приложу, почему ты бросил этот листок просто так в месте, где его не скоро бы нашли, я понятия не имею, что тобой движет, но то, что ты сейчас делаешь, недопустимо! Это!..— сжимая обрывки в левой руке, она сунула их ему в лицо, — Это— настоящая картина, которую ты видишь в своей голове и пытаешься нарисовать! Пусть она не идеальна, пусть она не имеет завершения, пусть даже у нее не будет продолжения, но ты... ты хорошо пишешь, Филипп. Не идеально, разумеется, но ты же только что начинаешь делать первые шаги в нужном направлении, так почему же ты сходишь с лестницы и стоишь на месте? Какой в этом смысл?!

—Смысла нет.

—Неправда!

–Слушай, ты... – но оскорбления застряли в его горле; постояв с минуту, бестолково хлопая ртом, Фил качнул головой, – Не надо лезть в мои дела. Если я что-то сделал, значит, так нужно было сделать. Я не собираюсь становиться писателем и не питаю никаких надежд и иллюзий на свой счет. То, что я написал– яйца выеденного не стоит и ты это знаешь. С чего тебе вообще волноваться о чем-то подобном?

–С того, дурак ты набитый, что мне понравилось!

–Не будем... об этом.

Казалось, разговор утомлял его. Отвернувшись от Софьи, Филипп в очередной раз отправился к дереву, но вместо того, чтобы забраться и исчезнуть среди веток, уселся у самого ствола. Помешкав, девушка присела рядом, продолжая смотреть на него.

–Ты так и не узнал моего имени, а я так и не сказала его тебе. Возможно, в твоём представлении я– просто персонаж твоей истории, которую пишет кто-то другой, решивший заполнить мной от силы пару страниц, но в моем представлении– а я, если ты вдруг не знал, все еще представляю и чувствую себя вполне реальным человеком!– ты являешься реальным и осязаемым человеком, о котором я ничего не знаю, но хочу узнать. Если не хочешь говорить о том, что ты пишешь, давай поговорим о чем-нибудь еще!

Промолчав еще с минуту, парень наконец ответил:

–Я ничего не пишу, потому что мне на самом деле нечего сказать. Образ в этом отрывке– лишь зарисовка, произведенная вследствие привычки. Когда-то я рисовал, но и это не оказалось моим призванием, потому я бросил, иногда выписывая такую вот бредятину на листках бумаги, потому что... – вздохнул, – Потому что иногда мне хочется рисовать.

–Так рисуй!

–Нет. С этим делом я давно покончил, а скоро покончу и с этой чертовщиной. – Фил указал на разорванный рассказ, – Мне следовало с самого начала понять, что я не художник и даже не около того– всего лишь обычный филистер с бестолковыми потугами упразднить невозможность установления абсолютной индивидуальности своей личности.

–Да бог с ней, с индивидуальностью! – воскликнула София, стукнув кулачком по земле, – Почему бы тебе просто не заняться тем, что нравится? Хочешь писать– пиши, хочешь рисовать– рисуй! Кто знает– вдруг ты нарисуешь какой-нибудь комикс, который будет тепло встречен? Я не говорю о наградах или деньгах, но о простом "А мне нравится то, что делает этот парень!". Разве тебе не хочется, чтобы кто-то увидел и оценил то, что ты делаешь?

–Нет.

–Врешь, Филька, врешь. Каждый из нас, кто делает хоть что-то, в глубине души ожидает похвалы!– она и сама не знала, говорит ли искренне или повторяет чью-то реплику, и впрямь чувствуя себя как случайный прохожий на репетиции театральной постановки, которую выдвинули на первый план,– Возможно, ты не хочешь быть знаменитым, но я точно могу утверждать одно– ты хочешь, чтобы хоть кто-то прочел все, что ты написал. Просто прочел, не говоря ни слова.

–Давай сменим тему. – попросил он, склонив голову ниже.

–Ты же понимаешь, что наш разговор из важного превратится в бестолковый? Какую, по-твоему, тему для него я могу выбрать? "Расскажи мне о себе, Филья"? Или, может, "Ты когда-нибудь влюблялся, Филья?" А, может, "Как ты думаешь, это плохо, что твои родители разведутся?"– "Упс!"

Действительно– "Упс!". Фил тут же посмотрел на нее, словно поняв, что она невольно проболталась о том, о чем не следовало. Соня неловко отвела взгляд и стала сосредоточенно разглядывать свои туфли.

–Твои родители разводятся? – с неожиданной участливостью спросил он, чуть склонив голову, чтобы заглянуть ей в глаза.

–Нет. Это я так... Мы, вообще-то, о тебе говорим! Не переводи все стрелки на меня, это некрасиво! – девушка притворно улыбнулась и поправила свои волосы, – Так что же, на какой вопрос будешь отвечать?

–Ни на какой. Они банально неинтересны, тем более что мне нечем ответить.

–Врешь.

–Не вру.

–Тогда какой же вопрос будет небанальным?

–Такой вряд ли найдется.

–А как на счет того, чтобы я придумала интересный вопрос о твоей жизни, пока ты отвечаешь на парочку вполне обычных? – спросив это, она снова посмотрела ему в глаза, заметив, что он задумался.

–Только на один.

–Два!

–Один. – чуть отодвинувшись от дерева, Филипп улегся спиной на траву, не заботясь о чистоте своего школьного костюма, – Спрашивай.

О чем же его спросить, чтобы он не разозлился? Что интересует ее в нем из того, о чем следует знать? Наверняка у него никогда не было девушки, потому он не желает заводить об этом разговор– считает, что это его оскорбит, если вовсе не унизит. Вероятнее всего, его жизнь лишена красок, совсем пуста на впечатления, совсем не интересна для кого-то постороннего, вот он и занимается тем, чем не занимаются другие– подкармливает бездомных собак и птиц.

–Если бы ты мог попасть в какую-нибудь фантастическую вселенную, то какую бы ты выбрал? – и он рассмеялся.

–Ни в какую. Теперь давай что-то поинтереснее.

–Эй! Это не ответ, даже близко нет! Где мой развернутый ответ, аргументация по пунктам, логический вывод?

–Их не будет, но я попытаюсь ответить. Дело в том, что в подобных вещах я ничего не смыслю. Из фантастических вселенных знаком только с миром волшебства и магии, который создала британка с фамилией Роулинг. Все. Очень хорошее место, когда ты ребенок, но не в момент, когда тебе шестнадцать и ты не знаешь, что ждет тебя в будущем– в подобные моменты мечтать о полетах на магических тварях и зельеварении кажется не просто глупым, а совсем бесполезным, а я уже не ребенок. Давно нет.

–Разве тебе не хочется увидеть хотя бы часть этого мира здесь, в этом самом мире?

–Нет. Все, что можно было увидеть, уже сняли в фильмах. Ты же ведь не задала вопрос в том ключе, где я– часть сюжета, персонаж, от него неотделимый. Вопрос стоит таким ребром, что я все еще остаюсь в своем теле, тем же самым человеком, не имеющем понятия о том, что где-то неподалеку детишки моего возраста играют в мяч на метлах и радуются жизни. Какой толк быть частью такого мира, не имея возможности вкусить все его прелести? Никакого. То же самое и с реальным миром– все, чего нам хочется, остается недоступным с начала жизни и до ее логического завершения. Мы так и умираем, полные разочарования от несбывшихся планов и надежд.

–Тебе никто не говорил, что ты один из самых унылых людей в этом городе? – раздраженно спросила Софья, – Что у тебя за мечты такие, что их невозможно воплотить в этом мире?

–Найти себя.

–И что это значит?

–Не знаю.

–Ну еще бы знал– ты же отмечаешь все, что тебе нравится! Тебе была и все еще доступна возможность писать и рисовать, но что ты делаешь вместо этого? Ноешь, что тебе это не по плечу, что ты– никто. Возможно, твои увлечения поспособствовали вручению билета в лучшую жизнь, но ты сдался в самом начале пути, перестал пытаться.

–Это не то, чем мне хочется заниматься.

–А чем же ты действительно хочешь заниматься, скажи мне!

–Судя по всему, ничем.

Искоса глядя на нее равнодушным взглядом, Фил был абсолютно серьезен, не допуская и мысли о том, что в его словах могла скрываться всего лишь шутка.

–Зачем же тогда жить?

–Вот именно. Незачем. Я просто был рожден по капризу и предоставлен сам себе– иди себе, Фил, куда хочешь, делай что хочешь, только закон не нарушай и людей не обижай. Вот и вся песня.

–С таким настроем ты никуда не уйдешь, так и останешься здесь, в этом сером месте.

–И это меня тоже не устраивает.

–Может, тебе тогда просто лечь и умереть? – Соня совсем разозлилась на своего знакомого, не выдержав равнодушия в его голосе, – Раз уж все бесполезно, давай– просто перережь себе запястья и будь что будет.

–Может и умру... – все так же равнодушно согласился парень, – Отца будет только жаль, но я не подписывался жить только ради него. Раз у меня нет предназначения, то глупо будет создавать его только ради этого человека.

–Ты его ненавидишь?

–Я его люблю, вот в чем проблема.

На это ей было нечем ответить. В голове будто забились истомленная рыбешка, стуча плавниками по опустевшей черепной коробке.

–С каких это пор любовь стала проблемой?! Ты– идиот, раз смеешь на серьезных щах заявлять подобный бред! Нет, с тобой не просто что-то не так– с тобой все не так! Так относиться к жизни, совсем ее не зная... Нет, я даже разговаривать с тобой об этом не буду! Забудь все мои тупые вопросы, забудь этот дурацкий разговор– слышать ничего не желаю. – и, швырнув ему в лицо обрывки рассказа, Соня ушла.

* * *

–Слезай, Филя. – все голосила София на пару с собакой. Ответа не последовало.

Со дня их последнего разговора прошло еще пару недель и она все еще была задета всем, что сказал ее приятель, первое время стараясь обойтись без его общества. Тоскуясь с парой подружек с похожими на ее интересами, стала уже глубже осваиваться с городом, посещая рестораны и уча девчонок, как разводить молодых парней на бесплатную выпивку и ужин, ничем при этом не поступившись, благо их внешность и макияж позволяли обмануть неосторожных любителей женского внимания. Очаровав и обломав очередного страстного Ромео, Соня возвращалась к подругам и смеялась с мужской глупости, в то же время вспоминая своего отца, ползающего пред ногами ее матери. Отгоняя неприятную картину, она возвращалась к пустой болтовне, продумывая мысленно очередное оправдание, которым огорошит родителей, когда опоздает к девяти вечера домой.

Несмотря на свой увеселительный период, от учебы тем не менее девушка не отлынивала, всякий раз вспоминая слова Филиппа и не желая лишиться возможного будущего из-за своей детской глупости. Иногда она встречала его в школе во время завтрака в столовой, скорее наблюдая, как он сидит в максимальном отдалении от остальных за крайним столом, вечно уставившись в тетрадь перед собой. Его лицо было искажено странными эмоциями, которых она до сих пор в нем не замечала: вечно напряженное лицо и злой взгляд в одну точку. И, кажется, темные тени под глазами, будто от ударов, но издали было трудно различить. Предаваясь неведомо откуда взявшейся жалости, она чувствовала, как хочет подойти и сесть рядом с ним, возможно приобнять, прижать к себе, лишь бы его морщины разгладились, лишь бы он не был настолько одинок. Лишь бы его взгляд стал более мягким, как во время их прогулок.

Ловя себя на этой мысли, Софья резко обрывала себя и возвращалась к беседе с подружками о всякой дребедени.

"Я скучаю."

Нет! Это просто наваждение! Она старалась не допускать мыслей о нем, но с каждым разом у нее это получалось все хуже и хуже. Дошло до того, что все мысли были только о нем, как когда-то было с Аврелием, и что-то жгучее, неизвестное ей увлеченно вторило сверлением по грудной клетке. Все досадная оплошность. Сколько раз она уже корила себя за то, что слишком резко говорила с ним, даже не пытаясь понять его нежелание продолжать диалог, который несомненно велся внутри него и без ее участия. Надо было просто позволить ему говорить, дать самому решить, стоит ли выговориться или сохранить свои мысли при себе и увести разговор в более спокойное русло. Может, ему просто нужно было ее внимание, а не настырный свербеж языком на темы, которые не ей суждено было с ним обсуждать. А ей— просто побыть рядом, когда это действительно нужно, а не когда хотелось лично ей. Если бы Софья желала стать его другом и пробить невидимые стены, что парень воздвиг вокруг себя, то сразу бы поняла, что все делает не так. Она ведь и раньше так делала, обращаясь к нему лишь от скуки, заполнившей свободные от пустячных дел дни. А теперь ее терзало чувство вины, конкретной причины которой девушка так и не смогла найти, зачастую возвращаясь к мысли, что, не смотря на неприятную тесноту в груди, возможность ее правоты вовсе не исключена, а он— всего лишь мальчишка, страшившийся неопределенности будущего.

"Слишком уж часто я испытывала чувство вины в последнее время, а ведь так и до "синдрома вечной вины" рукой подать!"

И все же даже при осознании сей мысли дело зашло до того, что при любой мысли, касающейся Филя, на ее глаза тут же наворачивались слезы. Не в силах понять, что с ней происходит, действительно ли она чувствует, что с легкой руки допустила непростительную оплошность, или же просто чересчур сильно скучает по нему, девушка решила, что невольно позволила ему запасть ей в душу. Ей очень хотелось вновь поговорить с ним, услышать этот язвительный голос и увидеть ту некрасивую улыбку, почему-то в какой-то миг превратившейся в знак особого расположения. Но некстати проснувшаяся гордость душила ее попытки пойти на примирение и, едва завидев его, она делала шаг навстречу, тут же сметаемая неведомой силой в сторону. Соня использовала все доступные ей способы примирения: ждала его у дверей класса, но в последний момент сбегала, писала записки, но в последний момент рвала на мелкие кусочки, пыталась вызнать номер домашнего телефона у оператора при помощи одного лишь имени, но сбрасывала трубку, едва тот начинал диктовать номер, подговаривала знакомых поговорить с ним, но встречала фразы в стиле: "Ха-ха, Соняш, хорошая шутка! Забудь ты эти глупости!". Последним способом была слежка до самого дома, подъезда, квартиры, но Соня всячески терпела фиаско еще на первом этапе, словно бог несправедливости в приступе скуки глумился над ней, каждый раз подсылая то подружек, то стаю диких собак, то чересчур ретивого полицейского и другие неприятности, в то же время одаривая Филиппа способностью вмиг раствориться в воздухе, едва он скрывался из виду.

Даже "спираль" уже долгое время пустовала, раскачивая пустующими кормушками.

До сего дня.

—Ну Фи-и-иль, я видела, как ты залез! — никакой реакции.

—Ты что, обиделся за то, что я тебе тогда наговорила?

Тишина.

—Филипп, черт бы тебя побрал, ответь!

—Я тут, вообще-то! — раздался голос из-за спины, отчего она тут же подпрыгнула и, обернувшись, увидела его.

И ужаснулась— половина его лица опухла и посинела, на лбу красовалась широкая ссадина, поблескивающая на солнце, решившим еще раз выглянуть и облагородить своим туск-

лым свечением мрачные древа Птичьей улицы. Давно не мытые сальные волосы сосульками свисали с его макушки, но на губах играла непривычно открытая улыбка. Про себя Соня отметила, что теперь она ей даже нравится, но эти синяки...

–Что с тобой случилось?

–Ничего. – просто ответил он, все так же стоя поодаль от нее. – С чего ты взяла, что я обиделся?

–Ну... – смутилась девушка, потупив взгляд, – Я же, вроде как, не слишком тепло приняла твои слова и вообще запорола беседу, вот и думала, что ты меня намеренно избегаешь, зная, что мне за тобой не угнаться.

–Вовсе нет. – рассмеялся в ответ Филипп, – Я просто немного думал о своем и ничего кругом не замечал. И сегодня бы не заметил, если б не ваши с собакой крики. – наконец он обратил внимание и на обнюхивающего его ботинки Аврелия, опустившись на корточки и почесав за ухом.

–Значит, все в порядке? – "А я-то, дура-дурищная, так из-за тебя, гад, извелась! А ты... боже, мама, ты была права– все мужики козлы! – Ты вообще не ненавидишь меня, правда?

–С чего мне тебя ненавидеть, глупая? – "Глупая... И почему мне нравится, что он так говорит?!"

–Я не глупая! И я привыкла к тому, что человек, который со мной общается, не убегает от меня, только завидев, так и к тому, что я знаю о нем хотя бы минимум. А о тебе я знаю, что тебя зовут Филипп и ты унылое говно. Но-но! – подняла палец, не дав ему ответить, – Хочешь оставаться таким– валяй, но мне хочется попросить тебя, чтобы ты не убегал от меня, если уж видишь, что я хочу подойти, ладно?

–Ладно.

–Вот и славно! – и, раскрыв руки для объятий, она тоже широко улыбнулась и пошла к нему, тут же остановившись в непонимании.

–Ты чего это делаешь? – словно ожидая от нее подвоха, Филипп отскочил от твякнувшего Аврелия и начал обходить ее стороной, стараясь заглянуть за руки.

–Хочу тебя обнять! – его реакция шла в разрез с тем, как она представляла себе этот момент, не понимая, что не так.

–Чего это ты так расщедрилась на внешние проявления чувств, а? – говоря таким тоном, словно уже уличил ее в чем-то нехорошем, он все так же кружил вокруг нее.

–Да что это на тебя нашло? Просто обними меня!

–Нет. – и вместо холодной доброжелательности возникла ледяная глыба с горящими глазами.

Аврелий угрожающе зарычал, а саму Соню словно ведром ледяной воды окатило. Ее руки медленно опустились.

–Я предложила всего лишь объятия. Что тут такого? – теперь она смотрела на него с опаской.

Камень сменила доброжелательность. Мысленно она вздохнула от облегчения, чувствуя, что буря прошла мимо.

–Ты не можешь просто подойти ко мне и потребовать обнять себя. – он покачал головой. – Я тебе не игрушка.

–Филя, я все понимаю, что ты ненормальный, но не настолько же! – полушутливым голосом сообщила Соня, стараясь разрядить обстановку, – Это всего лишь объятья, так все люди делают!

–Я так не делаю.

–И никогда не соберешься сделать?

–Не знаю.

–А что, если я сейчас просто подойду к тебе и чуть приобниму? – Соня подняла руки, – Так, чтобы ты видел мои руки и ничего себе там не думал?

–А зачем тебе это?

–Затем, что я не видела тебя долгих две недели и, как мне кажется, я по тебе соскучилась. Не смотри на меня так озадаченно!

–С чего бы тебе по мне скучать? Я ж просто твой сосед. – Филипп перестал кружить вокруг нее, остановился напротив.

–Ну, с чего бы мне начать? Первое– ты мой первый знакомый отсюда. Второе– ты похож на сатаниста, а это пахнет интересной историей. Третье– ты вкрай нелюдимый и у меня появилась мысль социализировать тебя. Четвертое– я как-то смотрела передачу, где всякие стилисты отбирают всяких доходяг и превращают их в принцесс. Хочу сделать то же самое с тобой. А сейчас появилось еще и пятое– из-за твоего внешнего вида я начинаю думать, что ты бездомный, которого бросили в бойцовскую яму, и начинаю тревожиться. Ты так и не скажешь, кто тебя так отделал?

–Нет.

–Значит, это сделал тот, кого ты любишь. Вообще-то у меня было для тебя предложение, но, думаю, сначала лучше пригласить тебя к себе домой и что-то сделать со всеми этими синяками– на них больно смотреть!

–Не хочу навязываться.

–Алло, это Соня-засоня, вызываю Фильку-простофильку! Я тебя зову, а это значит, что ты не навязываешься. Кончай уже вести себя, как отбитый интроверт и следуй за мной!

–Вот, присаживайся. – усадив его на своей кровати, она удалилась на кухню, достала пакет со льдом и аптечку из кухонного стола. Вернувшись, аккуратно приложила лед к лицу Филиппа и отвинтила крышку баночки, – Руки у тебя, конечно, выглядят жутко. – еще во дворе она заметила стертую кожу в его костяшках,– Крепко, видимо, досталось тому, кто на тебя напал.

–Да, не слабо. – прижимая лед к глазу, кивнул Фил.

–Без этого никак нельзя было обойтись? То есть, решить все мирным путем.

–Нет. Когда он выпивает, то становится неуправляем. Особенно в том случае, если водка, которой ему так хочется, выливается в унитаз. Особенно после того, как я первый его бью.

–Но зачем? – ей стало понятно, что речь идет о его отце, – Неужели ты не знал, чем все в итоге кончится?

–Знал. Но позволять ему упиваться до чертиков все равно не намерен. – единственный открытый глаз с чуть покосившейся линзой не отрываясь следил за тем, как она расхаживает по комнате, то прибираясь у будуара, то укладывая Аврелия в лежанке, – Поверь мне– пара синяков для него всегда будут лучше жесткого похмелья.

–И разговоры никак не помогают?

–Нет.

–Бедный Филя... – сев подле него, она отклонила руку с пакетом, внимательнее рассматривая синяк. Все еще фиолетовый, он блестел от влаги. Сквозь щелку век она различила налитый кровью белок глаза.

–Не смотри на меня так.

–Почему нет?

–Тебе ведь не так уж важно, каково мне. В этом ты просто видишь возможность показать себя с лучшей стороны.

–Так, значит, ты обо мне думаешь? Что я всего лишь дурочка, которая желает покрасоваться? И перед кем? Перед тобой! – не удержавшись, Соня хихикнула, – Поверь моим словам– если бы я выбирала, кому синяки снимать, тебе или Итану Хоуку, я бы выбрала его.

–Он же страшный.

–Вовсе нет– он красивый!

–Что ж, тогда я сейчас пойду, а ты достань тетрадку с наклейками его физиономии и лобызай сколько влезет.

–Стоять, я не закончила! – забрав лед, Софья уселась поудобнее и сняла верхний слой мази, – И не дергайся! Я делаю это впервые, так что, если попаду в глаз, терпи!

Чувствуя под подушкой пальцев вздувшиеся кровоподтеки, она ожидала прилива отвращения, но вместо этого испытала почти что довольство собой. Размазывая прохладную субстанцию по его глазнице и скуле аккуратными круговыми движениями, Соня не переставала говорить:

–Вы, мальчики, порой бываете непомерно дикими созданиями– так и норовите что-то погнуть, сломать, испортить! Никакого чувства меры– коль уж заведетесь, так вас толпой придется разнимать. Такой фингал, как у тебя, одним ударом не набьешь, даже если у твоего противника хорошо поставлен удар– ты же ведь не стоишь как вскопанный, когда тебя бьют, пытаешься увернуться или отклониться. А это...– чуть нажав и получив в ответ легкий вздох, продолжила, – Такое получилось отнюдь не от одного удара. Пятно неровное, расползается по всей половине лица, где-то более концентрированное, где-то расплывшееся. Тут как минимум было три точных удара. Он ведь придавил тебя к полу и держал за шею другой рукой, так? – указав на серые пятна по краям у кадыка, вновь получила кивок, – И, судя по тому, как налилось все кровью, ты даже не пытался отвернуться или предотвратить удар. Почему?

–Потому что к тому моменту насчитал уже двадцать ударов со своей стороны. У него был разбит нос.

–Понятно. Насчитал двадцатку и решил, что хватит с него ссадин– пора и тебе получать, так?

–Угу-м.

–И как это понимать? Неписанный кодекс чести или внезапное осознание, что ты вовсе не хочешь с ним драться?

–Драться я с ним не хотел года два назад. Теперь же, как мне кажется, все наше общение завязано именно на драке.

–Мальчики. – стараясь вложить как можно больше презрения в это слово, Софья и сама не ожидала, насколько ядовито оно прозвучит; встретив колючий взгляд целого глаза, качнула головой, – Прости. Наверное, я несправедлива. Мой папа никогда при мне не пил и уж точно не позволял себе поднять на меня руку. На маму тоже, пока она сама его не вынудила.

–Поэтому они разводятся?

–Они не разводятся!

–Ох!

–Прости, не удержалась! – чуть подув на место, куда непроизвольно ткнула ногтем, она сняла еще один слой мази, – Я больше не буду, честно!.. Но нет, они не разводятся. Мама поняла, что без папы ей ловить нечего, как и то, что он больше не позволит ей собой помыкать. Подумать только– ведь это я его надоумила!

–Зачем?

–Вспомнила твои дурацкие разговоры о том, как люди вечно пытаются испортить друг другу жизнь. В тот момент мне это показалось правильным, пусть и несерьезным, вот я и заявила ему, что ему следует сделать.

–Ты сказала ему ударить мать?

–Нет, дурак. – беззлобно прошипела Софья, тем не менее улыбнувшись, – Я просто сказала ему, что хочу видеть в нем сильного мужчину, каким должен быть мой папа.

–Сдается мне, если бы я сказал то же самое своему, то он бы метил ниже.

–В зубы?

–Именно.

–А я вот думаю, что это заставило бы его задуматься о том, каким он показал себя перед тобой.

–Он думает об этом постоянно. После того, как мы подеремся, он всегда быстро трезвеет и пытается загладить вину. Клянется, что бросит пить и начнет больше работать, чтобы удержаться, но я ему всегда отвечаю одним и тем же– что он врет и постоянная работа только делает все хуже. Наверное, надо было сказать по-другому? – схватив ее за запястье, прошептал Филипп, – Может, стоило хотя бы раз сказать ему, что я верю в него?

–Я не знаю, Филя, правда, не знаю! – высвободив руку, она снова прижала лед к его глазу, – Я не вижу полной картины, но думаю, что так ты ничего не изменишь. Он какое-то время попробует терпеть– только ради тебя, но в итоге сорвется. В его жизни случилось что-то плохое?

–Мать умерла.

Так она и знала.

–Знаешь, я не буду сейчас изливаться в лицемерной жалости и так далее.– чуть поправила пакет, прижав его руку плотнее к голове,– Я никогда никого не теряла, если не считать недолгой пропажи Аврелия, и не мне говорить о том, что время якобы лечит все раны. Я даже не знаю, жалко ли мне тебя и твоего папу, особенно после всего, что ты мне говорил о себе и о нем. Я бы хотела испытывать жалость, но, если честно, сейчас мне тебя жаль только потому, что ты сидишь здесь, весь покореженный и грустный. Если бы я могла, то обязательно бы рассмешила, а так... все, что я могу, это нанести еще немного бальзама. Хочешь?

–Да...

–Ты так говоришь, потому что думаешь, что больше значит лучше, или потому, что тебе нравится, как я к тебе прикасаюсь?

–Я просто говорю "да".

–А мне думается, что тебе нравится. Ты говорил, что тебе никто не нужен, что ты сам себе голова и так далее, но я же вижу, как ты тоскуешь. Там, в столовой, когда все веселятся и болтают, ты сидишь перед своей тетрадью и у тебя на лице творится нечто невообразимое. Ты будто готовишься взорваться, залить все вокруг своей кровью. – она кивнула еще раз, когда он удивленно на нее посмотрел, – Обычно у тебя лицо такое равнодушное, словно неживое, но в те моменты тебя невозможно узнать. Особенно потому, что я тебя вовсе не знаю.

–Ты знаешь обо мне достаточно, чтобы представлять, какой я человек.

–Одинокий. Печальный. Неразумный.

–Неразумный?

–Никто не будет добровольно ограничивать свое общение с другими, если только он не полный дурак, считающий, что разочарование имеет абсолютный характер. Поддерживая эту модель поведения, ты лишь предаешься самодовольству, представляя себя не тем, кто ты есть. Ведь ты не такой, я знаю. Ты не мертв в душе, что бы ты там себе не думал, ведь ты же здесь, со мной.– многозначительная пауза,– Только мертвым не нужно общество, но ты все еще жив и не находишь в себе сил оттолкнуть меня, хотя пытаешься изо всех сил– убегаешь от меня в коридорах, прячешься в подвале и на чердаке, стараешься не попадаться на улице, даже перед и после школы умудряешься выбраться в обход меня, зная, что я жду тебя. А я, как дура, пытаюсь за тобой угнаться.

–Ты не дура. А я делаю так, как привык.

–Да. Только это всего лишь привычка, а не стиль жизни. Если ты будешь продолжать в том же духе и дальше, топустишь множество событий, которые могли бы произойти в твоей жизни, которую ты боишься так же, как я боюсь высоты, насекомых и еще кучу всего. Но я преодолеваю свои страхи, а ты увязаешь всего лишь в одном, считая, что так можно избежать всяческих разочарований. И ведь тебе невдомек, что ты выбрал путь, целиком из них и состоящий.

–Разочарование– что сама жизнь, С... – "Так?"– Если пытаться избежать его, то проще сразу умереть. Я не избегаю разочарования, я лишь выбираю тот маршрут, при котором оно будет цикличным, однообразным. Выбираю разочароваться не в людях, но в их мире.

Она отстранилась и прямо посмотрела в эти черные глаза. Левый глаз уже полностью раскрылся, еще немного щурясь от щипавшей его мази и боли.

–Если я попытаюсь тебя обнять, это будет твоим разочарованием во мне или нашем общении в целом?

–Лучше воздержись. – только и ответил он.

“Каменюка!”

–Когда ты обнимался в последний раз?

–И это твой нестандартный вопрос?

–Да.

–Примерно два года назад, когда второй раз дал отцу сдачи. Он схватил меня и не отпустил, говоря, что ненавидит себя за все, что со мной делает, и одновременно гордится тем, что я не стою истуканом. Тогда он сказал одну вещь, которую я до сих пор вспоминаю.

–Расскажешь?

–Отчего нет? Он сказал, что будет рад, когда я убью его.

Софья так и застыла, от удивления раскрыв рот, во все глаза глядя на своего приятеля, все так же невозмутимо застывшем под ее руками, все так же не мигая глядевшим в ее глаза.

–Ты же... ты же ведь не сделаешь этого?

–Нет. Но я часто думал об этом. В какой-то момент этот вопрос из обычного обратится в вопрос жизни и смерти– или я или он. Наступит момент, когда его ненависть к жизни хлынет через край, а я окажусь единственным на расстоянии вытянутой руки. Он знает, что я не привечаю жизнь, равно как знает, что я от нее ничего не жду. Это знание выльется в очередную мысль– раз я не хочу жить, значит, он как человек, меня породивший, должен и убить. Не как Тарас Бульба, который убил предателя, а как мужчина, сознавший, что мое появление было ошибкой, отпечатавшейся на его совести. Все, что со мной происходило на протяжении всех этих шестнадцати лет, на его совести, в том числе и мама. Он решит, что не подготовил меня ко взрослой жизни без него, что позволять мне выйти в нее в том состоянии, в котором я сейчас, будет непростительной ошибкой, потому что вслед моим мыслям решит, что меня будут ждать одни разочарования. Он не примет эту мысль, возненавидит себя еще до того, как прикоснется ко мне. И день, когда я умру, он умрет следом, сперва заставив себя поплатиться за все. И я принимаю это, потому что не хочу брать на себя бремя вины за его жизнь.

–Мне страшно за тебя!..– и она не солгала.

Неожиданно по ее щекам полились слезы. Представив себе, как ее отец душит ее и его глаза наливаются ненавистью, она задрожала, обняла себя за плечи.

–Видишь, что ты со мной делаешь?!– всхлинула она, отвернувшись от ошарашенного Филиппа, – Из-за тебя я сама начинаю бояться всего, что никогда не причиняло мне боль...

–Твоя жизнь не такая, как моя, по большей части. – невозмутимо ответил он за ее спиной, – Ты не задаешься вопросами о своей жизни, о своем будущем. В каком-то смысле ты даже счастливее, чем я сам, потому что то, что ждет тебя впереди, для тебя совсем неизвестно. Каждый новый день будет подносить тебе сюрпризы, а уж приятные они или нет, решит случай и твой настрой. Ты не задаешь себе недостижимых целей, не разбираешь по кусочкам свое бытие, пытаешься найти смысл жизни. Ты испытываешь радость от того, что в твоей жизни появился Аврелий, и будешь испытывать ее всегда, видя, как что-то хорошее приходит в твою жизнь, будто в первый раз. Глядя на него, ты не думаешь о смерти, не сознаешь всю тяжесть ответственности за его маленькую жизнь, потому что варианты, что он проведет ее без тебя, для тебя недопустимы. То же и с остальными. Ты будешь связывать свою жизнь с людьми и

вряд ли допустишь, чтобы они тебя потеряли. Тебя не будет мучить совесть за самовольный уход, потому что ты уже на месте и тебе вовсе не хочется уходить.

Она закачала головой и разрыдалась пуще прежнего, лишь сильнее впившись пальцами в плечи. И вздрогнула, когда холодные руки легли ей на запястья, чуть сжавшись. От удивления девушка даже перестала плакать, почти вплотную соприкоснувшись своим носиком с его.

–Тебе вовсе незачем плакать и жалеть меня. Это моя жизнь и я вправе ею распоряжаться так, как сам хочу. Даже если я не вижу для себя никаких вариантов, то названный мной конец вовсе не так ужасен, как ты себе представляешь, потому... не плачь.– и он сомкнул свои запястья вокруг ее коленей, сжав в крепких объятьях,– Так какое предложение ты мне хотела внести?

* * *

Ах, как же долго она ждала этого дня! Наконец-то можно уйти в отрыв, как следует напиться и нализаться с каким-нибудь красавчиком! Вечеринку по случаю осенних каникул устраивали какие-то мажористые студенты в одной из самых больших дач их родителей как раз недалеко от "коробки". Услышав во время первого приглашения слово "мажор" Соня поперхнулась чаем, который полился у нее из ноздри, что, однако, не остановило гомерический смех, который она тут же исторгла.

–Мажорики? В этом захоlustье? Да бросьте! – и продолжила ухохатываться.

–Что? Я ничуть не преувеличиваю! Иди с нами, можешь даже кого-то позвать! – заявила ее подруга, кокетливо подмигнув.

Однако дача и впрямь оказалась очень большой. Да что там, это был целый двухэтажный особняк со своим бассейном– правда, в пристроенном зале, – и мини-баром, стараниями двух братьев в одночасье превратившийся в самый настоящий бар с тонной выпивки. Это был самый большой дом в дачном райончике, к тому же стоявший на самом живописном месте с видом на город. Как и все, Софья знала об этом и приплясывала от нетерпения, предвкушая шумную вечеринку, стоя на пороге у железных ворот среди десятка автомобилей и глядя на заветную дверь с окнами по бокам, блистающих всеми цветами радуги под громкую музыку. Тут же перескочив махом через забор, едва не задрав до таза свою мини-юбку, Соня забарабанила в дверь и тут же была схвачена десятком рук в окружении орущих глоток. Вечеринка была в самом разгаре– бутылки с пивом порхали из рук в руки, студенты и школьники, пытающиеся казаться студентами, сновали друг меж другом, отсвечивая друг на друга светящимися браслетами, либо танцевали в обнимку, целуясь на оккупированных диванах и креслах. Свет ламп был приглушен, однако откуда-то все вырывались прыгающие и мигающие снопы стробоскопического света.

Талию Сони обвили чьи-то руки и горячее тело прижалось к спине, увлекая в танец. Только это и ждавшая, она тут же прижалась к незнакомцу еще сильнее и стала извиваться, зная, какой производит эффект. Его руки покачивались в такт ее движениям, затем резко повернули к себе. Она оказалась лицом к лицу с незнакомым парнем. "А он симпатичный!"– обвив с этой мыслью его шею руками, она призывно куснула нижнюю губу, вызвав чуть насмешливую улыбку. Незнакомец потянулся к ней и тут же был отстранен, а девушка, а весело смеющаяся школьница пригрозила ему пальцем, отступая к барной стойке. Всюду возникали парни, желающие с ней станцевать, но она всем говорила: "Позже, позже, мальчики, я не резиновая!", думая лишь об одном– алкоголь!

Схватив бутылку коньяка, стала искать глазами того наглого парнишку, а наткнулась на лохматую шевелюру.

"Ты пришел!"– только и шепнула она и он исчез. Ругнувшись, Соня сделала три глотка прямо из горла и продолжила поиски. Снуя меж извивающимися телами, она то присоединялась к танцу, то внезапно вспоминала о Филе и начинала бегать глазами, пока очередной подвыпивший студент лапал ее зад, не догадываясь, на какой же тонкий лед ступил по воле

судьбы, по той же воле вырвавшей незнакомую девчонку из опасных объятий. Достигнув стены, девушка открыла первую попавшуюся дверь. Каморка, в которой устроили жаркий коитус одна из ее подружек и неизвестный парень. Захлопнув дверь, Соня пошла дальше, всматриваясь в лица. Нигде его не было, совсем! Не иначе как опять прячется на чердаке, считая, что выполнил условие!

Ну и черт с ним! Она сюда пришла отдыхать, а не мозги грузить! Только мелькнула сия мысль, как знакомые уже руки снова обхватили ее талию. Снова повернувшись к парню, она хотела его поцеловать, но заметила что-то странное: его руки мелко дрожали, а самого красавца нехило так качало на месте. Она едва успела его оттолкнуть, когда он согнулся под окном и изрыгнул порцию рвоты. Пока София визжала от омерзения, все вокруг смеялись. "Все– этот мимо!" – решив держаться от слабака подальше, она снова прошла в бар. А вот и он! Ну, не убежишь, засранец! Ни медля ни секунды, девушка прямо на каблуках поскакала к нему, но в подпитии не рассчитала расстояние и влетела в спину. А Фил в свою очередь влетел в спину какому-то бритому здоровяку, пролив пиво ему на брюки и туфли. Не прошло и секунды, как парень прижал его к барной стойке, вцепившись в горло.

–Слышь, еще раз так сделаешь, я тя урою, понял? – голос, нет, голосище прорвало музыку насквозь.

–Кирюш, успокойся, он же случайно, ну ты посмотри на него! – пыталась оттянуть его за руку тощая крашенная блондинка с орлиным носом.

–Тихо, погодь ты! Ты! – ткнул пальцем Филиппу в лицо– прямо туда, где сиял еще незажженный фонарь, – Извиняйся!

На секунду Софья подумала, что Фил и не подумает подчиниться и сделает что-то, о чем будет еще долго жалеть– его глаза уже недобро взблеснули. Но вместо ожидаемого удара он всего лишь саркастически улыбнулся и выдал:

–Да-да, звиняй, неловко вышло. – и склонил лицо чуть влево с ехидной ухмылкой, ожидая продолжения. Но здоровяку этого показалось мало. Отпустив в два раза меньше его парня, указал пальцем в пол:

–Нормально извиняйся, слышь! На колени!

Соня сразу поняла, что он решил покуражиться перед остальными за счет человека заведомо слабее, уже заметив, что привлек внимание. Ей стало жалко Филиппа, но, не успела она вмешаться, он ответил:

–Прости, приятель, но я уже извинился. И на колени вставать я не буду– вдруг на нем какая зараза стояла?

–Ты че-т путаешь, не? Я те еще раз повторяю– извиняйся, а не то урою. – нет, этот за свои слова отвечать будет сразу же.

Фил лишь качнул головой. Хук правой и лохматая шевелюра подныривает под тяжелую руку. Фил стоит уже позади Кирилла, сверля его сверхпрезрительным взглядом. Толпа отпрянула, освободила место для драки. Пока напряжение между двумя оппонентами нарастало, раздались первые крики одобрения, завелось скандирование: "Драка-драка-драка!", тут же прерванное воплями двух главных заводил этой вечеринки:

–Отставить, сосунки! Вы не в вашем скотском гадючнике, а в нашем доме, так что ведите себя поуважительнее, не то вылетите отсюда быстрее, чем скажете "блять"! – ага, с этими тягаться уже никому не захочется.

Студенты в миг отвернулись и затанцевали, словно не было ничего и лишь Кирилл сверлил взглядом Филиппа, да некоторые школьницы разочарованно покачивали своими головками, разочарованные отсутствием потасовки. Здоровяк же ничего этого не замечал, подойдя к своему несостоявшемуся визави и сказав нечто весьма неприятное. Филипп лишь презрительно скривился. Схватив свою девушку за руку, агрессивный тип ушел.

–Что он тебе сказал? – спросила на ухо Соня, зайдя к нему снова за спину, для надежности схватив за плечи.

–Сказал, что знает меня и мне хана. – просто ответил Фил и тут же шутливо добавил, – Что ты тут делаешь, школьница?

–То же самое могу сказать о тебе! – перекрикивая музыку, заявила она, – Не думала, что ты все-таки придешь!

–Тебя устроит вариант, что я всего лишь ищу вдохновения?

–В выпивке и девках?

–Нет, не совсем! Я собирался проникнуть в комнату одного из братьев, стащить кое-какой альбомчик с записями и иллюстрациями. Посмотреть, что можно стащить и видеоизменить так, чтоб не походило на плагиат. Скажи, что я гений!

–А то как же! Но сначала... Никто лучше меня не разбирается в выпивке и девках, а для вдохновения тебе нужно именно это, так что пойдем за мной!– самодовольно смеясь, София тащила его за руку по всему залу, то знакомя с девочками, то с парнями, то вливая прямо в рот очередную порцию виски с колой, останавливаясь лишь затем, чтобы посмеяться над тем, как он морщится от отвращения. И повторяла снова.

–Понятия не имею, почему вы, люди, так обожаете алкоголь. Ей-богу, он же отвратителен! Мерзкое пойло, которое затуманивает разум и мешает адекватно мыслить. Ты только глянь на окружающих нас людей– натуральные свиньи рожи! Мы попали в гребаный свинарник, где должно быть весело, но я не веселюсь! Где мое веселье? – обхватив ее лицо руками, спросил он, – Почему мне тут скучно и мерзко? Я, что, ненормальный? В любом случае...– руки отпустили лицо, – ... мне тут не место! Я слишком правильный для всего этого дерьма, серьезно! Такому, как я, нужно зубрить учебники, писать диссертации по химии, физике, а возможно что и психологии, а потом отхватывать по шам от всяких Кирюшек, чтобы потом стать выдающимся хирургом и маньяком по совместительству: резать людей, продавать органы, скрываться от закона и снова резать людей, чтобы наткнуться на того самого Кирюшку и спустить его кишки в унитаз! Это весело, бум!

–Куда делась твоя показная философия, умник? Ты когда ее пропил?

–Мастерство не пропьешь! – "Боже, да ты пьян!"

Повесив начинающее тяжелеть тело на попавшуюся девчонку и убедившись, что беседа началась как надо, с довольным видом Соня уселась на кушетку, посасывая вроде бы третью бутылку взятого из ниоткуда пива, решив на первых порах повременить с чем-то потяжелее. На столике перед ней лежали чипсы, которыми она и закусила. Она смотрела на танцующие пары и ждала, когда же к ней кто-нибудь подкатит, ибо сил сидеть и смотреть уже не было. Кто-то шепнул на ухо ее имя, и она сквозь накатывающий дурман пошла через мерцающую темноту на звук. Откуда-то на голову упала игрушка-паук и ее визг услышали все включая диджея, который не преминул сопроводить ее вопль пожарной тревогой. Все засмеялись в черт знает какой раз, пока она выпячивала в их сторону средний палец, продолжая пятиться на кухню. В вспышках светомузыки она увидела знакомого по школе, призывно машущего ей в дверном проеме, и ускорила шаг. Дурман быстро выветривался и посему она тут же проглотила новую порцию алкоголя, вознамерившись остаться пьяной до утра послезавтра.

На кухне группа ребят устроила партию в покер. Соня влетела руками на стол, раскидала кости и громогласно объявила: "Мальчики и девочки, играем новую партию на раздевание!", тут же встреченная восторгом и рукоплесканиями. Стол тут же был расчищен, ребята расселись по местам. Глядя на хитрые ухмылки соперников, игроки делали ставки и перебрасывались костями, торжествуя с каждым сетом и улыбаясь паре, молясь о фул-хаусе. Соня была в списке первых– ей везло больше всех. Играть решили не по партиям, а по разовым результатам– у кого меньше, тот снимает. Сперва сняли блузку с одной из легкомысленных девчонок-первокурсниц, затем настал черед парней. Ей же пока везло– она сняла с себя только шарфик. Игра

становилась все жарче и жарче, вокруг собирались зрители, встречающие восторженными комментариями очередной снятый предмет одежды. Парням повезло меньше всех – их раздели первыми и только после этого мужская половина решила ретироваться и полюбоваться за концовкой, убеждая оставшихся девчонок продолжить игру.

Соня выиграла вчистую, заставив соперниц раздеться догола, допивая в это время их стаканы – водка, водка, вроде мартини, ого, вино, опять водка! Под восторженный клич собравшихся проигравшие устроили настоящее шоу, танцую в неглиже прямо на столе, а победительница победным, но замыленным взглядом искала Филиппа, тут же и заметив его за игрой в дартс. Вцепившись в рукав его фланелевой рубашки, она решительно потащила парня наверх, к спальням.

– Стой, куда ты меня тащишь? – смеясь, убитым голосом вопрошал он, спотыкаясь на каждой ступеньке, а она все не останавливалась, упрямо затаскивая непослушное тело наверх.

Наконец они оказались перед шторами. Гадая, что же там, она заглянула за них и увидела кровать. Издав игривое "Давай порезвимся!", она отпустила наконец рукав Филиппа и подбежала к ней, сдернув с толстого пледа подушки, тут же кинув одну из них ему.

– Ты... драться хочешь, что ль? – икнув, переспросил парень, заставив ее расхохотаться.

– Да! Иди сюда – сейчас я тебя отлуплю за все хорошее!

Но бой подушками не задался с самого начала. Фил, до этого никогда не пивший, захмелел еще быстрее, чем Соня, а потому уже на втором ударе свалился на пол и уселся спиной к дивану. Не желая стоять в одиночестве, она села рядом с ним и положила голову на плечо, чувствуя, как пол уходит из-под ног, как тошнота прикатывает к горлу.

– Ты прав. Здесь не так уж и весело. – наконец-то признала она.

– Думаешь? А я вот только разогрелся, а ты меня оторвала, притащила в этот секс-уголок, не додумавшись захватить даже воды. – вновь икнул Фил, – А я ведь уже пятьдесят баллов первым броском выбил...

– Брось, Фил, ты же сам сказал, что вся эта дребедень – не твоего уровня полета. Ты же у нас возвышенный, мудрец самопровозглашенный, бич современной подростковой трагедии! – однако ее слова не звучали так колко, как ей бы хотелось, и она прекратила свои попытки, – Не важно. Ты пришел, хотя мог и не приходить и я бы тебя за это не винила. Я просто думала, что... ну, атмосфера, что здесь стоит, когда все танцуют... лижут... трахаются без резинки, не подозревая, что скоро повиснут на грани девичьего каприза... что хотя бы алкоголь тебя раскрепостит. И вот – ты чуть было не подрался с каким-то быдланом, умудрился откатиться от девушки, которой я тебя сунула, хотя она очень даже недурна собой, а твой болтливый язык и мрачный шарм только бы сподвигнул ее на то, чтобы тебе дать. Тем не менее, ты каким-то образом отвратил ее от себя, наверняка опять задвинув свои невероятные телеги про тщету бытия и про то, что все бессмысленно, и она от тебя сбежала к кенту посимпатичнее и повеселее, тогда тебе ничего не осталось, как позорить себя, втыкая дробтики себе в ногу. – и вытаскивала один из них из его ноги, только сейчас заметив, размазав пальцев выступившую капельку крови, – И вот ты здесь... опять со мной... пытаешься выглядеть веселым, таковым не являясь.

– Н-не-а. Все ложь. Она сама от меня ушла сразу, как ты о-отошла прочь. Сказала, что от меня воняет.

– Врет, собака. – она действительно приникла к его шее и потянула носом воздух, – Ты пахнешь дешевым парфюмом, только и всего. Если от кого и воняло, то это от ее немойтой...

– Ну все, все, будет тебе! – пошлепав ее по бедру, заявил Фил, рассматривая так же расписной потолок.

– Ты бы стал бомжом, если бы был уверен, что точно доживешь до семидесяти лет?.. Что? – и она рассмеялась – настолько смешно он скосил свой взгляд, пытаясь сфокусироваться на ней.

– Опять нестандартный вопрос?

–Ага-а!

–Нет. В житии бомжом нет никакой прелести– по сути ты заперт в том же социуме, но при этом полностью лишен прав даже на крышу над головой, потому что у тебя нет денег. Выбраться из города ты так же не можешь, потому что на дорогу и еду, опять же, нужны деньги, а где ты их возьмешь, если работодатель покажет тебе фиг сразу же, как только ты переступишь его порог? Ему нужны люди с пропиской и жильем, которое надо оплачивать, с семьей, кормежка которой станет тем якорем, что удержит его на работе. А взяв бездомного, он только увеличит риски краж и подставит под сомнение репутацию компании, ибо что это за компания такая, что берет некомпетентных юридивых с улицы? Ясное дело, что экономящая на зарплате и выплатах налога по всяким пенсионным и медицинским страхованиям, а также и на качестве поставляемых услуг, пусть даже этот бездомыш– обычный грузчик. Вдруг он откроет бутылку пива и плюнет в нее? Этого никто знать не может и такой вот бомжара только все похерит. Все– возможности заработать даже на еду, не говоря об остальном, резко испаряются. В итоге все, что остается– отбирать последние объедки у собак, а если ты их шибко любишь, то воровать, не зная, станет ли тюрьма с оплачиваемым ненавидящими тебя налогоплательщиками питанием благом или очередным кругом ада. Там же воров, я слышал, не жалуют даже в том случае, когда выбор стоял между "украсть" и "умереть от голода". И протягивать так более полувека... ну его, в самом деле! Но тебе ведь не интересен этот ответ, правда? Ты задала его только для того, чтобы я ответил на следующую банальщину?

–Подловил, чертяка! – и Соня довольно ткнула его локтем в бок, – Тем не менее вопрос получился более-менее сносный. А теперь... У тебя есть кто-нибудь?

–То есть?

–Ну, помимо отца? Братья, может?

–Нет.

–Не успели родиться или не планировались?

–Не планировались.

–Ты жалеешь о том, что единственный сын у своего отца?

–Нет. Иначе мне бы пришлось мыслить кардинально противоположным образом, не говоря уже о том, что я бы уже клал все силы на то, чтобы поскорее отучиться и начать работать, чтобы забрать младшего– а он точно был бы младшим, – от отца к себе на съемную квартиру. Разумеется, я вряд ли смог бы дать ему все, что мог бы отец, но... зато я бы не бил его. Ни за что на свете. Даже в том случае, когда он попытался сорваться на мне или обвинить в том, в чем я виноват лишь косвенно.

–Например?

–Например, в том, что я забрал его у отца и лишил какой-то возможности. Взять то же обучение– терпя его выходки, он бы все равно поехал в университет, в какой бы захотел, и отец бы заплатил за полное обучение. Таким образом, немного потерпев унижения и избиения по пьяни, мальчик бы пошел по тому пути, по которому мог мечтать пойти. Стать хирургом, к примеру. Со мной он вряд ли был бы счастлив и уж точно не смог бы встать на оплачиваемое место, вынужденный выбивать себе бюджетное через конкуренцию с другими абитуриентами при весьма мизерных шансах его получить. У кого-то всегда будет более высший балл, а то и квота. Если он не поступит, то обвинит меня в том, что это из-за меня. Если поступит, то моей заслуги в этом не будет. А ежели пойдет в заведение меньшего калибра, то так и будет презирать меня всю жизнь за то, что я отобрал у него шанс. Всего шанс, не гарантию.

–И, как ты думаешь, он бы в конце концов простил тебя?

–За то, что своим опрометчивым поступком, желая ему только лучшего, столкнул с правильного пути? Вряд ли. Он отказался бы понимать, что провал его мечты мог и не зависеть от моего выбора. Один случай– и вина бы пала на кого-то или что-то другое. Всегда можно

найти, на кого переложить всю ответственность— был бы человек, как говорится, а статья всегда найдется.

Слушая гроыхающую снизу музыку и вопли школьниц, они, не сговариваясь, отползли на пятках от кровати и раскинули руки по полу. Испытывая дурноту, глубоко дышали, широко раскрыв рты, чуть ли не зевая. Потолок больше не казался интереснейшей деталью интерьера и глаза бегали от кровати к шторам, а от штор к остальной мебели— тумбочки, вешалки для верхней одежды, полочки для хозяйственных принадлежностей. Проскользнув по окну за плотно сдвинутыми жалюзи, Филипп неожиданно спросил:

—Каково это— любить?

—Ну, дружок, ты задал!..— в очередной раз вздохнула Соня, закатив глаза в очередном приступе дурноты, чувствуя, как дрожат кончики пальцев, — Ты ведь понимаешь, что спрашиваешь об этом у меня? Меня! Я в этой шепутне ни черта не смыслю. Все мои примеры любви ожидаемо оканчиваются разводом и таким срачом, что люди и через годы друг друга ненавидят! Годы! За столько времени можно было создать новую семью или восстановить старую, помириться, в конце концов, хотя бы ради детей! И ведь никто после этого не способен дать ответ со стопроцентной уверенностью. "Да, любил!"— но не любит больше. Как это? Я не понимаю. Любовь же должна быть абсолютной, а не на пару-тройку, в лучшем случае десять лет. То есть, ты влюбился в человека, захотел быть с ним, разделять с ним всю боль и невзгоды, а потом бац— то ли пустяк, то ли личная трагедия... и все разваливается! Разве любовь должна быть такой бестолковой? Наверное, нет. — повернувшись лицом к собеседнику, Соня встретила с ним глазами, — Я не могу ответить на твой вопрос, потому что сама никогда не любила. Я могу, конечно, рассказать о своем папе, но я и сама, если честно, не уверена в том, что люблю его. Я привязана к нему, правда, и все еще способна испытать благодарность за все приятное, что он для меня делает, пытаюсь сознавать все его поступки, как важные и заслуживающие моего внимания. В некотором роде несколько разговоров с тобой помогли мне в этом больше, чем все мамино воспитание, потому что, если бы я тебя не встретила, то не сказала бы ему защищать себя. И если бы он не последовал моему совету, я бы точно не стала его уважать. Я... я могу попробовать представить эту любовь по его примеру, если хочешь.— согласный кивок,— Несмотря на то, как сильно разосрались мои родители и как все в буквальном смысле зависло в воздухе, я точно могу сказать, что рада за него, что он смог проявить немного мужества перед такой сильной женщиной, как моя мать. Он не отступил и заставил ее пожалеть о каждом слове, которые она бросала ему в лицо больше десяти лет. Я испытываю гордость, видя этого человека своим отцом, даже несмотря на то, что его действия толкают нас к ожидаемому разрушению семьи. Как бы мне не хотелось становиться очередным ребенком, чьи родители рассобачились и разбежались, я все же считаю, что для него развод с мамой будет лучшим вариантом для него самого, позволит жить, больше не претерпевая унижений и всего остального. Если он почувствует себя после этого лучше, чем чувствовал себя всю мою жизнь, я буду... да, я буду за него счастлива. Наверное, в моем понимании это все же любовь, ведь, как бы я не хотела сохранить их бесполезный брак только для того, чтобы не считаться безотцовщиной или около того, его благо я ценю больше своего, пусть даже мнимого, не имеющего больше ценности.

—Это же похоже...

—Да. Чем-то похоже на описанную тобой ситуацию с братом, которого нет, но ты поставил более сложный вопрос. Мой случай описывает в лучшем случае одну главу из жизни отца, твой же— ее старт, от которой и зависит весь... ну, пусть будет сюжет. Ты не уверен в том, что твой выбор есть продукт любви, скорее склонен представить его как желание поступить правильно. Но я назову это любовью. Стало быть... возможно, тебе и не нужно было задавать вопрос.

—Похоже, что ты права. — и они снова умолкли.

Заиграла песня. Нежась в дурмане, они слушали слова песни и еле шевелили губами, подпевая:

"And we'll never feel safe alone
Need a spiritual shotgun to cover our souls..."

Перевернувшись на бок и подложив руки под голову, Соня уставилась на все еще глубоко дышащего приятеля, никак не могущего справиться с накатывающими волнами опьянения. Она видела, как черная роговица его глаза ползала взглядом по поверхности потолка, как закатывалась под верхнее веко в кратком зажмуривании и оголяется вновь, как поправляется плотью сползающая линза, то складывающаяся пополам, то вновь оползающая на край белесой сферы.

–А какой у тебя настоящий цвет глаз?

–Я не помню... – одними губами прошептал он.

–Не может этого быть. – не поверила она.

–Может. Я ношу их, почти не снимая уже два года. Только, когда срок годности истекает, покупаю новые и тут же меняю.

–Не снимаешь даже ночью?

–Даже ночью. Привык уже к вечному зуду, так что мне вовсе не мешает.

–А разве от них глаза не болят?

–Не сильно. – он наконец-то повернулся к ней, так же лег на бок, – Это сравнимо с хронической головной болью– несильной, вполне терпимой, а оттого теряющей свою важность. Я просто принимаю ее как свою неотъемлемую часть.

–Можно еще один банальный вопрос?

Улыбнувшись, Фил кивнул.

–Я пьяный, так что добрый, а раз добрый, то даю тебе лимит еще на один.

–Всего на один?

–Да.

–Хорошо. Ты когда-нибудь влюблялся взаимно?

–А поинтереснее вопроса не нашлось?

–Ну, уж какой есть!

–Ладно. – чуть поразмыслив, он ответил, – Я помню, что мне иногда нравились девушки в школе, но только внешне. Их манеры, поведение, самодовольство– все отталкивало. Если бы я просто смотрел на их фотографии, то, может, мог бы влюбиться в сам образ, не в человека. Узнав человека, неизбежно постигаешь разочарование. А образ... почти всегда идеален. Всего лишь внешняя оболочка, не обладающая разумом и душой, имеющая лишь запечатленную красоту юности. Я могу представить, как они постареют, как сморщатся их лица, одряблеют тела, а зная еще и характер, живо представляю, как он становится все более склочным, надменным. Беспринципным. Знаешь, я заметил, что многие женщины красивы только в молодости. Имея откровенно непривлекательные типажи, они могут быть привлекательными внешне только за счет своей молодости. Не подумай на меня плохо, я просто комментирую. Так вот, они это ценят, действительно ценят! Пытаются продлить свой вид как можно дольше, потому что сами знают, что упущенный момент будет стоить им всего и ушедшее уже не вернуть. Отсюда все эти пластики, липосакции и прочая... А есть те женщины, которые изначально непривлекательны– болезненного цвета кожа, сутулость, худоба. В них я вижу красоту иную. Например, если у них большие и грустные глаза, немного скорбное лицо. В каком-то смысле это привлекает, навеивает мысли об их одухотворенности, живости. Чувствуется некая аутентичная скорбь в их виде, которая ожидаемо вызывает ответную реакцию в виде чувства нежности. Мужчина, глядя на такую женщину, почувствует желание проникнуться их эмоциями, чтобы затем вызвать улыбку и поймать тот самый момент, когда некрасивое становится прекрасным. Наверное, поэтому столь многие женятся вовсе не на красавицах– считают один миг личностной красоты куда

более ценным, чем красоту природной женственности. И они счастливы, если сумеют удержать этот момент и через год, и через десять лет. Но их очень мало. Приманенные мгновением, они теряют его не столь по своей вине, сколь потому, что... увидели лишь единичное явление, не сумевшее свернуться в петлю, так и исчезнувшее в прошлом. В итоге они цепляются за остатки воспоминания, усиленно любя тех, кого не должны были любить. То же самое касается и действительно пораженных болезнью женщин. Например, мертвенно бледные, худые наркоманки с белыми губами и черными тенями вокруг глаз. Еле живые, не знающие, вцепиться ли в жизнь или отпустить ее и утонуть в вечности. Разочарованные, погрязшие в депрессивных перипетиях, блуждающие по мужчинам в ожидании прекрасного момента, который все никак не настает, потому что и он и она используют друг друга. Но всегда найдется мужчина, сумевший найти красоту в ней, увлечься ею, загореться желанием если не поглотить ее, то сделать своею, выпестовать из призрака личности что-то куда более сильное духом, которое сумеет воспрять в его руках, загореться жизнью. Ее красота обреченности исчезнет и на ее месте может вновь возникнуть или природная, или та самая, личностная...

–Ты все это придумал сходу или действительно видишь в нас?

–Вижу.

–Но ты так и не ответил на вопрос.

–Да. Я мог бы влюбиться в любую девушку, но не влюбился. И уж точно никто не влюблялся в меня, потому что не способен увидеть во мне то же. Для вас я просто некрасивый парень, незаслуживающий внимания. А для меня вы– всего лишь девушки, с которыми я никогда не свяжу свою жизнь.

–А какой, по-твоему, выгляжу я?

Внимательный взгляд скользнул по ее скулам, стек по линии шеи, задержался на ключицах, затем вновь поднялся к глазам.

–Ты ведь и сама знаешь, что твоя красота стандартна природе. Ты никогда не забывала о том, что красива, и будешь придерживаться ее столько, сколько сможешь. Ты делаешь много фотографий, чтобы потом, когда постареешь, смотреть на себя и говорить: "Я действительно была этой женщиной."

–Но тебе я не нравлюсь?

–Нравишься точно так же, как и остальные.

Чуть улыбнувшись, Соня придвинулась поближе к лицу Фила, подперев щеку кулаком. Долго глядя на него, она улыбалась так, словно знала о чем-то, чего он сам о себе не знал. В каком-то смысле это так и было– из его ответов она выцедила для себя немножко информации.

–Значит, ты никогда...

–Что?

–Никогда... ну... Не был с девушкой.

–Да.

–Почему? Твои взгляды мешают тебе просто предаться удовольствиям?

–Не знаю. Как я и сказал, я не влюблялся в девушек, а потому не жаждал ими обладать. Я никогда толком не задумывался над тем, действительно ли хочу чего-то подобного. Как ты знаешь, мои мозги всегда загружены не тем, чем следовало. – они грустно хохотнули, – Наверное, если бы я был прямо-таки влюблен, то не мешкал бы. Бегал бы точно так же, как остальные парни, выискивая любую возможность слиться с объектом влюбленности в объятьях. И, добившись своего, был бы невероятно счастлив от того, что утвердил себя в качестве мужчины. А там, возможно, нарисовались бы следующие перспективы. Отношения. Сожительство. Брак. Развод. – Соня нервно передернула плечами, почувствовав очередной приступ дурноты, – А, может, все было бы и по-другому. Случилась бы трагедия– она умирает, а я остаюсь с разбитым сердцем и вечной печатью на своей груди.

– Не бывать в твоей жизни счастью! – легко и просто констатировала девушка, проведя рукой по волосам Филадельфии.

– Но, возможно, у тебя... – и он умолк, когда она приложила палец к его губам.

– Знаешь, ты не можешь утверждать о чем-то наверняка, не попробовав. Я намеревалась закинуть тебя в объятия той дуреги, чтобы ты наконец-то почувствовал, что жизнь действительно может быть приятной, но вы, как и всегда, все испортили. Должность свахи – неблагодарный труд, да и сваха из меня вышла неважная. – хитро ухмыльнулась, щелкнув парня по носу, – Ты пьян, я пьяна! Мы оба молоды и безбожно глупы. Нам с тобой по шестнадцать лет и по закону это возраст согласия. Ты ни в кого не влюблен, я ни в кого не влюблена, так что бороться за нас некому, как и нам самим – с кем-то конкурировать. Это значит, что мы абсолютно свободны в своем выборе и открыты предложениям. Я чувствую страшную усталость и вижу ее в твоём плавающем взгляде, так же как подозреваю, что завтра мы не вспомним и половины. Здесь есть кровать и перины, одеяла и освещение, которое можно как включить, так и выключить, так почему бы нам не освободиться от своей неудобной одежды и не лечь под одеяло? – встретив его улыбку, не выдержала и игриво хохотнула.

– Ты действительно этого хочешь или просто жалеешь меня?

– Есть лишь только один способ это проверить – у тебя есть руки, а моя юбочка до безобразия коротка!

– Ты действительно пьяна! – прошептал Филипп, укладывая ее на кровать, пока ее непослушные пальцы пытались не разорвать в клочья его рубаху, – Ты точно уверена?

– Заткнись, ни слова больше... – раскрыв его бледную грудь, она вцепилась зубами в его сосок и услышала вздох, улыбнувшись сквозь сжатые зубы, только теперь со вкусом крови почувствовав вкус победы.

Он же мягко отстранился от нее.

– Ты пьешь мою кровь. Не лучше ли мне принести нам бутылочку воды?

– Да... – она только сейчас поняла, что на ее языке залилась красными реками пустыня Сахара, – Будет в самый раз... – и он скрылся за портьерами.

Разлегшись на мягком матрасе, София стянула с себя все, что на ней было, кроме чулок и трусиков с мультяшным мишкой, и закинула ногу на ногу, раскинув руки в предвкушении того, как холодные руки Филадельфии обхватят ее тонкую талию, вмиг прогнав по телу волну стремительных мурашек, и прижмут к себе, как она вопьется ногтями ему в спину и не только, сжав своими бедрами так крепко, что он почувствует себя в настоящем капкане. "Он вовек этого не забудет!" – возбуждаясь, она словно стала тонуть в ручье сладостного тумана, изнывая от нетерпения, чуть извиваясь на подернутых дымкой смятых простынях, кусала губы и с нетерпением глядела на расфокусированные портьеры, чувствуя, как сладкая вата облепляет изнутри ее тело и голову...

Утром она была совершенно разбита и сломлена. Горько смеясь, понимала, что ее не просто отвергли столь бесцеремонным образом, но посмеялись в лицо, использовали и бросили.

Какая жалость, не правда ли?

* * *

Она каждый день сидела на ветке у ветвей-спиралей и кормила птиц. Каждый день таскала побольше хлеба из холодильника, лишь бы дольше задержаться на дереве. Птицы за время ее нескончаемых посещений привыкли к ней настолько, что иногда садились на руки и плечи, насвистывая ей красивые мелодии, которыми она наслаждалась, коротая дни в ожидании чуда.

Возможно, она ждала друга?

С того дня все пошло не так, как Соня себе представляла. С новыми друзьями общение потихоньку сходило на нет – все больше и больше она замыкалась в себе, становясь молчаливее. Вечно, стоит посмотреть на нее, думает о своем и лицо точно такое, как у Филиппа, когда

он смотрит в пустую страницу тетради. Пару раз ее вызывали к школьному психологу и оба раза она рассказывала одно и то же – правду. Их глупые советы ей ничуть не помогли, потому на третий вызов она не явилась. Иногда она могла разрыдаться прямо на уроке, но быстро брала себя в руки, опасаясь возникновения еще больше неудобных вопросов. В остальном особых проблем не наблюдалось, разве что некоторые школьники стали ее сторониться и пошли шепотки за спиной. Никто не понимал ее, попросту отказываясь понимать. Лишь один раз в столовой к ней подошли ее подружки и с целью выпытать, что с ней такое и, узнав, принялись успокаивать. Хотя как сказать "успокаивать" – скорее поносить.

– Забудь этого мудака, че ты из-за него нервы треплешь? – гундела в одно ухо Сашка – расфуфыренная брюнетка с богатым прошлым.

– Да, к черту этого ублюдка, ты себе лучше найдешь! – вторила ей Люська – подпевала Сашки во всем.

– У тебя еще столько парней будет, что этот заморыш покажется тебе дурным сном! Верь мне, я знаю о чем говорю!

– Ведь ты у нас красавица, Сонь! – наманикюренные пальцы стали утешающе шкрябать по Софьиной макушке, – Ну же, хватит грустить! Айда сегодня с нами на вечеринку, там будет Артур, ну, тот, о котором я тебе рассказывала! Ой, настоящий секси, ты влюбишься в него, как увидишь!

– Ничего вы не понимаете, девчонки! – Сониная голова все так же упиралась подбородком в руки, лежащие на столешнице, – Я сама виновата, что подумала про него лишнего! Я сначала думала, что он просто решил отомстить за что-то, но мне все больше и больше понятно, что я просто переступила его границы, вошла в пространство, куда он никого не пускает.

– Ну ни фиги себе "отомстил"? Настоящие мужики, между прочим, так не поступают! – тыча пальцем и качая головой выдала Сашка, – На кой черт тебе эта тряпка, даже если он тебе и не мстит? Не будь дурой, забудь его и живи дальше! Вон, смотри!..

– Да не хочу я ни на кого смотреть, что вы пристали? Мне хочется всего-то помириться с Филом!

– Фу, ну и имечко! Филипп! – точно пробуя дерьмо, посмаковала имя Сашка, – С таким именем только ботаны и импотенты всякие ходят.

– Кстати, а я знаю одну историю про педофила, которого звать Фи...

– Да отстаньте же вы от меня! – крикнула Софья и тут же прикрыла рот рукой – вся столовая уставилась на них. Теперь ее точно будет сторониться половина школьников!

– Пойдем отсюда, она не хочет нас видеть. – тихо донесся из-за спины голос Леськи.

– Сучка. Мы к ней с душой, а она как свинья. Ну и пусть страдает из-за своего Филиппка, поделом ей!

Вскоре по всей школе разнесся слух, что некий тихоня Фил отверг Софью Волкову, когда та уже раздвигала перед ним ноги в постели. Угадайте, кто постарался? Коридоры школы превратились в живой пчелиный улей – куда бы она не пошла, отовсюду раздавалось все то же настырное жужжание: "Да, это та самая рогатка... Смотри, любительница ботанов!.. Как думаешь, она согласится со мной в толкан забраться?.. За сотку точно даст!.." Внезапно обнаружив себя в положении потенциальной жертвы травли, Соня совсем пала духом, съезживаясь сильнее прежнего, пряча лицо от насмешливых взглядов, укрыться от плюющихся оскорблениями ртов. Ей хотелось найти Фила, просто поговорить с ним, сказав, что она вовсе не винит его и хочет продолжить... просто дружбу. Прячась от бывших друзей в подвале, она так ни разу и не дождалась его появления. И на лестничном пролете, за решеткой, миллиметровый слой пыли оставался нетронут. Боясь спровоцировать новые обсуждения своими вопросами, она как могла сама искала его, никак не находя, отчаиваясь еще больше. Даже мельком, самым краешком глаза Софья не замечала его юркой фигуры, развевающихся при широких шагах

волосах— ни в начале перемены, ни в вливающих в классы человеческих рек. Это не значило, что он не приходил, но точно значило куда более худшее— Фил ее избегал всеми силами.

Теперь ее единственным другом был малыш Аврелий. Уж кто-кто, а он ее не осуждал, не обсуждал, не шептал гадости за спиной и не смеялся там же. И не избегал. Аврелий всегда был рад ее обществу— хоть с самого утра, едва продирали глаза, и до глубокой ночи, когда у обоих они слипались. Он гулял с ней по всей Птичьей улице, как ее называл Филипп,— у нее кольнуло при этой мысли,— не боясь забежать следом в лес, где день ото дня с интересом обнюхивал могильные холмики и пытался копать, пока хозяйка не видит. С ним и велись тихие беседы в неразрывном контакте с его грустными, чересчур внимательными глазками, зачастую являющимся выплесками всего накопленного в строго отмеренных дозах, чтобы не сорваться. Свою потребность в друге девушка разряжала на своем песике, прибавив ее к потребности дарить тепло. Иногда, хватая малыша в охапку, она сильно-пресильно обнимала его, отчего он тоненько пищал, прикусывая губами его вечным углом согнутое ушко и невзначай с губ срывалось: "Фил..." Как она ни пыталась отвлечься на что-то, не толкающее даже к малейшей печали, он все еще занимал прочное место в ее мыслях.

В очередной серый день Соня побежала следом за внезапно оживившимся Аврелием в лес. Несясь на визгливый лай и чувствуя странное волнение, выбежала на полянку-кладбище, которое посещала до этого чуть ранее, тут же с ужасом обнаружив, что оно было полностью разворочено, перекопано, взрыто чьей-то взбесившейся рукой. То и дело среди свежерытых ямок виднелись белые косточки. Подбежав к одной из них, Аврелий радостно взял ее в рот и принялся увлеченно грызть. Сухой треск. Кость сломалась. Поймав щенка за лапку и пальцем заставив его раскрыть свою маленькую непослушную пасть, выудив все острые осколки, Соня молча погрозила ему пальцем и оглянулась. Кому могло помешать это кладбище? У кого, кроме самого Фила, могла возникнуть подобная дикая идея? В голову никто не лез за отсутствием мотивации. Да и сам Филипп фигурировал в списке лишь потому, что знал, где оно.

Ей казалось, что кто-то наблюдает за ней, но среди деревьев никого не было видно. Шикнув на щенка, девушка подхватила его на руки и побежала во внутренний двор. На подходе к выезду щенок нетерпеливо заскулил и вывернулся из ее рук. Едва лапы приземлились на асфальт, маленький комоч шерсти пулей ринулся к дереву, перепрыгнув через мертвую птицу и даже не обратив на нее внимания. В этот раз Аврелий чересчур уж странно волновался и, едва она подошла к стволу, тут же задрал голову и затылкал.

—Что там, малыш? — грустно улыбаясь, спросила Софья у него, пока песель заливался лаем, стараясь не обманывать себя пришедшей в голову мыслью, что Филипп, возможно, там. Наверху, среди своих любимых кормушек, которые не пополнял уже несколько недель.

Но ей было так страшно лезть, что при одной только мысли ноги дрожали и подкашивались, однако желание проверить то место, где он так часто прятался в том числе и от нее и откуда вещал свои депрессивные монологи, все же возобладало над страхом и, смешно попискивая от засвербевшего в груди страха, она полезла наверх, не обращая внимания на продолжающийся лай. Это было не сложно— сложнее было не смотреть вниз. Тут же, только поднявшись наверх, она заметила разветвление на три новых поменьше, образующих собой весьма удобную ложу.

"Так вот где ты лежал, пока языком своим чесал!"— чуть улыбнувшись воспоминанию, подумала Соня.

Но Фила здесь не было, потому она полезла дальше, выше, цепляясь за ветки, лезла вверх, к свету. Взгляд наткнулся на выцарапанную на дереве надпись. "be happy crud". И вновь улыбка, уже более широкая, почти что непривычная озарила ее лицо. Ей это начинало даже нравиться! Добравшись до верхушки, девушка с удобством устроилась на толстом суку, изящно изогнувшимся в подобие сидение со спинкой-подлокотником, окидывая открывшийся взору пейзаж небольшого, но с этой точки обзора оказавшегося очень красивым города. Так уж получилось,

что Птичья улица была расположена в небольшом возвышении, сама при этом практически невидимая с центра города, представлявшего собой пародию на кратер-муравейник, за счет защиты из растительности, потому с ее крыш действительно было видно гораздо большее, чем с любых других включая те, что с вышками. Если исходить из угла обзора Софы, то она смотрела на запад, в глубокий бескрайний лес, полный живности и спелых плодов под ногами, укрытый сверху плотным белым покрывалом непроницаемого неба. Увидела и лес, во внешней полосе которого покоились бездомные животные и птицы, так старательно скрываемые от глаз людей руками Филиппа и столь бессовестно оскверненные в собственных могилках. Мимолетную радость от увиденного зрелища сменила печаль и слезы вновь навернулись на глаза, не желая давать и секунды столь нужной форы. Обращая голову влево, к востоку, сквозь листву и слезы она замечала блеск небольшого озера с парой островков посередине и дюжиной огибающих их по дуге и еле заметных в освещенной солнечной тенью водной глади лодок, которые следовали вслед яркому пятну, что уже миновало зенит и тихо стремилось к горизонту в готовности вот-вот внести свежие красочные смеси в уже засохший слой белил в полотне. На юге ловить было нечего, посему глаза устремились на север, в город. Сотни крыш, черных и белых, серых и коричневых, где-то даже кое-как раскрашенных неловкой рукой. На стенах новостроек красовались гигантские граффити— солдат второй мировой со цветами вместо ружья на оранжевом фоне, колибри среди лепестков сакуры и самолет. Остальное было трудно различить с такого большого расстояния, но Соня и не пыталась. Немного подавшись вперед, она с радостью отметила, что отсюда ей видны крыши всех корпусов. Уже больше не всхлипывая, она так и сидела, не обращая внимание ни лай Аврелия, ни на крики людей.

Внезапно грохот больно ударил по барабанным перепонкам, сразу ударная волна с силой толкнула ее прямо в лицо, отчего Соня едва не свалилась вниз, в последний момент успев схватиться за спасительный сук. И без того бабье лето решило попеть напоследок, а теперь она словно оказалась в эпицентре пожара. Задыхаясь от хлынувшего дыма, девушка крутилась волчком, стараясь уцепиться поудобнее, вовремя за приметив, как в двух метрах от нее загорелись сразу несколько хвойных веток. Страх захватил ее, мешая здраво рассуждать, и Соня стремглав понеслась по веткам вниз, только чудом попадая подошвой кроссовок в опоры. Всего через пару секунд огонь гудел над ее головой, жадными пальцами потягиваясь к волосам. Еще б только секунду! Спрыгнув на землю и выбежав на стоянку, надрывно кашляя, она смотрела как полыхает квартира в первом корпусе, как вдруг какой-то грузный мужчина больно толкнул ее. Не успела она огрызнуться, но вовремя заметила того самого мужчину, что вернул ей потерявшегося щенка, со связанными за спиной руками. Бедолагу пинками запихнули в блестящий седан и помедлив секунду, толстяк запрыгнул в автомобиль и дал газу. Где-то за домом уже выла сирена пожарной машины. Все вокруг как с ума посходили— кто-то уже стоял с телефоном наготове, кто-то орал и матерился, а две бабки рядом с Соней во весь голос перекрикивались, едва сдерживаясь от взаимных поколачиваний клюками.

В голове у Софии сразу появилась мысль, что такой пожар не может не привлечь внимание ее друга, а потому она сразу ринулась его искать. Расталкивая толпу, она всматривалась в каждое лицо, раз за разом не находя искомое. Желание увидеть его лицо затмило все мысли и даже визг маленького Аврелия не смог пробиться к ней. Она закружилась на месте и услышала другой крик.

Междусловие второе.

На часах было два ноль пять. Филипп все еще не спал. После очередной драки с выпившим отцом все тело ломало от боли. В этот раз отец разошелся не на шутку и швырнул его как пушинку прямиком в тумбу. Филипп уцелел, но вот тумба— далеко нет, развалилась прямо под его телом, больно врезавшись краями под ребра. После падения они наконец успокоились, поняв, что самое время остановиться. Не говоря ни слова, отец принес аптечку и обработал

мазью вновь открывшуюся рану— в прошлый раз Филипп неудачно упал спиной на разбитую бутылку. Повезло, что стекло порвало лишь кожу под ребрами, не вонзившись осколками туда, откуда бы их пришлось доставать при помощи хирурга. Тогда вопроса было бы не избежать.

Несмотря на пришедший временный мир, на глаза Филадельфия наплывала пелена слез от сгорающей в груди обиды. Слишком уж сильно досталось ему от отца, что в один момент даже показалось: еще секунда и они вот-вот убьют друг друга. У обоих дрожали руки, а немигающие глаза, полные немой ярости, не желали разорвать зрительный контакт. Казалось, что зрачки отца в полумраке сузились в вертикальные полосы. Так не сказав и слова, отец и сын легли спать по своим комнатам.

В спальне было на удивление холодно. Лето кончилось относительно недавно, но ночной ветер уже сейчас пронизывал до костей, свистя в микроскопических щелях оконных рам, и даже обогреватель не спасал хрупкое положение домашнего уюта. Его мерное гудение в этот раз не убаюкивало сознание, словно враз ставшее враждебным, чужим. Слушая, как отец храпит во сне в гостиной, как аккуратно над его комнатой бубнил неизлечимо больной подросток, потерявший свою игрушку, а где-то по левую стену парочка молодых люмпенов шумно спаривается в уборной, Филипп в очередной раз проклял свои зрение и слух. "Вот бы не слышать сейчас никого... это было бы прекрасно!.. Как же сильно хочется спать, но я не могу... Не могу уснуть! Не получается!"

Филипп испробовал все знакомые ему способы— и овец считал и слонов на тоненькой паутине, прибег даже к помощи успокаивающей музыки, но ничто не срабатывало— сон упорно не желал покорять его разум.

Минуты текли как часы и оттого становилось только хуже. Фил боялся смотреть в циферблат, не горя желанием в очередной раз убеждаться, что вместо так ожидаемых трели будильника и начала рассвета на часах шевельнется только одна стрелка— и та минутная. Потому он просто бездумно смотрел на узоры, изображенные на старых обоях, поклеенных во времена далекого детства, когда он, еще счастливый папа и живая мама превратили ремонт детской в настоящую игру, то в шутку гоняясь друг за другом, то измазывая старые футболки, годящиеся лишь в тряпки для швабры, в клею. Один из тех моментов, которые он берег в своей памяти, смакуя хотя бы на пять минут перед сном. На деле на этих унылых стенах ничего не было, но стоило всего лишь подключить фантазию и кое-где всегда можно было увидеть неких мистических существ, поражающих своими формами и пропорциями. В глаза сразу бросался собрат Лохнесского чудовища, имевший вместо хвоста крученый шишковатый хобот, над которым неизменно пучились диким взглядом глаза, остальных же еще предстояло найти.

Раздался тихий щелчок и обогреватель перестал гудеть. Настала полная тишина. Две минуты спустя— или десять секунд? — щелчок повторился. И еще. И еще. Снова. Опять. Он продолжает мерно отщелкивать. Из недр своего затухающего сознания Филипп улавливает однотонную мелодию, похожую на зажатую клавишу органа. Протяжная, среднего тембра заунывная трель играла без возможности завершения, а щелчки аккомпанировали ей, словно эхом отдаваясь в слуховом коридоре. Словно большая капля воды падала на гладкую поверхность воды, а звук отражался от длинных и мрачных стен, растворяясь в темноте и вновь возрождаясь в эпицентре. Щелчок, эхо. Щелчок, эхо. Щелчок, эхо. Щелчок...

И чей-то недалекий смех.

"Я так никогда не усну..."— продирая невероятно разболевшиеся глаза, он зашипел от боли, впиваясь ногтями в кожу век, будто бы жаждая вырвать их вместе с белками. Чувствуя, как мышцы спины съежились в полусудороге, Филипп на цыпочках прошел в прихожую, простоял в темноте около десяти минут, не зная, слышит ли голоса или они ему только кажутся. Решив, что кажутся, еще две минуты стоял, согнувшись над ванной, позволяя прохладной воде литься на шею, заливаясь в уши, и пропитывать насквозь его небольшую гриву волос. Выжав их до последней капли, выключил душ и вернулся в прихожую. Кое-как продевая голые ступни

в стертые внутренности своих ботинок, он едва не упал, всего лишь отклонившись в сторону— хорошо, что выставленная рука наткнулась на угол тумбы, а не выше, иначе бы проснулся отец.

А Филипп этого вовсе не хотел.

Тихо выскользнув через входную дверь и как можно более аккуратно ее прикрыв, уже смелее повернул ключ в замке и пошел наверх. Взобравшись по стремянке к люку, сдвинул основные задвижки. Хитрость заключалась в том, что при захлопывании люка срабатывает еще внешняя, вроде засова, но не столь надежная. То есть, первый тычок ожидаемо наткнулся на препятствие, способное выстоять перед натиском средней силы. Понадобилось еще два, чтобы произошло смещение и путь был открыт. Сразу же захлопнув люк за собой, Филипп в очередной раз краем мысли коснулся неизвестного рабочего, который придумал такую шутку наверняка уже после установки люка, когда к нему начали назревать нежелательные гости.

"Правильно— ну их всех к черту. Это— наше с тобой место."— обычно люк всегда был открыт, но Филипп взял за привычку закрывать его всякий раз, когда посещал крышу, чтобы никто не мог помешать ему спокойно наблюдать за тем, как низко свисающее покровы облаков загораются красным от свечения тысяч городских фонарей, если дело шло к ночи, либо наблюдать уже за жителями самой Птичьей улицы— за самими птицами. Ему не хотелось обманывать себя пустыми мыслями, но всякий раз, когда солнце еще должно было описывать свой полукруг над облачным щитом, укрывающий город, и когда сам Фил вышагивал по рубероидному покрытию, к нему слетались ни много ни мало свыше двух десятков птиц. Наблюдая, как кружат подле ног либо над головой жирные голуби и боевые чайки, Фил представлял себе, как однажды услышит тонкий крик и сверху, напрямик из пуховых непроницаемых толщ к нему устремится маленький, но самый настоящий сокол, прекрасно понимая, что подобной картине никогда не суждено произойти— в этом месте их не водилось. Только вороны, дерущиеся с сороками между хвойными ветками, да чайки, потрошащие голубей, а также голуби, отбирающие пищу у воробьев, сгрудившись вокруг нее у тротуара, и дрозды, никак не желающие присоединиться к маленькому костюмированному параду. Изредка заглядывали скворцы, но вот так знакомых большинству людей синиц и снегирей Филиппу так и не довелось увидеть— по каким-то причинам они избегали то ли саму Птичью улицу, то ли весь город без неба.

Как и люди, если так подумать.

Сейчас, впрочем, никого нет— только он оказался столь глуп, чтобы не спать в такую ночь.

"Жаль, что Сони здесь нет."— невольно подумал он, вспомнив настырную девчонку, которой вечно было нужно его внимание. Она всегда была готова послушать его, не переставая просить рассказать хоть что-то о себе.

И он не мог сделать этого— внезапно все слова вылетали из головы, отказываясь складываться в цельные строки. Только позже, находясь в своей комнате и вновь садясь за печатную машинку, внезапно снова находил их в себе и, не желая упустить момент, тотчас устанавливал лист, выписывая:

"Помнишь, я задал тебе вопрос: "Куда деваются городские животные и птицы, когда умирают?" Как ты знаешь, я сам стал ответом на сей вопрос, начав собирать мертвых собак и кошек, которых находил, и хоронить на той поляне. Но с птицами все куда сложнее. Их трупики словно испаряются в воздухе или поглощаются землей в буквальном что ни есть смысле— будто тонут в воде. За всю свою жизнь я видел их тщедушные тельца целыми не больше трех раз, куда в большем количестве находя лишь крылья с хрящиками и обглоданные ребрышки. Например, в детстве, вроде бы летом, я с моим тогдашним приятелем Мишаней нашли здесь, неподалеку у озера, чайку со сломанным крылом. Мы и еще пара ребятшек все пытались ее погладить, но она как всегда взмахивала своими крыльями, даже если ей было невыносимо больно, и щелкала клювом, не понимая, что нами двигали вовсе не намерения навредить, или семенила к воде и отплывала на метр, через секунду возвращаясь обратно. Она словно была заперта в ловушку— с одной стороны озеро, в котором было очень мало рыбы из-за бесконечно

брасываемых отходов... и утопленных котят и щенков, покрытых белесой пленкой; с другой— толпа безумных малолеток, которым в любой момент могло взбрести в голову распять ее на столбе и закидать камнями. Нет, мы так не сделали. Мы были жестокими тварями, но мы так же и постигали человечность— пусть даже и своим малость ущербным путем "кротовьего шупа". До чайки мы имели дело лишь с городскими голубями, устраивающих на площади столпотворения по выходным от обилия пешеходов кто с хлебом, кто с семечками. Родители показывали нам, как кормить птиц, не пугая, а мы бестолково размахивали руками и разгоняли их, не забыв подметить, что едят они семечки и хлебные крошки. О них мы и вспомнили, когда задумались о том, чем чайка будет питаться в своем плачевном положении. Да, мы пошли в ближайший магазин, купили семечек и попытались покормить ее ими. Мы не знали, что чайка— хищник среди птиц и ест в основном рыбу. Или помой. Однако семечки, видимо, оказались вариантом похуже. Она не стала есть— знай размахивает себе крыльями и клюв воротит. Мы ее покинули, пообещав прийти на следующий же день.

Наутро мы с тем мальцом созвонились, договорились о встрече и намылились к озеру. Чайки на месте не оказалось и мы, почуяв неладное, стали ее искать. Мы звали ее придуманным нами именем, хотя знали, что она не откликнется, и незаметно для нас это превратилось в игру— насупив брови и пригнувшись, заглядывали под каждый куст и ветку, то и дело потирая подбородок с якобы понимающим видом. Долго это продолжаться не могло и наконец мы нашли ее. Вернее, Мишаня нашел.

Мишаня, Мишутка, Миша, Михаил! Этот образец детской непосредственности и невинности!

В один не очень прекрасный момент я услышал его скулеж и повернулся к нему— он стоял, смотря на меня, натужно кривя лицо в попытке изобразить плач, тыча при этом пальцем куда-то в траву. Маленький лицемер был похож на помесь свиньи и гоблина, а не на великого скорбящего. Но чайку-таки он нашел, так что это не так уж и важно, правда?

Не мы, так они.

Мертвая птица лежала перед нами с выгрызленным горлом, раскинув крылья. Можно сказать, что ее распяло, да— ирония открылась нам совершенно в ином свете, но мы этого не поняли, вместо этого смекнув, что это дело рук какой-нибудь кошки. На этом наша сообразительность дала сбой.

Не будь мы детьми, этого бы не случилось.

Что же именно случилось? А вот что— словно по мановению руки мы перевели "игру" в новый формат, наломали веток и пошли искать кошку. Мы не знали, какая именно кошка убила птицу и где она вообще находилась в данный момент. Все, что было важно— птицу убила кошка, кошку и надо наказать. Повязав банданы— в то время они были очень популярны, — и закатав штанины, мы принялись искать, на ком бы сорвать свою детскую неотесанную тягу к справедливости. Тут бы сказать, что мотивация была столь же скоротечна, сколь и проблеск мысли в наших головешках, но не все кончается хеппи-эндом— кошку мы нашли. Красивая, пушистая, с янтарными глазами и узорами на спине. Мы загнали ее в угол двора и начали лупцевать этими самыми ветками. Она пыталась убежать, но Мишаня был проворный малый и всякий раз, когда ее дрожавшее от страха и боли тельце пыталось прошмыгнуть у нас между ног, молниеносно нагибался, хватал ее за загривок и швырял обратно в каменный угол. Я тоже отличился— при очередной попытке сбежать пинком отправил обратно. Не знаю, от моего ли удара ногой или от одного из ударов веткой у нее выбился глаз, да и не хочу знать. Наше "веселье" прервал жуткий крик за нашими спинами и, едва мы обернулись, хозяйка кошки, тетя Лида с третьего подъезда, накинулась на нас и вскоре забила бы до смерти, не подоспей помощь. Когда прибежал еще один сосед и отобрал у нее ковробойку, на нас живого места не оставалось. Как и на кошке. Представь себе картину— двое маленьких, избитых до крови засранцев лежат ничком и скулят от боли, а чуть поодаль лежит кошка с вытекшим глазом и

кровавыми пятнами по всей шкуре. Тетя Лида в тот момент так горько плакала, как никто еще на моей памяти не плакал. Она не смела притронуться к своей питомице, боясь причинить ей еще больше боли, а потому лишь заламывала руки и прижимала их ко рту. Смотря на ее дрожащую спину, я перестал плакать. Переведя взгляд на кошку, в тот же момент понял, что натворил. Боль покрывала мое тело колючим одеялом, но я знал, что это заслуженно. Моя боль— то, что по мнению детей должно было быть самым важным для них и окружающих их людей— была несравнима с болью этого маленького существа, которого я чуть было не убил своими руками. Я чуть было не убил ЖИВОЕ, чувствующее боль и страх, существо, которое имело гораздо больше прав жить, чем я. В тот момент я осознал себя как человека, осознал окружающее себя как способное чувствовать и страдать. Мне недавно исполнилось десять лет и это был тот момент, когда ребенок стал человеком.

Какой длинный получился рассказ, а я всего лишь привел первый случай. Но не переживай, остальные очень короткие, потому я расскажу тебе их в следующий раз. Идет?"

Когда-нибудь он расскажет ей все.

Сегмент В.

"У медали две стороны. У человека их три. Не хочешь угадать, какие именно?"

Роман в очередной раз начал захлебываться слюнями. Спешно дав ему легкий подзатыльник, Кирилл схватил полотенце и вытер ему рот. Затем заботливо потрепал по голове и продолжил кормить с ложки.

Роман был болен ДЦП. Груз, нежданно-негаданно свалившийся на еще юные плечи, явивший собой вместо прелестного человечка его бездумную пародию, неведомо зачем спасенную из пуповинной петли. Отвращение на грани братской любви. Их мать была религиозной фанатичкой, яро стоявшей против терапии и прочих "дьявольских происков", предлагаемых докторами, считая, что вся медицина от лукавого и поможет только молитва. Да и, честно говоря, она не поверила ни единому слову, включая начальному диагнозу. Даже тогда, когда ей пообещали, что на этом все не завершится, эта женщина не нашла ничего умнее, как плюнуть в лицо врачу и выгнать из палаты угрозами подать в суд, вновь обращаясь вниманием к своему ребенку, уверяя, что с ним все будет хорошо— бог поможет, не бросит ее одну, не позволит всем этим сволочам сделать больно ее малышу. Упорно сохраняя оптимистичный настрой, она не желала сознавать, что его процесс его развития шел в разрез с нормой, отличаясь уже в самом начале от ее первенца. Младенец не проявлял должной ему активности. Шли дни, недели, затем и месяцы, но его скрюченные ножки шевелились лишь чуть, а из обеих рук поднималась только правая. Малыш не смог поднять головы, когда рожденные в один день с ним дети уже всюю переворачивались на живот, затем смог, но только лишь тогда, когда они сумели усесться на своих крошечных задах. Едва его левая нога начала дергаться, его мать ликующе кричала и благодарила всевышнего за то, что благословил ее мальчика. Но на этом все и застопорилось— в вечном рёве, размахиваний единственной рабочей конечностью и упорной неспособности сделать следующий шаг. Дальше стало хуже и она была вынуждена лишь наблюдать, как крушатся ее хрупкие надежды. Мыслительная и моторная деятельности были надломлены на корню— мальчик проявлял крайнюю степень умственной отсталости, не сумев продвинуться по ступени дальше самостоятельного сидения, не выказав ни малейшей речевой способности, все так же мыча то ли от боли, то ли потому, что никак иначе не мог выразить свою нужду в чем угодно. Несмотря на заверения докторов, что необязательно все должно остановиться на этом, что ее сын еще может проявить пусть и ограниченные, но все же способности к частичной вербальной активности, мать все еще не желала признавать очевидного, крутясь как курица-наседка с человеческими руками вокруг него. Когда даже родственники и знакомые наперебой в неутомимой тяге вернуть ее с небес на землю указывали, что ее сын—

калека и это не исправить, она заводила уже выбрившую плешь на их головах пластинку: "Он еще ребенок, это нормально!"

Даже живой пример в лице ее первого сына, весь опыт по возвращению и воспитанию здорового умственно и физически ребенка не убедил ее и вскоре желающих надоумить половую женщину больше не оказалось. Неоткуда было ждать помощи— оставшись единственным взрослым в семье с двумя детьми, она рассорилась со всеми, оборвала связи и замкнулась на РOME, проклиная его отца и инфаркт, забравший непутевого мужа в могилу сразу же после рождения младшего, считая, что вся вина за недуг сына целиком лежит вместе с ним в могиле. Так она оказалась совершенно одна, неведомо каким образом справляясь со свалившимся на нее грузом ответственности. Впрочем, это никого и не интересовало.

Кирилл, еще будучи зеленым подростком, неожиданно был поставлен перед обязанностью быть кормильцем и защитником, предоставлен самому себе решать все проблемы семейного и финансового характера, так как мать не отходила от младшего сына, обстирывая его одежду, выкармливая с ложечки, с невероятным упорством молясь у его кровати. Только по достижении им шести лет, когда он все еще мычал, как младенец, и гадил под себя, неуклюже дрыгая конечностями, упорно хватаясь единственной рабочей рукой за ее волосы только затем, чтобы болью притянуть поближе к себе ее лицо, она наконец-то признала то, что висело над ней все эти годы. Что до тех пор было в голове у этой женщины, почему она была так глупа, никто не знал и вряд ли хотел знать. Диагноз обрел суровость лаконичность— четвертый уровень, триплегия. До сих пор стоял вопрос о реабилитационных методиках, не оглядывающихся даже на откровенное пренебрежение банальными упражнениями на гибкость мышц, вылившихся в повышенную спастичность и как следствие крайнее мышечное сопротивление, но эта женщина, в конце испугавшись за сына, приволокла в церковь и досаждала святому отцу с просьбами излечить его сына. Не нужно быть прорицателем, чтобы с точностью до слова угадать, что ей было насоветовано. Молясь денно и нощно, молясь неистово и самоотверженно, сузив весь дневной досуг до часовых простаиваний на коленях перед кроватью сына и иконой святого, забросив даже работу и сон, она медленно сходила с ума. Зная о тяжелой ситуации, прочно укрепившейся в этой семье, на помощь приходили соседи— приносили горячую еду, долго пытались с ней заговорить и отвлечь от молитв, вернуть в реальный мир и помочь сделать первый шаг к настоящей борьбе. Когда женщина наконец соизволила посмотреть им в глаза, они содрогнулись— в них больше не было жизни.

Кирилл же, остро нуждавшийся в общении и материнской заботе, которые у него столь бесцеремонно отобрали, все свободное время проводил на улице вместе с такими же сорванцами, как и он сам, упиваясь так желанным им вниманием к себе. Улица приняла и воспитала его, вытесав из необработанного, чрезвычайно податливого материала то, чего ей и хотелось— свое очередное детище, воплощение настоящего городского быдла. Знакомый до боли сценарий— сперва невинные игры, за ним знакомство с "плохой компанией" и дальше, дальше, дальше! Дело быстро перешло от мелких гадостей соседям и точечному вандализму к настоящему хулиганству. Занимаясь вымогательством, уже молодой, налитый силой и выпестованной в груди злобой ко всему, что отличалось от него, Кирилл вместе с толпой таких же отбросов терроризировал либо школьников из тех, что послабее и менее скученнее, отбирая мобильники и деньги на завтраки, либо более взрослых, но забытых студентиков, чьих единственным желанием было спрятаться ото всех у себя дома прежде, чем кто-то заметит и прицепится к ним. Не обошлось и без неоднократных стычек с "пацанами из другого района"— таких же компашек лютогощего биомусора. "Биомусор", к слову, был в их рядах куда более любимым выражением, чем набившие оскомину "пацан" либо "мужик", не говоря и о других не менее оскорбительных эпитетов. То ли в тяге к самоиронии, то ли исходя из подсознательного понимания собственной ничтожности, но "биомусором", от которого так и веяло сладковатым запахом интеллектуальной подколки, они были гораздо зваться хоть по двадцать раз на дню. Сакральное зна-

чение данного обращения отличалось лишь по интонации и непосредственного адреса— если по отношению к "своему" оно выражалось в дружеском оскорблении, не имеющим под собой подоплеку вроде намерения задеть за живое, то в адрес "чужого" это слово бросалось не просто в качестве концентрированного плевка в рожу, но как агрессивный выпад, призыв начать драку. Для Кирилла это слово было любимым в своей мнимой универсальности. До тех пор, пока его собственного брата так не назвали.

Что и стало причиной раскола— неосторожная шутка в адрес Романа, которую проронил один из кирилловых дружков, обернулась сиюминутным последствием в виде пары выбитых зубов, сплющенного нос и выбитого глаза. И это только в первую минуту, ведь Кирилл был неистов, разгоревшись неожиданной для себя ненавистью по отношению к "уличному брату". Вбивая свои костяшки в его мерзкое лицо, парень чувствовал, как сильно ему хочется выдавить эти глаза, сломать все зубы, заставить пожалеть о том, что посмел не просто прикоснуться к запретной теме, но выбить ее дверь ногой. Продолжая его избивать, Кирилл впервые за всю жизнь испытал момент— краткая минута, во время которой его разум внезапно завис в паузе, вцепившись всего в одну мысль: у него нет и никогда не было братьев, кроме немощного Романа. Все эти уроды, в ряды которых он так стремился влиться, на самом деле были ему никем, не имеющие и малейшего права встать хотя бы в паре метров от места, которое занимал его младший брат. Они не имели права звать Кирилла своим братом, а он не имел права отвернуться от своей крови.

Его обозвали "эмоционально неустойчивым", вменив нарушения в социальном взаимодействии. Сразу после постановления на учет в полиции было решено назначить обязательные посещения психиатра, беседы с которым не получилось с самого начала— на любой вопрос ответом было молчание. Разбирательства, перспектива колонии для несовершеннолетних с последующим отфутболиванием в областную тюрьму. Все вокруг свидетельствовало о том, что жизнь пришла к ожидаемому концу, не успев начаться. Вокруг Кирилла сновали люди, которые вечно чего-то хотели, чего-то требовали от него, вымаливая или, наоборот, вымогая то, чего он не мог дать, то не понимая ни слова в сплошном реве сотен голосащих наперебой глоток, то слыша лишь бессвязную, лишённую логики тарабарщину. Ну и хер со всем этим дерьмом— ему было так на все насрать, как никогда до этого не было, хоть он и прекрасно сознавал, что ничего хорошего после захлопнутой решетки уже не дождетя.

Потом случилось то, чего Кирилл никак не мог ожидать, даже предположить, что подобное когда-нибудь произойдет— мать отказалась от сына. Ревя от ярости, едва сдерживаясь, чтобы не придушить одного из своих дядьев, пришедшего с этой новостью, Кирилл метался по комнате переговоров и впервые за многие годы не сдержал слез, которые всегда душил в присутствии другого человека.

—Выпустите меня! Выпустите меня! — только и мог кричать он.

Его бы ничто не спасло, если бы парня, которого он избил, не "зачмырили" свои же, вынудив забрать заявление.

Очень короткий период Кирилл провел тише воды ниже травы. Даже устроился на подработку разносчиком почты благодаря знакомству матери с почтовым начальством, которое обычно никого, кроме женщин, брать отказывалось, параллельно выхаживая своего младшего брата, так как мать все так же отказывалась что-либо делать, в отчаянии сбежав из города и вернувшись в плачевном состоянии только через несколько недель. Она вернулась на работу и на этом все закончилось. Рома впервые в своей жизни прознал прелести полного игнорирования единственного человека, который о нем заботился, и ничего не мог понять, плача каждый раз, когда вместо нее подходил старший брат, до недавнего времени не обращавший на него и малейшего внимания. Прекрасно сознавая, что мать ненавидит своего сына-инвалида, не в состоянии ничего с этим поделать, Кирилл стал ее заменой, краем глаза наблюдая, как она все чаще прикладывает к бутылке, ожидая долгими ночами ее прихода, пока она про-

падала непонятно где. Взбешенный ее поведением в особенности потому, что сам был таким же, старший сын ругал женщину как мог, почувствовав свою силу и право. Будучи еще совсем юным, Кирилл часто получал от матери скалкой, удар которой всегда означал конец спора. Ему доставалось так и до рождения Ромы, но после все ее внимание к нему обращалось только в виде очередного удара по спине или ногам. Но он быстро рос, набирал вес, неизбежно становясь злее и в один прекрасный момент обоим стало понятно, что время безнаказанного насилия в качестве аргумента безвозвратно ушло. Конечно, женщина вовсе не собиралась останавливаться и признавать поражение, все так же не оставляя упорных попыток уже морально подмять старшего под себя, с негодованием встречая яростный отпор. Он ненавидел ее всей душой. И правильно— такая мать только такого и заслуживает. И когда его лицо нависло над ее хрупкой, согнувшейся в испуге фигуркой, Кирилл ожидал почувствовать себя так же прекрасно, как когда вбивал нос в лицо очередному терпиле, но вместо этого появилась лишь гнетущая пустота в груди.

Перед своим восемнадцатилетием Кирилл начал помышлять мелким воровством. Воровал все, что плохо лежало— еду, побрякушки, деньги и прочая. Но в основном еду, потому как сбыть краденное без риска быть снова пойманным не всегда получалось. Иногда приходилось вновь опускаться до вымогательств, при этом следя за тылами— бывшие "братаны" наверняка были готовы с ним поквитаться на равных условиях. Так оно и вышло— однажды за делом застукали и слово за слово началась разборка. Когда прибыла полиция, его мутузили толпой, нанося удары ногами по всему, докуда только можно было доставать. В больнице так и сказали— два сломанных пальца и трещина в ребре, не говоря уже о множественных кровоподтеках и легком вывихе в колене. К счастью, операции не потребовалось— простая шина на кисть руки, обхватывающая и запястье, а также курс новокаина с предписанием носить циркулярную повязку. Прележав с месяц по стандартной страховке и питаясь лишь одной манной кашей, Кирилл в конце концов плюнул и решил снова вернуться в строй, лишь бы вернуться домой и убедиться, что все в порядке— за все время его так никто не навестил.

По возвращении домой, к семье, Кирилл застал свою квартиру в ужасном виде: словно за весь месяц так и не переставший реветь Роман с до сих пор обгаженными штанами, разбросана кухонная утварь по всей квартире, а мать нашлась в пьяном угаре сгорбленной над унитазом. Он пытался, правда пытался решить все спокойно— вымыть брата, убрать в квартире, позвонить соседям с просьбой помочь совсем немного с наблюдением, пока он снова ищет работу. А начать стоило с мамы— ее стоило вывести и уложить спать. Но, стоило ему в притворной, но столь необходимой нежности прикоснуться к ее плечам и попытаться приподнять, как она завизжала и вытолкнула из ванны. Едва не крича от боли в сломанных пальцах на руке, которую бессознательно выставил назад, чтобы смягчить падение, Кирилл в приступе бешенства выгнал ее из квартиры и не впускал до глубокой ночи, слушая, как она истерически голосит под дверью и грозит зарезать их обоих.

Он ненавидел всех. Ненавидел мать за ее мракобесный фанатизм и некстати проснувшийся эгоизм, ненавидел отца за то, что умер, ненавидел сверстников, которые в этот момент спокойно себе доучивались и готовились к экзаменам, за то, что им досталась беззаботная жизнь, ненавидел и взрослых. Этих уже просто так— ему и не нужна была никакая причина, чтобы ненавидеть кого бы то ни было. Роман был единственный, кто только из-за своего положения невольно избежал этого. Остальным же приходилось сторониться Кирилла, учась на собственных ошибках издалека распознавать его настрой и действовать в соответствии ситуации. Например, убегать с воплями прочь, как то сделала одна из многочисленных теток, едва завидев своего ненаглядного племяша. Уже несколько лет прошло с того момента, как он видел ее в последний раз. Как и остальную родню.

Утерев уделанный подбородок слюнявчиком, старший брат включил младшему телевизор, подложил под слабую кисть руки висевший на шнурке пульт и, уйдя на кухню, стал усеивать торт свечами, при этом прижимая к уху телефон.

* * *

–Ну, не морщи так свой лоб, Кирюш. – промурлыкала Наташа, легонько хлопнув его по лбу.

–Эй, полегче! – постоянное раздражение медленно вскипало у него внутри, не зная, взбурлить ли кипятком или остыть.

Они лежали на большой скатерти, расстеленной у люка, ведущего вниз, в подъезд. Рядом валялись початые бутылки из-под пива и пара пачек чипсов. Кирилл положил голову на колени своей девушки и смотрел ей в глаза, пока она оглаживала его усеянную шрамами голову, пробегаясь пальцами по миллиметровым иголочкам волос, которым не был дан шанс произрасти в нечто более приличное. Хотя бы в подобие прядей ее плохо покрашенных в цвет растительного масла волос, что приятно щекотали его лицо каждый раз, когда она наклонялась к его лбу, чтобы звонко чмокнуть очередную шишку прямо у темени.

–Ну серьезно, хватит морщиться. Мне не нравится, когда ты так делаешь!

–А что тебе вообще нравится? – безучастным тоном спросил он, скосив глаза на зажигалку в руке, в очередной раз прокатив ее между указательным и средним пальцами. Его любимая зажигалка, старая «зипповка», всегда покоилась у него в кармане, дожидаясь момента, когда совершит бочку в ловких и сильных пальцах, довершив маневр скинутой при встряхе крышкой. Кирилл редко курил, но если и начинал, то выкуривал всю пачку, которая так же все это время покоилась в другом кармане, зачастую слеживаясь и сминаясь неделями, отчего почти все сигареты были поломаны и выкуривались сжатыми в ногтях. Вот и в этот раз, вспомнив о них, Кирилл вытащил пачку и кивком предложил одну Наташе. Они вместе прикурили.

–Эх, музыку бы... – протянул Кирилл.

–У меня есть плеер, можем послушать, если хочешь.

–Валяй.

На самом деле ему не нравилась ее музыка. Ее музыка всегда ограничивалась роком и блюзом, которых он терпеть не мог за слишком громкие вопли в микрофон, отдавая предпочтение репу с его почти жизненными текстами. Чуть агрессивный речитатив, обилие матерных и не очень оборотов, навеваемые словами картинки о богатой, лучшей жизни в окружении молодых чик, восседавших на долларовых кучах, для него всегда были предпочтительнее депрессивных песен о любви, потерях и сводящих с ума мыслей. И все же он взял предложенный наушник, не зная, как отказаться от него, не спровоцировав своими неловкими отговорками очередную ссору, которую девушка всегда была готова раздуть и поддержать – только дай повод и ее будет не остановить! Ему не хотелось в очередной раз проходить через стандартный обмен ругательствами, не хотелось получить в итоге по лицу, зная, что никогда ей не сможет ответить – не так он был воспитан. Не хотелось сидеть потом в одиночестве в раздумьях, стоит ли извиниться прямо сейчас непонятно за что, или же потерпеть еще немного и уж только потом прийти к ней с цветами. Вариант потерпеть всегда выглядел более выигрышным, потому он воткнул капельку в ухо и закрыл глаза. Заиграла мелодия. Опять Тито с его тарантулами, чтоб его! Незаметно шевельнув головой, Кирилл оттянул свое ухо и наушник выпал, тут же скрытый обратным поворотом. Закрыв глаза и сделав вид, что наслаждается музыкой, Кирилл приготовился к короткой дреме. Шли минуты, тишина вокруг него стала навевать скуку. Наташа как ни в чем ни бывало тихо подпевала очередному рокеру, чуть покачивая пальцами рук и ног, а ему было жутко скучно. Хотелось о чем-то поговорить, но о чем, он не имел понятия, так же не имея понятия, нужен ли ему, а уж тем более и ей очередной пустой перечень языками, изначально не имеющий в себе смысла. Вокруг них не было ничего и никого, кто мог бы заявить: "А давайте тусить!" и утащить послушные тела в очередной клуб, где все уже через каких-то

десять минут умудрились бы раскататься, раскрепоститься, внезапно отыскать темы для разговора, кажущиеся очень даже интересными, чтобы запивать каждую дюжину слов очередной стопкой дешевого коньяка и вскоре двинуть на танцпол, прижимаясь промежностью к ее заду. Ему хотелось с ней общения, но никаких вариантов он не видел, потому просто лениво повернулся со спины на живот и медленно приблизил свое лицо к Наташе, хитро глядя на нее и медленно расстегивая пуговицы на ее рубашке в горошек. Улыбнувшись, она принялась за его пряжку ремня.

–Я люблю тебя.

«Началось!»

–Я тебя тоже. – без запинки солгал он, сунув ей в руку салфетку, которой она тут же и подтерлась.

Они все так же в ленивой истоме лежали на крыше "коробки". Смеркалось, но влажный дух тепла все еще витал над Птичьей улицей, вовсе не собираясь развеиваться вечерней прохладой.

–Так что решили твои родители? – спросил он ее, проводя пальцем по приятной мягкости ее оголенной груди.

–Да не знаю. Мне плевать, что они там удумают, я останусь с тобой! – пылко ответила Наташа, лишь крепче прижав к себе его руку.

Его пальцы продолжили скользить по ее ребрам, чуть ущипнули кожу на твердом животе и переползли за талию. Несмотря на ее явную глупость и порой бесячий голосок, он был привязан к ней не только как к способу забыться, укрыться от повседневных забот, но и как к человеку, который просто не доставлял ему проблем. Даже ее дурацкая привычка внезапно менять беспрестанный трюндеж ни о чем на беспричинное молчание таила в себе все то, чего ему не хватало в обычные дни– внимания, ведь он отлично понимал, что она делает, когда с немым укором следит за тем, как он передвигается в пространстве перед ней, сознательно не обращая внимания на явную провокацию. Даже в свете приближающейся ссоры с ней он забывал про суку-мать, утырнутого брата, от которого не мог отказаться, ненавистную работу, на которую шел лишь из крайней нужды. И одиночество.

Даже такой человек, как Кирилл, не избежал бича современной молодежи, как бы сильно не старался зарыться лицом в общение и развлечения всякий раз, как подворачивалась свободная от обязанностей минута. Сознал ли он факт своего одиночества? Нет. В филистерском мировосприятии среднестатистического люмпена подобному понятию не было места в описании непосредственно его жизни– одиночество клеймилось точно так же, как влечение к мужчинам или стремление прожить жизнь исключительно для себя.

–Тут же тебя ничего не ждет, Нат. Впустую годы просрешь.

–Я знаю. – она запнулась и явно о чем-то задумалась.

"Явно о чем-то неприятном."

Кирилл приготовился ретироваться, соврав о том, что нужно на работу, но, глядя на ее серьезное лицо, не проронил и слова. Было бы правильным поинтересоваться, о чем же именно она думает, что прервала разговор, но ему это было не интересно. Он просто ждал, слабо надеясь на то, что услышит хоть что-то более-менее приятное.

–Наверно, я уеду ненадолго. – наконец выдала Наташа, снова посмотрев в его глаза.

–На сколько?

–Этого я сказать не могу. Все было бы проще, если б тут было где учиться.

–Но тут есть. – просто ответил он.

–Да тут все не то! Какие-то технари и прочая чушь! Я бы хотела пойти на дизайнера... или художника! Буду рисовать иллюстрации к детским журнальчикам, там особо таланта не нужно ведь! А ты точно уверен, что не хочешь поехать со мной? – тут же вкрадчивым голосом поинтересовалась она.

Вздыхнув, он посчитал до десяти. Один. Нет, хочу, но не могу! Два. Потому что это ничего не исправит. Три. Стоит мне уехать и все пойдет псу под хвост. Четыре. Потому что мать убьет Рому! Пять. Не собственными руками, но сидя перед ним, пока он умирает от голода! Шесть. Не переставая при этом реветь, будто она и правда его режет! Семь. И я даже не знаю, хорошо ли это. Восемь. Не знаю даже, расстроит ли меня его смерть! Девять. Не хочу об этом думать, понимаешь ты или нет?!

Десять.

–Нет. Я не могу оставить брата на мать. – тихим голосом подтвердил ее опасения Кирилл, представляя, как взрывается прямо на этом самом месте.

–Но... но может... может, поговорить с ней?– в ее голосе слышалась обида,– Она же его мама, она обязана понять, что это ей нужно за ним ухаживать, а тебе уже пора строить свою жизнь, разве нет?

–Моя мать, Наташа, та еще курва. – из бурлящего бассейна выплеснулся первый фонтан кипящих брызг, – Неужели ты не понимаешь, что, если б не она, я давно бы отсюда сбежал?! Мы столько раз с тобой уже это обсуждали, какого ляда ты мне продолжаешь компостировать мозги? Нет значит нет, баста!

–Ну, не злись, пожалуйста! – Наташа тут же прижалась к его груди и заканючила, покрепче обхватив за плечи, стесняя его движения.

Вполне ожидаемая, более того закономерная реакция– когда Кирилл злится, страдают все. Из памяти еще не выветрилась очередная массовая потасовка, устроенная ее любимым в день ее же рождения, когда в ответ на колкость потенциального тестя он швырнул в него стулом, а затем раскидал всех ее младших братьев, чересчур ретиво бросившихся защищать честь отца. Это была настоящая катастрофа– полностью разнесенная квартира, две сорванные женские глотки, и дюжина опухших физиономий без единого зачатка интеллекта. После этого ее родня всячески способствовала разрыву их отношений, стараясь особо не злить Кирилла, ведь было неизвестно, чем бы в итоге все закончилось. Запреты переступались, советы отвергались, попытки отвадить дочь от ее психованного парня предоставлением более выгодной партии так же не увенчались успехом, а вскоре и вовсе прекратились всего после одного его визита. "А коль хотите, чтобы у вас сгорел дом– продолжайте в том же духе." – мрачно пошутил под конец своего не так чтобы продолжительного монолога Кирилл и ушел восвояси, отметив, что они нехотя согласно кивнули.

–Не говори мне не злиться! От этого еще больше злюсь. – он все равно попытается успокоиться, лишь бы только она молчала.

–Прости, я дура, я не хотела тебя разозлить. – она взяла его руку в свои, – Если хочешь, поговорим о другом. Идет?

–Не хочу я ни о чем говорить. Пошли лучше ко мне, тут жарко. – ответил Кирилл, встал и начал собирать бутылки.

–Да брось ты их тут!

–Не пойдет. Подо мной живет псих, который тут ошиваться любит. Устроит с ними такое, что остальные соседи взбесятся и, как всегда, все на меня свалят, а мне подобной херни на хрен не надо, уж поверь. Убери за собой!

–Ладно. – она сложила скатерть и положила ее в сумку.

Дома Рома сидел в коляске и смотрел в окно. Услышав, как щелкнул замок, радостно завыл, тут же пытаясь развернуть одним колесом сидение. Быстро подбежав к нему и закрыв рот ладонью, Кирилл погладил младшего по голове и шепнул: "Не кричи." Брат тут же притих, на радостях продолжая шлепать пальцами по его небритой щеке. Махнув подружке рукой, чтоб проходила на кухню, Кирилл поднял младшего на руки и отнес в ванную, где, проведя все необходимые процедуры по гигиене, надел на него заранее подготовленные чистый комплект подгузников и штаны с его старой футболкой, которая брату очень нравилась– скашивая свой

взгляд на грудь с принтом человеком-пауком, малой неизменно цеплял обрывки поистершегося изображения ногтями. Вновь потрепав брата по голове, Кирилл отнес его в комнату и спросил, чего тот хочет, внимательно выслушивая мычание: со времени, когда стал ухаживать за ним, старший брат сумел разобраться в понимании того, что ему пытался сказать младший, по сути став единственным, кто все понимал. Кирилл сразу понял, что его брат не настолько отстаёт в развитии, как ему думалось прежде, и способен понимать понятные слова, не зная лишь, как отвечать, потому первый год целиком прошел в обучении его сигналам при помощи одной лишь правой руки, вроде того же знака "о'кей", заставив лежать который можно было дать понять о срочном желании посетить туалет. Рома не мог контролировать свое испражнение, далеко не сразу научившись хотя бы просто распознавать первые позывы, и его чистота целиком зависела от быстроты брата, а так же, что вовсе прискорбно, от календаря – если Кирилл находился на работе, никто не мог предотвратить извержение каловых масс прямиком в штаны. Кирилл лишь надеялся, что его брат не настолько сознателен, чтобы познать такое чувство, как стыд, и осознать свою беспомощность, все пятнадцать лет жизни сопровождавшей на протяжении всей бытийной паузы, в которую он попал – вокруг него ничего не происходило. Совсем. Все так же работал телевизор, редко звонил домашний телефон, брат иногда приходил и крутился возле него, а затем уходил снова – засыпать ли с наступлением темноты или на работу вслед за рассветом. Иногда появлялась его девушка, Наташа, а иногда на пороге квартиры слышались слезные упрасивания его матери, которую он все еще помнил и по-прежнему любил, выражая любовь в призывном мычании. Но она так и не подошла к нему больше.

Указательный палец вытянулся и сделал полукруг влево – что значило "хочу есть". Усадив Рому обратно в кресло, Кирилл подвел его к столу и попросил подождать. Перерыв всю кухню и с тихим раздражением отметив, что в очередной раз забыл купить смеси для каши, старший побыстрому сварил заныканную матерью в духовке овсянку с давно истекшим сроком годности, мысленно прося прощения, шмякнул получившуюся жижу в тарелку. Не успел он вернуться в комнату, как его остановила рука Наташи.

– Ты еще долго? – шепотом спросила она.

– Ты не видишь, что я его кормить собрался? – со злобой в голосе ответил он ей, – Терпение, твою мать!

Не обращая внимания на реакцию оскорбленной в лучших чувствах девицы, он прошел в комнату и положил тарелку на стол. Вложив в слабую руку Ромы ложку, попытался заставить его поесть самостоятельно, раз от разу надеясь, что уж теперь-то ложка благополучно допуществует в рот. Как и тысячу раз до этого попытка оказалась тщетной, что стало своеобразным ритуалом, этакой традицией в худших ее проявлениях. Тренировки пальцев не помогали – было слишком поздно пытаться что-то сделать после того, как они безвольно висели несколько лет кряду, с надеждой на скорейшее улучшение. Процесс грозил затянуться еще на несколько лет вперед, если только внезапно не сойдет с небес святой и не благословит несчастного Романа, одним касанием вылечив обширные недуги. Но никакого святого за окном не наблюдалось, и Кирилл сам начал кормить младшего с ложки, медленно помешивая кашу в ожидании, пока он посмакует и проглотит очередную порцию. В этот раз с едой было покончено в два счета – едва последняя ложка была съедена, Рома вновь замычал, шевеля пальцами в попытках зацепиться за шнурок.

– Что, мультиков хочешь? – от долгого молчания Кирилл малость охрип.

– Уогу! – последовал утвердительный ответ и брат мотнул головой назад. Таким образом он кивал – не так, как нормальные люди.

– Ладно. Как на счет "Кошмара перед Рождеством"? – на самом деле никакого значения это не имело, но Кирилл предпочитал создавать видимость возможности выбрать.

Вставив диск в дисковод проигрывателя, он нажал "Пуск" и отправился на кухню. Наташа уже изнывала от скуки, выкуривая третью подряд сигарету и невольно морщась от накотившей на нее дурноты, все равно радостно улыбаясь, едва он объявился.

–Ну, теперь можем и чаю попить. – со вздохом сообщила она и, выбросив окурочек в форточку, принялась за приготовления, кружась по помещению как у себя дома.

Поставив чайник на плиту, Наташа тут же полезла за чайными пакетиками и ее коротенькое платьице оголило весьма аппетитную попку. Протянув руку, Кирилл ущипнул ее, заставив ойкнуть. Из рук тут же выпала сахарница, которую она в этот момент решила переставить на полку повыше. С грохотом достоинством в размер шкафа посуда приземлилась на пол и весь сахарный песок зашуршал, рассыпаясь по полу.

–Ах ты, черт! – ругнулись оба в унисон и засмеялись.

Уборка не заняла и пяти минут и вот они уже сидели друг напротив друга и пили крепкий цейлонский чай, то и дело пихая друг друга пальцами ног под столом. Молчание вновь затягивалось и вновь Кирилл хотел о чем-то поговорить, но чувствовал, как все мысли выдуваются из него с каждым выдохом, так и не обретя вербальную форму. Ему хотелось сказать, что она красивая, пусть это была б не совсем правда. Хотелось рассказать какую-то смешную историю из своей жизни, но вместо веселого воспоминания о каком-то забавном моменте детства не возникало даже лица отца, чья усмешка была похожа на издевку, нет– тишина продолжала царить в его мыслях.

–О чем ты думаешь? – последовал скользкий вопрос.

–Ни о чем. В голове абсолютная пустота. – она все равно не поверит, а ему лень выдумывать очередную банальность.

–Что-то не так?

–Нет, все как обычно– нормально. – солгал он.

Нет. Все не нормально, однако исправить это никак нельзя– такова уж сама жизнь и ее приходится терпеть. Он не сказал этого вслух, а Наташа сразу поверила в его ложь, немедленно перейдя к спасительному рассказу о своей очередной подруге, в очередной раз попавшейся по причине отсутствия способности в конспирации на измене и тут же вылетевшей из очередной квартиры своего очередного мужика. Особым умом Наталья не отличалась, зато среди других молодых женщин ее выделяла способность сохранить преданность: в то время, как все ее подружки дружно кричали, что их тела– их дела и ни у кого нет права решать, как им жить, сразу же перейдя от громких заявлений к скачкам по парням, меняя их как перчатки, сама же Наташа не позволяла себе опуститься до такого. Однажды встретив Кирилла, Наташа сразу же нутром почувствовала, что он ее мужчина мечты. Сильный, высокопримативный, с широкой спиной, чуть смуглой кожей, усеянной вечными боевыми отметинами, и тяжелым взглядом, довершенный грубым басовитым голосом. Своей внешней пуленепробиваемостью он представлялся ей не иначе как узко-определимым идеалом. Сладкие мальчики, внимательно следящие за своей внешностью и манерами, ее не прельщали. Самодовольные мужчины, считавшие выше своего достоинства знакомиться с ней, вызывали лишь тихое негодование. Но вот в Кирилле была та природная грубость, от которой с ума почти все женщины. Он был не тем, кого любят, но тем, с кем грешат по полной программе, хотя Наташа все же именно любила его в том понимании, в каком вообще может любить женщина, путающая возбуждение с влюбленностью. В общем, сама природа благоволила их связи, она же их и соединила в тот же день.

Позже они смотрели какой-то сопливый фильм-мелодраму. Вернее, смотрела Наташа, а он бездумно глядел в потолок, не интересуясь ни фигурками на экране, ни формами под ее платьем, ни братом, которого они устроили в спальне перед планшетом, чтобы не мешал. Время пролетело быстро, фильм кончился и тут же она, устроившись поудобнее под пледом, мягко прижалась к нему, прося обнять.

Спустя десять минут бестолкового лежания в неудобной позе Наташа внезапно решила поговорить:

–Ты не кажешься себе порой странным?

–Не-а.

–Я имею в виду, что все разговоры на серьезную тему ты стараешься игнорировать, словно они тебя не интересуют. А любой разговор о брате ты просто саботируешь, будто!..

–Давай не будем о нем! – резко ответил он, тут же покосившись на дверь в спальню.

–Вот, о чем я говорю– ты становишься просто жутким, едва речь заходит о твоём брате.

–А может, я просто изображаю себя жутким, чтоб ты глупых вопросов не задавала? Может, на самом деле внутри я плаксивый маленький засранчик, которому только титьку пососать вовремя давай? – мрачно отшутился он.

–Может, почему нет?

–Только вот значения это никакого не имеет.

Последовала долгая пауза, но ей не суждено было растянуться.

–А знаешь, я ведь смотрю на наши отношения с двух точек зрения!

–И с каких же?

–Ну... с одной точки зрения тебе наплевать на меня как на человека и личность. Типа ты со мной лишь потому, что тебе так удобно, а меня ты ни во что не ставишь. А вторая– ты считаешь меня хорошей, счастлив вместе со мной. Вот только боишься этого показать!

–Разве я должен с тобой сейчас общаться, если мне на тебя наплевать, нет? Или я просто вежливый?

–Вежливый? Смешно шутканул!– она улыбнулась, – Скорее ты со мной, потому что тебе скучно. Или одиноко.

–Нет. Точно нет. – кисло ответил Кирилл, – Мне не нравятся подобные разговоры, так что завязывай и спи– мне завтра рано на работу вставать.

Он сразу же пожалел о том, что оттолкнул ее тогда, когда она могла дать ему желанное, но его мужикская гордость выграла сильнее.

* * *

Ночью в дверь постучали. Прерванный сон был прекрасен, а потому Кирилл твердо решил показать кузькину мать тому, кто прервал его воспоминания о том, как... Забылось! Откинув с себя колючую ножку спящей рядом Наташи, он прошел в проходную и прильнул к глазку, тут же стиснув зубы в беззвучном рыке, едва увидел свою мать, вернувшейся с очередной попойки в компании таких же деградировавших уродов, как она сама. Зашипев сквозь дверь: "Уходи!", он вернулся в комнату и через щель во второй двери проверил, не проснулся ли Рома. Тот спал сном младенца. В дверь снова постучали с удвоенной силой. Брат замычал и заворочался, негромко забормотала Наташа, выплывая из сна, все еще вполнину в него погруженная. Этого Кирилл уже стерпеть не мог, потому выбежал из квартиры и отвесил женщине сильную пощечину. Жалкая пьянчуга кубарем покатила по ступенькам и распласталась на пролете между этажами. Жалобный стон ничуть не тронул сердце ее сына– вместо того, чтоб поинтересоваться у нее, цела ли она, он закрыл дверь. Подумав с полминуты, все же решил позвонить более удачной подруге по бутылки, у которой та часто ночевала. По-быстрому описав ситуацию, он заявил, что не впустит мать в таком состоянии домой. В ответ послышались упреки в "бесчувственности", но на этом все и закончилось. Подруга жила на другом конце города, потому попросила посидеть рядом с мамой, пока она не придет и не заберет ее.

–Ладно, как скажете. Посижу с ней. – буркнул он недовольно и бросил трубку. Все, ночь накрылась медным тазом и на работе вместо чая придется пить кофе.

Вновь выйдя в коридор, он запер за собой дверь и спустился к той, из-за которой, как сам считал, вся его жизнь пошла по пизде. Стареющая, рано поседевшая женщина так и не встала с места, куда упала, так и оставшись лежать с задранной юбкой. Презрительно скри-

вившись, Кирилл носком тапка прикрыл срам и уселся на третью ступеньку подле нее, оценивающе наблюдая затем, как ее мутные глаза-пуговицы снуют от его лица вверх, к двери, и обратно. Нижняя губа дрожала, обнажая ряд кривых зубов с парочкой недостающих. Она, что, улыбается?!

– Вот скажи мне, на кой хер ты опять приперлась? – да, она точно улыбается.

– Как ты с матерью говоришь, Кирюша... – икнув, ответила мать, – Дай денег.

– Денег нет. – он снова лгал ей, не собираясь давать и копейки.

Она захихикала.

– Врать, мальчик мой, ты так и не научился, как погляжу. Точно, как твой папаша.

"Как твой папаша!" – эхом отдалось у него в голове и кулаки тут же сжались.

– Еще раз посмеешь сказать нечто подобное и я прокачу тебя по всем лестницам в этом доме. – и она вновь засмеялась, – Смешно тебе, тварь, да? Хочешь пересчитать все зубы?

– Господи, какой же ты, в самом деле, у меня хмурной, Кирюша, а я и забыла... пока...

– Пока бухала и еблась со всякими пидорасами, да? Это ты хочешь сказать?

– Не-е-ет, что ты, я бы никогда... я не какая-то шлюха!

– Лжешь, сука, все вы такие! – не выдержав, он приблизился к ней вплотную, – Не смей мне врать! Это я вытащил твое бухое тело пять лет назад из-под очередного жирного борова, я и никто другой! По всем сральникам тебя искал, потому что Рома хотел тебя видеть, но тебе до пизды все, что его касается, потому что ты... старая лживая мразь! – слово за словом, плевков за плевком прямо в ее лицемерную упитую рожу, – Почему бы тебе не сдохнуть наконец-то и не перестать доколебывать мне, мать, м?

Даже стекающая по лицу слюна не смогла сделать эту женщину еще более мерзкой, чем она уже была – настолько она была ему отвратительна. И еще улыбается!

– Ты ничего не знаешь о том, что мне пришлось пережить. – подцепив пальцами рукав, вытерла лицо, – И я ничего не обязана тебе говорить. Мне не за что оправдываться ни перед тобой, ни перед Ромой. Как он там, кстати?

– Ему куда лучше без тебя, чем с тобой.

– Неправда. Я его мама и ему всегда было со мной хорошо – с этим даже ты не в состоянии спорить. Я – мать, не ты! Я его выносила, родила от твоего скота-отца! Это я его выхаживала многие годы, пока ты шлялся со своими обрыганскими друзьями, трахая всяких спидозных шлюх, не задумываясь о последствиях! Чудо, что я до сих пор не стала бабушкой, хотя, возможно, одна из твоих лярв все-таки от тебя залетела и родила, просто не помнит твоей побитой рожи, потому что за этот день успела дать еще десяти другим таким же уродам, как ты! Пока ты отлынивал от учебы и развлекался, кто выхаживал мальчика? Я, не ты! Пока ты позорил нашу семью, портя жизнь всем остальным, кто подтирал Ромочке зад, кто ему готовил, кто убирал за ним весь его срач? Ты, может? Может, кто-то из моих сестер? А, может, очередная твоя шлюшка?! Нет! Это всегда была я!

– Ты не сделала ничего, чтобы ему помочь. – усмехнувшись, Кирилл качнул головой, – Все, что ты делала, это молилась своему богу, которого даже нет. Тупо молилась, как тупая скотина, чтобы он дал тебе то, что ты сама должна была сделать! Ты всего лишь простаивала перед своими погаными иконками, надеясь на чудо, пока твой сын – да, твой сын! – скулил от боли, находясь всего в двух метрах от тебя! Ты никого не слушала, отказывалась принимать помощь врачей, ведь зачем же вся эта хуйня, если у тебя, блять, есть твой, сука, бог?! – услышав грохот мебели в квартире под своей, он ненадолго отвлекся, прислушиваясь. Повисшая тишина нарушилась очередным маминым хохотком.

– Опять, что ли, его колотит?

– Не твое собачье дело – ты на свою семью смотри, на себя саму! – отрезал Кирилл, вновь повернувшись к ней, – Тебе русским языком было сказано, что и как нужно было сделать,

чтобы помочь Роме хотя бы на ноги встать, но ты и этого не сделала! Ни терапий, ни осмотров, даже проконсультироваться не додумалась, а все почему?

–Давай, просвети меня!

–Потому что ты и не собиралась его спасать. Тебя устраивало то, что на него поступают выплаты и можно не работать, изображая из себя хер пойми кого, и сидеть дома, вставая у кровати каждый раз, как только кто-то входил в квартиру! Тебе не нужно было, чтобы Роме стало лучше, ни хрена подобного. Зуб даю, тебе даже нравилась твоя трагическая роль мамашки-одиночки, которую все бросили!

–Нет.

–Что нет?

–Нет, мне это не нравилось, и ты это знаешь, потому что сам испытываешь то же самое.– она улыбнулась еще шире,– Мы оба с тобой ненавидим его за то, что он вошел в нашу жизнь и сразу же ее разрушил, и тебе нет смысла даже отрицать это– все твое отношение было видно, пока я с ним сидела! Ты никогда не любил меня, а только делал мою жизнь еще хуже, но это понятно, почему– из-за Ромы! Если бы не Рома, я бы не отвела от тебя глаз и не позволила стать таким, какой ты сейчас!

–И какой же я?

–Унылый, жалкий мудака, который, как и я, не нашел в себе силы признать очевидное сразу! А я признала, но так и не нашла в себе силы сделать все, что требовалось! Я оставалась рядом с ним столько, сколько могла, но мне была невыносима мысль, что моя жизнь разрушена! То, что из меня вышло, не было человеком– это было наказание от бога за то, что я не совершала! – воздев глаза к потолку, она заголосила, – Потому что бог хоть и всемогущ, но за всем сразу уследить не может– столько нас тут, уродов, расплодилось, в самом-то деле! Я не должна была страдать, потому что всегда следовала его заветам, но он наказал меня... наказал Ромой... и тобой.– и настоящая ненависть вспыхнула в ее глазах,– Сначала я думала, что это Рома не заслуживает такой жизни, но ты... Я тебя родила, собственной грудью вскормила, мыла, одевала, играла с тобой, все свое внимание– и одному тебе!.. А стоило родиться Роме, как все пошло кувырком– папаша умер, младший сын– физический урод, а старший– моральный. Едва я обратила свое внимание на того, кто в нем нуждался, как ты тут же распустил нюни и был таков! Ни единого хорошего словечка от тебя я не слышала, никак ты мне не помогал, а еще защитник, что называется! Когда ты был мне нужен, тебя никогда не было рядом, потому что, как только становилось трудно и появлялись пусть даже малейшие проблемы... Кирюша у нас берет и проваливается сквозь землю– хоть кишки рублями нашпигуй и металлоискателем вооружайся! Ни слуху, ни духу! Знаешь, как сильно я волновалась, ночами не спала, когда ты не приходил, думала, что тебя похитили, избили, изнасиловали и убили, каждый раз надеясь, что ты все-таки вернешься домой– целый и невредимый... да пусть даже и избитый– лишь бы живой! А ты не приходил, никогда не приходил, когда я ждала, никак не давал о себе знать, ночуя у своих "друзей" или в подворотне какой, как самый настоящий бомж! Ты не был мне тем сыном, которого я хотела, ты не был моей поддержкой!– ее рот содрогнулся и она разрыдалась,– Надо было... убить вас обоих... просто утопить, ей-богу, просто окунуть лицом в воду и держать, пока не прекратите сопротивляться! Видит бог, я была бы вынуждена сделать это! Он бы простил мне это, я знаю, что обязательно простил!

Утирая рукавами свисающие с носа сопли, женщина продолжала изливаться слезами, уже не столь смело глядя на своего сына, так и не нашедшегося с ответом. Кирилл даже и не подозревал, что она думала о подобном, потому что сам несмотря ни на что не допускал и близко подобных мыслей. Он вспоминал, как ему самому было трудно с братом по всем пунктам, особенно в общении, но он никогда не допускал мысли о том, чтобы убить его, даже не рассматривая сей акт как избавление от страданий. Одно время, предавшись кратким мечтаньям, Кирилл вознамерился найти какую-нибудь компанию, которая могла бы сделать что-

то в рамках физиологии с его братом– экзоскелет какой-нибудь спроектировать или еще чего покруче, но рекламные баннеры на сайтах, предоставляющих не те услуги, что были нужны, а затем и постоянно присутствующая в карманах и зарплатном конверте реальность быстро убедили в невозможности исполнения его большого желания. Роману так и суждено было остаться в коляске, прибегая к помощи всего одной руки, а ему самому как старшему брату предстояло просто быть тем, благодаря которому жизнь братца не превратилась в сплошной кошмар. Однако мысль, что мальчик уже в нем, не возникала в мыслях Кирилла. Должно быть, требовалось слишком много времени на формирование подобной чересчур большой для среднего обывателя мысли и сейчас просто был не тот срок. Но до чего бы он точно не дошел, так это до его убийства. Кого угодно, но только не Рому!

–Молчишь, скотина такая? – покачив головой, продолжила мать, – То-то же! Сам все прекрасно понимаешь, что это все такое! Не тебе осуждать меня, не тебе меня учить, как жить. Бог не помог Роме, значит, я тоже не могла. Следовало сделать все правильно, но я... оказалась слишком слабой. Бог не дал мне сил сделать это, значит, не мне предстояло совершить это. Для него я– уже все, отбывший свое материал, не оправдавший ожиданий. За что мне было еще цепляться, за тебя что ли? Ну уж нет. Я слишком долго жила ради кого-то, полностью игнорируя себя, не понимая, что с самого начала была любить себя и только себя, делать все для себя любимой и не позволять никому это изменить! Да, я стала алкашкой, да, я трахаюсь с мужиками и что? Небеса разверглись? Нет. Может, кто-то умер? Опять нет? Может, я хотя бы почувствовала себя поганой скотиной и измучилась угрызениями совести? Снова нет, представь себе! Вот и скажи мне, сыночек мой ненаглядный, а на кой, собственно, черт мне нужно страдать, если по итогу я ничего-то и не получу? Вот именно!

Кирилл чувствовал, как тошнота тихим сапом приливает к его горлу, и закачал головой, стараясь дышать глубже. Страшная усталость навалилась на его плечи, упираясь в спину, заставляя хотеть наконец разогнуться и просто лечь, пусть даже и на этих ледяных ступенях–какая, в самом деле, разница? Кто его увидит, осудит? Здесь только пьяная мать, в очередной раз пришедшая вымогать деньги! Позвонки захрустели, соприкасаясь с уголками ступеней.

–Ты и сам знаешь, что я права, сынок. Он не позволяет тебе жить, вечно удерживает на месте в этом несчастном городишке. Ты даже пойти бить морды теперь спокойно не можешь, потому что знаешь– случись что с тобой и он обречен. Но он всегда обречен, пойми ты это! Упираясь в своем нежелании признать очевидное, ты лишь навредишь себе! Не смотри на меня, что я старая и пьющая– я уже была старая, когда он родился, и постарела за шесть лет на целых двадцать шесть! Так худо мне еще никогда не было и не будет и... я рада, что бросила его. Жить в свинарнике с каким-то храпящим хреном под боком доставляет мне куда больше удовольствия, потому что это мой свинарник, мною учиненный, мною же и будет убран! Что хочу, то и делаю... и никто мне не указ! Знаешь, мне даже кажется, что я гораздо счастливее, чем когда у меня был только ты и твой отец. Даже так! Оказалось, что мне от жизни многого и не надо– всего-то подходящий член, побольше пива или водки, да денег. Дай денег.

–Не дам.

–Ох, не дашь? Стало быть, они у тебя все-таки имеются, правда?

–Ты их не получишь. Я на них кормлю своего брата.

–И моего...

–Он не твой сын, а ты ему никто. Мне глубоко срать на все, что ты мне сейчас наговорила, потому что я знаю, какая ты. Тебе лучше уйти отсюда.

–Денег, значит, не дашь?

–У своей собутыльницы проси– она скоро приедет.

–Да неужели? Сдается мне, наколола она тебя, как простака. – мать снова засмеялась, хлопнув себя по макушке, – Ты всегда был доверчивым дурачком. Помню, папа тебе как-то сказал, что купит машинку, а ты весь загорелся, радостный такой... Так вот, наступает следу-

ющий день, у него в руках коробка, а ты визжишь сразу же, как видишь его!– новый приступ смеха продрал ее легкие,– Но не это было смешно, а то, с каким видом ты снял крышку и увидел всего лишь фиг!– расплзаясь по полу, женщина и не думала прекращать смеяться, шлепая уже по полу,– Такое непонятливое, удивленное личико, а эти глазищи!.. Ух, такие яркие, под смешно задранными бровками– и тут же заливаются слезами. Весь момент испортил!

–Если ты сейчас же не заткнешься, я выбью тебе зубы.

–Валяй, тряпка. Я все равно сказала все, что хотела, а денег ты мне так и не дал, скопидом!

Не успел Кирилл встать, как снизу раздалось металлическое эхо от хлопнувшей двери. Всего через минуту запыхавшаяся тетка уселась на ступени пониже его матери и, отдышавшись, крикнула:

–Чего расселась, овца? Вставай– в бар едем!

Они обе ушли, но Кирилл так и остался сидеть на ступенях до самого утра, обдумывая все, что услышал. Ему хотелось ужаснуться материнским словам, но они не вызвали внутреннего отторжения, раз за разом прокручиваясь в голове точно кассеты, перематываемые назад по одинаковому отрезку, с сопутствующими щелчками.

"Мы с тобой его оба ненавидим..."– щелчок, гудение, щелчок, – "Мы с тобой его оба ненавидим..."– щелчок, гу...

"Неправда! Я вовсе не ненавижу его. Мне тяжело, это правда, но я не ненавижу его! Он– мой брат, единственный по крови, а братьев ни за что не бросают!"

Но он и сам не был уже так сильно уверен, как, к примеру, прошлым днем.

Скорее услышав, чем увидев в оконном отражении, как отворяется соседская дверь снизу, Кирилл тихо, но быстро поднялся к своей. Запершись внутри, из любопытства приник к дверному глазку, видя, как не особо-то и знакомое лицо поднимается наверх. Еще один любитель посидеть на крыше, ничего особенного.

* * *

–Я ему это так не спущу! – запоздалая злость внезапно хлынула из Кирилла, будто с прорванной плотины, и руки, вырвавшись из крепкой хватки Натальи, тут же обрушились на мебель. Стул разлетелся о дверной косяк и затем сразу же с грохотом разбивающихся стаканов перевернулся стол. Вступив ногой в осколок, Наташа крикнула от боли и только этот еле слышимый писк, пробивший насквозь вой, остудил его пыл. Немедленно же хлопнув Рому, громко ревавшего от страха, по губам и вытерев лицо от слез, смешанных со слюнями, Кирилл развернул его к Наташе, тут же растянувшей губы в притворной улыбке.

–Гляди, Ната! Смотри, Ната пришла к тебе в гости, а я просто дурачусь, видишь? Никто не пострадал, а я всего лишь уронил стол и стаканы, так что прекрати плакать и помаши ей ручкой... Вот так, да! Привет, Ната, привет! – ни капли злобы больше не было в этих глазах и лицо наконец разгладилось, перестав хмуриться.

–Н-на... на! – улыбнувшись, Роман помахал ей одними пальцами, тем не менее радостно улыбаясь, немного жутко пуча глаза. В уголках его щербатого рта снова собирались пузырьки слюны и пришлось их опять вытирать. Потряхивая рукой, младший брат вытянул указательный и средний пальцы, указывая на девушку.

Поймав ее взгляд, Кирилл пояснил, что так брат показывает свое желание прикоснуться к ней, и предложил их просто пожать– он будет и этому очень рад. Заметив, как поблекла, но не исчезла полностью улыбка с ее лица, взглядом указал сделать то, что нужно. Иначе брат расстроится и начнет плакать снова. И ее тонкие пальцы схватились за худую ручку подростка, потрясли и тут же отпустили. Уходя на кухню, она вжала голову в плечи, с отвращением слушая чуть басовитое: "Уы-ы-ы."

–Ну вот, Ната поздоровалась, пошла на кухню– делать что-то полезное. А мы сейчас сделаем полезное сами, правда? – снова склонившись к брату, Кирилл попытался улыбнуться и сам, но не мог, даже когда его рука привычно пошлепала по щеке, – Я смотрю, твой фильм уже закончился, да? Прости, надо было поставить что-то более длинное. Спать хочешь? – мычание в ответ и вновь движения пальцами, – Хорошо, сейчас я тебя покормлю. Курочку будешь?

Пока курица с обычной гречей разогревалась в микроволновке, Кирилл вновь отмыл брата от испражнений и переделал в чистую пижаму, которую купил на днях у рыночного торговца. Затем, то и дело отвлекая младшего от созерцания вертолетиков на синеве новой одежки, неспеша покормил и вытер подбородок от налипших кусочков. Принеся закрытый стакан с полуметровой трубочкой, поставил его в угол сидения, чтобы неловкое движение брата не смогло опрокинуть его.

–Смотри, Ром! – щелчком привлекая внимание к себе, шепнул Кирилл, – Захочешь водички– просто подцепляешь пальцем во-от так... и спокойно пьешь. Ну, попробуй! – и Роман тут же исполнил просьбу, сделав первый глоток, – Умница! Вода у тебя есть, теперь держи пульт. Сейчас поставлю тебе "Мулан" и отойду, лады? – согласное мычание.

Вновь погладив уставившегося в телевизор младшего по голове, Кирилл вернулся на кухню, где его дожидался уже его ужин. Глядя в скучающие глаза Наташи, качнул головой и зло буркнул:

–Я его достану.

–Забудь о нем. Он всего лишь пьяный школьник. – заявила она, усадив его за стол и встала у раковины, – Он того не стоит, правда! Я же говорю– замухрышка, каких поискать! Такой от одного удара ляжет и после уже не встанет, я точно знаю. Не забывай– тебе ж потом отвечать, не ему! Прошу, милый, не надо трогать его– не хочу видеть твое лицо за решеткой! Мы оба знаем, что ты остаешься на свободе только до тех пор, пока снова не проколешься, потому что они только этого и ждут. Не оступись и дай им повода себя забрать! Не позволяй этому случиться, любимый, я очень тебя прошу! Ты же не хочешь оставить меня одну, ведь так? Вот и не поддавайся на провокации всяких лошков. Ведь ты и я знаем, чего такие стоят, правда?

Он знал. Но перед глазами стояли все те же черные глаза, не мигающие и странно давящие. Впервые за всю короткую историю зрительных контактов от его собственных глаз не отвернулись, но напротив– заставили отвести взгляд его самого. Никто еще не выдерживал взгляда Кирилла больше пяти секунд, но этот любитель линз был не из их числа. Чертов сукин сын никак не вылезал из головы, терзая самолюбие Кирилла, не оставляя в покое. Ему во что бы то ни стало захотелось спуститься этажом ниже, выбить дверь в квартиру и свернуть ему шею. Зная, что этот попутавший берега щенок сейчас спокойно сидит у себя в квартире и в ус не дует, Кирилл напрягался еще сильнее, в произвольном спазме быстро сжимая и разжимая пальцы, представляя в них лицо патлатого недомерка, но, как ни пытался превратить самодовольное выражение в гримасу страха, оно неизменно сохраняло спокойствие. Кирилл замотал головой, отгоняя наваждение.

–Я спокоен, Нат, не переживай. – но про себя решил, что достанет паршивца и заставит пожалеть.

На следующее утро Роман был необычайно тих. Спросив его, в чем дело, Кирилл по знакам понял– брат опять хотел на улицу.

–Ты же понимаешь, что я не могу тебя туда выпустить.– на самом деле ему не хотелось попадаться на глаза хоть кому-то, зная, что любой косой взгляд, даже полный жалости, действует как прямая провокация.– Может, я лучше быстро сбегаю, куплю тебе какой-нибудь новый мультик?– протестующее ворчание.– Не хочешь?

Брат битый час не прекращал стонать, упрашивая его сказать "да", начал капризничать, отказываясь завтракать, упорно нажимая на кнопку выключения старого проигрывателя кас-

сет, не давая пройти даже начальным заставкам, обиженно пыхтя каждый раз, когда Кирилл отбирал пульт и, не смочь выдержать обвиняющего взгляда, возвращал на место. В конце концов старший брат сдался, зарубив себе на носу, что всю прогулку не будет смотреть по сторонам – только в затылок малого да себе под ноги.

С Романом на одном плече и коляской в другой руке он спустился во двор и посадил его тщедушное тельце на подстеленное на сидении полотенце с подложенным под него пакетиком на случай, если он описается, после для надежности закрепив все обычными старыми ремнями отца, которые спрятал от матери еще после его смерти. Все во дворе тут же прекратили свои дела: дети перестали играть и толпой сгрудились у ограждения, обратив все свое неумное внимание на братьев, а бабки, занятые громкими сплетнями, тут же перешли на шепот, зная буйный нрав старшего. На секунду забыв о данном себе же уговоре и поймав слишком пристальный взгляд одной из старух, Кирилл рявкнул:

– Чего уставилась, старая сволочь? – и она спешно потупила взгляд, тут же засеменяла прочь от старых подруг, боясь отхватить свое.

Колеса коляски мерно отстукивали по столетним трещинам на асфальте, то и дело запинаясь некстати выворачивающимися передними колесиками. Достигнув выезда, миновав помойку, у которой все так же толпились дворовые птицы, Кирилл остановился, решив позволить Роме полюбоваться на птиц. В этот раз к привычным голубям примешались еще и разные виды чаек – от мелких озерных с черными головками до крупных хохотуний, подобным галеонам среди бесчисленных бригов, лавирующих по твердой земной глади в поисках "ромовых бочек" – разбросанных известно кем орешек, – и "шлюпок без экипажа" – хлебных корочек без мякоти. "Ничего такая аллегория!" – сам себе хмыкнув, отметил Кирилл и, подобрав одну из них, вручил брату. Тут же с одного из карнизов сверху прилетел старый голубь, очень сильно смахивающий на сельского алкаша – такой же худой, во всех местах подранный, с почти что голой шеей и болезненно-розовой плотью. Пока остальные птицы заметно сторонились незваных гостей, он как птица, которой уже нечего было терять, приблизился к коляске и завертелся возле нее, делая вид, что ищет пищу. Негромко засмеявшись, Рома бросил ему корочку и голубь тут же ее склевал.

В город Кириллу ох как не хотелось – одно дело шпынять своих соседей, которые уже привыкли к нему, но совсем другое пытаться сохранять спокойствие в окружении малознакомых, а то и вовсе незнакомых лиц. В прошлый раз он едва не погнался за мальчиком, осмелившимся бросить камушек в брата, пока сам Кирилл отвлекся, расплачиваясь с кассиром ларька. Тогда он кинул этот самый камушек вслед убегающему голодранцу и попал точно в затылок, отчего малявка упал и пропахал асфальт коленями, тут же разревевшись на всю улицу. Разбираться с дето-защитницами и всеми остальными было не с руки, потому Кирилл спешно сунул брату бутылочку воды и как мог быстро выкатил коляску с улицы, лишь бы больше не наталкиваться на людей – случись потасовка, он не смог бы сосредоточиться на драке, боясь упустить малого из виду. Глядя на дорогу, ведущей к магазину, он уже заметил сомнительные лица. Двое – лучше, чем трое, а он не из пугливых. Расправив плечи, Кирилл сильно толкнул коляску и двинулся широким шагом, не забыв уставиться брату в затылок и все же, проходя мимо идущих навстречу ребят, не удержался от того, чтобы смерить каждого своим фирменным взглядом. Как ни в чем не бывало они прошли мимо, не обратив на братьев и толики ожидаемого внимания.

Со свойственным ему восторгом младший наблюдал за непроницаемым небом, то и дело провожая взглядом пролетавшего мимо воробушка. Кирилл невольно улыбнулся, слушая, как он хихикает – так этот непосредственный смех, однако, смахивал на злодейский. Купив ему мороженное, Кирилл вывел коляску на тротуар и развернул к себе. Присев на корточки, поднес фруктовый лед к самим губам, терпеливо наблюдая, как младший старательно откусывает по кусочку и рассасывает во рту. Его мороженное уже начало подтаивать и капать на штаны, тут

же впитывающие фруктовую влагу, расплзаясь большими пятнами. Перехватив фруктовый лед поудобнее, зубами откинул верх сигаретной упаковки. Теперь они оба не сидели без дела. Решив пошутить, Кирилл мазнул мороженым прямо по Роминому носу, как и ожидал, получив в ответ очередной смешок. Елозя языком по губам, стараясь достать до кончика, Рома не переставал смотреть на него с улыбкой. Усмехнувшись бесплотным попыткам, Кирилл не стал дожидаться, пока брат испачкает лицо полностью, и вытер ему лицо салфеткой, снова поднеся мороженое ко рту.

Озеро в качестве одного из немногочисленных вариантов выглядело куда предпочтительнее того же города и братья отправились по внешнему двору к гаражным рядам, расплзшимся на сотни метров в округе, за которыми скрывались немногочисленные пристани и само озеро. Для человека непосвященного, если и вовсе впервые забредшего в этот район, это был целый лабиринт из кирпичных построек с просмоленными крышами, торчащими печными трубами и бесконечными лентами стальных ворот. Изредка между рядами притуливались "железки" или, как их еще называли, "ящики" с погнутыми стальными листами с приделанными ручками и замками, стоящие впритык к деревянным сарайчикам с утварью для уборки проезжей территории от стекла и мелких камней. Чуть дальше, по крайнему левому ряду гаражей, располагался заболоченный пруд – обиталище любителей шашлыка и романтических посиделок. С этой стороны озеро можно было достичь через лесополосу, если не хотелось возвращаться в лабиринт. Кирилл частенько зависал с разными девушками, заманивая их за деревья с одной лишь целью. Вспоминая непристойности, которые с ними вытворял, он не заметил, как ошибся с поворотом и обнаружил это только когда оказался перед сваленными вокруг горящего костра бревнами. Увидев компанию алкашей, узнал среди них двух братьев-близнецов с противоположного корпуса. Те еще кадры, с ними шутки плохи. Спешно развернув коляску, собирался было уйти, как его позвали:

–Э! Слышь! Иди сюда! – он не обращал внимания на зов и упрямо толкал коляску по гравии, – Да ди-те сюда, чего вы! Мы вас не обидим, пивасом угостим. Хошь? – сзади уже прошлепали ноги в сланцах, затем крепкая рука хлопнула Кирилла по спине и немного мерзкое лицо дыкнуло на него перегаром, – Давай, пацан, посиди с нами!

–Мне брата надо домой отвести.

–Да ла-на, не ссы, все с ним нормик будет. Ты его вот здесь поставь и скажи, чтоб не двигался, а сам к нам иди! А чтоб он тут не скучал, пива дадим!

–Ему нельзя пива. – в голосе близнеца вроде не слышалось угрозы и Кирилл спокойно посмотрел прямо ему в глаза, – Он еще ребенок.

–Ребенок, знач? Слышал, Тяпчик?– обращаясь к своему брату,– У нас ж водицы-то нема совсем, реально?

–Ваще нема, братан. – покачал с ухмылкой тот и сделал то, за что его так и прозвали – тяпнул за грудь рядом сидевшую женщину.

–Ну, знач, или пива подгоним или придется твоему братцу потерпеть, сечешь? – не обращая внимания на довольные визги подружки, продолжил близнец, – Ну, мы все понимаем – твой брат, все дела, родная кровь и так далее. Настаивать не будем – нельзя пива, так нельзя, тут уж ничего не попишешь. Проходи, садись.

Развернув Рому в сторону лесополосы и наказав смотреть на птичек, Кирилл перешагнул через бревно и присел напротив двух из ларца, одинаковых с лица, тут же приняв еще непочатую бутылку пива и глотнул, тогда же и кивнув, показывая, что ему нравится. Тот, что Тяпчик, наконец оттолкнул от себя женщину и пересел к нему поближе, протягивая уже сигарету.

–Спасибо.

–Да не, не, без балды, кури! – оба закурили, – Ну, давай, рассказывай!

–О чем?

– Да похер, о чем хошь! – ответил так и не назвавшийся близнец, занявший прежнее место Тяпчика.

– Не, парни, не знаю я, о чем базарить. – качнул головой Кирилл и снова отпил.

– Ладно, не напрягайся так. – ухмыльнулся Тяпчик, – Мы как бы знаем, кто ты типа такой, но чисто ради интереса давай начнем с самого начала! Короче, чтоб все красиво было– это!.. – указав на брата, – Мой братан по самой что ни есть крови! Вованом звать! – “Вован” тут же отсалютовал бутылкой и шлепнул по бедру женщины, – А это– Маришка! Толковая телка, таких уже не делают! – и она тоже махнула рукой, не переставая хихикать, – А я– Тяпчик!

– Тяпчик, значит? А имя-то у тебя есть?

Вопрос был встречен дружным смехом. За Тяпчика ответил его брат:

– Мать у нас не особого ума была, фантазией не обладала, так что обозвала нас обоих Владимирями, вот!

– Потому я теперь-то Тяпчик и никто боле. Ну, а вас-то как звать?

– Я Кирилл, это– Рома, мой брат.

– Выгуливаешь, знач, братца своего? Это дело правильное! Своих бросать– тяжкий грех, это я те точно могу сказать. Ну, тост за братьев! – чокнулись, – А теперь смотри– с началом мы разобрались. Имена знаем, по улице вроде знакомы. Теперь давай о другом. Женат?

– Нет.

– Баба есть?

– А то как же! Наташка! – Кирилл чуть приободрился.

– Детей еще не завели?

– Не до того сейчас.

– Хорошо... Дети, типа, конечно, чудо, цветы жизни и все такое, но вместе с тем и большая проблема! Маришка вот... – указав на живот женщине, заявил Вова, – На втором месяце. Кто там у нее внутри сидит, я понятия не имею, но зуб даю, что мальчик. А я типа папка.

– О, поздравляю! Как назовешь?

– Да какая, на хер, разница? Главное, чтоб пацаном вышел, а имя мы ему потом придумаем! Мы тут с Маришкой-то покумекали малость и решили, что нам неплохо бы ипотеку взять и квартирой обзавестись– мелкому-то комната своя нужна будет, кровати-хуятки всякие, игрушки эти... Там щас распродажи всякие в “Детских мирах” проходят, вот я и пытаюсь уговорить ее пойти и закупиться, а она ни в какую не хочет. Мож, подскажешь по-братски, как ее туда завлечь, а то я, чесслово, уже все испробовал.

– Так, может, вам сначала подождать, на узишку сходить, чтоб точно знать?

– Да говорю тебе– пацан будет, эт стопроцентно! К чему мне ходить на эти “у-узи” и лишними деньгами разбрасываться? Ну так как, че посоветуешь?

– Я могу сказать, что вам не стоит спешить с игрушками. Купите лучше обои в комнату, ремонт сделайте, а игрушки никуда не сбегут. Глядишь, еще дешевле станут. – и его слова вновь были встречены одобрительным смехом.

– Дело говоришь! – снова встрял Тяпчик, – Слышал, Вован? Ты сначала мелкому квартиру побогаче обставь, а то ж так и будет, как мы с тобой, в говне расти. Я те ток так скажу– не покупай ему всякую муйню с мишками, это не по-мужски. Вот тачки– во-о-от дело! Тачки всегда выглядят круче, особенно те, что формуловские.

– Чего?

– Не тупи! Я про “формулу-один”!

– А, ну это-то да. Слышь, а ты неплохой вариант подвернул, да, Мариш? – но она только согласно кивнула, так ничего и не говоря, но все еще не сводя взгляда с Кирилла, – Значит, с мелким решили. Ты работаешь где, нет?

– Приходится.

– А где?

–В магазине. Я грузчик, но иногда собираю мебель, если покупатели решают не заморачиваться со сборкой.

–И че собираешь?

–В основном шкафы всякие, иногда столы. Знаешь, купешки всякие, или со створками зеркальными? Их потом перетаскивать приходится да в машины грузить.

–Тяжело?

–Не особо. Я за день таких шкафов только три-четыре выношу, остальное загружаю так. Они не такие уж тяжелые, скорее больно большие– не всегда удобно их нести. То перчатки соскальзывают, то края неудобные. А так вполне себе нормально.

–А по бабкам сколько выходит?

–На нас с братом хватает. – оглянувшись на Рому, ответил Кирилл.

–А, че, мамка те не помогает?

Кирилл покачал головой и нахмурился, снова вспомнив разговор с ней той ночью. Ее слова до сих пор гремели в его ушах.

–Матери до него никакого дела нет. Знай себе бухает в подворотнях, насрав на меня и на Рому.

–Ну не, приятель, давай ты не будешь так о мамке говорить– святое ж, как-никак! – выдал тот, который Владимир, – Они нас в муках рожают, мы им жизнями своими обязаны!

–Я свой долг выплатил сполна. – буркнул в ответ Кирилл, снова оглянувшись на брата, – Ладно бы, если она осталась с нами, но она ушла, так что все ее заслуги пошли по нулям.

–И все-таки она– твоя мать! Ты должен быть ей благодарен! – "Ну уж нет."– Ведь жизнь прекрасна! Вот, смотри– смог бы я сидеть здесь и лясы с тобой точить, если бы моя мамка меня абортировала? А ни с хера подобного! Я бы не пил пиво, не трахал б баб, да что там– я б никогда не узнал, что у меня племяшник будет! Ты должен понимать, что мы ради этого и рождаемся– чтобы дать жизнь своим детям и, типа, будущее им обеспечить! Похер, что, к примеру, наша мать с этим не справилась– она тоже, как твоя, нас одна поднимала! Но она нас воспитала, как настоящих мужиков, и бы ей, уж будь уверен, по гроб жизни благодарны!

–А где она сейчас?

–В санаторий на юга укатила– у нее кости больные, а врач как раз предложил бесплатную путевку по какой-то там благотворительной акции... не помню, короче, как она называется, но мамка укатила и даже не звонит– наверняка кайфует сейчас, пока ей какой-то хмырь массаж делает!

–Ему лучше держать свои руки при себе, не то я приеду и ему их переломаяю!– вновь подал голос Вова,– Выверну их и затолкаю ему в жопу, чтоб знал, как мамку нашу лапать!

–Бля, не заводись! – чуть замахнулся Тяпчик,– Никому наша мамка не нужна– она же старая!

–Че ты меня затыкаешь, если я прав? Мало ли, каких уродов Земля носит– слышал же, что там банда насильников со старушками в Иркутске вытворяла?

–Да я те уже в сотый раз повторяю, дурья твоя башка, что это все– звездеж и никто этих бабушек и пальцем не трогал! Тебе палец покажи да говном обзови– поверишь. Не, можешь поверить в этот бред?

–Да, слабо верится. – подтвердил Кирилл, вновь сделав глоток.

–Ну, вот и я о том же! Расслабься, братан, у мамы там все чики-брики и тому подобное. Трудно с братом, кстати?

–Да я бы так и не сказал. То есть, всегда есть неприятная часть обязанностей, но на то они и обязанности, что их нужно выполнять.

–Не думал братца куда-нибудь сплавить?

–Что значит "сплавить"? – напрягся Кирилл, но задавший вопрос Тяпчик тут же примирительно поднял руки:

– Не переживай ты так, это ж просто вопрос!

– Вопрос, значит? Давай, я тебе задам встречный вопрос, идет? – и, не дождавшись ответа, продолжил, – Вот у твоего брата будет сын, так? Представь, что он родится таким же, как мой брат.

– Ты берега-то не путай! – завелся Вован, – Мой пацан родится и будет настоящим русским богатырем, каких матушка-Россия еще не видала!

– А если все-таки...

– Не, Кирюха, не задавай ему этот вопрос. – Тяпчик похлопал Кириллу по плечу, – Звиняй за неудобные вопросы, Вован просто меры не знает. Давай я задам вопрос по-другому? Если бы ты, вот допустим, внезапно узнал, что у тебя тоже скоро будет ребенок, ты бы отдал брата в клинику?

– Завязывай с такими вопросами!

– Ладно, не хочешь – не отвечай, заставлять не буду. Я просто слышал, что там принимают разные случаи, не только твой.

– Я сказал – завязывай!

– Все, паря, видишь? – Тяпчик вновь поднял руки, не забывая тут же отпить пива, – Не хочешь об этом, будем о другом. Вован, задай ему че-нить другое.

– Да без балды. Короче, если бы ты стал президентом, че б ты сделал в первую очередь?

– А что на счет тебя?

– Да легко! Я бы первым делом выпер из страны всю эту гастарбайщину, что наши рабочие места занимает! А еще бы назначил Тяпчика министром обороны – мы оба служили, но он после срочки еще несколько лет помотался по стране, людей там узнал, пообщался со всякими! Вот и думается мне, что уж он-то на месте главного вояки будет всяко лучше нынешнего, который даже не служил. Ты сам-то служил?

– Нет.

– А че так? Откосил небось?

– Да, блять, откосил, представь себе! Ты бы тоже откосил, если бы твой брат под себя срался и ни на что не был способен!

– Да-да, не спорь с ним, братан! – весело поддержал его Тяпчик, – Прикинь, как бы все было – вот, я срусь под себя, как немощь какая-то, а ты раз – и кидаешь меня ради погон! Не, это ни фиги не мужской поступок! В армии бы тебя поняли, если бы ты отказался служить – родина родиной, а брата-то кто защищать будет, если не ты? Вот если б за это еще платили, было б ваще шикарно – и из дома никуда не уезжаешь и статус такой же, как у служивого! Придумал! Короче, я бы издал указ, чтобы всех людей, у кого родственники инвалиды, награждали медалями за службу, ну, че-т там из этой канвы – не "за отвагу", так за "заслуги перед обществом". А, как тебе, Кирюха?

– Идея, конечно, крутая, но ты не обессудь, потому что я опять не согласен.

– А че не так-то?

– Понимаешь ли, ты никогда не был в моем положении и не можешь просто так прийти и заявить, что я – герой, суя при этом какую-то железку. Вот, если бы ты выписал мне чек на кругленькую сумму, чтоб я мог Роме купить эти новомодные электронные коляски, сиделку ему нанять, чтоб постоянно с ним была, или даже на лечение положить, то вот это было бы по-настоящему круто!

– Так это ж не лечится, по-моему, не?

– Ты прав, но я читал об этом – если бы у меня были деньги, мой брат мог бы уже ходить. Не так, как мы, здоровые, но самое малое – до туалета дойти, – ему было бы обеспечено. Он бы мог передвигаться по квартире, может, даже ванну самостоятельно принимать и мне бы не пришлось беспокоиться о том, чистый ли он или опять придется его мыть.

– Да, брат, поганое дело, не спорю. Что ж, беру свое предложение с медальками обратно, а предлагаю бабло. Мир?

– А мы, что, спорили? – рассмеявшись, Кирилл вновь почувствовал, как отлегает от сердца, и налег на пиво, – Еще пиво будет или придется в магаз бегать?

– Да, давай! А мы за малым посмотрим – Маришка у нас мамой скоро будет, так хоть потренируется на нем! – тут же предложил первый близнец.

– Не, парни, брата на вас я оставить не могу – моя ноша, как-никак. – с этими словами Кирилл начал было вставать, но Тяпчик тут же усадил его обратно.

– Ты че, не доверяешь нам?

– Да нет, я просто...

– Не ссы, парень, мы твоего брата не обидим. Пивас подождет, а нам вот интересно еще немного поболтать. Потом вместе пойдем – возьмем пива, занесем твоего братца домой и заберем тебя к нам. Вызовем девок, развлечемся немножко! Сиди давай! – снова удержал на месте, не отпуская плеча, – Мы – люди хорошие, зла никому не желаем, вот и ты будь таким же.

– Ладно.

Сперва повисла неловкая тишина. Пока близнецы переглядывались между собой, Марина не отрывала взгляд от Кирилла, то и дело улыбаясь то ли лукаво, то ли просто из вежливости, при этом не выпуская из рук владимирову длань с истерзанными ногтями. Почему эта женщина, все описание которой улеглось бы в одну фразу, – "Природа не обделила размерами." – все так же молчала, будто немая, Кирилл так и не понял.

– А чего только мы тут балаболим? Марина не хочет со мной разговаривать?

– Не, не, братан, все в порядке. Понимаешь ли, она, типа, моя женщина и все такое, уважает меня и мое слово, вот я и сказал ей не разговаривать с незнакомыми людьми. Но! Ты у нас – свой человек, твое имя мы уже никогда не забудем, стали друг другу почти что товарищами, потому, так уж и быть, давайте привнесем в наш мужской разговор и женские нотки. Давай, дорогая, скажи что-нибудь!

Чуть поморщившись от шлепка по заду, не переставая все еще улыбаться, она кивнула ему и снова обратилась лицом к Кириллу:

– Знаешь, а мне нравится, что ты такой. То есть, брату помогаешь, с нами вот тут так хорошо общаешься! Ты классный парень!

– Спасибо, наверное. Ты тоже... – чуть покосившись на Владимира, он аккуратно продолжил, – Хорошая женщина?

И снова его слова были встречены дружным смехом. Даже она смеялась, прикрывая рукой свои некрасивые зубы, открыв на внутренней стороне запястья партачное тату в виде скорпиона и еле различимой строчки, выписанной почерком с претензией на каллиграфичность.

– Да, Кирюх, ты у нас – настоящий джентльмен. Давай, Мариш, задай нашему гостю вопрос!

– Насколько у вас все серьезно с Наташей? Я же правильно помню ее имя?

– Да. Ну, как вам сказать...

– Тебе!

– Да, тебе. Хотелось бы верить, что у нас все серьезно, но я не совсем уверен, что все так. Родители ее, к примеру, против нашего брака.

– А почему?

– Ну... можно сказать, у меня напряженные отношения с ее отцом.

– Это какие же?

– Хм... – Кирилл задумался о том, стоит ли ему говорить все, – А, ладно. В общем, он считает, что я – неподходящая для нее партия. Типа, денег у меня немного, брат больной, сама

семья не очень хорошая. Задвигал про дурную наследственность и тому подобное, а я за это ему морду бил.

–Сильно бил?

–Стулом разок заехал, было дело.

–Ни хрена себе! – вновь сильно хлопнув его по спине, расхохотался Тяпчик, – А ты у нас опасный, я погляжу! Гроза района! И че, батя ее после стула сговорчивее стал или, там, перо пригрозил сунуть?

–Если б он на меня с пером попер, я бы его на месте урыл. – серьезно заявил Кирилл, – Я никому не позволю на себя залупаться.

–Да, парниш, ты у нас не человек– камень! – хохотнул Вова, снова шлепнув Марину под зад, а она тут же спросила:

–А сколько лет твоей девушке?

–Восемнадцать. – но он заметил, что его голос немного сел, тут же сделав вид, что прочищает горло, не замечая, как она понимающе усмехнулась.

–А тебе?

–Двадцать три.

–Совсем взрослый! Не думал ли ты, что ее папа действительно беспокоится за свою дочь?

–А чего ему бояться-то? – он смотрел в ее медовые смеющиеся глаза, не понимая, что выдал себя, – Я женщин не бью, если что. Я бы мог сменить работу, взять заочку в технаре, на сварщика выучиться и рубить бабло.

–Да, но есть же что-то и кроме этого, не так ли?

–Например?

–Например, он видит, как ты заботишься о своем брате... – покосившись на Рому, все так же бездумно пускавшего слюни на птиц, она продолжила, – Я думаю, что он не совсем это принимает, ведь выходит так, что для тебя твой брат все равно будет на первом месте.

–Да, будет, но это не значит, что Наташе от этого будет плохо.

–Наивный мальчик! – то, как она усмехнулась, ему не понравилась, – Для женщины, если она настоящая, важно быть всегда на первом месте для любимого! Только так она будет уверена, что он любит ее и готов на все. Сможет содержать ее, поддержать в трудную минуту, сможет показать, что для него она– все и даже больше! Не думаю, что ты сможешь ей это дать, если зацikliшься на своем брате.

–Не согласен! Она понимает, в какой я ситуации, и принимает ее. Если мы поженимся, она не будет против того, что Рома будет с нами.

–Ты так думаешь? – теперь Марина смотрела с откровенной насмешкой, – Так уж и быть, дам тебе подсказку. Ты же водишь ее к себе домой? Вот, вы приходите вместе к тебе, а там твой брат. Понимая, что ты сейчас не думаешь о ней, она вынуждена ждать, пока все твое внимание, которого ей так хочется, снова вернется к ней. Как ты думаешь, приятно ли ей просто сидеть и смотреть, как ты забываешь о ней даже на десять минут? – "Вообще-то не менее часа..." – Чем она занимается в эти минуты? Просто сидит и ждет тебя, может, в телефоне ковыряется или с подружками по видеосвязи болтает? Не важно, что она делает– она скучает по тебе! И ей обидно, можешь мне поверить, по-настоящему обидно, что приходится делиться тобой с твоим братом.

–Ну уж нет, Наташа не такая! – но она была такой. Он прекрасно помнил этот недовольный взгляд, перерастающий в скуку. Она всегда не особо радостно принимала предложение вернуться к нему домой, зная, что опять придется сидеть на кухне. Она даже не воспринимала Рому, как человека, лишь изредка притворно улыбаясь перед ним, тут же спеша спрятаться на кухне.

–Будь уверен, Кирюша, она такая! Женщина не довольствуется остатками внимания– ей нужно все без остатка!

–И что ты предлагаешь? Выбирать между ними?

–Если ты любишь ее, то обязан сделать выбор в ее пользу. Только так...

–Отказываюсь! – он вскочил на ноги, не взирая на попытки Тяпчика его остановить, – Я не буду выбирать между ними! Он– мой брат, а она– моя будущая жена! Мы или будем жить все вместе или она может искать себе нового парня.

–Не сомневайся, так и будет, если ты...

–Все, хватит с меня! Мы уходим.

–Да ла-адно тебе, братан, чего ты ее слушаешь?– взглядом заставив ее прикусить язык, завел Вова,– Это ж баба, у нее дурий язык, который что хочешь испортит! Будет тебе ее слушать, садись обратно.

–Не, ребят, я думаю, что пора нам домой.

–Да будет тебе квохчат над ним, как курица! – вставил Тяпчик, явно испытывая тягу хлопать все, что движется, – Садись давай, у нас еще сосиски есть– пожарим, поедем!

–Сказал же, что мне нужно брата отвести. – уровень вскипающего раздражения стал подниматься, – Было приятно посидеть, но мне реально пора.

–Не, так не пойдет. Ты, по сути, кидаешь нас на середине разговора, толком не закончив, а так дела не делаются. – привстав с места, Тяпчик приблизил свое лицо, – Понимаешь ли, Кирюх, мы– парни ровные, живем по понятиям, стараемся поступать правильно. А то, как сейчас пытаешься сделать ты, ни хрена в них не вписывается.

–Я повторяю еще...

–Да забудь ты про своего дауна! Ты только посмотри на него– ему ж на все насрать! Ему главное– пт... – но близнец заткнулся после удара, перевалившись через бревно.

Маринка взвизгнула и отскочила прочь, а второй близнец кинулся к брату с воплем:

–Ты че, сука, творишь?!

–Не смей называть моего брата дауном!

–Да я тебя, суку...– выхватив горящую палку, Владимир замахнулся на Кирилла и тот отступил.

–Не ходить за мной– урою! – вцепившись в кресло, не обращая внимания на их ругань и на ромины вопли, Кирилл покатил прочь.

И, точно внезапно приняв за правило оскользнуться на каждом камушке, коляска упрямо не желала ехать вперед. Он толкал и толкал ее вперед, но колеса упорно дребезжали на месте, заставляя коляску ходить ходуном. Едва не рыча от злости, Кирилл толкнул сильнее, почти выпрямив спину и ноги, как вдруг тяжелая длань опустилась на его плечо и он обернулся. Ухмыльнувшись пираньими осками, оба близнеца немедленно же двинули ему кулаками под дых, отчего он упал, уткнувшись носом в кроссовки одного из них, вызвав своим положением очередной приступ хохота.

–Смари, как лежит фраерок!

Кирилл знал, что нарвался, как и то, что брат рядом с ним в опасности, потому тихо просипел:

–Простите, парни, я просто за брата...

–Слушай сюда, щенок. – Тяпчик поднял свою ногу и опустил ему на затылок, вжимая носом в влажную землю, – Никто не смеет меня трогать! Никто, усек?

Кровь стучала в ушах, в кончиках пальцев покалывало, а от внезапно дикого страха сознание словно выпарилось из головы– Кирилл сам будто вылетел из своего тела, уселся на одно из деревьев, продолжая наблюдать за всем происходящим со стороны. Вован, явно самый нетерпеливый из братьев, схватил его за грудки, вздернул вверх и начал орать, плюя в лицо:

–Я те задал вопрос, сучара! Отвечай!

–Я понял.

– Вот, другой разговор! – театрально раскинув руки, ответил Тяпчик, – У меня еще вопрос есть, подсоби с ответом! Кто те сказал, что ты можешь двинуть кому угодно по роже и спокойно уйти? Небось мамашка твоя, да?

– Никто. Ты оскорбил моего брата, а значит, и меня тоже! – и вновь ответом был этот смех.

– Слушай сюда, сучара! Я могу делать, что хочу и когда хочу, а ты мне не указ! – снова дыхнул ему в нос пьяной вонью Владимир, тут же ухмыляясь и смакуя каждое слово, – Зачем ты грузишь этого дауна? Че время зря тратить на этого овоща, если ты давно мог бы его того... придушить подушкой!

– Следи за языком, это мой брат! – выпалил Кирилл.

– О-хо-хо, не советую я тебе так с ним говорить, он ж тебе навалает! – гоготнул Тяпчик, хрустя костяшками.

– Ты, кажется, не въезжаешь... – в миг осмелев, первый близнец взял Кирилла за грудки, но тот схватил его за кисти рук и сдавил изо всех сил. Заорав благим матом, Вован в ту же секунду двинул ему в лицо и миг спустя оба брата повалили Кирилла наземь, после чего стали добивать ногами. Его била даже Маришка, трусливая курва, каблуки которой больно рассекли кожу на голове и врезались в другие части тела. Все трое выдохлись только через минуту.

"Ну, конечно." – подумал Кирилл, как вдруг услышал лязг коляски и крик брата. Ужас всколыхнулся у него в груди; он повернул голову, едва не скуля от боли. Кресло было запрокинуто на спинку, а Маришка, казавшаяся из всей компании самой адекватной, со смехом наступила каблуком Роме прямо в пах. Бедняга визжал и рыдал от боли, беспомощно колотя слабой ручонкой по ее икрам, но та лишь смеялась и давила сильнее. Кирилл собрался было подняться, мигом утонув в темноту, когда что-то тяжелое опустилось ему на голову.

Он падал вниз и вокруг него стенали голоса. Внезапно вынырнув из темноты, он увидел, как Рома навис над ним, пуская слюни, рыдая во весь голос: он умудрился доползти до него с привязанной к ногам коляской! "Бедный мой братишка... Прости, что я такой осел!.." Повернув голову к земле, Кирилл заметил, что желтая трава под ним влажная от крови. Ахнув от боли, прострелившей во всем теле, кое-как поднялся и пощупал здоровенное рассечение на затылке. Не иначе как камнем двинули, твари!.. Едва устояв на ногах, он поднял и усадил младшего брата на колеса, заметив, что чертовы уроды не остановились даже перед бездушной железкой – оба колеса были погнуты, а одно из мелких вращающихся и вовсе оторвано. Успокоив малого, сквозь боль вышепивая ласковые слова из тех, которые еще помнил, Кирилл отряхнул его и покатил домой, охая при каждом шаге. Кажется, колено снова пострадало, но идти можно...

Неизвестно, как долго он вышагивал, то и дело сгибаясь над травой в приступе рвоты, но наконец добрался до выезда. Брат успокоился, но то и дело вертел головой, стараясь заглянуть все еще испуганными, все еще слезящимися глазами в его, стремясь поймать их на себе. Но Кирилл не смотрел на брата – он заметил, что птицы, мимо которых они прошли часами ранее, куда-то пропали, а вместо них осталось чье-то истерзанное черное тельце. Подойдя поближе, Кирилл сморщился не то от боли, не то от отвращения. Нет, так не пойдет – брату нельзя ее видеть! Вернувшись к коляске и развернув лицом к городу, он аккуратно подцепил ее пальцами за торчавшее крыло и, стараясь дышать лишь ртом, выбросил в траву. На асфальте осталось лишь кровавое месиво, но соскребать уже и это ему вовсе не хотелось. Птицы больше не видно, Рома не будет волноваться.

Потратив около десяти минут на тяжелый подъем и на скорую руку приведя братца в порядок, не забыв накормить, напоить и тут же включить очередной мультик, он в приступе сентиментальности обнял его, стирая с лица все еще стекающие сопли и слезы, беспрестанно извиняясь в полголоса. Рому до сих пор жутко трясло, хотя он даже звука не издал с минуты, как они вернулись домой, все еще не переставая вжимать голову в плечи. Сумев успокоить его, Кирилл наконец привлек его внимание к веселым движущимся картинкам на экране, потрепал

по голове и, поцеловав напоследок влажный после душа лоб, пошел в кладовку. Достав из ее недр лопату и монтировку, вышел из квартиры и тихо прикрыл дверь. С этого момента он перестал сдерживать себя и позволил звериному оскалу обезобразить лицо, обнажив неровные, но крепкие и здоровые зубы, нижний ряд которых вызывающе выдался вперед. Стремительным шагом он спустился во двор, где ему на пути попался парень с нижней квартиры, тут же отпрянувший к углу. Тот самый козел с вечеринки! "Не сейчас!" Мощным толчком Кирилл сшиб его с ног и добавил ногой, крича: "Не смей стоять у меня на пути, мразь!" Перебежав через весь двор, забежал в третий подъезд третьего корпуса, быстро поднялся по ступеням, перепрыгивая за раз через пять. И оказался перед тускло-желтой хлипкой на вид дверью, стоявшей здесь с прошлого века. Его слух уже уловил громкую болтовню тех троих, что были у пруда – ни о чем не беспокоясь, они кричали там, внутри, то ли счастливые в угаре, то ли упившиеся в хлам.

Отступив на пару шагов, Кирилл поставил к стенке монтировку и выбил дверь с ноги. Вбежав в гостиную, сразу с размаху обломил лопату о голову Тяпчика, тут же со смешным бульканьем осевшего на пол. Не слушая поднятый визг, вернулся за монтировкой, сразу же бросившись на поспевшего Вована, угостив и его парой ударов по рукам и спине. Оба сукиных сына лежали перед ним, раскрывшись словно упаковка новогоднего подарка – бери, рви, вскрывай! Найдя глазами обидчицу брата, Кирилл сдавил ей шею и рыкнул:

– Кто еще прикасался к моему брату?!

Она тут же указала на отца своего ребенка.

– Спасибо! – сдавив ее шею до хруста, он выпустил ее, едва она потеряла сознание, перевернул обмякшее тело и что есть силы впечатал подошву своего кроссовка в живот, – Не видать тебе ребенка! – и продолжал бить ее по лицу, вкладывая в каждый удар душу, смакуя каждый момент. Внезапно его обхватил сзади один из близнецов, а перед лицом возник второй. Быстро скоординировавшись, Кирилл ударил стоявшего перед ним меж ног, разорвал захват второго и отправил лбом в стену. Схватив выпавшую монтировку, что есть сил зарядил по тяпчикову колену. Не обращая внимания на крик, повторил действие со второй ногой. И повторил. Снова повторил. Ублюдок заскулил и молил о прощении, тогда Кирилл засмеялся своим самым искренним смехом, каким только мог смеяться человек. Он стоял, запрокинув голову, и смеялся от всего сердца. Успокоившись лишь минуты через три, он покинул квартиру и направился домой, решив не тратить сил на второго брата. С них хватит – остается лишь поговорить, предупредить обо всех последствиях, если они хотя бы пикнуть посмеют кому бы то ни было.

* * *

Поднимаясь по ступеням наверх, Кирилл снова наткнулся на Филиппа, которого и сшиб совсем недавно. Чувствуя, как ноет колено, как вновь открывается ранка на голове, как все в этот день довело его до грани, снова смеется, не отводя взгляд от парнишки.

– Прочь с дороги, жердь! – но Фил не дал ему пройти, уперевшись руками в стену и перила, – Что, тоже по морде получить хочешь?!

– Уж точно не от тебя – слишком уж сильно тебе досталось. Ты едва стоишь на ногах, вот вот грохнешься в обморок и все, что мне останется, это заставить покатиться твое ушибленное тело вниз по ступеням. – услышав это, Кирилл вновь рассмеялся.

– Поверь мне, сутулая ты псина – таких, как ты, я способен уделать одной левой!

– С теми, что сделали это с тобой, ты не справился. – тонкая рука указала на его грязную, в земляных пятнах и потеках крови одежду, – Ты похож на свинью, которую решили зачем-то вывалить в помоях перед забоем – такой же тупой неотесанный урод, не понимающий очевидную мысль – ты не имеешь права меня трогать.

– Не тебе мне указывать, погань мелкая! Сгинь с глаз моих, пока я тебе череп не проломил!

– Извинись и можешь проходить спокойно.

–Извиниться?! Перед тобой?! Не забудь чмокнуть меня в зад, чмо патлатое, пока я буду тебя ломать! – но не успел он поднять обломок лопаты, как кулак подростка с неожиданной силой впечатался в его челюсть.

Опрокинувшись, Кирилл скатился по лестнице вниз, внутренне ухохатываясь от мысли, что уж теперь-то понимает, что чувствовала его мать, не в первый раз за свою жизнь скатываясь подобным образом. Достоинно признания– не очень приятно и очень даже больно! Надо бы поразмыслить над тем, стоит ли заставлять испытывать маму таким способом еще раз, а то так ведь можно и шею сломать! Но его размышления прервал удар в грудь.

–Никто, слышишь, НИКТО не смеет бить меня безнаказанно! – шипел разъяренный Филипп.

Теперь в тиски попала его собственная шея. В голове помутилось и боль отступила, уступив место медленному удушью. Внезапно давление исчезло и он увидел как ни в чем ни бывало удаляющуюся по лестнице вверх спину врага.

–Это еще не конец! – заорал он, догнал Филиппа, едва тот успел открыть входную дверь, и, подняв его на плечи, швырнул в открытый дверной проем, – Я тебя, суку, достану, достану!!!

Они продолжили борьбу уже в квартире, стремясь пересилить друг друга. Вдавливая кудрявую голову в пол, Кирилл занес кулак для удара, но подросток извернулся, тут же вонзившись зубами в запястье. Вне себя от неожиданного сопротивления, он приземлился лбом по лицу, чувствуя, как хрустнула косточка, тут же снова возопив от боли, когда ловкий палец впился прямо в уголок глаза словно в попытке выдрать верхнее веко. Вырвав руку, он наконец-то нанес удар, но никак не мог освободиться от вцепившейся в него руки, а едва отодрав ее, уклонился от шелкнувших возле уха челюстей.

–Кусаться будем, тварь?!– ну все, больше он не будет сдерживаться!

Юркое тело уже выпросталось из-под него, но Кирилл схватился за его ногу и потянул к себе. Извернувшись, Филипп лягнул его прямо в лицо и разбил губу. Лягнув второй и попал пятой в поврежденный глаз. И снова Кирилл закричал от боли, лишь сильнее распаясь от сжиравшей его ненависти к мелкой крысе, посмевавшей дать отпор. Едва мальчишка встал на ноги, мощное тело Кирилла подхватило плечом за пояс и впечатало спиной в шкаф. Швыряя врага по всей квартире, сшибая со стен картинку в рамочке и ломая его телом столы и стулья, Кирилл неизменно получал тычки по глазам, кадыку, ушам и коленям, каждый раз смеясь от тщетных попыток себя остановить, усиливая натиск, взбесившись и пуще прежнего войдя в яростный азарт после удара ящиком от письменного стола, проломив головой подростка новенький телевизор. Тело мальчика обмякло, упало на пол, когда полыхнули шторы. Схватив злополучный ящик, Кирилл что есть мочи опустил его на голову Филиппа. Тело дрогнуло, но ему было мало! Схватив бездыханное тело за ногу, одним ударом переломил в колене.

–Что, сука, нравится?!– кричал он, впившись в невидящий взгляд, – Нравится?!

Но осознание того, что происходит, наконец пробилось через кровавую завесу его злобы. Оглянувшись вокруг, Кирилл понял, что находится в эпицентре пожара– огонь уже пожирал навесной потолок, проползая по чернеющим обоям и опускаясь к ковро. Половина гостиной уже была объята огнем и времени оставалось катастрофически мало. Изменившись в лице, он посмотрел на поверженного противника, не зная, что ему делать. Ступор завладел его телом, не желая отпускать. "Бежать!" Но ни единое сочленение внезапно ослабшего тела не посмело и шевельнуться... "Бежать!" Пальцы рук дрожат, но не от страха, а от съезживающей мышцы боли. Они вот вот подогнутся, обломаются вновь! "Бежать!" Опухшее лицо всего лишь мальчика продолжала смотреть на него. Линза в левом глазу, еще не опухшем от его ударов, сложилась пополам между ресницами, открыв настоящий цвет радужки. "Бежать!" И его губы растянулись в улыбке, ощерившись нарушенным рядом серых кирпичиков. "Бежать!"

Внезапно одна из штор оторвалась и упала на пол, обдав его жаром, тут же вырвав из секундного паралича. Схватившись за руку Филиппа, Кирилл снова наткнулся на его улыбку,

вновь взглянул в его глаза и отпустил ее. Чувствуя странную пустоту и полное безмыслие, зацепил еще не горящий край шторы и перетащил прямо по телу подростка во вторую половину гостиной, забросив на не замедливший загореться диван и, не останавливаясь на достигнутом, перетащив в прихожую, сбрасывая сверху куртки, сумки, даже обувь. На секунду остановившись в еще открытом дверном проеме, вбежал на кухню и повернул ручку газопровода. Теперь точно все! – и запер дверь снаружи, сразу же обломав ключ в скважине.

"Теперь вниз, во двор!"

Едва выбежав наружу, он услышал мощный хлопок.

И только минуту спустя сообразил, что его зовет брат.

Междусловие третье.

Они с отцом мирно ужинали за столом. Впервые за долгое время. Силясь угадать, с чего отец так расщедрился на готовку и накрытый по всем правилам стол, Фил отправлял кусочки мяса и картофеля в рот. Они сидели на против друг друга, уперевшись локтями в белую скатерть, которую мама обычно накрывала на стол по праздникам и выдающимся дням. Таким, как тот день, когда она, казалось бы, шла на поправку. В тот самый день они накрыли на стол, подали выпивку, поставили свечи и купили торт. Уплетая салаты и жаренного цыпленка, сын с отцом соревновались, кто же лучше произнесет тост, и пили: Фил, так как был ребенком, всего лишь малиновый сок, отец – шампанское. Мама в силу своего положения и беспокойства за свое здоровье тоже предпочла сок. Тихие семейные посиделки с оттенками праздника. Смотря друг на друга увлажненными от робкого счастья глазами, они тихо беседовали на разные мирские темы, нередко травя друг другу беззлобные анекдоты. В тот день мама старалась как можно реже выпускать их руки из своих ладоней, словно стараясь слиться с ними воедино и уже никогда более не расставаться. Ласкова трепля сынишку по пышной шевелюре и прижав мужнину руку к своей влажной от то и дело стекающей слезы щеке, она говорила, как сильно их любит и что все у них будет прекрасно. И они верили ей, два маленьких и наивных человека.

А потом она просто умерла и похоронила их с собой. Она действительно в тот день слилась с ними и уже никогда более не отпускала, оставив семью страдать от горя. Но не мама была в этом виновата – вся вина лежала на болезни, комом засевшей в ее теле еще в раннем детстве, с годами подпитывающейся жизненными силами, вырастая в огромную опухоль, смертоносный паразитом воцарившемся в слабом теле. Они ненавидели ее болезнь и искренне жалели, что нельзя было просто взять и вырезать, выбросить осквернявшую любимое тело тьму.

Ибо благое намерение всегда чревато летальным исходом.

Но какая разница, если он был бы в любом случае?

Глядя в кастрюлю со свежеприготовленной пастой с фрикадельками, Филипп молчал. Молчал и отец, в эту минуту нервно орудовавший ножом и вилкой, то и дело неприятно звякая лезвием о фарфор. Наконец он их отложил и посмотрел на сына из-под сцепленных кистей рук.

–Поговорим, сынок?

–Говори, отец. – хрипло ответил Фил и подцепил лапшу вилкой.

–У нас ведь все хорошо, ведь так? – поинтересовался отец, не отрывая взгляда.

–Да, папа. Все прекрасно. – Фил отложил столовый прибор, – У тебя есть стабильный заработок, обеспечивающий нам обоим крышу над головой и тепло под ногами, всяческие удобства и досуг. А я вот-вот поступлю в какой-нибудь колледж, где получу степень бакалавра и начну сразу же работать. У меня есть пара идей, куда податься. – дождавшись кивка, продолжил, – К примеру, можно пойти на факультет филологии, а после устроиться в книжное издательство. Редактором, к примеру. Раз у меня не получается с писательской деятельностью, то можно ведь и по-другому продвигаться в подобной отрасли. С русским языком я на "ты", справлюсь. Заявление, кстати, я уже подал, не волнуйся. Как раз в срок.

–Я рад, что ты наконец-то решился, сын. – отец тепло улыбнулся ему, – Но ты ведь рассматривал другие варианты?

–Какие, например?

–Ну... жизнь ведь это не только учеба и работа.

–Да, но я не понимаю, к чему ты ведешь, пап. – Филипп отпил из стакана воды, – Если ты про общение с людьми и проведения досуга, то я уж как-нибудь разберусь. Верь мне, пап, я не стану затворником-зубрилой. Я и сам понимаю, что захочу быть с людьми, возможно, сойтись с какой-нибудь приятной девушкой, начать строить с ней отношения и все такое.

–Только предохраняться не забывай!

–Ну чего ты начинаешь-то? – в ответ отец тихо засмеялся, приложив свою большую ладонь ко рту.

Удивлению Филиппа не было предела– он уже и не помнил, когда в последний раз видел отца смеющимся. Видимое сейчас разительно контрастировало с его обычно мрачным лицом и тусклым взглядом. Но нет! Сейчас отец словно был сам не свой– настолько легко и просто он смеялся. Смех невольно заражал и даже у сына уголки губ поползли вверх. Спустя минуту они смеялись вместе. Ни с того ни с сего.

–Да я ж шучу. – перегнувшись через стол, хлопнул отец сына по плечу, – Ты ж у меня не глупый мальчик, все и сам понимаешь! Но я спрашивал не совсем об этом.

–Я тебя уже не понимаю, так что давай начистоту, ну правда! – живот с непривычки болел и Фил наполовину сполз со стула, распластав ноги под столом.

–Ты не хотел бы устроить небольшую паузу после школы?– неестественно качнув головой, начал папа,– Ну, там, ненадолго забыть про колледжи и работы и заняться кое-чем другим.– лукаво подмигнул,– Я тут сумму кое-какую скопил и, как мне кажется, ее вполне хватит на то, что я задумал. А задумал я украсть у тебя всего один год. Не понимаешь? – весело смотрел он в удивленные глаза Филиппа, – Суть в том, что мы с тобой наконец исполним нашу маленькую мечту– отправимся в путешествие. Купим "Урал", сперва поколесим по Европе, потом можно и в Азию. А если останется еще прилично, то махнем в Америку. Ты только скажи, визы сделаем– там всего пару недель подождать и готово. Ну как?

Фил потерял дар речи. Предложение отца выбило его из колеи своей внезапностью, буквально унесло почву из-под ног. Голова закружилась от в миг нагрянувшего предвкушения и картин предполагаемого будущего, где мелькали разные города и страны, знаменитые постройки и здания, люди и их разномастные одежды. И море, озаренное бликами неподдельного солнца! От нахлынувшей радости он приоткрыл рот, так и сидя с глупым видом, глядя в свои фантазии. Отец был несказанно рад его реакции и уже расписывал примерный маршрут и города, которые они посетят, зачитывал вслух список всего, чего нужно купить и взять с собой.

–А квартира? Что с квартирой, пап?

–Я уже подал объявление, есть желающие снять. С виду вроде приличная семья, будут откомандированы сюда на какое-то время.

Филипп снова засмеялся открывшейся перспективе и счастливому лицу своего отца. Оба впервые за долгое время видели себя такими и зрелище их очень забавляло, если не вдохновляло. Отец потянулся к нему и Фил ответил на объятья.

–Я люблю тебя, сын!

–Я люблю тебя, папа...

Эпилог.

Оказавшись в самом пекле, Филипп понял, что он заперт в ловушке. Каким-то чудом огонь обошел пяточок, на котором он валялся без сознания, но на этом чудо кончилось– он бушевал повсюду и бежать было некуда. Совсем близко слышался истошный вопль кота– он кричал от боли. Задыхаясь от жара и дыма и от боли в вывернутой ноге, Филипп полз в неиз-

вестном направлении, ориентируясь лишь на звук визга и шаря руками по полу. Он понял, что добрался до батарей под окном, как раз между двумя горящими шторами, когда рука ткнулась в уже нагретый чугун. Зашипев от боли, опустил руку и секунду спустя вытащил отчаянно брыкающегося кота, глубоко впустившего когти в кожу. Бедняга был в ужасном состоянии— шерсть вполовину обуглилась, проплешины розовой плоти закоптились. Сквозь струпья вытекало что-то блестящее. Глаза животного были полны слез.

Филипп одним движением свернул ему шею. Ни с того ни с сего ярость и страх растворились в дыму, уступив овладевающему телом странному чувству умиротворения, и он встал на четвереньки. Выбив здоровой ногой висевшую на одной петле дверь, ведущую в его комнату, услышал визг крысы, мечущейся в страхе по своей железной тюрьме. Сбив клетку со стола взмахом руки, он спас ее, избавил от страданий. Оба маленьких тела— одно маленькое, все еще целое, другое обгоревшее, — плетью висели в его руках, когда взрыв сотряс всю квартиру— газ! Увернувшись от упавшего куска сгорающего накладного потолка, Филипп кое-как затоптал его, отпихнул от себя обратно в гостиную. Ему некуда бежать— пламя уже всюду разгоралось по всему полу. Привстав на одной ноге, Филипп выглянул в окно и сквозь дым увидел, как все жилыцы дома столпились внизу и смотрели на то, как сгорает его квартира. Не обращая на все ближе подбирающийся огонь сквозь дымную завесу он сумел различить, как соседского психа, угрожавшего ему камнем, наконец-то поймали и засунули в автомобиль те двое, которым невольно пришлось помочь, пока не подвернулась возможность увильнуть, видел, как в выезде по стенам арки бежали синие блики от пожарной машины, как с дерева упала какая-то девчужка... Стоп! Это Соня! Поддавшись порыву выглянуть наружу, он вновь обжегся об оплавленный пластиковый подоконник. Ему все труднее становилось устоять на единственной ноге, воздуха катастрофически не хватало, слезы в сжигаемых болью глазах заслоняли обзор. И он словно начал тонуть сквозь пол. "Вот если б я и вправду провалился сквозь пол..."— после этой мысли Фил увидел своего другого соседа, того придурка, из-за которого все и случилось. Даже оттуда было видно, как у него были выпучены глаза, а его залитый кровью рот был широко раскрыт в немом отчаянии.

Кирилл выбежал на улицу и влетел в толпу зевак. Завязалась потасовка, десятки рук схватили его как раз в тот момент, когда он услышал визг брата аккурат над тем местом, где бушевал огонь. Заревев: "Отпустите меня, там мой брат!", Кирилл стал изо всех сил вырываться, но тщетно— руки все так же крепко вцепились в его куртку, в локти, в капюшон, а грозные голоса кричали что-то наперебой. Он смотрел, как огонь медленно добирался до окон его квартиры, как старое дерево загоралось, как лопнули стекла и крик стал отчетливее. Буквально прочувствовав на себе страх своего парализованного брата, Кирилл видел, как тот бешено раскачивался в кресле, пытаясь спастись от огня, перекосив рот от ужаса. Огонь уже пробрался внутрь. Кирилл заплакал, но в легких не нашлось кислорода для крика, и он стал вырываться еще сильнее, как вдруг услышал душераздирающий крик.

Соня тоже слышала и ее сердце замерло. Она поняла, что нашла место, где жил Филипп. Она нашла его! Ловя ртом воздух, девушка широко распахнула глаза от страха, сей же миг излившиеся ручьями слез— София рыдала и попыталась прорваться сквозь толпу, превратившейся в живую стену, глухую к ее мольбам и крикам. Она царапалась, лягалась, кусалась и кричала имя своего друга, пока его легкие выпускали предсмертный крик в невыносимой боли. Где-то выла пожарная сирена, но было уже слишком поздно и крик внезапно оборвался. А с ним враз затихла вся округа. Все так же бушевало пламя в черных зевах окон, все так же люди вопили наперебой, брызжа слюной, все так же сердце отбивало в груди стремительную дробь... Но все стало тихим, таким медленным, будто кто-то повернул ручку на проигрывателе времени чуть влево, максимально замедлив его. Было видно, как медленно трепетала хвоя на уцелевших деревьях, волнообразно переливаясь подобно чешуе рептилии, ранами которой выступали горевшие черные проплешины и ветви соседних гигантов; как пыль медленно взды-

билась под топотом разбегающейся толпы, как капли брызжущей изо ртов пены летели по дуге в разные стороны; как цепкие руки снова и снова медленно-медленно сжимали отвороты на куртке незнакомого человека, как к медленно разверзающемуся столпотворению бежали спасатели, походя в своих массивных костюмах на космических странников, прибывших в слабое притяжение Луны; как языки огня отрывались от главного очага и, извиваясь подобно змеям, растворялись в воздухе подобно быстро угасающей страсти и как массивные клубы дыма поднимались вверх, закрывая своей чернотой несуществующее небо; как медленно падали, переливаясь в огне, осколки стекла; как расплавленный пластик подобно бледному меду стекал по кирпичной стене вниз серой пузырящейся жидкостью.

И как внезапно над их головами возникла воронка из тысячи птиц, разинувших свои клювы в безумном, раздирающем барабанные перепонки грае.

Они все задохнулись в клубах боли.

3.Проводник

Пролог.

Комната допроса. Серые стены, каменный пол и большое зеркальное стекло, скрывающее молчаливых наблюдателей. В центре аккуратно под люминесцентной лампой на металлическом стуле за металлическим столом с оцарапанным покрытием белого цвета сидел мужчина лет тридцати. Длинные взлохмаченные волосы, высокий с небольшим уклоном лоб, запавшие темные глаза в окружении темных кругов, свидетельствующих о длительном недосыпании, нос горбинкой, тонкие губы над волевым подбородком. Одет он был в грязную заплатанную рубаху, потертые джинсы и рабочую обувь. На запястьях – наручники. Пальцы пластом лежали на столешнице.

Дверь в комнату открылась и на пороге появился высокий поджарый полицейский в форме. Его голубые глаза пронзительно впились в заключенного, щеточка седых усов скрыла сжавшийся в тонкую нить рот. Не медля ни секунды, детектив уселся напротив мужчины и, положив руки на стол, сплел пальцы. Их взгляды вновь столкнулись. Ни разу не мигнув, они сидели так в течении минуты, пока новоприбывший не разжал губы:

– Попробуем еще раз. Ты знаешь, почему ты здесь?

Помедлив пару секунд, мужчина ответил:

– По ложному обвинению в доведении до самоубийства. – его глаза расширились.

– Ложному, говоришь? – служитель закона ослабился и откинулся на спинку стула, – Тебя нашли на месте преступления, сидящим в абсолютном спокойствии с трупом в одной руке и баночкой вот этого вот в другой! – с этими словами он положил на стол прозрачный пакет с упаковкой снотворных таблеток.

– И что?

Удивлению полицейского не было предела:

– И что?! Ты никак издеваешься, да? – и не позволил повисшей паузе продлиться и секунды, – Тебя нашли на месте преступления с фактическим орудием убийства. Ты не убежал, не спрятался. О том, чтобы спрашивать об алиби, и речи быть не может, сам ты толком ничего не говоришь. У нас есть тело, у нас есть ты, который даже не вызвал скорую помощь. Что же это, как не убийство? – подозреваемый молчал и коп не стал тянуть, – Ладно, допустим, что ты не доводил ее до самоубийства. Тогда почему к нам посреди ночи приходит вызов с

информацией о том, что в квартире сто сорок вторая по адресу Бартон-стрит на пересечении Бартон-Ньютон девятнадцатая слышны непрекращающиеся крики о помощи, а по прибытии на место мы находим тебя, не кого-то другого? И, если ты не убийца, то почему ты ее не остановил? Ты же был рядом! – он склонился к лицу мужчины поближе, – Не хочешь ли ты сказать, что просто вошел в случайную квартиру, обнаружил труп и сел рядом?

–Так и есть. – арестованный слегка кивнул.

–Так и есть что? Ты был в момент самоубийства рядом или нашел ее уже мертвой? Если первое, то объясни же мне, почему же ты не предпринял попыток ей помочь?

–А я и не должен.

Теперь пауза имело гораздо большую фору. На лице усача появилось выражение, на котором было написано явное желание ударить сидевшего напротив. Еле заметно шевельнув губами, детектив переспросил:

–Что значит "не должен"?!

–Я же вам еще в самом начал... – начал было мужчина, но полицейский его перебил.

–Да-да, я слышал этот бред, что ты выдал ребятам, повязавшим тебя. Но не думай, что ты проведешь их или меня, слышишь?

–Не думаю. – тут губы пленника скривила издевательская усмешка.

–Еще и улыбается, гляньте на него! – коп тоже улыбнулся, покосившись на свое отражение, стараясь удержать контроль над тихим гневом, – Ты понимаешь, что ты в безнадежном положении? Не хочешь сделать признание, чтобы смягчить наказание?

–Смысл делать признание, если я ни в чем не виноват? – спокойным голосом поинтересовался арестант.

–Мне сказали, что все, что ты до этого момента сказал: "Я проводник." Ты же так и сказал?

–Так. – собеседник кивнул, – Вижу, что вы так и не поняли.

–У меня есть парочка догадок, но я предпочту услышать все из твоих уст. Занесем это в признание.

Секунду-две человек помолчал, качнул головой, словно соглашаясь с самим собой.

–Хорошо, сейчас я вам все разжую. У вас сигареты не найдется? – едва чиркнула зажигалка и вспыхнула сигарета, он глубоко затянулся и, выдохнув, продолжил, – Я– проводник. Я...

–Постой-постой, не говори. – поднял руку легавый.

Он поднялся и вышел из помещения, громко хлопнув дверью. Глаза допрашиваемого уставились в никуда.

Прошло пять минут, прежде чем служащий закона вернулся, и допрос продолжился.

–Продолжай.

–Я проводник. – повторил арестант, – Я помогаю людям.

–Отправляя их на тот свет, да?

–Нет.

–Да как нет-то, если да? Тебя нашли с тр...

–Как вы собираетесь слушать меня, если все время перебиваете? – качнув головой, невозмутимо спросил "проводник".

На секунду замешкавшись, детектив нехотя кивнул:

–Слушаю.

–Людям зачастую не хватает смелости уйти самим. – выдержав паузу, человек продолжил, – Самоубийцы, как правило, люди либо очень одинокие, либо глубоко отчаявшиеся. В первом случае они просто строчат на сайтах самоубийц, стеная о том, как трудно им в этом мире и как им до смерти одиноко. Как они хотят умереть, но как им страшно уходить в одиночестве. А вторые ломаются после личных трагедий вроде смерти родственника и так далее.

При подготовке к смерти они всегда сперва убивают себя морально, доводя свое состояние до нужной кондиции, когда рука не дрогнет и шальная мысль не попытается убедить их, что еще возможно пойти по другому пути. И они тоже очень одиноки, ведь после смерти покойник воспринимается ими так, словно без него невозможно жить. Это как с лебедями. Только вот люди способны это пережить и даже найти того, на кого проецировать свою любовь, добившись тем самым собственного спасения. Однако не все на это способны. Многим куда проще уйти из этого мира. Можно воды? – внезапно спросил рассказчик.

– Да, сейчас. – спустя несколько секунд коп принес бутылку воды и, испив ее, арестант продолжил:

– Я – проводник. Моя задача – помочь этим людям. Таких людей я не нахожу специально – они сами ищут и просят, чтобы я проводил их в последний путь.

– Так это у тебя не впервой? – поднял брови полицейский, на что рассказчик замолчал и с укоризной смотрел ему в глаза, – Ладно, продолжай.

– Я не убиваю их и никогда не убивал. Я просто становлюсь за небольшую плату другом на последний час. – его вновь перебил нервный смех полицейского:

– Так что, ты у нас прям как шлюха в одном французском фильме про лечебницу суицидников? – но он быстро прекратил смеяться.

– Нет, не как. Шлюха просто трахает готового вот-вот превратиться в труп старика, а я помогаю людям морально подготовиться к смерти. – "Ого, он знает этот фильм." – Это может выливаться в разные формы. Например, поговорить по душам с инвалидом, полжизни проведенного в коляске, повозить его по местам, где он ранее не бывал. В пределах разумного, конечно. Или же просто полежать рядом с подростком-неудачником где-нибудь в тихом месте в полной тишине. Или сподить его до бессознательного состояния, если он того пожелает. За его средства, разумеется. А дальше идет самое трудное – смотреть умирающему человеку в глаза и говорить утешающие фразы вроде... "Все будет хорошо, ты отправляешься туда, где лучше." – пленник на несколько секунд замолчал, явно задумавшись, – Иногда людей в такие моменты пробирает на бурные эмоции. Они дрыгаются, кричат, рыдают в полный голос, крича о том, что не хотят умирать. Некоторые, в особенности женщины, просили заняться с ними сексом. Но такие запросы я удовлетворять не могу.

– Ждешь, пока дух испустят, а потом принимаешься за дело? – с ноткой сарказма хмыкнул коп.

– Нет. Если б мне захотелось переспать с клиенткой, я бы сделал это до того, как она вольет в себя всю упаковку таблеток либо полоснет по запястью. Меня не привлекает перспектива спать с вот-вот-уже-вот трупом.

– Вернемся к эмоциям тех, что уходят. – глаза детектива вновь прищурились в попытке припомнить нужную строку, – Ты сказал... "Пробирает на бурные эмоции, после чего они кричат, что не хотят умирать.", так? Разве это не стоп-фраза, означающая, что они передумали?

Коп не без удовольствия заметил, как его допрашиваемый напрягся.

– Где мой адвокат?

– Прибудет еще не скоро. – полицейский широко улыбнулся, – Продолжай уж, раз попался.

Помедлив с минуту, мужчина продолжил:

– Я не должен их спасать. Они платили мне, я выполнял их волю. Никаких исключений, никаких отступлений. Все, как и должно быть.

– Они же говорили, что не хотят умирать! – усач уперся кулаками в столешницу, – А ты ради наживы отказывал им в этом!

– Я вып... – но ему не дали закончить.

– Знаешь, а ведь это вполне может сойти за убийство, а? – с ликованием в голосе детектив продолжал, – У вас было все, чтобы спасти их, но вы пренебрегли всеми возможностями! Стало

быть, здесь вполне пойдет как статья о доведении до самоубийства, так и статья о намеренном неоказании помощи. Что, по счастливому стечению обстоятельств, у нас приравнивается к преднамеренному убийству. А? Как тебе это?

Лишь на секунду глаза арестанта полыхнули, но лишь секунду – он сразу успокоился.

–И что теперь? Обвините меня во всех смертных грехах? Повесите на меня липовое обвинение?

–Чертовски верно, вот только поправлю – не липовое. У нас есть улики, есть труп, есть подозреваемый, есть состав преступления. Вам остается признаться только в мотиве. – резко встав из-за стола, полицейский продолжил, – Вы обвиняетесь в убийстве второй степени Лоры Рихтер. Вас будут содержать в заключении в отделении, а после скорого суда отправитесь в увлекательное путешествие до ближайшей тюрьмы особого режима, где и будете гнить, пока мы проверим всю вашу подноготную и найдем остальных жертв. Я лично буду ходатайствовать перед судьей, чтоб тебя закрыли до конца твоих ублюдских дней! Уберите его с моих глаз! – уже рычал он, когда пара крепких молодцов званием пониже подхватили арестанта под мышки и уволокли из комнаты.

–Знали бы вы, сколько у меня было всего, что мигом бы разбило в пух и прах ваши обвинения... – раздалось уже из коридора, прежде чем закрылась дверь.

Поглаживая усы, полицейский смотрел на свое отражение, стараясь заметить хотя бы малейшие признаки сомнения.

Глава первая.

Вывалившуюся из-под белого покрывала руку аккуратно положили обратно на носилки, снова укрыв от глаз. Труп вынесли. Из коридора донеслось протяжное эхо топота тяжелых ботинок по ступеням. Было слышно, как кряхтят и ругаются сквозь зубы медбратья, медленно спуская все ниже и ниже отголосок прошлого.

Проводя все это глазами, молодой мужчина прошел к дивану и тяжело опустился на матрац. С натужным скрипом первая половина дивана слегка подалась вниз под его весом. Проведя подушечками пальцев по своей лысине, он поднял глаза на следователя. Тот стоял напротив него. В его руках нетерпеливо вертелись ручка и маленький блокнотик. Прищуренные глаза следили за каждым его движением, но, едва холодные глаза жителя квартиры встретились и вцепились взглядом, метнулись в сторону.

–Все было так, как вы и рассказали? Никаких больше подробностей? – словно смутившись своей мимолетной слабости, полицейский вернулся к черным глазам.

–Да. – их выражение ничуть не изменилось – все такое же вежливое холодное внимание.

Поежившись, служитель закона положил ручку и блокнот в нагрудный карман. Сделав шаг в сторону двери, замешкался:

–И, это... сочувствую. – прохрипел он и, сдерживая позыв мокротного кашля, немедля удалился, не поленившись закрыть за собой дверь.

Едва щелкнула задвижка, глаза жильца сверкнули. Осмотревшись во внезапно опустевшей квартире, он понял, что здесь ему больше нечего делать.

Ему была нужна цель, но какая именно – кто ж знал?

* * *

–Ты как? – она гладила мужчину по щекам, шее, ключицам и груди.

Они лежали в постели, сплетя ноги.

–Обязательно спрашивать об этом сейчас? – от долгого молчания голос прозвучал не совсем чисто, скрежетнув в тишине словно острое ножа по стеклу.

–Прости меня. – она положила голову на покрытую мягкими волосками грудь и уже тянулась губами к соску, когда голос приказал:

–Слезай.

–Что?

–Слезай с меня.

–Но... постой, я тебя чем-то?..

–Слезай, говорю, мне нужно встать.

Только теперь она разобрала, как где-то на полу в отброшенных брюках от похоронного костюма вибрировал мобильный телефон. Рука схватила трубку, палец нажал на кнопку вызова.

–Слушаю. – слушал и отвечал, – Да, это я... Да, я подавал объявление... Нет, это не шутка... Да, именно столько я хочу за свои услуги... На самом деле нет – вам они все равно не нужны... Хорошо, где вы живете?.. Так далеко?.. До вас только самолетом могу долететь... Вы согласны покрыть все расходы? – и, усмехнувшись, покосился на нее, – Да, у меня не хватает средств. То есть, вы согласны? Хорошо, завтра я к вам прибуду. Номер своего лицевого счета предоставлю при встрече.

–Стоп, стой! – этот разговор ей ой как не понравился, – Что это значит? Ты уезжаешь?

–Да.

–Надолго? – при этом вопросе ее мужчина застыл, так и не набросив на плечи рубашку – она так и висела на его локтях, пока его лысая макушка покачивалась, будто играя бликами тусклого света, исходящего из полуприкрытых штор.

–Навсегда, возможно.

–Но... А как же я? – в замешательстве спросила женщина, внезапно чувствуя, как земля уходит из-под ее ног, – Я, что, ничего для тебя не значу?!

–Ага. Выметайся.

Заливаясь слезами, она быстро натянула свои пожитки и вышла из комнаты. Секунд через десять раздался громкий хлопок входной двери. Неспеша надевая на себя все оставшееся, он посмотрел на себя в отражение зеркала и вышел следом.

* * *

–Как вы думаете, мистер, мы с вами доживем до встречи с внеземной цивилизацией? – внезапно оторвавшись от журнала, обратился к нему мужчина лет сорока.

Шел лишь первый час полета. Свет в салоне самолета уже приглушили, стюардессы спрятались в своем отделении, наверняка решив пригубить бутылочку горячительного, а остальные пассажиры либо спали, либо смотрели на своих планшетах видеозапись кровавых расправ, то и дело мерзко хихикая. И лишь только одному внезапно захотелось заняться тем, что нормальные люди уже воспринимают за признак дурного тона – начать ни с того ни с сего очередной бесполезный разговор черте о чем.

–Мы? Контакт с внеземной цивилизацией? Очень сомневаюсь. – тем не менее он криво улыбнулся соседу по месту, решив, что от короткого обмена фразами ничего серьезного не произойдет.

–А я вот верю в то, что это произойдет до того, как я сыграю в ящик. – попутчик блеснул своими белыми зубами.

Вставные. Если так, ему уже недолго осталось.

–Сейчас это вряд ли возможно. Мы перестали быть исследователями, превратившись в потребителей. – человек достал из-под ног бутылку воды, выудив из сумки, – Сейчас прогресс пошел не в ту сторону. Все озабочены большей комфортабельностью нашего существования, стремясь довести ее до абсолютной составляющей, что само по себе абсурд тот еще. Еще в

двадцатом веке мы летали в космос, на Луну. А теперь? Прошло больше сотни лет, а людей волнует только одно: у кого мощнее гаджет и чья машина быстрее, дороже. И чей кошелек бездоннее, считай, все! Никто больше не хочет лететь в космос, а уж тем более и встречать какую-то там цивилизацию. Слыхали, вон, недавно объявили о выходе в массовую продажу кресел на автоуправлении? Никакая машина теперь не нужна – сел на эту чертовщину с солнечной батареей и гони себе хоть на край света. Или в соседний магазин – стоит только докупить многофункциональный прицеп. С функцией навеса который.

– Ну-ну, Вы утрируете, мистер.

– Все нет. Скажите нам, каковы шансы, что сюда хоть кто-то захочет прилететь? А каковы шансы, что мы наконец построим космические корабли и отправимся покорять космос? Их нет! Сейчас даже редки случаи, когда решают отправить очередной исследовательский зонд – вбухивают миллионы, посылают... и то лишь профанации ради. Это практически ничего не дает! Если б не система потребления, за счет которой обогащаются толстосумы, вовремя присосавшиеся к яблоку изобилия, то мы... я, вы, вот этот человек слева от меня, что храпит как медведь, не летели бы сейчас в самолете, а были бы среди звезд. Вопрос все тот же – зачем более развитой в техническом и моральном плане цивилизации выходить на контакт со столь отсталой, как наша?

С задних рядов начали шикать возмущенные пассажиры.

– Я вас понял. – пробубнил мужчина со вставными зубами и отвернулся к иллюминатору.

Стало быть, долгожданный покой. Человек осмотрелся вокруг себя, стараясь не заглядывать в движущиеся картинки в руках пассажиров в его поле зрения – ничего хорошего он там не сможет найти. Не зная, испытывать ли ему отвращение каждый раз, как взгляд касался чьих-то улыбок, плотоядно облизывающихся ртов или ликующего шепота: "Да-а-а, давай еще раз!", он начал испытывать скуку. Впереди было еще как минимум полтора часа полета, в то время как перспектива выспаться за столь короткое время казалась ему совсем ничтожной. Сидение казалось жутко неудобным, левой ногой было тесно в соседстве с короткими, но мощными бревнами спящего соседа, а в спинку уже вдавились чьи-то колени в предупреждение его потенциального намерения опустить ее и разлечься, вытянув ноги. Решив размяться, он растегнул пряжку ремня безопасности и выскользнул в коридочик, едва не задев своим задом наклонившееся лицо в ус не дующего бородача, некстати склонившего свою голову на свои бесчисленные подбородки. Куда ни глянь, одни и те же ухмыляющиеся рожи – все как один смотрят старые записи с когда-то шумевших на весь мир трансляций. То и дело пальцы, вымазанные в курином жире или собственных слюнях, утыкались в нижние левые уголки планшетов, заставляя запись прогоняться в очередной раз. Ненасытные. Эти точно никогда не захотят умереть, сохранив надежду увидеть продолжение хотя бы в последние секунды своей собственной жизни.

Пройдя в хвост самолета, он отодвинул шторку и застыл, увидев целующихся стюардесс. Тотчас оторвавшись друг от друга, они в смущении разбежались, – хотя было бы куда разбегаться, в самом деле! – при этом сосредоточенно разглаживая сшитую с иголки голубую форму и потупив взгляд.

– Мне не важно, чем вы тут занимаетесь. – сказал он, глядя в глаза красивой блондинке, осмелившейся поднять на него свои голубые цвета дневного неба глаза, – Я просто решил пройтись по салону, размять конечности. Вы не будете против, если я попрошу сварить мне кофе и принести к сто первому "Е"? – когда они синхронно кивнули, он открыл дверь в уборную, зачерпнул из-под крана водицы и прохладил лицо.

Не говоря больше ни слова, прошелся из хвоста к носу и обратно, не глядя ни на отказывающихся спать детишек, прыгающих в кресле и пинающих спинки, ни на их матерей, все с той же дурацкой улыбочкой смотревших все те же видео, ни на представительных стариков в

бизнес-классе, ни даже на молодого стюарда, с некоего перепуга решившего, что он пьян. Вернувшись к своему месту и вновь перешагнув через "медведя", нехотя поджал колени и уселся.

–Как прогулялись? – доброжелательно поинтересовался все тот же болтун, – Нашли что-нибудь интересное?

–А разве в этом мире осталось хоть что-то интересное? – проворчал он в ответ, пихнув локтем бородача.

–Разумеется, есть! – как будто могло быть иначе, – Вы же в курсе, что на этом Аэробусе, к примеру, вместо одного стандартного маршала имеется сразу три?

–А разве их работа еще актуальна?

–А как иначе? – удивленно оскалил свои белые зубы спутник, – Чем дольше живем, тем больше опасность, разве нет? Пусть у нас и настало время, когда террористическая угроза уже не столь велика, как, допустим, в те же десятилетия-двадцатые, но мы ведь с вами помним, что творилось по всему миру не так уж и давно? Все эти взрывы, убийства, сплошное насилие кругом – ведь это было не так уж и давно, чтобы вы, я и кто-либо еще мог заявить, что не застал в своей жизни подобных событий! Вы знаете, что, хоть мы и старались, но не смогли искоренить рабство до самого конца? Где-то там, на Востоке, все еще крадут или добровольно продают детей, хотя, стоит признать, уже не в таких масштабах, что, кстати, никак не исправило ситуации – уровень бездомных детей растет с каждым годом и дела до них никому нет. Они воруют, сбиваются в стаи, устраивают набеги на значные места, только что не убивают, потому что знают – коль они переступят эту черту, их тут же показательно казнят прямо на площади.

–Будто бы и не выбирались из древних времен. – усмехнулся он в ответ.

–Ну, не соглашусь. Казни необходимы для того, чтобы напоминать им, напоминать нам о важности жизни и о том, что мы все давно знаем – после не будет уже ничего. Нельзя преступать закон, попирая чью-то жизнь, от которой он, возможно, зависит. Ведь, если убьют, к примеру, торговца, на том же рынке произойдут неизбежные, пусть и небольшие перемены, которые все равно произведут реформирование. Теперь уже его место не займет конкурирующий деятель, нет! Все они – деятели, я имею в виду, – задумаются о том, что же сделал или не сделал их фактический коллега, и предпримут соответствующие меры, усилив, к примеру, свою охрану. Усиление охраны повлечет за собой повышенные траты, что в свою очередь выльется в повышение цен, ведь никому из них не захочется даже ради безопасности снижать свой общий уровень жизни. И тогда убийцу проклянут в третий, в пятый и пятидесятый раз те, что наблюдали за тем, как ему ломают руки и шею, решив не ограничиваться расстрелом.

–Так это ж на востоке, в других странах иначе.

–Может быть да, может быть и нет. Но соль в том, что мы попытались изменить мир к лучшему, но он упорно не меняется. Благое намерение отдается фатальными последствиями и вот ты уже не благодетель и спаситель детей, а атаман их маленького жаждущего крови сброшища.

–Я ничего не делал. Хотите кого-то обвинить – начните с себя. – буркнул он, понимая, что не хочет больше поддерживать беседу.

–Да послушайте же вы, я вас не обвиняю! Ваш выпад вполне ожидаем и я прощаю вам его, тут же и добавив, что я, как и все мы, делал много хорошего и много плохого, ни на секунды не задумываясь о том, в какую сторону склонилась чаша весов. – худая суховатая ручка хлопнула по его ладони как бы довершая показную миролюбивость, – Я уверен, что и вы в свое время сделали что-то плохое, о чем будете жалеть всю свою жизнь. Например, смотрели к...

–Нет. – отрезал он, убрав руку, – Я никогда ни о чем не жалел и не буду жалеть. Я не задумываюсь о том, что плохо, что хорошо – я делаю так, как сам решил. Разговор окончен.

–Не буду настаивать. – в ответ прошептал умирающий мужчина.

Больше они не заговаривали.

* * *

–Вы совсем другой, нежели я представляла. – подозрительно прищурившись, выдала Мисс Один.

Заметив поднявшуюся в скепсисе бровь, она пояснила:

–Нет, вы не подумайте плохого! Просто в объявлении вы не представили фото, а голос у вас звучал как-то... постарше?

–Я и подавал объявление. Аванс на руках?

–Он у меня дома. Вы готовы начать прямо сегодня?

Грустная, полноватая женщина двадцати пяти лет чуть исподлобья взирала на него своими большими глазами с редкими ресницами, не зная, пугаться ли ей его приходу, то и дело убирая со лба спадающую челку русых волос. Рот, изогнутый дугой краями вниз, чуть приоткрылся в ожидании ответа.

"В чем же твоя проблема?"

–Вот. – обведя рукой скромные апартаменты, она сложила ладони в замок.

Опустила на миг взгляд, изучая свои тапочки, словно не замечая царивший хаос в квартире. Дожидаясь его, Первая устроила настоящий погром в своем коттедже– видимо, начав паковать вещи, в которых больше не испытывала нужды, по коробкам, пришла в истерику и просто разбросала все по углам: книги, бесформенные цветастые одежды, бесчисленные комплекты постельного и нижнего белья, грязные полотенца, чехлы на диванные подушки и прочее. Часть из вещей собралась в наиболее крупную кучу прямоком под окнами с обзором на озеро, возле которого и расположился домик. Не обошлось и без битого стекла– посуда, снесенный с ножки абажурный светильник, расколотые рамки из-под фотографии, тут же и их обрывки посреди осколков возле каркаса металлического столика. Часть комнатных растений так же не избежала горячей руки, но, судя по всему, были спасены случайной мыслью о нецелесообразности их уничтожения. Во всяком случае, об этом свидетельствовали земляные разводы на гладком линолеуме в окружении осколков. Сами же цветы, выкорчеванные из привычных горшков, ныне переколотых, были пересажены в оставшиеся целыми вазы, а те, что поменьше, в сахарницы. Из всех предметов обихода нетронутым остался только громоздкий телевизор на полстены да сам диван, на котором удобно устроилась банка с растаявшим мороженым. Шкафчики, стеллажи и некогда привинченные к стенам полки в разваленном виде так же лежали на полу.

"И правильно– зачем поддерживать чистоту в такой день?"

–Когда вы хотите это сделать?– вместо этого спросил Проводник, не встретив от нее ответа, так и остановившись в гнетущей тишине, пока Мисс Один чуть обескураженным взглядом окинула свой домашний бедлам,– Я хочу знать, когда?– чуть тверже заявил Он, заставив ее содрогнуться от своего громкого голоса.

Ее лицо розовое лицо побелело, стало белее самого чистого мела. Губы задрожали в попытке что-то прошептать. Подойдя поближе, Проводник уже понял, как ему нужно действовать, потому более тихим голосом продолжил:

–Не обязательно отвечать с полной конкретикой. Мне просто нужно знать примерный ориентир, чтобы знать, что я могу сделать.

Первая быстро закивала головой:

–С... сегодня вечером... нет, ближе к ночи... можно?

–Все, как вы пожелаете. – чуть улыбнулся он, приобняв за плечи.

–Зовите меня!.. – она не переставала шептать еле слышным голосом.

Он не обратил внимания ни на единое слово, прослушав и ее имя, и прочие не относящиеся к делу обрывчатые объяснения, не зная, что она видит, как пустеют его глаза. Только когда слезы унижения хлынули из глаз, стекая по круглым загорелым щекам, поспешно сменил отсутствующее выражение лица на более приемлемую добрую улыбку.

–Ну, ну, тише, мисс Один, не плачьте! – человек чуть сильнее сжал ее плечи и усадил на диван, – Хотите, может, чашечку чая?

Она вновь закивала, утирая свое бледное, стучащее зубами от нахлынувшего страха лицо.

–Все, не плачьте, мисс, не плачьте... Видите? Я рядом, никуда не уйду! Я понимаю, что вы испытываете, потому и пришел к вам. Позвольте мне помочь вам хотя бы немного... хотя бы чуть-чуть! – приподняв брови и пустив влагу в глаза, улыбнулся одними уголками рта, – Глубоко вздохните и выдохните– увидите, вы вернете контроль над собой... Умница! А теперь, не будете ли вы так добры подсказать мне, пожалуйста, где мне взять чайные принадлежности? Просто не хочу копаться зря и слишком надолго оставлять вас одну.

–Верхний слева! – слезы еще текли, но ее дыхание наконец выровнялось.

Он послушно прошел на кухню, где, судя по всему, недавно был ремонт– свежие, еще не потускневшие от времени и испарений с плиты обои, новая мебель без малейших признаков повреждений. Вся кухонная утварь на месте, все разложено по принципу "от мала до велика", будь то ложки, вилки или посуда. Все как с обложки. И ни единого признака царившей всего лишь за одной стеной разрухи. Вероятно, это помещение она не смогла решиться разнести. Или просто не успела.

Раскрыв левый шкафчик, висевший на стене, Проводник достал упаковку чая, сахарницу, затем подцепил пальцами пару ложек и расставил все на кухонном столе. Поискав глазами чайник для заварки, тут же снял его с плиты и поставил перед собой. Электрический же нашелся у окна, стоя на подоконнике под денежным деревом, чьи хрупкие сегментированные ветви с маленькими, но от этого не менее толстыми листьями были сплошь увешаны красными лентами с прицепленными сквозь квадратные отверстия медными монетами. Задержав взгляд на иероглифах, он вернулся к столу, где снова замешкался, разглядывая чайные листья.

–Извините, мисс! – сдавленное "Что?", – У вас нет зеленого чая? – "Простите, нет! Я... я не знала..." – Чтоб тебя.

Быстро управившись с заваркой, человек налил наполнил чаши, поставил их на поднос с разнообразнейшей ретроспективой этнических танцев и отнес в комнату. Мисс Один сидела все там же, на диване, но теперь уже всю зажимала в тисках рыжего толстого кота, при виде которого он сразу остановился, как вскопанный.

–А животное? – там, где должно быть негодование, не было ничего.

Сухой, как треск угля, голос.

–Кот? О!.. о... о...– отрывисто выдыхая воздух, она переводила взгляд с питомца на гостя.

–Что будет с котом?

–Он не мой! На передержке! – ну, наконец-то человеческая речь, – Я взяла его месяц назад, сегодня хозяйка должна забрать его.

–Вы же не хотите сказать мне, что этим займусь я?

–О, нет, что вы! – замахала она руками, выпустив кота.

Животное, задрвав пушистый хвост трубой, невозмутимо засеменило прочь, изящно обходя осколки и оставив после себя еле уловимый запах тепла и шерсти.

–Вы решите это перед нашим с вами делом?

–Да, да, потому я и просила перенести... на ночь. – неловко улыбнувшись, Первая подвинулась, освободив для него место и придвинув то, что осталось от журнального столика.

–Что ж... – сев рядом с ней и установив поднос на уголок остова, на котором недавно располагалась столешница, он отстегнул с ремня сумку и достал папку,– Тогда давайте сначала решим самую банальность– подпишите этот договор.

На самом деле это была обычная распечатка бланков, содержимое которого едва ли умещалось в таблицу о десяти строках. Текст он сам и набросал, не заботясь о расписывании полного перечня услуг, предложений и расценок. Для Проводника как и услуга, так и оплата

должны были быть неизменными— получить приличную цену и помочь уйти. Никаких прав на свою деятельность он не заявлял, а если бы и заявил, то неизбежно получил отказ за ее незаконностью по всем существующим конституциям и сводам законов, прекрасно сознавая, что ему просто могли сказать: "Ты не в лиге." Но его это не волновало, как и отсутствие юридической обоснованности тому, на что он решил поставить.

Почему был выбран именно этот путь, Проводник не спрашивал даже у самого себя.

Тем временем мисс Один уже подписала бумажку, не задав ни единого вопроса, не потратив и секунды на раздумья, даже не читая содержимое. Наверное, ее тоже не интересовал его путь— лишь свой собственный.

—Итак...— улыбнулся ей Проводник, убирая заветный документ обратно в сумку, — Нам вовсе не к чему спешить. Вечер— время долгое и полное разными событиями, так почему бы нам не устроить променад вдвоем? Прихватим с собой вашего питомца, вернем хозяйке, а потом так же не спеша двинемся обратно?

Удивленная его заведомо спланированным предложением, она улыбнулась и кивнула.

—Вы можете мне определиться с нарядом? Все-таки... последний вечер, как-никак...

—Уверю вас— для вас это не должно иметь былого значения. Вам стоит провести этот вечер так, как вам этого хочется, не задумываясь о том, как вы при этом выглядите. Подумайте не о ком-то, но о себе в первую очередь. Посмотрите на меня. — окинул себя взглядом, — Я одет просто, можно сказать, неказисто, но мне удобно. Пусть же будет удобно и вам.

Уже менее робко улыбаясь, она кивнула и удалилась наверх. Вернувшись через пять минут, предстала в закрытом спортивном костюме.

—Когда-то я купила его, чтобы заниматься, но так ни разу и не одела. Почему-то не хочется рядиться во все эти платья или что-то другое— мне все равно ничего не идет.

Но выглядела она до жути нелепо.

—Костюм вам к лицу. — солгал он, — Идемте?

* * *

—Ой, Мусипусик ты мой сладенький, ой, как я по тебе соскучилась, мой жирдяйчик! — пищала грудным голосом хозяйка, не успев открыть им дверь и уже тиская переноску с котом, — Дорогая, вы так прекрасно откормили моего карапузика, аж наглядеться не могу! Ну как, манюник? — дородная старуха за пятьдесят снова обратилась к питомцу, — Хорошо тебе было у тети? Ну, конечно ж хорошо— вон какой пузатенький стал, прелесть!

Пушистый был явно не рад этой встрече— из сумки донеслось шипение.

Едва они собрались уйти, как бабулька протянула свою пятерню с двумя смятыми купюрами. "Внушительные цифры!"— отметил Проводник.

—Вот! Это вам за то, что составили компанию моему сладенькому! — жеманно проворковала тем временем бабка и с грохотом захлопнула дверь.

По ту сторону было слышно, как старая гортань начала издавать звуки, отчаянно претендующие на сходство с оперной певицей. Бедный кот! Покрутив в руке чаевые, мисс Один тут же сунула их в руку Проводника.

—Берите. Мне они ни к чему. — купюры тут же шмыгнули в карман.

—Обратно пешком или на машине? — ее деланно равнодушный голос не обманул человека— он дребезжал, как расстроенная струна.

—Пешком. Не лишайте себя прогулки! Как следует осмотритесь вокруг, вдохните побольше воздуха! Возможно, вы услышите новые оттенки, узрите много интересных деталей, которые не замечали ранее. Вам понравится, обещаю вам!

Она посмотрела на него искоса, будто ожидая подвоха:

—Возможно, ты и прав. Можно, я возьму тебя за руку?

Их пальцы сплелись, и они двинулись по тротуару. Солнце давно было проглочено горизонтом, освободившим небо для ночных звезд, и потому пустынная дорога освещалась

лишь белым свечением уличных фонарей, стоявших у самой линии поребриков неподалеку от изредка попадающихся на пути канализационных люков. Проводник был удивлен подобной тишиной– в месте, где он жил, было в разы шумнее. Даже ночью.

–Как ты пришел к такой идее? – внезапно спросила мисс Один, оторвавшись от созерцания скучной непроглядности ночного пейзажа.

–Мать умерла. – простой ответ на простой вопрос.

–Ох, прости... Сочувствую твоей потере. – но она лгала, пусть даже и сжала свои пальцы.

Он не отдернул ее. "Контракт важнее." Пожал своими большими пальцами пухлую ручку в ответ.

–Думаю, самое время спросить вас, что привело уже вас к поискам меня. – "Важно, чтобы ты выговорилась до конца, не пытаясь сказать мне что-то напоследок, когда будет уже слишком поздно."

–Эта нудная история? Ее вовсе не обязательно выслушивать.

–У нас еще есть время, поверь.

Долго глядя ему в глаза, мисс Один решила:

–Дело во мне. Ты и сами все видишь, не правда ли? Моя жизнь никогда не была какой-то особой, чем-то отличной от других. Из-за своего веса и внешности я стала объектом насмешек в начальной школе. Это было ужасно– десятки и сотни визжащих детских глоток, скандирующих: "Жирная, жирная, жирная!" Сначала я пыталась бороться с ними, но все вокруг меня будто сговорились– в итоге всегда был виноват не кто-то другой, а всегда я. Привести себя в форму никак не получалось– полученный стресс я заедала чипсами и жирной пищей, в очередной раз плюя на себя, отказываясь от тех немногих улучшений, которых мне удавалось добиться. Став постарше, я пыталась понравиться людям, показать себя как человека веселого и интересного, но все впустую. Дети жестокие существа, они отказывались видеть во мне что-то кроме необъятного куска сала. Тогда я попыталась отвлечься от их мнения, убедить себя в том, что я такая, какая есть, и мне вовсе не нужно себя менять. Долгое время делала вид, что люблю себя и свое тело, что считаю себя по-настоящему красивой. У меня за всю жизнь не было ни одного друга, но в процессе самолюбования я нашла других союзниц, которые активно меня поддерживали.

–Значит, друзья у тебя все же были, разве нет?

–Нет. – хлюпнув носом, Первая качнула головой, продолжая глядеть себе под ноги,– Поначалу и я думала, что они мои подруги, раз поддерживают меня, но все чаще и чаще стала замечать, что их доброжелательность по отношению ко мне... ненастоящая. Будто бы поддержка меня была для них не актом доброты, а социальным экспериментом как бы в поддержку их собственного о себе мнения, не говоря уже о том, что это в целом поддерживалось в обществе. И они были не единственные– мне говорили, что я красива, с экранов телевизора, с модных журналов, со всяких частных блогах, в интернете. Но, как я и сказала, настоящего в этом было лишь чуть– стоило мне сделать что-то не так– например, рассказать о том, что мне нравится мальчик, как на меня накидывались всем скопом, вменяя вину за то, что я, по их мнению, неправильно мыслю. "Ты должна быть выше этого!" – говорили мне. "Он– никто, а ты стелешься перед ним, как покорная псина!" – но я даже не подходила к тому мальчику, не говоря уже о том, чтобы показать ему, что он мне нравится.

–И что же случилось?

–Они все отвергли меня. Мальчик убежал сразу же, как только я заикнулась о том, что хочу с ним погулять, а девушки... обзвали так, как меня еще никогда в жизни не обзывали! Просто представь, что ты– изгой, которого наконец-то приняли... и тут же вытерли об тебя ноги! Они не называли меня жирной, как остальные, потому что это было неполиткорректно и ставило под сомнение их движение, но эпитеты, которыми одарили взамен... – вздохнув, Первая сжала зубы и зло посмотрела в глаза Проводнику,– За такое мне следовало сделать с ними

что-то действительно плохое. Но я была слабой, ей же и осталась. Розовые очки не разбились стеклами внутрь, но были содраны с меня не менее грубо, а ненависть к себе и своему телу возросла до тех вершин, с которых ее уже нельзя было скинуть. Упорно пытаюсь верить в то, что я все равно красивая, я не предпринимала попыток изменить себя, думая, что это кому-то важно. А вышло так, что никому до этого не было дела— если ты не вписываешься в их картину мира, то вся их мнимая благосклонность неизбежно выйдет боком. Понимаешь?

—Понимаю. Это не то, как должна была начаться твоя жизнь.

—Да! Но, несмотря на то, как жестоко со мной обошлись, я все еще смела надеяться, что после окончания школы жизнь поменяется и я найду хоть кого-нибудь, кто сумеет принять меня. Оказалось, что мои ожидания не стоили того— все было абсолютно так же! Вне зависимости от места. Школа, университет, работа...— на секунду женщина замолкла, — У меня не было ничего, ради чего стоило бы продолжить жить, но я продолжала. Уставала от постоянного одиночества, но продолжала жить. Вновь пыталась выйти на одну волну с теми, кто предал меня из-за детской глупости, но уже не смогла остаться с ними, потому что знала, что взгляды, пропагандируемые ими, не сделают меня счастливыми.

Делая вид, что обдумывает ее слова, Проводник увлек мисс Один вслед за поворотом, ведущий вместо ее дома к самому озеру, вокруг которого так и не было установлено ночное освещение. Только на противоположном берегу возвышались пятиэтажные жилые дома, чьи горящие окна отражались в черной глади, еле заметно покачиваясь по волнующимся дюнам. Различив в темноте расположившуюся у самой кромки воды скамью, оба уселись и принялись смотреть в небо. Наконец, Проводник тихим голосом ответил:

—Ты могла пустить свою жажду внимания на что-либо другое. Могла бы заработать себе на путешествие куда-нибудь за границу. Возможно, на восток, где полные женщины ценятся выше. Или пойти в модели.

—Если бы. — горько засмеялась Первая, — К сожалению, я позволила себе забросить все начинания еще в самом начале и просто попытаться смириться. Неужели ты думаешь, что я не рассматривала твои варианты? Они же в самом деле банальны— вот проблема, надо от нее сбежать! Гениально!.. Нет. — ее сил не хватило даже на то, чтобы разозлиться, — Понимаешь ли— для меня поезд ушел не впритык, а давно. Я была бы актуальна лет тридцать назад, но никак не сейчас. Мужчины, ценившие женщин в теле, уже давно вымерли, как мне кажется, а на женщин я не падка, как бы сама не отчаялась. Тем более что сами общепринятые модели отношений сами по себе неустойчивы— куда ветер подует, туда и общественное мнение склонится. В итоге, чему или кому не отдай предпочтение, всегда найдутся толпы готовых осудить и высмеять.

—И их мнение для тебя было так важно?

—Да. Я уже проиграла битву за любовь к себе и мне не хотелось бы проигрывать еще и остальным. Все, о чем я могла теперь просить— чтобы меня хотя бы не ненавидели за мой уродский вид, за то, что я не вписалась в их ряды, не поддержала взглядов, которые они придерживались, требуя меня любить и ненавидеть каждого, на кого сами указывали, а я не могла!.. Я не могла просто взять и следовать их велению, потому что сама хотела чего-то... своего.— Первая вновь схватила его за руку и он не противился; даже когда она приблизила свое лицо к нему,— Все, чего я хотела, это простой человеческой любви, ничего больше! Для меня было бы чудом, если кто-то, как ты, просто сидел рядом и не выдирает своей руки. Знаешь, как это приятно— сидеть с человеком, который не испытывает к тебе отвращения, который слушает и говорит с тобой?

—Да.

—Да...— эхом повторила она и прижалась щекой к его плечу, — Конечно, я не питаю иллюзий на твой счет, но все равно рада тому, что даже такая мелочь наконец-то привнесла себя в мою жизнь. Наверное, ради этого стоило назначить себе крайний срок! — и тихо засмеялась, трясясь всем телом.

– Ради этого я и здесь. – и он прислонился щекой к ее волосам, – Дать то, чего не смог дать остальной мир, чтобы хотя бы последний день не был прожит напрасно. Ты чувствуешь это? Так выглядит и ощущается минута, когда мы и в самом деле живем. Не несемся сквозь ветер как умалишенные, стирая мозоли на пятках, не карабкаемся по скалам без страховки и не колотим друг друга в стремлении почувствовать то, чего не можем достичь этим абсурдным делом... но просто сидим здесь, смотрим на ночной город и чувствуем тепло друг друга. Чего ж еще желать, правда?

– Ну... если только мороженого? – пошутила Первая и вновь глупо захихикала, прижав ладонь ко рту.

– У твоей истории есть еще хотя бы одна глава или ты решила сразу перейти к эпилогу?

– Да как тебе сказать... На какое-то время я смогла приостановить все на паузу и задуматься о том, что мне довелось пережить... Пусть в личной жизни я совсем не удалась, но в профессиональной чего-то у меня да получилось достичь. Я заработала денег и их бы хватило спустить на все развлечения мира – путешествия, развлечения, алкоголь, наркотики. – Проводник усмехнулся ей, предлагая продолжить, – Или, допустим, ездить на разные фестивали и концерты, которые всем так нравятся, посещать самые знаменитые выставки и богатые историей места и так далее. На крайняк спустить все в казино и на бедных жиголо, которым бы просто пришлось лечь со мной в одну постель. Я признаю, что для меня это не было бы чем-то, чего делать не стоило, но желания делать то, что делают остальные, вовсе не возникало. Была мысль поехать в один город, но я как раз наткнулась на твой сайт и подумала: "А чего ради я верчусь, как рыба на сковородке, раз уж собралась умереть? Разве мне нужен весь мир на поминках, чтобы уйти с достоинством?" Так что вместо того, чтобы растратить все деньги...

– Ты решила часть отдать мне. – закончил за нее Проводник.

– Да.

– И ты готова мне платить за это?

– Да.

– Странно.

– Что?

– У тебя есть деньги, которые, как ты и сказала, можно было бы пустить на все развлечения мира. Другой человек предпочел бы мир мне одному, потому что я всего лишь человек и не способен исполнять желания по щелчку пальцев. – перехватив ее руку, он поднес ее к своим глазам, – Я не знаю, каким ты меня представляла и представляла ли вообще, за что готова заплатить из того, что я могу предложить. Например...

– Хочешь, могу отдать все? – "О эти большие наивные глаза!"

– Нельзя. Только сумма, указанная в договоре. Остальное – грабеж. Завещание составлять поздно, так что оставь все как есть.

– Но почему? – "Потому что следующий кандидат не дождется."

– Потому что не считаю, что большая сумма, отданная лишь мне, сможет принести какую-то пользу. Если ты решила избавиться от денег, то стоит написать записку с последним волеизъявлением. Например, перечислить их в фонд бездомных животных.

– Ты забыл, что с ними сделали?

– Да, точно. – на самом деле забыл, – Тогда просто забудь и оставь, как есть. Кто-то да приберет к рукам, а тебе они больше не нужны. Но ты так и не ответила на мой последний вопрос о них.

Чуть помолчав, вспоминая его вопрос, она кивнула.

– Я в детстве посетила полмира с родителями. И я не впечатлена. Так что вариант с бонусом за десять миллионов миль идет мимо.

– Что ж, резонно.

Не став нарушать возникшее молчание, Проводник и мисс Один вернулись к ее дому, чуть задержавшись на лестнице, разглядывая светлячков. Усадив его на диван, так и стоявший посреди погрома в мрачном одиночестве, она удалилась на кухню, вернувшись с двумя полными чашками чая.

– Можно мне положить голову тебе на колени? – попросила она, едва они его допили.

"Контракт важнее."

– Да.

Первая с удовольствием примостилась своей большой головой.

– Можешь провести своими пальцами по моей щеке? Нежно?

"Контракт важнее."

– Да, мисс. – и он стал нежно поглаживать ее по щеке, по волосам, по подбородку, глядя, как опухшие веки смаргивают молчаливые слезы. Она прикоснулась своими ладонями к его, обхватила их, сжала. Так они и сидели, долго и тихо, не шевелясь, лишь его пальцы все так же скользили по ее щекам, огибая редкие прыщики, да пальцы другой руки сжимали ее потную ладонь.

Часы пробили одиннадцать.

– Ты когда-нибудь любил? – шепотом спросила Первая, подняв свои глаза.

– Да, любил. – вновь солгал Проводник, – Я любил бесчинствующее число раз и каждый раз оказывался у разбитого корыта с вдребезги разбитым сердцем. Они всегда находили кого-то лучше, богаче, красивее меня и тут же уходили, не оставив и записки. Возможно, такова моя судьба – быть в роли использованного презерватива.

Женщина тихо рассмеялась.

– Не против, если все случится в спальне? Я бы хотела... умереть в своей постели.

– Твое желание для меня – закон.

Ее спальня не отличалась от его представления. Скромно обставленная, совсем без излишков: просторная двуспальная кровать с мягким матрасом на резной раме, два прикроватных столика – один ее, доверху уставленных стопкой книг под абажуром, второй пустой, вероятно заготовленный для того, кто никогда не разделит с ней ложе. В углу стоял массивный платяной шкаф, возле него – белые решетчатые дверцы гардероба, почти что сливающиеся с скучными серыми обоями. У окна – рабочий стол без единой царапины, с парой тетрадей по его центру и пустым органайзером. Вторая дверь вела в душевую.

– Полежи со мной.

И он подчинился, лег поверх одеяла рядом с ней, сразу же приобняв за плечи. Так они и лежали в молчании, пока Первая вновь не спросила:

– Можешь мне ответить еще на несколько вопросов? – он кивнул, – Все твои отношения... они стоили затраченного времени?

– Не знаю. Знаю лишь, что, в каком-то плане, они заполнили мою жизнь. Без каждой из этих женщин я бы не пережил какие-то события, которые не смогли прийти в мою жизнь иным способом.

– Хорошие, надеюсь?

– Когда как. Например, я родился в одном маленьком городишке, жители которого до сих пор умудряются делать глупости, которые неприемлемы во всем остальном мире. Например, они все еще празднуют разные праздники, связанные с религией, но при этом умудряются перегнуть палку каждый раз, потому что в них царит неумная тяга к развлечениям. Как-то раз они чуть было не подорвали целую улицу, по глупости или из собственных каверзных соображений устроив возле автомобилей прицепы с салютом, толком не закрепив их как следует. В итоге они покосились и все огни полетели то в людей, то на стены домов, ожидаемо отрикошетив от стен. Бились стекла, люди горели, а подростки, прыгающие по крышам, лишь смеялись.

– Жуткое, должно быть, зрелище. – пожившись, прошептала мисс Один.

–Да. Но я не о том рассказываю, верно? – скосив на нее взгляд, Проводник улыбнулся, – Я родился в этом городе и встретил молодую девушку, которая позвала с собой в небольшое путешествие. Автостоп. Мы шли по дорогам, иногда доезжали до заправок на попутках, лопали те же чипсы и снова ловили попутки. Остановились в одном городе, где все было максимально непохожим на то, к чему я привык за годы своей жизни. Мы сняли квартиру, закупились с аукционов мебелью и жили вместе несколько лет, проводя их, думаю, достаточно насыщенно. Потом просто разошлись в разные стороны– ее влекло к вершинам, а я всегда довольствовался тем, что имею.

–Вы поругались?

–Нет. Просто в один день поняли, что нам не по пути, и разошлись, пожелав друг другу удачи. Я еще какое-то время задержался в том городе, после вернулся домой и стал помогать матери, чем мог.

–А какая она была?

–Прекрасная женщина. Лучших я и не встречал.

–Она страдала?

–Нет.

Каждое слово, что он выговорил своими губами, было ложью, но Первая даже не подозревала, что человек, пришедший к ней с благой целью, мог врать даже в последние часы ее жизни. Немного поразмыслив, она потянулась к пряжке его ремня, тут же остановленная крепкой рукой.

–Тебе это совсем не нужно.

–Ты так думаешь? – он даже немного удивился тому, что она не обиделась, ожидая другой реакции, – Я просто хотела довершить этот день еще одной приятной деталью... но не буду заставлять тебя делать это.– рука вновь вернулась в его,– Ты ведь и так уже достаточно сделал для меня, правда! Было бы грешно просить тебя о большем. Как я и сказала, когда мы были у озера, мои прежние дни никогда не были такими же. За эти несколько часов ты ни разу не сделал того, что делали остальные, напротив– был обходителен, даже галантен. Настоящий джентльмен! – хохотнула, – Я сейчас немного витаю в облаках, представляя такого же человека, как ты, который встретился бы мне лет пять назад. Тогда моя судьба могла бы повернуться иначе. Я даже бы ушла с ним в отрыв, растратив все свои деньги, лишь бы только утонуть с ним в вихре одних лишь развлечений! Напоила бы, как следует, и заманила в брачное агенство. На следующее утро мы бы проснулись мужем и женой, вовсе не огорченные этим фактом, скорее насмешенные невероятностью произошедшего. Мы бы не поссорились из-за этого, о нет! Скорее бы выбежали на улицу и стали трясти каждого встречного, не переставая кричать и смеяться, суя без конца под нос свои руки с кольцами и тут же убегать к следующему. Скорее всего нас бы упекли в полицию за нарушение общественного спокойствия, но, черт возьми, этот перформанс бы того стоил. Я бы тогда предложила развестись, перед этим наняв фотографа, чтобы заснял удивленное лицо агента, что оформил нас. Только представь– двое, что никак друг другу не подходят, спяну женятся и почти сразу же возвращаются, со смехом прося расторгнуть брак, который был всего лишь шуткой! Да, его лицо мы бы точно повесили вместо свадебной фотографии, собираясь вдвоем по вечерам за бокалом вина. Потом он бы женился по-настоящему, влюбившись в какую-нибудь девушку, а я бы стала подружкой невесты, не выпуская из рук ее шею, сразу же предупредив ее, что не дай черт она наставит ему рога или как-то иначе обидит, и тогда я приду и сяду ей на лицо...– вновь захихикав, Первая прижалась к нему еще плотнее,– Да, такая жизнь могла бы быть, если бы такой, как ты, появился раньше.

"Глупая женщина."

–Пора, мисс...– и ее улыбка тут же испарилась, – Пора умирать, мисс Один.

Она медленно села, будто не веря внезапной новости, но справилась с собой. Открыв ящик на своей тумбочке, тут же и достала пузырек таблеток. Глядя на выход в своих руках, она не могла отвести глаз.

–Ты будешь держать меня за руку? – почти взмолившись.

Вместо ответа человек лишь протянул руку.

–Вторая половина, мисс Один. – он должен был напомнить.

–Она тут. – с этими словами она достала пакет, что лежал между подушками, – Теперь это все твое. У меня здесь еще сейф, код...

–Спасибо, мне этого хватит.

–Нет, это тебе спасибо! – лицо ее преисполнилось благодарностью, – Спасибо, что ты нашелся, пусть даже и под конец моего последнего дня, молодой человек! Спасибо, что приехал именно сегодня, когда я закончила все свои несущественные дела! Спасибо, что подарил мне немножко человеческой ласки! Спасибо, что сделал этот день лучшим днем в моей жизни! Пусть это безмерно мало, пусть для тебя он ничего не значит, но я прожила всю свою жизнь в одиночестве, лишь в этот вечер получив крупицу того, о чем мечтала всю свою жизнь. Теперь я знаю, что нет в этом мире ничего ценнее, чем человеческое внимание... во всяком случае, для меня. Ты, наверно, и представить себе не можешь, как действительно много это для меня значит! Спасибо тебе, спасибо! – с этими словами она залпом выпила содержимое флакона, запив приготовленным заранее стаканом воды, тут же отшвырнутом прочь. Прикрыв глаза и перевернувшись на бок, попросила:

–Полежи со мной еще немножко...

–До самого конца. – и в этот раз Проводник не лгал.

Невольно он испытал трепет в своей груди, предвкушение чего-то с чем доселе не был знаком. Ему было интересен процесс, само протекание наступающей смерти. Будет ли она плакать, когда внезапно поймет, что совершила ошибку? Будет ли она пытаться уговорить ее спасти, когда почувствует разливающуюся по всему телу гудящим сплавом слабость, или предпримет попытку сама? Или, может быть, ее уверенность выстоит до самого конца, даже когда сам организм зайдется в конвульсивных попытках исторгнуть из себя отраву?

–Я заметила, что вы ни разу не назвали меня по имени, предпочитая "мисс один"? Это для того, чтобы вам не было так тяжело смотреть, как человек, которого вы только что узнали, уходит в мир иной?

Он не ответил, просто мягко улыбнулся.

Первые минуты мисс Первая просто плакала и улыбалась, не отводя от него свой лучащийся радостью взгляд. Затем улыбку сменила расслабленность и фокус поплыл. Подбородок медленно отъезжал в сторону, как оползень, пока голова наконец не повернулась полностью к подушке, напоследок тряхнув щеками. Значит, она и не собиралась отступать. Хорошо. Перевернув обмякшее тело на спину, почти утопая руками в ее жировых складках, Проводник расположился так, чтоб она видела Его лицо. Ее глаза еще долго пытались сфокусироваться на нем, но с каждым разом тяжелеющие веки медленно надвигались на радужку, лишь усилием воли удерживаемые от того, чтоб не закрыться навсегда. Губы разлепились и в левом уголке начала собираться жидкость. Время шло, она погружалась все глубже и глубже, вздымаясь грудью все медленнее. Еще полчаса спустя ее тело зашевелилось, рот задергался– запал язык. Она задыхалась. Тело пробирали слабые судороги и пальцы чуть заметно сгибались, словно в попытке вцепиться в одеяла. Раскрыв ее веко, Проводник смотрел, не реагирует ли зрачок на свет, но черная точка застыла, не заняв и половины пространства радужки. Спустя еще две минуты тело перестало подавать признаки жизни.

Глава вторая.

"Никогда б в жизни не подумал, что это возможно. Удивительно, насколько люди боятся смерти в полном одиночестве, что готовы платить огромные деньги, лишь бы видеть хоть кого-то рядом. Даже незнакомца. Интересно, что они при этом чувствуют? Наверняка разочарование. А что думают? Наверняка "Вот бы это был Икс, но нет— вместо него этот безликий лицемер Игрек. Ах, как бы я хотело увидеть Икс... Но слишком поздно..." Именно с такими мыслями они все умирают, даже если улыбаются мне. Несчастные, все еще одинокие, погружаются в бесцветный омут, лишаясь обоняния, осязания и напоследок— зрения. Вокруг уже ни звука, а мое лживое лицо все так же маячит перед их глазами, медленно, но верно растворяясь в дымке. Если б я мог становиться другим, стал бы я это делать? Возможно. Контракт важнее. Но я— это я, этого не изменить. Я мог бы быть писателем их жизни и мое присутствие, мой голос, читающий последнюю главу, облегчили бы их уход, сделали бы его не столь жалким, вовсе не похожим на побег! Я мог бы быть актером, а они— моими ролями. Я бы сыграл самую лучшую сцену из их жизни, обернув в обертку любимого фильма, ни капли не переигрывая, но вкладываясь в нее телом и душой и их руки слабо, но хлопали бы до момента полного бессилия. Я мог быть врачом, что вводил бы их в состояние глубокого сна, не причиняя боль, сопровождая процесс увядания сознания ободряющими обещаниями, что они проснутся. Я мог бы быть кем угодно, но стал никем. Просто куклой для объятий и прикосновений. Куклой, что обладает голосом и имеет готовый набор утешающих фраз. Куклой, которую хотели бы иметь все до единого. Куклой, которую бы все прятали в шкафу в страхе, что к ним прикоснется кто-то еще."

* * *

Безмолвный домик с мертвой женщиной внутри исчез в прошлом, оставленный без страха и стыда. Теперь она— их забота. Его же забота— изменить порядок. Теперь, когда точка невозврата пройдена и подтверждение своей необходимости хрустит в конверте при каждом шаге, стоит быть осторожнее, чтобы не допустить шансов потери. Телефон— в урну, в нем больше нет нужды. В объявление внесутся правильные коррекции— никаких номеров, счетов, даже просто имен, по которым его можно выследить, оставить нетронутым только текст. Ищущие да обрящут— с какой только целью не лезет во всемирную паутину человек в стремлении найти то, чему еще нет места в первых рядах, и натываясь на сущий кошмар, копнув чуть глубже положенного! Именно там и находится он, Проводник, в ожидании, когда понадобится кому-то, что готов искать и сам.

Обновить. Пусто.

А пока нет заявок, стоит припрятать половину полочки где-то вне дома, желательно ночью, в полной темноте, отсчитывая шаги, ориентируясь лишь по расположению рук, отмечая повороты по градусам и снова считая шаги. Где-то здесь, в прохладной почве, она и будет лежать, чтобы ни внезапная облава, ни неожиданная кража не спутали всех планов. Того, что на руках, хватит на то, чтобы ни в чем себе не отказывать: еда, одежда, банальный досуг. Вариантов, на что потратить, всегда будет полно— было бы желание. Что толку сидеть сиднем в ожидании, когда на глаза попадется что-то, заслуживающее интереса, если можно просто встать и пойти, куда глаза глядят?

Обновить. Пусто.

Он и пошел. Посетил какой-то заткнутый между стриптиз-клубом и гей-баром кинотеатр для извращенцев. Однако, увидев изуродованную рожу с содранной кожей, тут же вышел, стараясь не смотреть на изрядно поднадоевшие улыбочки любителей мастурбировать на оголенные раны. К характерным соседям идти не хотелось, магазины были закрыты. Глядя на тусклые вывески, Проводник стоит на одном месте, чуть дыша. Куда идти?..

Обновить. Пусто.

Лучше сменить одно место на другое, чтобы никто не присматривался, не запомнил его лицо— мало ли что. Люди имеют дурацкую привычку запоминать не то, что следовало бы, а то,

что никак не изменило бы их жизнь к лучшему. Тусклые, обманчиво цельные, они спуют за его окном туда-сюда по своим мнимым делишкам, всякий раз косясь на потрескавшееся стекло. Да, определенно стоит уйти сегодня ночью.

Обновить. Пусто.

Это ничего— находят лишь те, что действительно заинтересованы, а остальные— побоку. Пусть упиваются себе в своих барах, страшась сделать единственный шаг в верном направлении. И без них найдется нужный человек.

Раскинуть руки от третьей плитки от правого нижнего угла, три полуметровых легких шага вперед, отклонить левую руку на двадцать градусов вниз, повернуться всем телом на девять часов, выровняться. Сделать короткий шаг вперед, затем длинный прыжок. Так, теперь в какую сторону? Влево... нет, прямо— еще один шаг, а затем повернуться на два часа. Семь коротких, три часа, один длинный, снова два часа, длинный шаг влево, не поворачивая тулова. Опуститься, мягко вложить пальцы в податливую земляную крошку. Вот она! И никто ничего не видел...

Обновить. Пусто.

Что ж, с этим местом все. Никто не узнает, что он ушел, пока не постучится в номер с криком: "Уборка номера!" К тому времени Проводник будет уже в другом городе, спокойно пересаживаясь на другой автобус, устроившись в самом последнем ряду и с интересом выставив самому себе ставку на то, сможет ли вытерпеть жар, исходящий от двигателя, до самого конца. Он-то знал, что сможет в любом случае, но решил узнать, возникнет ли внутри потребность, по-настоящему осознанное желание пересесть на другое место. Однако, едва кузов тронулся с места, тут же с усмешкой пересел вперед— не к чему вспоминать эти детские игры с жаром.

Обновить. Пусто.

Даже теперь, в другом городе, Проводнику вовсе не хотелось куда-либо выходить. Непривычное глазам солнце, слишком активно взявшееся за растопку окружающего мира, вовсе не привлекало к тому, чтобы вырядиться в пляжные шорты и пойти поплескаться в местный бассейн, а затем скушать мороженое. Нет, этим пусть занимаются те, кому еще предстоит понять иллюзорность своей жизни, ему же вовсе не обязательно сливаться с ними в толпе, ведь они все скрыты от его глаз, как и он— от их.

Обновить. Пусто.

В помещении темно и прохладно— работает вентилятор, чуть светит экраном один из гостиничных ноутбуков, который предоставляли за дополнительную плату, каждые пять минут выключаясь и включаясь, стоило шевельнуть хотя бы рукой. Не иначе, как веб-камера реагирует. Надобно заклеить... готово. Теперь точно никто не видит. Возле руки лежит буклетик с перечнем услуг: завтрак, обед, ужин и эротический массаж прямо в номер, а также кальян с дрянным табаком или сам хозяин— настолько самонадеян, что внес себя в список услуг, взимая плату за обычный разговор о политике. "Выпивка за ваш счет!" Еще чего, пусть держит карман шире.

Обновить. Пусто.

Да, жизнь порой бывает настолько скучной, если позволить себе целиком и полностью заняться бесплодным ожиданием конкретного события, забывая на все остальное. Однако скука— приговор только для социальных проституток, которым и заняться то нечем, кроме как досаждать каждому встречному, готовому обратить на нее или него все свое внимание. Зачем нужно внимание, если оно не приносит выгоды? Хотя бы в формулировке этого вопроса они все, и Проводник в том числе, сходятся, вновь разбегаясь по трактовкам: одна считает выгодой одно только внимание, другая— внимание и сопутствующие материальные приятности, а третий предпочитает только самые сливки... или изюминку, если так посмотреть. Проводник

же задавал вопрос, но не шел вслед за ответом, дожидаясь, пока тот от снедающей скуки сам припрется и разляжется на пороге.

Обновить. Одно оповещение.

Может, его выгода заключается сразу в трех вариантах, метя в извечную абсолютизацию?

* * *

Он стоит перед небольшим пятиэтажным домом с тремя подъездами. Стены не крашены уже лет пятьдесят, кирпичи потихоньку начинают крошиться по углам. Ржавые потеки между окнами не внушают доверия, а старая обшарпанная дверь, ведущая в подъезд, наводит на мысль, что дом заброшен. Но нет – стекла не побиты, за ними сквозь шторы просвечивают люстры. Иногда виден чей-то сутулый силуэт, при взгляде тут же прикрывающийся тюлем, будто его и за ним не видно.

Вздохнув, Проводник тянет руку и распахивает дверь, входит. Скрипя петлями, словно издыхающая бабка, дверь захлопывается, едва он делает хотя бы шаг. Кромешная тьма. Рука рефлекторно ищет выключатель, но под пальцами лишь шероховатая стена, невидимая в темноте с еле различимой границей краски с побелкой. А выключателя нет.

Он боялся темноты, не мог решиться сделать шаг в незримое. Первый шаг всегда самый трудный. Его левая нога медленно поднимается, чуть продавливая вперед почти осязаемую тьму, и опускается на пятку. Человек чувствует в очередной раз, как под подошвой что-то движется, затем впивается в щиколотку, нарушая тишину тихим змеиным шипением. С таким звуком выгудил газ из растрескавшихся газопроводов внутри газовой камеры. Фантомная боль на миг сотрясла тело. Когда правая нога ступила, видение исчезло. Страх отступил.

Сквозь тусклые, невымытые столько, сколько он сам не жил, стекла даже не различался дневной свет, оставив первый лестничный подъем все в той же темноте. Но с каждым шагом вверх она рассеивалась, становясь сначала дымчато-серой, затем и вовсе рассеявшись к третьему этажу. Впереди четыре двери, между которыми электрический щит и бесчисленные мотки черных шнуров, пришпиленные хомутами и гвоздями к потрескавшейся голубой стене. Дерево старое, в черных пятнах от ожогов и гнильцы. Медные цифры складываются в двухзначный номер.

Трижды постучать.

–Здравствуйте, вы к кому?

Ему открыла дверь бабуля лет семидесяти-восьмидесяти, хотя черт знает, сколько ей лет. Приветственно искривив свое лицо улыбкой, больше похожей на оскал зомби из-за стянувшейся на скулах морщинистой кожи, типичная представительница стариков – сарафан в цветочек, сверху теплый кардиган, на сморщенных жилистых пальцах, сжимавших сложенные очки, большой кошачий глаз, а на еще более отвратительных взору ногах – тапочки в горошек, – чуть отступила назад, приглашая войти.

–Э-э... здравствуйте... – начал было Проводник, но очень грубый, даже резкий голос, прозвучал откуда-то из глубин квартиры.

–Впусти его, мама. Это ко мне!

Вновь оскал зомби:

–О-о-о, так вы друг моего мальчика, да? Ну конечно, проходите, располагайтесь! – голос, который по задумке должен был прозвучать как приторный, скрипел подобно двум ржавым пилам, плашмя скребущих друг друга.

Лицо Проводника не дрогнуло, когда он прошел внутрь, чуть придержав вдох.

Довольно милая квартирка. Прихожей тут, как таковой, не намечалось – лишь по сторонам от входной двери располагались вешалки и подставки для обуви – и взору сразу открывалась просторная гостиная, сплошь уставленная мебелью. В центре комнаты левым боком к нему стоял массивный диван темно-красного цвета, уставленный подушками с кисточками на

уголках. Сзади, за спинкой, у правой стены стояли два кресла и небольшой круглый столик для чаепития, всюду уставленный макулатурой. Там же стояла и лампа, над которой возвышалась картина, сплошь изрисованная непривычно кольцующимися диандрами на мутно-зеленом фоне. Перед диваном же было небольшое свободное место, как раз подходящее для свободного прохода для жильцов и посетителей, а у левой стены на большой тумбе стоял старый ламповый телевизор. Как раз в этот момент экран искрился периодическими помехами, изнутри раздавался треск. Раритет – таких уже сто лет не делают! На стенах висели и другие картины с осенними пейзажами. Красиво, но обыденно, не сравнится с первой. У правого края дивана был еще один пяточок свободного пространства, оканчивающийся массивными светонепроницаемыми шторами, наверняка скрывающих за собой сплошь уставленный цветами подоконник и оконную раму.

Будь это однокомнатная квартира, она бы показалась слишком маленькой и тесной. Но то была не однокомнатная квартира, ибо по обоим углам гостиной располагались арки дверных проемов, возле которых стояли еще несколько подставок для цветочных горшков. Из правого проема на миг выглянула лысая голова и волосатая до невозможности, к тому же огромная рука махнула, как бы зовя внутрь.

Проводник ради приличия вытер ботинки о рядом стоявший коврик как раз для такой цели, расшнуровал и аккуратно водрузил на подставку. Сняв куртку, вывернул наизнанку и повесил на капюшон. Кивнув молчаливо ухмыляющейся бабушке, прошел мимо дивана и юркнул в правую арку.

Вот теперь ему невольно пришлось зажать нос – в гостиной царила атмосфера старости и избытка цветов, но стоило миновать арку, как в нос ударил резкий запах пота, давно немытого тела и вонючих до омерзения носков с примесью чего-то тошнотворно-сладкого, гнилого. Хозяин комнаты развалился в кресле прямоком перед игровой приставкой. Белая когда-то футболка сейчас походила на холст современного художника, наобум размахивающего кистью с краской преимущественно желто-бордовых тонов, а черные подштанники и вовсе были готовы разойтись по швам. Их обладатель был воистину исполин – широкие плечи и сильные руки так и вопили о бодибилдерском прошлом, но уже потеряли былую форму, благополучно заплывая жиром. Огромный живот свисал над короткими, но мощными ногами, а их пальцы весело подпрыгивали в такт гремящему из наушников габберу. Лысая башка не столь блестяла, сколь искрилась от пота.

Замявшись на входе, человек сверлил взглядом здоровяка, чувствуя досадливое нетерпение – не этого он ожидал увидеть. Но мысль, что ему некуда спешить, притушила чересчур ретивую искорку. Вздохнув, Проводник решил дать хозяину время и осмотрел комнату. Все готовящиеся умереть забывают об элементарном порядке? Помимо шкафчика, на котором стоял жк-телевизор, по экрану которого в данный момент разносились мириады взрывов и огней, тут была лишь здоровенная двуспальная кровать. Смело можно дать голову на отсечение на то, что здоровяк и на такой с трудом помещается! Белые простыни были смяты и тоже все были в отвратительных глазу пятнах. Стараясь не думать о том, кем или чем они вызваны, он перенес взгляд на стены. Дельфинчики, кальмары и всякая морская живность вперемешку с кораллами – именно такие веселые обои были в этом маленьком оплоте уединения. Сразу в голове нарисовалась картинка, как несколько десятков лет назад маленькое, грузное и лысое существо в очках каталось мячиком по полу, давя игрушки и забытый на полу пирожок с клубникой. А вот он случайно выпрыгнул в окно, разбив вдребезги стекло, снеся еще и раму...

Сделав неуверенный шаг вперед, Проводник мигом ощутил, как крошки затрещали под ступнями. Скривившись от мимолетного приступа, он громко хмыкнул.

– Секунду, мистер, я скоро закончу миссию! – помахав огромной лапищей, трубой прогудел гигант.

– Пожалуй, нет, я пойду. – сказал Проводник жестким тоном и развернулся.

–Нет, стойте же... черт! – сзади раздался натужный скрип и секунду спустя на его плечо словно опустилась плоская и мягкая гиря, – Простите меня, давайте поговорим!

Страхнув руку, Проводник обернулся.

–Вы позвали меня сюда для очень важного дела. – с этим придется идти по-другому пути и, поняв это, он скривился от презрения, сверля злобным взглядом нависший над ним подбородок, – И я не намерен тратить время на пустые ожидания, когда вы наиграетесь в свои игрушки. Судя по всему, ваше время прошло.

Здоровяк при последних словах содрогнулся, словно гора при землетрясении– того и гляди с лысой макушки посыплется булыжники и спустя секунду следом за ними огромная куча камня лавиной хлынет вниз, на шерстяную землю с многотысячными поселениями паразитов, зародившихся во время всекомнатного загрязнения. Глаза живой глыбы подернулись влажной пеленой и губы предательски скривились.

–Ну, нет, здоровяк, ты не будешь плакать при мне! – звонкий шлепок тыльной стороной ладони и затылок немедля обдало холодом.

С трудом сохранив прежнее выражение лица, Проводник чуть отступил назад, слыша внутри головы скрежещущее: "Ну, и что же ты делаешь, черт бы тебя побрал?"

Почесав покрасневшую щеку, мужчина смотрел на прибывшего, словно на пришельца. Взяв себя в следующую же секунду в руки, стал быстро елозить ногами по полу, разгоняя мусор по углам. Быстро покопавшись в куче сваленной одежды, выудил оттуда очередную засаленную футболку и прошелся по столешнице. Затем громогласно позвал старуху-мать и приказал ей принести ему и гостю по чашке чая. Пока тапки старой звучно шаркали прочь, хозяин комнаты жестом предложил сесть в свое кресло.

Когда гость, вновь поморщившись от легкого отвращения, сел, тяжелый зад гиганта опустился прямо на пол и голова прибывшего оказалась аккурат напротив его носа.

–Будем говорить, когда мать принесет чай. – и смущенно улыбнулся, обдав жаром и легкой вонью изо рта, – Сначала поьем и поговорим. Простите за мою безалаберность.

–Конечно. – "Время всегда есть. Но не у тебя."

Когда чашки были опустошены, маленькие для столь большой головы глазки вперились с неожиданным добродушием.

–Ну-у, наверно, начнем, да? – кисти рук сцепились друг с дружкой.

"Нервничаешь, да?"

–Стоит, наверно, рассказать, как я вас нашел?

Проводник покачал головой.

–Вовсе нет. Это и так очевидно. Я же здесь с другой целью. – гора вновь содрогнулась.

–Н-но... – он начал заикаться, – я н-не зна-аю, как это вообщ-ще сделать.

–Вы не выбрали способ? – глаза холодно прищурились.

–Я надеялся, что вы поможете. – прошептал новоозначенный Мистер Два, скосив взгляд на кухню, проверяя– не слышит ли мать?

"Вот и приехали."

Проводник усмехнулся, опустив лицо к коленям, чуть провел ладонью по ежику отрастающих волос. Если человек еще не выбрал способ самоубийства, то ни о каких гарантиях и речи быть не может– он до сих пор сомневается, все еще выискивает пути отхода, повод оставить свою жизнь себе, холера такая... Лучшим вариантом бы было встать и уйти, сделав это за неукоснительное правило, однако... Не сдаваться же просто так?

–Вы неверно оценили мои услуги, мистер. – "Вы, люди, невероятный народец– умеете быть абсолютно уверенными, при этом более чем полностью неготовыми." – Я не наемный убийца, который сам решит, когда и как вам умереть, я про...

–Да-да-да! – замахал на него руками детина, чуть было не попав по лицу, что наверняка смертельно, – Я... я знаю, но мне страшно выбирать самому– я ж не знаю, какой способ сколько боли принесет!

"Чертов дурак."

Вместо этого он улыбнулся ободряющей улыбкой. Людям надо внушать доверие– пусть и этот чувствует себя непринужденно.

–Эх, вы. И что прикажете мне с вами делать?

–Я не знаю. – "Ладно, успокойся, сейчас сам что-нибудь придумаю."

–Может, для начала поговорим? – предложение Второму пришлось по душе, что выразилось в легкой улыбке.

–О чем?

–О чем угодно. Я ведь приехал не только затем, чтоб быть рядом, но и, возможно, помочь вам в чем-то разобраться. Возможно, что и прийти к какому-то решению, которое не будет мешать выполнению контракта. Сперва можете рассказать о себе– мне интересно, к кому я пришел.

–Вы так сказали, словно можете помочь мне и найти решение помимо суицида.

Проводник просто покачал головой, ожидая ответа.

–Да нечего рассказывать, уважаемый! – как ни в чем ни бывало продолжал житель отвратнейшей комнатухи во всем городе, склонившись поближе и понизив голос, – О детстве? Обычное. О том, как жизнь прожил? Тут и рассказывать нечего– был бодибилдером, ездил на разные мероприятия для качков и иногда снимался в дешевых журнальчиках. Подцепил одну девку, а она возьми и залети! А мне всегда говорили: "Любишь совать, люби и отвечать!" И сбежать– совсем не по-мужски! Делать нечего, женился, забросил спорт и работал на благо своей новой семьи, отдавая всего себя.

–И как? – "О-о да-а!" – Счастливая жизнь была?

–Что... откуда вам знать, что "была"?

–Оттуда, что люди женатые не думают о суициде, ибо у них на содержании семья– чувство долга ожидаемо перевисает все, как и мысль, что жизнь все-равно когда-нибудь кончится. Люди же разведенные чувствуют себя крестьянами под оброком и это их более чем тяготит– в таких-то условиях! Могут сказать, что внешне вы похожи на второй тип– тех, которого бесцеремонно вышвырнули из семьи несмотря ни на какие заслуги. Так какая у вас семья была?

–Зачем спрашивать, если вы и так все знаете? – мистер Два качнул головой, откинулся на кровать, – Семья? Да как сказать– вроде бы все, как у остальных, а на душе кошки скребут. Но я– мужик и потому не бросал семью даже когда что-то не нравилось, старался исполнить все, чтобы сделать нашу жизнь лучше!

–Это как же?

–А как еще-то? Работал до седьмого пота, зарплату жене, подарками ее и дочь одаривал, машину вот в кредит купил, теще дачу построил, на моря возил, всем угодить пытался! Ну, все, как надо, сделал, но плохо вышло...

–Отношения с семьей?

–Не совсем. Дочка вся в меня– красавица, умница, вежливая и послушная, вот никогда с ней проблем не было. Аж нарадоваться на малютку не мог! – губы здоровяка расплзлись, затуманился взгляд, – Она была мой лучик света! За нее я готов урыть любого... В общем, жили не тужили и тут бац– развод! – его голос эмоционально продублировал прошлую ошалелость, руки развелись, – Я в недоумении– все же было хорошо, даже отлично! А тут бац– и словно молотом по голове огрели!

–А из-за чего?

–А жена все! Мол, внимание не уделял, много работал, ее совсем забыл и вообще полный козел, оказывается! – склонив мощный лоб к коленям, пристыженно прошептал в ответ Мистер Два.

Едва сдерживая желание вновь заткнуть нос, Проводник чуть отвернулся от него, но решил не тянуть резину и подошел к окну, с трудом раскрыв захлавленную мусором створку, решив там и остаться.

–И что дальше?

–Как что? Из дома выперли, дочь отобрали, прав лишили. Да на каком основании– якобы дочь избивал! Нет, ну ты можешь поверить, чтобы я– и избил собственную дочь! – "Нет." – Сначала я подумал, что ошибка вышла, но быстро узнал, что это все моя жена! Моя бывшая сука-жена... поломавшая мою жизнь! Каким-то образом уговорила девочку сказать все, как ей нужно было и все, я пропал! У меня изъяли все, что только можно, не оставив и малейшей возможности вернуть, еще и срок дали три года за жестокое обращение с детьми, так и три хотели накинуть сверху! Я вышел пару лет назад и подал на жену в суд за лжесвидетельство, но...– повернувшись ко Второму, Проводник увидел то, что и ожидал– прижатые к лицу ладони,– Никаких результатов это не принесло– делу изначально не дали ход "за отсутствием нарушения закона", не позволили мне оправдать себя хотя бы в глазах моей матери! В глазах остальных людей я– самый настоящий моральный урод. – сквозь пальцы потекли крупные слезы, – Мне никто не верил, даже друзья– все как один поверили словам этой сволочи, что сломала мне жизнь! Просто вышвырнули меня из своей жизни, как мешок с мусором, но и это не все!– обида так и сочилась вместе с жалобно выплюнутыми словами и секунду спустя бывший бодибилдер тихо ронял слезы на пол, пока его старая мать не более чем в пяти метрах спокойно сидела почти вплотную к телевизору, не обращая никакого внимания на то, что происходит в ее собственной квартире.

"Контракт важнее."

Он подсел к мистеру Два, неловко похлопывая по плечу, вытягивая при этом руку на всю длину:

–Сочувствую тебе, приятель. Что же случилось дальше?

Хлюпнув носом, детина обвел взглядом комнату:

–Черные списки во всех конкурсах, ассоциациях, клубах и даже журналах! А затем... Это! – из последних сил стараясь не реветь в голос, он окинул взглядом свою комнату.

–Ты вернулся к матери? Зачем? Почему ты не смирился с этим и не начал жить дальше?

–Да не могу я, не могу! – маленькие глазки яростно взглянули на Проводника, – Я бы устроился заново на работу, но меня даже там никто не хочет брать! Все из-за той истории! К тому же все, что имело смысл в моей чертовой жизни– дочка!– Второй назвал ее имя, после чего вспрыгнул за компьютерный стол и начал клацать клавишами, ругаясь всякий раз, едва палец попадал не по нужной кнопке.

На экране появилось изображение девочки лет шести.

"Девочка как девочка." – подумалось Проводнику, пока глаза неотступно наблюдали, как мясистая рожа ощерила зубы в бессильной ярости и обиде.

–Моя бедная девочка!..– скулил он, – У меня не было никаких шансов вырвать ее из когтей жены– закон не позволяет! А после ее сфабрикованных обвинений адвокат попросту слил меня на радость суду, тут же постановившим запрет на приближение, за нарушение которого– срок!– и трахнул кулаком по столу,– Надо было понять, что это была формальность, а не суд, и не отдавать малышку, близко к ней никого не подпускать, а лучше уехать куда подальше!

Дерево чуть было не разнесло, но оно выдержало, хотя поверхность изошла трещинами. Едва рука отнялась от нее, как взгляду предстала кровавая клякса. Проводник оторвал от пятна взгляд и вновь похлопал заливающегося гиганта по плечу. Второй, все так же хрюкая носом, начал вытирать свое лицо очередной футболкой, будто ему плевать. Тогда, выбрав одну из не

самых грязных маек, Проводник схватил мистера Два за руку и медленно, но крепко замотал кровоточащую ранку. В немом изумлении глядя на него, тот вновь качнул головой:

– Незачем жить мне на этом свете, друг. – свиные глазки налились кровью. – Незачем жить в мире, где мужчина может потерять все со слов жалкой шлюхи! – не отвлекаясь от душевных излияний, Проводник все же заметил, как уже замотанная рука Второго шарит по внутренней полочке в столе, – Дети – смысл жизни своих родителей, а моя никогда бы не стала исключением, даже если бы сама об этом попросила!

"Что же ты там ищешь?"

– Откуда же у тебя деньги тогда? – решил спросить он как ни в чем ни бывало.

– Материны. У нее были большие накопления, которые она ни на что так и не растратила. Старая дуреха потратила всю жизнь, чтобы существовать спокойно на закате своих лет, ну и мне тоже с лихвой хватает!

– И ты считаешь, что вправе ими распоряжаться? – теперь Второй начал ему нравиться.

– Да ты взгляни на нее – не ровен час помрет. – и плакать перестал, что тоже весьма неплохо.

– Что ж, аргумент! – чуть помедлив, рука детины наконец успокоилась, не найдя искомое, что Проводник так же заметил, – Не поделишься планами на ближайшее будущее?

– Пойти с тобой в бар, надраться как свинья и разбить парочку морд. А после ты поймешь, что делать! – словно дожидаясь именно этого вопроса, немедленно ответил мистер Два.

– Так, ты уже все решил, хотя несколько минут назад и знать не знал, что же это будет? – кивок, – Решил не пытаться счастья, твердо избрал путь к смерти?

– Да.

– Деньги вперед.

– Сейчас! Мама! – и Второй потопал в гостиную, сходу расспрашивая о чем-то старуху.

Не слушая их переговоры, Проводник обратил взгляд на экран, где все еще стояла фотография девочки. Длинные темные волосы разметались по ветру, скрывая половину круглого личика. Лишь один глаз – темный, почти как его собственные, – застыл в кадре, пустой, как у всех детей, мнимо безжизненный. Выражение лица дочурки Второго не вязалось с позой – она сидела на карусели, раскинув руки. На фотографии должна быть улыбка и веселый смех. Но улыбки нет.

Минуты три спустя мистер Два принес наволочку, из которой вытащил пару пачек купюр.

– Хватает?

– Я и так вижу, что хватает. – можно не считать деньги – у этого дурака мозгов б не хватило их недосчитать, да и причин на то не имелось, – Что ж, идем.

* * *

– Ты не испытываешь неловкости от того, что расплатился со мной чужими деньгами? – спросил Проводник, пока машина набирала ход.

Они ехали в стареньком минивэне бежевого цвета, который некогда водила сама старушка. Перед уходом Второй о чем-то с ней поговорил и у них завязался нешуточный спор, из которого он, по всей видимости, вышел неоспоримым победителем.

– Нет. – качнул головой Второй, согбившись под потолком, почти что утыкаясь подбородком в рулевое колесо, обмотанное пупырчатой пленкой, – Все, что ты видел в ее квартире, было куплено еще давно на мои призовые деньги. Я же не рассказывал, что у меня детство было не особо радужным. Особо распинаться не буду, но скажу так – долгое время мама занималась не тем, чем ей хотелось, потому что у нее был я – здоровый увалень, который вечно хотел есть, да собака. На средний такой уровень нас хватало, но без излишков. О том, чтобы побаловать себя или меня, речи быть не могло, но потом она приняла предложение от своего друга поработать в его компании. Я как раз уже подрос, в армии отслужил пару лет, конкурсы стал посещать, учиться помаленьку. Без меня она особо на месте не сидела – компания росла хорошими

темпами: контракты за контрактами, собеседования, переговоры, сделки и все такое, я особо не углублялся. Она так никуда и не выбралась – просто откладывала деньги и приговаривала: "Вот, когда окончательно все достанет, махну на море." Куда ей столько денег, так и не ответила, отбредившись, мол, на черный день.

–И пара изъятых десятков ничего не изменят?

–Ничего. Даже вздумай мама себе яхту купить и отправиться в открытый океан, ей б, думаю, хватило. Не на огромную, разумеется, но на красивый парусник – с лихвой! Правда, ей с таким не сладить, так что пришлось бы купить что-то подороже, но более легкое в управлении. Ну, это я так, прикидываю. На самом деле она никуда не уйдет – все, что ей нужно, здесь.

–Не думаешь, что твой уход ее здорово подкосит? – поинтересовался у него Проводник, гадая о том, запомнит ли эта старушка его лицо.

–Нет. – мистер Два остановился у светофора, – Я сказал ей.

–Что хочешь умереть?

–Что не могу больше жить, зная, что не могу ничего изменить без того, чтобы меня не признали врагом народа. Мне слишком стыдно за то, что я не справился со всем этим, как настоящий мужик, расклеился. – огромный ботинок вдавил педаль газа, – Вот скажи, как бы ты поступил на моем месте?

–Я не знаю. Возможно, я бы забрал девочку и ни за что никому не отдавал. – отвернувшись, Проводник усмехнулся, – Ну или заставил бы свою бывшую жену пожалеть о том, что она родилась на свет.

–А это не слишком жестоко?

–То, как она обошлась с тобой – действительно жестоко. Но ты прав – вариантов у тебя нет. Однако это все равно не повод умирать. – удивленный взгляд, поднятые руки в ответ, – Нет. Я не убеждаю тебя в том, что стоит остановиться, но спрашиваю о твоей задумке. Ты же ведь неспроста способ не сразу выбрал, так?

–Так.

Но он не дал разговору запнуться.

–Значит, твоя мать и я – единственные, кто знает о твоём намерении. То, что ты не рассказал и всем остальным, кто был бы готов слушать, наводит меня на мысль, что ты все-таки это скрываешь, но вот чего я не могу понять – зачем матери-то знать?

Автомобиль вновь остановился перед светофором. Больно их тут немерено.

–Я просто поддался сентиментальности и хотел попросить у нее прощения сразу. Но, кажется, она не поняла.

–То есть как?

–Ты же видел, какая она? – Второй наклонил левое плечо и посмотрел в зеркало бокового вида, – Она не в себе. Ходит, разговаривает, вроде бы даже что-то понимает, но... ее словно нет здесь. Что-то помутилось в один день и теперь она всегда улыбается и смотрит телевизор, при этом сохранив внешнюю адекватность, даже самостоятельность. Я сначала ей помогал, пока не понял, что она и без меня справляется – не гляди, что такая тощая! Покрепче нас с тобой будет, это я тебе могу точно сказать.

–Хочешь заявить, что твоя мать ушла в мир фантазий?

–Нет. Скорее перестала воспринимать мир таким, какой он есть... как бы вдела его в радужную обертку и поставила на полку, больше в нем не нуждаясь. Все, что ей теперь нужно – немного вкусной еды и телевизионные программы.

–Должно быть, это не самый худший конец из всех возможных.

–И потому я могу оставить ее с спокойным сердцем. – Второй улыбнулся, сворачивая в переулок, – Хотя бы мама не висит тяжким грузом на моей совести! Знаешь, если бы все старики смогли впасть в такое состояние, старость не казалась бы столь страшной. Понимаешь?

–Понимаю. Это – твой бар?

–Он самый!

–Имей в виду, – сказал Проводник здоровяку, пока тот силится выпростать свой живот из-за руля, – Если ты начнешь драку, я не вмешаюсь. Не в моей компетенции.

–Да по барабану абсолютно! – казалось, перспектива напиться в баре с собственным проводником грела мистера Два Душу, – Но я не умру в этом баре. Смерть будет ждать меня здесь. – и наконец вылез из машины.

–Почему именно в машине? – Проводник встал перед ним, все так же смотря снизу вверх, ничуть не испытывая из-за этого неловкости.

–Потому что моя жизнь застрахована. – и, не говоря больше ни слова, двинулся к двери.

Они оказались перед насквозь прокуренной подворотней с дверью в металлической стене, напоминающим вход в заброшенный наркопритон, однако изнутри была слышна музыка, грохочущая из колонок. Заведенье оказалось дешевым стрип-клубом на месте автозаправки прямиком из прошлого века для особо одаренных деньгами. Особо одаренных... Как иронично это звучало, стоило понаблюдать за толстыми, потерявшими и намеки на красоту сорокалетними женщинами, лениво кружащимися у шеста и трясущими своими целлюлитными ляжками на радость последнему отребью всего города, присевших вокруг широких деревянных бочек, имитирующих столы. Тут были все– и бомжи, невесть откуда доставшие деньги, чьи лица были все в рытвинах, язвах и прочих болячках, и алкаши с пропитыми и опухшими рожками, словно улей разъяренных пчел разом решили надрать им зад, и толстопузые дальнобойщики в клетчатых рубашках и кепках с красным быком. Даже затесались бывшие байкеры с пышными некогда бородами, ныне сплошь вымазанные в остатках фастфуда вперемешку с пивом и машинным маслом. Не обошлось и без дам, которые не занимались тряской задом на сцене, но так же рьяно пытались привлечь свое внимание у какого-нибудь стосковавшегося по женскому телу мужлана, чтобы после завлечь в туалет, предварительно назвав свою цену. Они были все накрашены, как клоуны, а их наряды, призванные сделать фигуру более соблазнительной, лишь усиливали эффект замотанной в нити вареной колбасы– настолько жирные бока и ляжки выпирали из одежды. Про волосы можно было завести отдельную тему для любителей почесать свой злой язык– увидев такие, особо нежные ценители женской красоты, включая женщин, рухнули бы в обморок. Утрированно? Возможно.

В такую-то дыру Проводника и затащил мистер Два, пинком выбив дверь и заорав на весь салон: "Папочка пришел напиться последний раз в своей жизни!"

–Чертов идиот лишь привлекает внимание! – прошептал он, следуя за Вторым к барной стойке.

При виде его лица одна из шлюх поменяла курс в их сторону, расползаясь по швам в широкой улыбке. Проводник махнул рукой и вслед донеслось досадливое: "Пидор!" Ничего, ему безразличны выпады ходячих отрывков вроде нее. У импровизированной барной стойки, перегораживающей вход в домик, Второй уже вовсю чесал языком, привлекая внимание соседей. Пусть себе болтает. Сев на единственный оставшийся стул на высоких ножках в конце стойки, Проводник попросил стакан воды. "Я за рулем."– пояснил в ответ на поднявшуюся бровь старика-бармена, не глядя в глаза.

Мистер Два пил не переставая. При такой комплекции его желудок уже предпринятыми усилиями явно растянулся до внушительных размеров собственной черепной коробки, потому он заглывал стакан за стаканом, прерывая очередную десятку торжествующим ревом. Его быстро осаждали недовольным гулом, заставив перестать. Но ненадолго. Полчаса спустя тихой болтовни с одной из проституток, мистер Два рывком столкнул ее с колена и вновь начал буйнить. Становилось опасно– могли вызвать полицию.

"Контракт важнее."

Надо бы увести эту бесполезную тушу, пока не случилось непоправимое! Но не успел Проводник предпринять хоть что-то, как началась потасовка– Второй не дожидаясь, пока его

новый знакомый сообразит, как утихомирить конфликт, но сиюминутным ударом заставил одного из байкеров пролететь через пару бочек и застыть мертвым грузом на коленях у визжащей танцовщицы. Миг спустя остальная байкерская братия с ревом ринулась в атаку, вооруженная кто чем – бутылкой, кием, цепью. У кого-то блеснул в руке нож. "Ну-ка!" Ударами клиент раскидывал всех, как детишек, но следующий выпад лишь сделал все хуже – один из бородачей, влетев на стол к нейтральному выпивохе-наблюдателю, выбил у него из рук стакан с пивом. Тот, недолго думая, вскочил на ноги и разбил стакан о голову бедолаги, сразу же начав размахивать кулаками направо-налево. Раз – и ближайший байкер больше не встанет. Два – и шлюха схватилась за разможенный нос, три – и заехал какому-то бомжу прямо в затылок. В одночасье все помещение превратилось в настоящее поле брани: кровь, зубы, волосы и прочие части тела летали повсюду, гремело раскальвающееся под сапогами и телами дерево, звенело о головы битое стекло и с лязгом обрушались на спины цепи. Один только Проводник невозмутимо сидел на табурете, прислонившись к стойке и попивая воду. Даже бармен не сумел сохранить невозмутимость, крича фальцетом и схватившись за голову.

Внезапно у края глаза блеснуло и Второму воткнули нож под лопатку. Подорвавшись, Проводник растолкал некоторых бойцов, схватил здоровяка за шкварник и быстро, толкая его грузное тело прямо на некстати подворачивающихся драчунов, вывел во двор. Кажется, они несколько раз наступили кому-то на лицо. Переулок встретил их приятной прохладой и шум битвы затих, едва захлопнулась дверь. Он тащил Второго к машине, пока тот мотал головой и пытался слабо отпереться. Внезапно ладонь-тиски схватила Проводника за рукав, заставив остановиться.

–Погоди, не стоит спешить. – тяжелый вздох, – Дай немного дух перевести...

–Ты же понимаешь, что истекаешь кровью?

–Вполне, но... время еще есть. Район этот та еще помойка, полиция сюда не спешит ехать.

–Охотно верю, но предпочту смыться отсюда до того, как они хотя бы заведут мотор.

–Неужели тебе так не терпится от меня отвязаться?

Кожа на лице Второго покраснела, покрылась крупными каплями. Присев на стопку из поддонов, он тяжело вздохнул, все так же ожидая ответа.

–Отчего же? Вовсе нет. – да, именно это он и хочет услышать, ничего больше.

–И все-таки тебе придется поверить мне – проблем не будет. Сюда если кто-то и приедет, то минимум через полчаса. Они так просто сюда не двинутся, уж поверь! Сначала бронежилеты достанут, закрепят, потом автоматы свои похваляют, а уж только потом приедут. Сюда не отправят абы кого – сначала дождутся, пока наиболее опытные ребята закончат с последним вызовом, потом соберут им все необходимое и тогда отправят сюда. Ты, видимо, не знаешь, но этот район – настоящая дыра! Если хочешь пройтись прогуляться, то без ножа и умения обращаться с ним тебе лучше никуда не выходить... Забудь к чертям свои газовые баллончики – если на тебя напали, то это лишь разозлит напавшего и резко снизит твои шансы выжить. Только нож, а еще лучше – пистолет и как можно менее заметная одежда, чтобы на тебя потом пальцем указать не смогли. Еще бы... – тяжелый вздох боли, – ...да, еще бы стоило взять какую-нибудь повязку на лицо... Потому что прямо на тротуарах иногда лежат трупы, а они имеют свойство вонять – медики сюда тоже весьма неохотно едут, сам понимаешь – здешний контингент к чужим не особо хорошо относится. В барах – да, в барах всякого мусора понамешано, потому-то они здесь что-то вроде мирных зон... и я, кажется, одну сломал. – и здоровяк тихо засмеялся,

–Хорошо. – Проводник не стал упираться и присел рядом с клиентом, делая вид, что не обращает внимания на внезапно усиленное потоотделение, – Хочешь еще немного поговорить?

–Было бы неплохо...

–Хорошо. Зачем тебе страховка?

–Для дочери. Я, когда еще только она родилась, думал, что меня впереди ждет только хорошее, однако были моменты, когда тело сигнализировало о том, что с ним что-то не в порядке. Я ведь, знаешь, не всегда был таким жирным. Раньше на меня без страха нельзя было посмотреть– здоровый, мощный, рельефный! Достижение подобной формы всегда чревато последствиями. Это в рекламах всяких нам говорят, мол, занимайтесь и становитесь богами во плоти, но тело не вечноресурсный механизм и рано или поздно начинает давать сбои. Я, конечно, и близко не подпадал под определение ребят, которые раскачиваются так сильно, что по ним хоть трафареты вырезай, но тоже не стремился остаться позади. Так начала сдавать сердечно-сосудистая система... к моему изумлению возник повсеместный варикоз, потом и более неприятные болячки. Тогда я и решил снизить немного темпы, а сразу затем застраховал свою жизнь, в качестве получателя указав дочку.

–Жена знает?

–Ни хрена! Слишком много я позволил ей у себя забрать, чтобы еще и то, что причитается дочке, загребла!

–Ну, почему сразу загребла? Может, твоя женушка с ней бы поделилась, не думаешь?

–В том-то и дело, что "поделилась бы", если упираться на "бы"! – чуть рыкнул Второй, снова ахнув от боли, – Не факт, что моя малышка вообще была бы в курсе, что ей причитаются хорошие деньги.

–Разве ей нужны эти деньги? Разве мать не в состоянии ее сама обеспечить?

–Нет. Эта женщина– не моя мать, тянуть ляжку не будет! Меня всегда поражало, как подобные женщины умудряются находить себе новых мужчин, да не каких-то там левых, а богатых! Вероятно, живут себе за границей, шампанское попивают и даже не вспоминают меня...

–Сколько лет твоей дочери?

–Уже в университете должна учиться, по идее.– мистер Второй встал и поковылял к машине.– Я ведь ее уже столько лет не видел, что даже не знаю, как она теперь выглядит!..– еще более тяжелый вздох, на сей раз полный скорби.– Поди, она выросла в настоящую красавицу! Да даже если бы и нет, я все равно ее люблю и хочу увидеть, но...

Второй остановился возле машины и заплакал.

–Но я не смог ее найти, даже в гребаном интернете! Ее мать... видимо, сменила фамилии или сделала вовсе что-то незаконное...– он повернулся к Проводнику, вовсе не стыдясь своих эмоций, – Я пытался, честно! Нанял частного сыщика, чтобы хотя бы просто поискал, справки навел! Дал фотографии из тех, что мне остались, рассказал, где рождены, где жили, даже какие парикмахерские посещали! И ничего...– развернувшись вновь к машине, гигант уперся ладонями в капот.– Знаешь, я ведь нарушил один раз запрет и явился к девочке в детский садик– ничего особенного, просто сказать ей... "Привет, папочка тебя любит и очень жалеет, что не может быть рядом!", но, стоило мне войти, как женщины, которые там работали, вцепились в нее и не пустили ко мне. Сам-то я, знаешь же, не мог ничего сделать– каждое движение было для меня приговором, потому я просто пытался говорить, но они перекрикивали меня, закрывали ей уши, пытались выгнать ударами швабры, пока полиция уже ехала... Вот на такие вызовы они всегда едут быстро– дети же наше все, как-никак, а я уж точно не выгляжу тем, рядом с которым даже взрослому будет безопасно! Я пытался уговаривать их, умолял на коленях...– "Жалкое зрелище."– ... но так и не получил, чего хотел... А дочь... она боевитая оказалась! Сопротивлялась, как могла, пытаюсь ко мне вырваться, кусалась, лягалась, даже одной из воспитательниц глаза выцарапать пыталась! Она тогда была такая малютка– чуть больше моего предплечья, но уже тогда была намного сильнее, чем я! Если бы я послушал ее, внял ее зову ко мне и просто бы сделал несколько шагов, мы бы обнялись, пусть бы и в последний раз! Я бы не стал пытаться ее украсть или сломать детскую психику своим сопротивлением и спокойно бы вышел с офицерами, но зато б попрощался!– всхлип.– А я, тупоголовый шкаф со слабыми нервами, позволил случиться ее последнему воспоминанию об отце– здоровый, рыда-

ющий бугай, который упорно не желает спасти ее... Ее уволокли в другую комнату, захлопнули дверь, а я просто спустился во двор и дождался, пока мне наденут наручники. Пока дождался еще одного суда, девочку из сада забрали. Когда вышел из тюрьмы спустя год– ее уже и след простыл.

Понимая, что это нужный момент, Проводник снова подошел к мистеру Два и дотянулся до его плеча, чуть похлопывая.

–Мне жаль, что с тобой так получилось, правда... То, что с тобой произошло, меня не удивляет, потому что подобных историй я слышал очень много. Если бы я мог, я бы помог встретить дочь в последний раз, но... я всего лишь человек, который должен проводить тебя в последний путь.

–Да...

–Так что все, что я сейчас могу– остаться с тобой до самого конца.

–В багажнике!..– выдохнул гигант, – Канистра...

Он медленно обогнул машину и погрузился внутрь, пока Проводник достал из багажника заполненную доверху канистру с бензином. Потрясав ею перед зеркалом заднего вида, дождался кивка и захлопнул дверцу.

–Ты точно хочешь убить себя столь жестоким способом? – дойдя до окошка водителя, решил переспросить.

–Нет, блять, прикалываюсь, представь? – выдох, – Я сожгу себя, но сначала ты должен помочь мне выставить все максимально правдоподобно, чтобы ни у одной скотины не возникло сомнения в том, что я не сделал это намеренно!

–Что мне...

–Я поговорил с матерью, она тебя приютит.

–Большого бреда в жизни не слышал.

–Я серьезно! А теперь доставай канистру! – едва канистра попала к нему в руки, Второй отвинтил крышку и как мог облил салон машины и себя.

–А тебе совсем ведь денег не жаль, а?

В ответ лишь пьяный смех, тут же прерванный серьезным выражением лица.

–В общем, друг, от тебя многого не потребуется. – открыл багажник, достал нож, – Тебе нужно всего лишь ударить меня в грудь. Перчатки у тебя же есть? Нет? Ничего, перчатки я захватил, вот... Я открою дверь, чтобы ты мог ударить точнее, затем ты просто ее закроешь и дашь мне зажигалку...

–Неужели придется именно так изгаляться, чтобы добиться выплат? Это же твоя жизнь застрахована, разве они не должны платить по умолчанию?

–Нет. – откинув кресло как можно дальше, Второй откинулся на спину и уткнулся в руль коленями, – Обязательно условие– насильственная или внезапная смерть. Не самоубийство!

–А что на счет раны в спине?

–Слишком мелкая, никто не поверит. Надо, чтоб было похоже на то, будто я убежал, залез в машину, но они достали меня через окно, а потом подожгли. Потому ты должен ударить меня в грудь, сильно!

–А сжигать зачем?

–Чтобы твоих следов никто не нашел, например?

–Ты же понимаешь, что просишь меня нанести себе почти что смертельный удар, хотя в перечень моих услуг это не входит?

–А я ж его и не подписывал, разве нет? – усмехнулся мистер Два и Проводник мысленно дал себе зарок расшибить лоб о стену.

Вместо этого он кисло улыбнулся:

–Что ж, вот он. – выудив из своей поясной сумки сложенный вдвое бланк, сунул здоровяку в окно.

–Так это... это же ненастоящий договор, нет? – чуть обескураженно вертя бумажку в руке, спросил Второй.

–Верно. Но это будет договор, подписанный твоей рукой об отказе от претензий.

–В конце концов, какая на хер разница? Давай ручку!

–Спасибо. – кивнул Проводник, убирая теперь запачканный горючим лист обратно, – Теперь об услугах...

–Как я и сказал, моя мать примет тебя, если вообще вспомнит, но на всякий случай возьми ключ от двери. – Проводник принял, – Если за внештатную услугу тебе нужны еще деньги...

–Нет, мне хватит. Полагаю, я могу это сделать.

–Вот здорово!

–Ничего в этом здорового не вижу. – он сложил руки на раме, – Ты, по сути, заставил меня из обычного наблюдателя переквалифицироваться в соучастника твоего убийства. А я ведь не убийца, ты помнишь?

–Нет, человек, ты не убийца. Ты– просто умник, который додумался построить бизнес на щедрости людей, решивших умереть.

–Именно. – и все-таки человек улыбнулся.

–Тогда за удовольствие надо платить! Твоя плата– один удар... и давай быстрее, пока у меня истерика не началась!

–А по мне, так ты справляешься отлично. Эмоции– не так уж и плохо, как ты думаешь, и я рад, что ты смог открыться мне.

–Я готов.

Нет, в грудь не выйдет– слишком мало места.

–Эй, наклонись-ка ко мне, скажу кой-чего напоследок... – и, едва его шея приблизилась, нанес удар.

Машина дернулась вместе с содрогнувшимся телом, нож так и остался торчать в шее. Скалясь от неожиданно сильной боли, мистер Два тут же зажал широкую рану ладонью, шаря второй в поисках выпавшей зажигалки. Он не смотрел на Проводника, целиком сосредоточившись на поиске. Большая пятерня скребла полочки в двери, переворачивала коврики, то застревая сбоку от кресла, то упорно не продавливаясь вниз. Перед его глазами возникла зажигалка. Не его.

Подняв горящие глаза, Мистер Второй слабо вцепился своими пальцами в рубильник собственной жизни. Сплюнув кровь, губы расплзлись в багровой усмешке.

"Сейчас полыхнет!" – понял Проводник и задал стрекача.

В миг спину обдало жаром, а ушей достиг мучительный крик боли.

Взрыв.

Он лежал на земле, вжимая в грязь свое лицо, и единственная мысль, что мелькнула вместе с болью в ушах:

"Если он не может найти дочь, то как она получит свои деньги?"

Глава третья.

Можно ли доверять взгляду случайного человека, невольно ставшего свидетелем последних минут жизни одного конкретного человека? Может ли он действительно припомнить все необходимые делу подробности о времени, месте, положении тела и его внешнего образа? Разумеется, в первую очередь в память врезается лицо жертвы– убийство или несчастный случай, не важно! Важно лишь время, на протяжении которого тело остается на месте преступления, доступное каждому любопытному взгляду, желающему новых, особо интересных подробностей: ширина раны, средняя обильность вытекшей крови, цвет уже мертвой кожи или закрыты ли глаза в момент смерти. Все внимание достается главному виновнику торжества, а с ним и пер-

воступенные поминки. Но что касаясь причины того, что мертвец лежит на улице или сидит за столом, застреленный прямо в лоб? Вспомнит ли сознание очевидца его лицо, походку, ширину плеч, их прямоту или сутулость, или неизвестный убийца так и останется неузнанным, расплывающейся картинкой, тут же и размазываемой по ветровому стеклу усердными дворниками?

Он позволил себе допустить не одну, а две оплошности, дав возникнуть возможности, что около дюжины разъяренных мужчин таки смогут запомнить незнакомое лицо, вытащившее первое лицо конфликта с глаз долой, чтобы внезапно исчезнуть прямо за дверью одновременно с взрывом. Это было не то, чтобы непрофессионально – просто глупо. Даже ребенок, задумавший каверзу, проявит себя в качестве куда более изобретательной личности, даром, что таковой еще не является.

"Раз позволил этому произойти – расхлебывай." – мысленно корил себя Проводник, прячась уже в другом переулке за пару кварталов от происшествия, слушая вой сирен. Он убежал, но не сильно далеко, заблудившись в лабиринте малюсенького, казалось бы, городка, что еще надо было постараться учудить. Надо было все же купить путеводитель, но его легкомысленность едва ли вышла ему боком, потому-то теперь он и стоит один в темной улочке, сосредоточенно вслушиваясь в ночной ритм города.

Красивый в своей прозаичной простоте, он потерял ее, едва склонилось солнце и зажглись фонари. Диоды светили ярко, освещая собой практически все пространство, оставляя немногочисленные сгустки тьмы, в одном из которых и пришлось спрятаться. В свете все казалось до ужаса простым, лишенным индивидуальности и какой-либо претензии на изысканность и красоту. Безобразные в своей примитивности, улицы напрочь отвращали и могли отбить желание даже у заядлого любителя вечерних, полных тихого одиночества прогулок, выступая в качестве ночного кошмара рядового товарища урбаниста.

Зажмурив глаза, Проводник постарался избавиться от мыслей. Ему нужно было подумать, как быть дальше. Мистер Два перед смертью заявил, что можно пожить у его матери. Интересно, правду ли сказал? Ему казалась эта возможность бредовой, алогичной, попросту неэтичной. Заявляться в дом к старухе, у которой только помер сын и которая сама вот-вот сыграет в ящик, да еще и устроиться там как у себя дома – что еще может быть сравнимым с данным верхом наглости? С другой стороны... выгода? Выгодно ли это? Неизвестно. Причины "за" – бесплатное жилье и как следствие – отсутствие необходимости искать себе место ночлега. Возможно, что и еда так же будет бесплатной, равно как и остальные пара пунктов в неофициальном прејскуранте. "Ишь, разбежался, паяц." Дальше... что же дальше? «Ну же, думай!» Какие еще выгоды с этого следуют? "Нет больше аргументов "за". Тогда он стал считать причины "против" – неизвестно, как поведет себя старушка и не попытается ли однажды ночью перерезать ему горло? А если полиция нагрянет с вопросами? А вопросы соседей? Пожалуй, стоит остаться у нее всего лишь на ночь, уповая на правило спрятанного у всех на виду, но заранее осмотреть все в округе и наметить пути отступления, а там смотря куда ветер подует. Денег, полученных с мистера Два, вполне хватит на полгода не особо шикарного существования, если включить расходы на переезд и траты на съемное жилье.

"Одна ночь, думаю, не испортит положение. Заночую, а наутро решим, куда дальше."

Сирены уже стихли, а один из фонарей треснул и погас. Он встал и размеренной походкой двинулся по тротуару в поисках такси.

* * *

– А где мой сын? – просипела бабка, все так же с безмятежной улыбкой наблюдая, как Проводник стаскивает с себя обувь.

– Он придет, не переживайте. – тихо сказал он.

– Наверно опять к бывшей женке поперся, умолять ее будет дочку ему показать. Тряпка! – белесые глазенки поднялись к его лицу, – Воспитала, дура этакая, на свою голову! Убила я в

нем мужичка-то, оставила каким-то невероятным тюфтей! – старые губы едва сжались, потом затряслись, как при приступе, – Я-то ведь его одна растила! Папка его ребенка сделать сделал, а на роды даже не пришел, можете себе представить? Помер в драке– бутылкой по голове треснули и все– кирдык муженьку. А мне бы ребенку нового отца найти, ан-нет, не хватило мозгов! Сама-то в годы молодые была ох какая конфетка! – чуть подбоченившись с гордостью, кокетливо подмигнула, – Ни один мужчина мимо пройти не мог, не оглянувшись, вон какая была я! Ну и косячила, как могла, вместо того чтобы сына воспитать мужчиной, кто ж теперь-то осудит? Ни сама не попыталась, ни замену отцу не нашла. Он, наверное, сердится на меня, да?

–А вы бы сами и не справились. – прервав ее монолог, он обошел ее, – Женщина никогда не сможет воспитать ребенка правильно без мужчины. Я имею в виду– сделать человеком. Прогнать под себя может каждая, игнорировать и предоставить себе– аналогично. – оглянувшись и приблизил свое лицо почти вплотную, наблюдая свое отражение, но не пустые глазки, – Вы– прямо как моя мать. Можно мне стакан воды? – вставил он, не желая продолжать неприятный разговор и, когда бабка поковыляла на кухню, присел на дурно пахнущий диван.

Телевизор был выключен, в комнате горел лишь торшер под единственной достойной внимания картиной, тусклый свет которого внес бы атмосферу таинственности, не греми сейчас старуха на кухне столовыми приборами. Спустя минуты-полторы она принесла поднос со стаканом воды и тонко нарезанным хлебом, щедро смазанным сливочным маслом.

–Спасибо, миссис Два. – сказал он и откусил от краюхи кусочек, запив ее водой.

–Что? Кто такая эта "миссис два"? Вы плохо, милочек?

–Оговорился, прошу прощения. – "Не так уж глубоко ты увязла в своем мире."

* * *

Ему снилось, что он был парковщиком автомобилей у какой-то лесополосы. Кругом бегали белки, на глаз похожие на трупики, нежели на живые существа, да расхаживали недовольные водители, ежеминутно прибывавшие в огромных количествах на автостоянку. От их ора раскалывалась голова. Когда один из водителей в порыве злобы вытащил нож, Проводник полез в карман за собственным.

Не успело острие ножа вонзиться в его бок, как свет ударил в глаза и выдрал из сна. Лежа на полу в комнате покойного Второго, он обнаружил, что практически выполз из своего мешка, пока ворочался во сне. Сложив и упаковав вместе с простыней, сладко потянулся, со скрипом в костях поднялся и прошел в уборную.

Супротив своему же уговору он жил тут уже неделю. Миссис Два словно и не выказывала никакого беспокойства по поводу отсутствия сына и присутствия в квартире незнакомого мужчины. Первенство по овладению ее вниманием занимал за неимением конкурентов телевизор и бабка девяносто процентов времени попросту не вспоминала о ком-то постороннем, пока не отправлялась на кухню, после чего тарелка вкусоностей неизменно приземлялась на стол перед Проводником. Он обитал в комнате ее сына, пользовался его компьютером ради мониторинга по новым заявкам, носил его одежду, ничуть не задумываясь о том, правильно ли с точки зрения морали пользоваться чужими вещами. Но пока никто не выказывал признаков недовольства или беспокойства, оставляя квартирку в размеренном покое, даже скуке. Памятуя о своих оплошностях в деле с мистером Два, Проводник начал подумывать о завершении своей недолгой карьеры. Слишком опасно. Невольно вниманием завладевали желания простых человеческих удовольствий– жажда адреналина, плотских утех и противно-сентиментальная тяга к общению, однако какие-либо перспективы отсутствовали и выбирать было попросту не из чего. Иногда он пытался заговорить со старухой, но та неизменно перила взгляд в ящик, будто упорно не замечая присутствия чужого возле себя, так и не отвечая ни на одну реплику. Ему это быстро надоело и в голову стали лезть разные глупые идеи– от звонка проститутке до рокового шага с крыши местного дома управления. Потихоньку начала съезжать крыша. Неве-

домо каким образом потребность в общении сумела прощедиться через щели плотно сдвинутых заслонок.

Проводник был все еще недостижимо далек от заданного собой идеала.

Решив хотя бы немного сублимировать некстати взбухающую внутри язву, он отправился во двор, где и уселся на скамью с единственной целью – посмотреть, как обычные люди, отвлеченные от подобных ему мыслей своим бытом и правилами, неспеша шагают мимо, не подозревая о том, как проходят мимо одного из воплощений человеческих страхов и фантазий. Ясная погода, птички поют, детки лупят друг друга лопатками и ведерками, миссис Два в компании таких же старых отголосков прошлого шаркают неподалеку и бубнят. Мнимая идиллия. А других людей все нет.

Под звуки битвы маленьких людей человек большой расслаблялся. Еле прохладный ветерок приятно дул в лицо, отчего его волосы, в удивительном темпе роста преобразившие лысину в приятную взору шевелюру, развевались подобно травке на нестриженном газоне, пока мысли растворились в сладостной пене отдыха, наконец дав тяжелой от дум голове с наслаждением примоститься на спинке. Он уже засыпал, как туман дремы развеяли крики бабок.

Открыв глаза, Проводник увидел, как маленькая девочка что-то бросила в траву. Секунды две спустя растения загорелись странным зеленым огнем. Несмотря на всеобщий переполох, он даже и не подумал броситься тушить огонь, тогда как глупые маленькие создания ринулись с веселым гиком танцевать вокруг пламени, словно то была новогодняя ель, не иначе. Они прыгали, скакали, кувыркались, раздражающе громко смеялись, то и дело толкаясь друг с другом, обиженно кривляясь после каждого ощутимого тычка. Долго ждать не пришлось – веселый гомон и нестройный топот ног прервал тонкий писк боли. Та самая девчужка, что разожгла огонь, очень даже справедливо обожглась. Держась за кисть своей маленькой ручки, малявка громко канючила и расталкивала сверстников, чтобы тут же убежать домой.

Огонь уже начал распространяться по опавшей листве дальше, устремившись к одному из деревьев, но пара мужчин – соседей из того же дома, – выбежали с ведрами воды, потушив занимавшийся пожар. Затем один из них приблизился, начал кричать на Проводника, не переставая при этом чересчур уж активно жестикулировать. Он смотрел на разошедшегося мужчину, не понимая ни словечка из сказанного – точно регуляторы громкости в приемнике повернулись против часовой стрелки, будто бегунки эквалайзера разбежались по разным концам, сбив стройный бас до состояния едва уловимого ультразвука. Яркое-красное лицо маячило и кривилось перед глазами, а Проводник так и продолжил смотреть, пребывая в прострации, полностью абстрагируясь от окружающего мира на краткий миг, продлившийся достаточно долго, чтоб сосед успокоился и ретировался, не встретив столь желанного сопротивления, не видя больше смысла почем зря позорить себя перед остальными жильцами. Покачав головой какой-то неясной мысли, Проводник решил сходить попить чаю в ближайшее кафе.

По дороге его чуть не сшибла молодая женщина, резко выбежав из-за угла. Маленькое узенькое плечо, покрытое красным рукавом плаща, ощутимо ткнулось ему в грудь, заставив покачнуться. Не говоря ни слова, она развернулась по инерции вокруг своей оси и побежала дальше, цокая каблуками. Разворачиваясь обратно, он краем уха услышал треск сломанного каблука и короткий вскрик, как раз заметив за углом раскрытую дверь с надписью "Cafe". Никаких приписок, никаких излишеств. Только слово "cafe" и две рядом стоящие цифры. Двадцать четыре. Замечательно!

Ловко юркнув в щель между затворяющейся дверью и косяком, осмотрелся. Типичная кафешка а-ля фильмы эры расцвета кинематографа: изогнутая барная стойка, уставленная стеклянными полочками с пирожным в бумажных обертках и тарелками с недоеденным обедом. Перед стойкой так же стояли табуреты на высоких ножках, практически вплотную придвинутые друг к другу. Пару из них занимали двое грузных представителя стереотипа о рабочем классе – клетчатые рубахи с потертыми локтями, джинсы, старая обувь в бурых пятнах.

Венчала стандартную комплекцию пара бейсболок стиля милитари. Когда он вошел, оба мельком окинули его безучастным взглядом, после чего вернулись к поеданию лобстеров. Тут есть лобстеры? Неплохо для дешевой забегаловки.

За барной же стойкой стояла самая типичная представительница подобной профессии— худая, за сорок, с каменно-приветливым лицом, изреженным морщинами, под светлыми, кое-как покрашенными волосами, собранных сзади в тугий пучок. Глаза колючие, недобрые. У такой явно не стоит заказывать кофе. За ее спиной устроились самые характерные для подобного сорта заведений металлические шкафчики и столы-холодильники со стоящими по бокам контейнерами для горячей еды. В белой стене расположилось широкое окно, открывающее обзор в соседнее помещение— кухню. Даже отсюда чуялся жар, а пары и маячащий силуэт коротышки-повара мысленно проводили аллегорию с горящим в аду карликом. Чуть улыбнувшись странно мультяшной картинке в голове, Проводник прошел к сидению напротив и сел. Не мигая, встретив змеиный взгляд, сделал заказ.

Антропоморфная рептилия прищурилась, поджала чешуйчатые губы и, развернувшись с изяществом крокодила, гаркнула неожиданно мощным голосом:

—Третий, заказ! — затем скороговоркой отчеканила заказанное, после чего вновь обратилась к нему, — Кофе?

—Нет.

Губы вновь недовольно сжались.

“Пошипипи-ка!”

Пока коротышка метался в воображаемых языках адского пламени, а змея ползла к первым клиентам, вооружившись зубастой ухмылкой, он решил осмотреться по сторонам. Везде одно и то же, что тоже типично: большие окна, обклеенные рекламками с наименованием определенных блюд по пятидесятипроцентной скидке. Одна реклама не вписывалась в общую картину, чем и привлекала внимание слоганом на пол-листа: "Тебе одиноко?" Проигнорировав ее, он обогнул глазами обтянутые кожей диванчики, круглые столы с испорченными временем столешницами, и уставился в музыкальный автомат с пластинками. Еще один представитель умершего прошлого? Интересно, работает ли? Пестрые цветами витрина и кнопки так и притягивали взгляд да намагничивали кончики пальцев. Покопавшись в кармане, Проводник нашел монетку и твердым шагом направился к автомату. Приблизившись, прочел на этикетках названия песен и исполнителей, ни одного не узнав— слишком далек от мира музыки. За всю жизнь ни разу не довелось прослушать хотя бы одну песню целиком. Во всяком случае не помнил подобного. Что, собственно, было в том прошлом из того, о чем стоило вспоминать? Какие увлечения, мысли, желания, мечты? Он покачал головой.

"Ничего."

Палец тотчас же втокнул в щель монету, в следующую же секунду вдавил клавишу. Раздался треск и механизм заработал— одна из грим-пластинок приземлилась аккуратно на диск, игла воткнулась в винил. Запуск. Заиграла легкая ритмичная музыка. Когда он развернулся и пошел к своему месту, красивый мужской голос запел:

"In the year 2525
If man is still alive
If woman can survive
They may find..."

Он обнаружил, что немногочисленные клиенты все как один вперились в него одинаковым взглядом. Никто не шелохнется. Глаза не мигают, словно стараясь прожечь у него дыру во лбу.

"In the year 3535
Ain't gonna need to tell the truth, tell no lie
Everything you think, do and say
Is in the pill you took today!"

Словно решив, что с них хватит, все как один вернулись к своему делу. Помешкав, Проводник примостился на свое сидение и стал покачивать висевшей ступней в такт музыке. На удивление ему было приятно слушать. Пальцы мерно отстукивали под ритм музыки, как вдруг прямо на них с грохотом приземлилась тарелка. Содержимое чуть было не расплескалось, но пара горячих капель таки попала на кисть. Стиснув зубы, он медленно взял ложку и стал есть, пока змеиные глаза буравили подобно сверлу, заставляя предполагаемую точку сосредоточения тихо зудеть. Песня закончилась, пластинка с треском вернулась в свой отсек. Наступила тишина, перебиваемая лишь стуком ложки о стекло. Он ел медленно, не спеша, желая досадить всем, кто находился здесь. Острое ощущение всеобщего недовольства щекотало затылок и холодком спускалось к лопаткам. Левая рука начала потихоньку дрожать и, чтобы унять дрожь, Проводник пару раз сжал кулак, после чего упер в подбородок.

Наконец доев, шепнул: "Спасибо", расплатился.

Снаружи по-прежнему разъезжали автомобили, сновали пешеходы и проносились облака в небе. Неприятные ощущения растворились с дуновением ветерка и он вздохнул полной грудью. Приблизившись к окнам заведения, вновь задержался у флаера. "Тебе одиноко?" Под этим слоганом некрупным шрифтом был написан адрес сайта и краткие инструкции. В месте, где должна стоять печать, был маленький рисунок-скетч – два человеческих силуэта, разделенных стеной, держат телефонные трубки, провода которых соединены между собой. Не зная, зачем, он все же сорвал объявление и сунул в карман, краем глаза успев заметить, как вспыхнули вертикальные зрачки.

* * *

Проводник битых два часа комкал в руке объявление. Розовый лист уже смялся до такой степени, что любое неловкое движение пальцами могло превратить его в клочья. Было тихо, никто не мешал. Бабка куда-то ушла. Полагая, что предмет в руках должен навести на думы, он забыл им предаться, ощущая в голове в голове пустоту, лишь обостренным донельзя слухом улавливая стук сердца, скрип дверных петель, птичий галдеж да щелчки невидимой фотокамеры. Не заметив, как просидел так до глубокой ночи, движимый мимолетным желанием, он включил компьютер. Пока диоды на клавиатуре и экран оживали, приблизил лист почти вплотную к лицу, максимально сощурившись, будто пытаясь угадать неразличимый прямому взгляду текст, сокрытый внутри бумаги. Перечитав видимое содержимое в сотый раз, отложил листик и положил пальцы на клавиши.

Заявка оставлена, остается только ждать, что произойдет в итоге, чей голос раздастся в телефоне, какой новостью огорошит или о какой вовсе не важной мелочи сообщит.

Обновить. Пусто.

Серый ноль, замкнутый в черные скобки, упорно не желал загореться красной единицей. Значит, в этом мире никому еще не нужна его помощь настолько, чтобы продвинуться чуть больше того, насколько обычно хватает обывательского терпения. Вариант полной бесполезности неприемлем, отсутствие актуальности невозможно в принципе – не в этом мире! Не с этими людьми. Не в эти времена, когда главные развлечения покидают их безвозвратно, оставляя у разбитого корыта остаточных воспоминаний. Не в этот день, когда реки крови, бурно льющиеся из разверзнувших ран, будоражат их сознания, взывая к низменным инстинктам, пробуждая довольство к чужим страданиям. Не в этот час, когда человеческий крик, раздавшийся за стеной, разделяющей квартиры, наталкивает не к мысли о необходимости помочь, но к совсем иному мгновению, запечатленному на видеозаписи, когда нечеловеческое лицо разевает свою

пасть и издает очередной вопль несдерживаемого отчаяния, стремящимся вновь повториться уже в эту минуту в невозможном выверте счастливой случайности. Не в эту секунду, когда смысл жизни вместо выступлений на камеру рыщет по земле в поисках жертв для своей ненасытной тяги к возмездию.

Обновить. Пусто.

Прошло уже два дня безвылазного сидения в комнате— он ждал у телефона, долго и безмолвно глядел в экран компьютера в ожидании, когда в нем снова станут нуждаться. Отвлекаясь суммарно на час в сутки на совместные посиделки с бабкой за одним столом во время ужина, Проводник впервые не предпринял ни одной попытки поговорить. После кратких вылазок в гостиную он просто возвращался в комнату, залезал в спальник, ставил у изголовья телефон и закрывал глаза, предаваясь бездействующей дреме.

Наконец грубая трель телефона вырвала враз зашедшееся болью тело из дремы. Почти ослепнув от резкого перехода из подсознания в реальность, он шарил руками повсюду, едва сдерживаясь, чтобы не закрыть уши, разрываемые тонким крысиным писком, только через минуту нащупав и схватив зашедшуюся в истерике трубку:

—Слушаю.

Сквозь накатываемые толщи тумана раздался приятный женский голос.

—Алло?

Наконец-то продрав глаза, он опустил голову на подушку и прошептал:

—Кто ты?

—А кто ты?

—Я это я.

—Очень содержательно!

—Я сбрасываю трубку. — он уже собирался нажать отбой, но услышал, как она крикнула:

—Нет-нет, постой!

Он потянулся, пощелкал суставами, выдохнул:

—Стою.

—Ты не ждал меня?

—Я ждал кого-то, но кого— не знаю.

—Ты дождался— это я.

—Кто ты? — на том конце провода раздался раздраженный вздох— звонившая явно не ждала столь неприглядной реакции на свой звонок.

—Послушай, уважаемый! Я— одинокая женщина и я звоню тебе, чтобы скрасить свое одинокое существование приятным разговором с неким анонимом, который даже анкету на сайте составил таким образом, чтобы максимально минимизировать сведения о себе вплоть до пола и возраста, как бы парадоксально это ни звучало! Я не знала, стоит ли звонить вообще, но анкета была еще никем не помечена как занятая и я решила рискнуть.

—Теперь понимаю.—натягивая на себя одежду, пробубнил Проводник.

—И... Что, это все? — услышанное ее явно не устроило, — Ни восторженного: "Привет!", ни: "Я наконец-то тебя услышал!"?!

—А что, мне надо было именно так отреагировать? — потянулся к стакану воды, что стоял на подоконнике.

—Да! — не заметить нотки негодования в этом голосе смог бы разве что только глухой.

—Это почему же?— уже окончательно проснувшись, Проводник довольно отметил, как в голове перестало шуметь и ослабли цепи, притянувшие за спину к мягкой поверхности матраса,— Это, что же, часть какого-то обязательного ритуала, о котором я не то, что не в курсе, даже краем уха не слышал?

Она, что, задохнулась от возмущения?

—Да потому что я— женщина и я снизошла до звонка вам, хам!

–Я не хам.

–Хам, да еще какой!

–Ты не можешь называть меня хамом, женщина, лишь потому что тебе так хочется. Если у тебя все, сбрось трубку.

Повисло молчание. Гробовая тишина, даже звуки с улицы, казалось бы, растворились в ожидании. Ни звука, ни треска помех, ни даже легкого шелеста дыхания в трубку. Проводник уже закатывал глаза, когда голос наконец прорезал уже ставшую в тягость тишину:

–Почему ты еще не сбросил вызов?

–Потому что я оставил это право за тобой.

–Давай... давай начнем с начала? Чувствую, мы не так начали.

–Валяй.

–Тебе это совсем не интересно, да? – энтузиазм в голосе постепенно сходил на нет, пробивались нотки обыденного скептицизма.

А она быстро гаснет.

–Женщина, ты обозвала меня хамом ни с того ни с сего, так почему ты думаешь, что я стану проявлять активный интерес к людям вроде тебя? Какой мне с этого прок? Я предпочту вообще не отвечать.

Еще один тяжелый вздох. И еще. Что-то на том конце провода зашумело– раздался стук, словно что-то упало. Что-то маленькое, но увесистое. Оно трижды звонко ударилось о поверхность, затем шумно покатилося по поверхности вдаль, пока звук не утих. Шарик? Сфера? Карманный глобус?

–Ладно, я извиняюсь за "хама". Но и ты мог бы мне не грубить! Попытаемся все уладить прямо сейчас, давай? Как тебя зовут?

–Неважно.

–Ах, так? Тогда я не скажу своего имени! Будем мистер Бобер и миссис Выпь.

Ему пришлось засмеяться, чтобы не обидеть ее тем, что пришлось смеяться одной. Удивительно, как смех может разрядить обстановку, снять напряжение между двумя лицами, как настроенных на диалог, так и на драку. Многие недооценивают силу смеха, многие ошибочно могут расценивать его как насмешку, а то и явную провокацию. Нет, разумеется, подобные моменты имеют место быть, но смех все же не всегда означает что-то плохое. Смеясь вместе, люди могут соприкоснуться друг с другом, при этом не совершая никаких телодвижений в обе стороны. С помощью смеха основывались союзы, сходились группы людей, разрешались неловкие ситуации. Смех как мерило успеха органически влился в людское восприятие и расположен на порядок выше слез в иерархии общественных эмоций. Потому что дружелюбное лицо греет душу и самооценку. И позволяет смягчить веру в обман.

–Почему выпь? Крик выпи звучит как вопль насилуемой девственницы, оттого неприятен. Твой же голос не бесит.

–А, то есть, "бобер" тебя нисколючки не задевает? Ну, если тебе не нравится "выпь", можем поменять на "канарейку", "кукушку" или "козодоя". Коль не нравятся птицы, предлагаю перейти в более приземленных животных, из которых я бы выбрала выдру– как раз немногим похожа на бобра! Как тебе? – стоило подать все под правильным соусом, и женщина расслабилась, заговорила более открыто.

–Больно все смахивает на дурновкусную ролевую игру, тебе не кажется?

–Ну так ты же не хочешь называть свое имя! Это довольно странно, не находишь? Словно говоришь с безликим силуэтом из каких-нибудь детских страшилок, который похищает домашнюю кошку и по замыслу держит в каком-нибудь подземелье, где храбрые брат и сестра находят и освобождают питомца, а потом выясняется, что это был их убитый мамой папа... Твоя тяга к обезличиванию в любом случае навевает на мысль, что с тобой что-то не так. Это так, к сведению. Не нравится этот аргумент? Прибегу к следующему– называя друг

друга по именам в подобных нашему случаях, мы хотя бы обладаем иллюзией присутствия собеседника. Например, если б я знала твое имя, я бы на его основе представила твою внешность, взгляд, походку и манеры. Хотя твоя несколько грубоватая речь уже рисует в голове картину... нет, пожалуй, две картины. Итак, в первой картине ты большой мужик с пивным пузом... почему-то в маминых тапках в цветочек и обернутый в тогу. Довольно интересная картина, скажи? А вторая картина – ты маленький, худой, прямо как гоблин. У тебя острый нос и странная прическа – как бы зачес назад, однако волосы топорщатся. Ты в костюме, прям как злобный гений. Но есть одна общая черта у этих картин: на обеих нет цельности лица. То есть, как бы и есть и нет, понимаешь? Вот, представь себе силуэт профиля... Представил? Вот, у него видна линия подбородка, губ, носа, надбровных дуг... А потом как бы включаешь свет и видишь тот же профиль, но линии остаются линиями, тогда как самого лица – нет! Поможешь мне исправить ситуацию?

– Не думаю, что это достойно внимания. Мне, пожалуй, нравятся обе твои картины, которые ты себе вообразила. Даже захотелось купить себе подобные тапки.

– Смотрите, оно иронизирует! – подколола собеседница, весело засмеявшись. Затем спохватилась:

– Боженьки, я же опаздываю! Я хотела тебе позвонить, чтоб познакомиться и поставить пометку в анкете, чтоб никакая бабенка тебя не захомутала! Я это сделала и теперь мне нужно бежать, так что прошу прощения, но я сваливаю! – в трубке раздался треск, затем гудки.

Если это не разговор, то что же?

Ухмыльнувшись, Проводник положил трубку на пол, завернулся в спальник и уснул.

Будто тут же вырванный заново из сна.

Из динамика вновь донесся ее голос:

– Поговори со мной.

– Звучит, как приказ. – протереть глаза, вытянуться в струнку и хлопнуться обратно на подушку.

– Пожалуйста, поговори со мной!

Только теперь человек заметил грусть в голосе и странное придыхание. Его собеседница, кажется, плакала. Внезапно он почувствовал себя психологом поневоле, вынужденным выслушивать горестные излияния глупых пациентов. Однажды пришлось подрабатывать у знакомого матери кем-то вроде бухгалтера. Тот был психологом, притом отличным, одним из лучших в городе: проводил терапии не только всяким скучающим филистерам, но и приходил в тюрьмы к заключенным, где беседовал с ними о том, что те только пожелали обсудить, не имея возможности раздобыть хорошего собеседника у себя за решеткой. Несмотря на заслуги перед отдельными людьми, этот человек сумел добиться лишь того, что относились к нему с должным уважением исключительно смертники. Получая вызов по телефону, психолог проходил в большое белое помещение с железными дверями и здоровался лично с каждым заключенным, которому грозила смертельная инъекция. Неся в левой руке старый деревянный стул, а правой с периодичной точностью поправляя галстук, доктор ставил его ровно посреди помещения и громким голосом говорил: "Ну, с добрым утром вас, ребята!", ничуть не поддельвая радость от новой встречи с ними. В ответ из всех камер доносилось нестройное: "Утро добрым не бывает – самоубийцам помогает, профессор. Как жизнь?" А он лишь отвечал, что все как обычно, и принимался беседовать с ними. Темы были разные – бог, деньги, женщины и мужчины, тайны глубин морских и космических просторов. Насилие и благостный трепет слитого с ним воедино современного общества. Но больше искусство. Профессор любил искусство, в особенности живопись, посему попытался организовать творческий кружок для заключенных всех типов и устроить его в одном из помещений. Идея малость нестандартная в условиях подобного заведения, но могла бы пройти, поменяй доктор локацию и гражданство. На свою беду он родился и вырос в неподходящей для тюремного гуманизма стране, потому и кружок возникнуть не

улыбалось. И лишь потому, что душой он был частично авантюрист, притом далеко не глупый, решился на пронос бумаги и постели за пазухой. Он знал, что один из заключенных – молодой парнишка, который убил свою тетю, задушив ее в постели (самое интересное то, что адвокат пытался его оправдать, давя на то, что мальчик защищался от тети, пытавшейся его изнасиловать, но ничего не вышло и того посадили), – был талантливым художником, все свое детство и юность посвятивший рисованию. По рассказу доктора, радости молодого человека не было конца – возбужденный голос то и дело восторженно прерывал беседу между доктором и остальными заключенными, то хвастаясь неким штрихом, то с непонятной радостью возвещающего, что постель сломалась. В ответ на его вопли остальные начинали шуточную перепалку, пока доктор отдыхал от душевных излияний, наблюдая за торчащими из ставней-полок в дверях камер лбами, обладатели которых всеми силами пытались узреть творение сокамерника. Несмотря на свои альтруизм и самоотдачу, глубоко внутри доктор презирал своих пациентов, если не сказать, что ненавидел. По его же словам, к которыми психолог обращался к Проводнику, можно было понять, что однообразные унылые истории и жалобы, все эти до жути тривиальные истории о людских невзгодах жутко тяготили профессора, заставляя чувствовать себя своеобразным унитазом для смыва словесно-бытового поноса. Самого же Проводника доктор принимал безо всякого радушного лицемерия – строго, придерживаясь субординации, не выходя за рамки приличий. В частности, то, что тогда еще юный человек никоим образом не пытался посвятить профессора в свою жизнь или просто как-то с ним поговорить, располагало стареющего психолога к своему помощнику.

"Ты не выносишь мне мозги, как они. Я уверен, что у тебя есть, чем поделиться, но ты не грузишь меня этим, ибо все понимаешь." – как-то было сказано.

"Мне просто нечего сказать, сэр." – только и было отвечено.

Теперь Он полагал, что имеет представление о том, что именно имел старик.

– О чем ты хочешь поговорить?

– О чем угодно. Мне хочется слышать твой голос!

Вот так, с бухты-барахты, ни с того ни с сего.

– Не думаешь ли ты, что столь явная сентиментальность тебе не к лицу? Мы же говорили с тобой от силы минут десять... Тебе, что, поговорить не с кем?

– Во-первых – да, думаю! Во-вторых – ты не видел моего лица и не можешь утверждать, что мне к лицу, а что нет. В-третьих – все сентиментальны! Это в порядке вещей, если ты не знал, и проявляется у каждого – у кого-то быстрее, у кого-то медленнее, и тому подобное в плане глубины.

– Даже я? – кровать со скрипом прогибалась под весом тела, пока он сползал на пол. Отряхнув смятую во сне одежду, Проводник ступил на кухню.

– Даже ты. – тем временем ответил женский голос, странно урча.

– Интересно, как же ты выяснила это?

Она проигнорировала вопрос.

– Почему ты оставил анкету на том сайте?

– А почему нет? Я сейчас далеко от дома и мне не с кем воплотить свою потребность в общении. – сухо, словно озвучивая статистику смертности стариков по радиопередаче для живых реликтов, сказал человек.

– Ты настолько одинок? – в ее голосе начали пробиваться нотки жалости.

Еще чего не хватало!

– Слишком банальные вопросы, тебе не кажется? – слушая, как шуршит что-то в динамике, в это же время крепко стукнул стаканом по столешнице и плеснул воды.

– Ты очень грустный человек, я знаю это.

"Глупая женщина, не будь столь наивной!"

– Знаешь, что сейчас бы нам не помешало? – настойчиво продолжил голос.

–Что же? – в трубке хлопнуло.

–Общество уныния. – Проводник снова засмеялся, – А сейчас почему ты смеешься?

– Нельзя быть столь наивной, женщина– мы уже живем в нем! Люди поголовно страдают от депрессии и дисфории, но предпочитают не показывать это широкой общественности, ведь им проще делать это в одиночестве, не показывая свое настроение никому, при этом рьяно осуждая каждого, у кого хватило на это смелости. Парадоксальное лицемерие, однако!

–Любишь парадоксы? – она, что, кокетничает с ним?

–Настолько же, насколько люблю изюм.

–Достаточно здравая мысль– я тоже его терпеть не могу. – понимающим голосом согласилась неизвестная, – Сколько тебе лет?

–А сколько дашь?

–Ну, может, тридцать?

–А почему не восемнадцать?

–Потому что подростки тупые.

–Узколобо и однобоко. – опустошив стакан, Проводник вновь наполнил его.

–Это почему же? – на том конце провода опять что-то хлопнуло.

–Ну хотя бы потому, что подростки не столь тупы, сколько необузданы.

–Ну, тут ты прав, возможно.

–Не “возможно”, а точно! Я был подростком и это было забавно. – ноги мерно отшагивали по ворсистому ковру, увлекая тело в холодную прохладу ванной комнаты.

–Что же забавного? – "Ощущение собственной ничтожности."

Вслух же ответил иначе:

–Забавно то, что, когда остальные занимались своими мыслями, зачастую неутешными и откровенно депрессивными, которые напрочь отбивали любую волю к жизни и деятельности, и смели на этом строить свои теории о бессмысленности жизни, я просто проходил мимо, иногда работая, иногда просто коротая дни, наблюдая за тем, как они упиваются собой. Несостыковка в том, что моя абстрагированность явилась не следствием какой-то конкретной причины, которая в полной мере могла бы меня оправдать, а то и фиктивно возвысить над другими, но простого нежелания идти по заданному алгоритму, потому что... Сама посуди– когда все страдают, это уже не является страданием, мутируя в новые нормы. Они смаковали свою юность, как самую сладкую конфету в своей жизни, которую вот-вот отберут, и отказывались слушать всякого, кто пытался завести разговор о будущем. И я их понимаю: когда мне втирали, как я буду учиться, потом работать и заводить семью, первой мыслью всегда возникал план стащить деньги из родительской заначки, купить все необходимое для передвижной жизни, пару пачек снотворного, да свалить из страны.– сунув щетку в зубы, Проводник довольно оскалился.

–Вам, детишкам, так не хотелось работать? – в ее голосе слышалась скрытая нотка разочарования.

То-то и оно!

–Лично мне– да: даже при всей своей деятельности я остаюсь жуть каким инфантильным! Вкусив тяжесть рабочих будней и опустошенность выходного, загорелся стать праздной личностью, которая только наслаждается жизнью, ни единой секунды не выстрадав один момент за другим.

– Но так же нельзя! Ты же мужчина! А мужчина должен быть представительным, образованным и солидным... – "Вот и разочарование пожаловало."

–Мне не нравятся твои "мужчина должен!" – резко ответил Проводник, смачно сплюнув в раковину.

–Прости, не хотела обидеть... Кстати, я б тоже хотела сбежать!

–Если сентиментальность в твоём списке занимает место в первых пяти, то сбежать не получится. Тебя заест совесть за оставленных тобой.

– Может, тогда не стоит уезжать?

– И похоронить себя, свои амбиции, мечты? – быстро прополоскав рот, закончил, – Особенно, когда тебя ничто не держит? Глупости! – глаза покалывало от проникающего сквозь щель в шторках света.

Спрятавшись в тени, Проводник сполз по стене на пол, вытянув ноги на холодном кафеле.

– А тебя ничто не держит? Ты и правда совсем одинок даже в том, как думаешь? – более спокойный, вкрадчивый голос.

– В каком-то смысле – да. И в толпе друзей я одинок, и не один наедине с собой.

– Красивая фраза. Сам придумал?

– Не помню. Может, видел где...

– А друзья у тебя есть?

– Не-а. Я избавился от них еще будучи подростком.

– Ну и... зачем ты это сделал? Вы, что же, поссорились крупно? – легкий хохоток, – Так по-детски и несерьезно! Не вписывается в мою картину видения тебя.

– Эти люди показали себя бесполезными и бестолковыми, не давая мне то, что было нужно. Они лишь тратили мое личное время, которое отнюдь не бесконечно, да играли роль балласта на шее. На кой черт мне такой груз?

– Какой ты циничный. – "Может, это заигрывание?"

– Ты повторяешься.

– Итак, ты послал всех тех, кто был тебе дорог... я правильно поняла, да? И ты, должно быть, решил податься именно туда, где можно найти тех людей, которые как раз могли бы быть тебе полезны? Возможно, ты уехал из дому, нашел любовь, новых, уже настоящих друзей, престижную работу и... что же было дальше?

– Оставлю вопрос без ответа.

– Ну скажи же.

– Скажем так, я тяну время. Может, потом. – на самом деле нет, он не собирался ей ничего открывать.

Нечего было.

– Я заметила, что ты не сильно открываешься людям. У тебя тоже такая стратегия? Открываться всем понемногу, чтобы не было больно потом? – стоило отметить, что горестные нотки незаметно пропали из ее голоса, сделав его более живым и звучным.

– Нет. Просто я не придаю значения тому, что есть практически у каждого. Да и, к тому же, где гарантия, что я не навернул тебе три ковша лапши?

Она замолчала.

– Ты меня обманул?

– Да. Правда или ложь? – и снова молчание.

– В смысле? – непонимание, удивление, заинтересованность.

– В смысле, выбирай – солгал я тебе или нет.

– Не хочу.

– В таком случае мучайся этим вопросом до конца своих дней.

– Еще чего! И не подумаю. – вновь негодует женщина, – Почему ты скрываешь это от меня?

– Чтоб я тебе открылся, ты должна быть кем-то больше, нежели голос у меня в голове. Например, моей сестрой, женой, хорошей подругой или коллегой по работе. На худой конец симпатичной соседкой, которую мне бы очень захотелось привлечь к себе пусть даже и таким сомнительным способом. Ты – одна из них?

– Никто. – только спустя семь секунд последовал униженный ответ.

– Так и будем тебя звать – никто. На этом мы остановим нашу маленькую беседу. Звони, если хочешь. – и Проводник сбросил трубку.

Глава четвертая.

Новый клиент был ни к селу ни к городу– Проводник ждал звонка Никто, но прошел всего день после второго и телефон молчал, как могила, зато чертова единичка прозвенела по скобкам, едва экран высветил страницу.

"Скука или контракт?"

И сразу же в голове как громом грянуло: "Контракт важнее."

Прочитав содержимое заявки, он неспеша просчитал маршрут и время, требующееся на путь. Выходило не так уж далеко– час на автомобиле до аэропорта, еще пара-тройка часов на ожидание самолета, отправляющегося в указанный город, при условии, что таковой будет. Стоит выставить фору в десять часов плюс к двум часам полета, прибавить к ним полтора-два часа до пункта назначения в условном междугороднем автобусе и прибавить еще часов десять или даже двенадцать на отдых с дороги, отложив клиента на следующий день– он все равно готов умереть в любую минуту, для него лишний день вредным не будет. Еще спасибо скажет.

Отсчитав купюры, Проводник затолкал оставшуюся плотную пачку в наволочку, а наволочку заткнул в аккуратно проделанную дырку в матрасе, которую в свою очередь зашил и прикрыл ворохом белья. Не то, чтобы старуха могла их стащить, – у самой ж немерено, – но лучше перебдеть, чем недобдеть, ведь так? Схватив свои нехитрые пожитки, он перекинулся парой слов с бабушкой, потом издевательски чмокнул в плешивую макушку и захлопнул за собой входную дверь.

Да, старой будет, что вспомнить перед смертью, хотя она и его переживет.

* * *

–Мистер, вы спите? – он сделал вид, что действительно спит.

–Отстань от человека– видишь же, что спит! – сказала другая девушка.

С ним посадили тех еще болтушек– они не затыкались уже целый час.

–Слышала, наверное– еще один городок накрыло? – шепотом продолжила та, что пыталась до него дозваться.

–Еще бы не слышала– по всем телеканалам только об этом и трубят! Того и гляди, скоро и к нашим заявится!

–Не, точно нет! Наши так просто не дадутся– у них и оружие есть и безопасность на уровне! К тому же, в городе свыше ста тысяч населения– нереально даже за круглые сутки учудить нечто подобное!

–Когда это случилось в первый раз, ты то же самое говорила, врушка! – смешок, – Мол, врут они все, чтобы нас поугагать да услуги охраны предложить! А в итоге оказалось, что не только не врут, но даже не преувеличивают! Подумать только– двадцать тысяч человек за одну ночь!.. Это же какую скорость и ловкость надо иметь, чтобы успеть за каких-то восемь часов– восемь часов, ты только вдумайся! – перебить столько народу!

–Но вот с сороковником так и не вышло, а ты говоришь!

–Так все равно ж в итоге все перебиты были! Не важно, сколько времени понадобится этому чудовищу– день, ночь, вся неделя– он все равно не остановится! Ты же видела ту передачу, правда?

–В которой какой-то псих сказал, что уничтожит наш мир? П-фи, держи карман шире– поймают, нашпигуют пулями под завязку и бросят в карцер, где таким самое и место! А потом еще и камеру установят, будут себе на бюджетные ассигнования зарабатывать через ставки– через сколько пуль заорет, через сколько загнетса...

–Не согласна! Надо сначала поймать, а пока делить шкуру неубитого медведя это то же самое, как... ну, не знаю... на звездные системы права собственности заявлять, во!

–Ничего ты не понимаешь, дурочка! Сейчас такие ружья собирают– с одного выстрела слону голову отсечь можно, а этому так и подавно! Наладят производство, выпустят широкими поставками, мужики закупятся и прихлопнут этого таракана!

–Ох, что-то боязно мне... мужики да с оружием... как бы нас самих с остальными женщинами за все хорошее не перестреляли– всяко ж проще будет! Расстреляют и по выездам из городов выставят, мол, на тебе жертвоприношение, только отвянь от нас и иди своей дорогой...

–Ну уж нет! Никто подобного не допустит, уж будь уверена– мы слишком ценны!

–Легко тебе говорить– ты же у нас не абы кто, а дочь военного! А я? Я-то ж никто почти, у меня ни родословной, ни друзей влиятельных, на что мне надеяться?

–На меня, дурочка! Я тебя никому в обиду не дам, ты же знаешь?

–Знаешь, я все-же не уверена в том, что тебе это под силу. Я, конечно, верю в то, что ты меня не бросишь, но что, если... вдруг мы просто будем все перебиты?

–Не будем, зуб даю! Ты же помнишь ту запись, где еще руки обрезали? Думаешь, с такими рогатками можно хотя бы кролика зашибить? То же мне! Слушай! – раздался тихий хлопок и хихиканье, – Всего-то и нужно, что разок попасть дротиком с транквилизатором, вырезать челюсти и повернуть ту фишку с руками, а после... опасность минует! Никто не погибнет, даже ребра себе не сломает, это я тебе гарантирую! То будет такое жалкое зрелище, что даже самым трусливым идиотам станет понятно– все, мы победили! Опасность миновала и больше никогда не возникнет! Только представь: мой папа– и всемирный герой!.. Возвращает это поганое животное туда, где ему самое место! Да ему тут же весь мир в ноги кланяться будет, даже чувак, что "Фонд помощи" создал, наверняка не преминет поделиться, ну, хотя бы двадцатью процентами... и тогда мы станем богаты, как никто в этом мире! Сразу же прикупим собственности во второй зоне, вольемся в высшее общество– на нас будут направлены фотоаппараты, видеокамеры, по улицам будут гнаться нечесанные чмошники-репортеришки, за ними журналистки с операторами и все как один будут пытаться урвать кусочек нашей жизни, раскрыть его перед остальным обществом, чтобы сказать: "Вот они– люди!"

–Почему за нами, если за тобой? Ты же– дочь героя, не я!

–А я скажу, что мы сестры. Будем вместе не разлей вода, я даже куплю тебе пентхаус– будешь женихов к себе водить... ну или невест.

–Фу!

–Не "фу", а "все самое лучшее"!

–Ты же понимаешь, что это все пока бестолковые разговоры ни о чем?

–Я тебе отвечаю– мой папа возглавляет группу преследования, а он такой человек, что, если уж вцепится, то ни за что не отпустит, уж поверь! У него как раз должен был пройти рейд, так что в ближайший час мы, возможно, узнаем о том, что скоро вот-вот станем баснословно богаты...

–Он, что, поехал в тот город?!

–Да!

–Дура, ты с ума сошла? Его же убьют!

Звонкий шлепок.

–Тихо ты– люди спят! – всхлип в ответ, – Ну, ну, милая, не плачь– я же не специально! С моим папой все будет хорошо– у него хорошо подготовленная команда, лучшие бойцы со всех частей, так еще и госслужбы на побегушках... ну же, утри слезы– ты мне больше нравишься, когда не плачешь.

–Да когда же они заткнутся-то?!– прошептал слева от Проводника бизнесмен, сосредоточенно пытавшийся углубиться в чтение новостной колонки, – Достали уже, сил моих нет!

Цокот каблуков, мягкий голос бортпроводницы:

–Простите, это вас зовут?..– назвала имя одной из болтуний.

– Да, да! – подтвердила та и шепнула подружке, – Это папа! Наверняка с хорошими новостями!

Даже ему самому стало интересно и Проводник открыл глаза, наблюдая, как худенькая фигурка блондинки удаляется вперед к бортовому телефону.

– Только гляньте на нее! – проворчал сосед рядом с ним, указывая на нее, – Сразу видно– дочь большой шишки, раз даже вызовы на борту принимает.

– Читайте дальше. – тихо ответил Проводник, не сводя глаз с голубых теней на ее веках.

Едва сдерживая довольную улыбку, наблюдал за тем, как медленно, с тяжелым осознанием, меняется выражение этого почти детского личика с едва сдерживаемой радости на удивление, а затем прекрасное личико, застывшее в мгновении неверия, побледнело от ужаса. Брови поднялись, глаза расширились и заблестели, в следующую же секунду брызнули слезы и слабый рот раскрылся в громком рёве. Ее подруга, почти внешне неотличимая от нее, выпрыгнула из своего кресла, подбежала к ней и сжала в своих объятьях, рукой пытаясь заглушить вопль по разрушенным надеждам. Обе упали на колени– первая, заходясь рыданиями, не переставая размахивать рукой, все еще сжимавшей белую трубку с оборванным проводом, и вторая, молящая ее об успокоении.

– Это ошибка!

Но это не было ошибкой– он сразу это понял, потому что знал, о чем речь. Загнанный зверь не сдавался, отказывался признавать многотысячный перевес, интеллектуальное превосходство своего противника– человека. Как бы они не старались, им его не загнать, не нагнать и не перегнать. Они возросли на его крови, питаясь его страданиями, смакуя каждую секунду его всеобъемлющей боли, ликуя от осознания, что наказание недостижимо далеко, почти что невозможно! И теперь он пожирает их, как они пожирали его, разрывая на куски, как они разрывали его, измывается над их истерзанными телами, как они измывались над ним. Они еще не раз услышат этот хохот, с точностью до малейшего содрогания, до малейшей октавы повторяющий их, еще не раз возбоются до колик и не раз воспрянут в мнимой храбрости, чтобы тут же забиться в самые глубокие и темные щели в надежде, что звериный нюх не почует, не уловит след страха и обмоченных штанишек.

Справедливость спала слишком долго, чтобы позволить своему псу насытиться одной лишь тысячью.

И малолетняя ничтожная тварь, мечтавшая хвастать его головой, вывешенной на стену, познала свою первую потерю.

* * *

Вот так сюрприз: дверь открыл не иначе как очередной пережиток прошлого, запертый в теле ребенка, вырядивший его во все черное– старые, протертые до дыр джинсы, не менее древняя рубашка с закатанными рукавами, чуть ли не до пупка расстегнутая, оголившая подростковую грудь, едва-едва начинающую обрастать волосиками. Пышная шевелюра непривычно тусклого подростка курчавилась и вилась, невольно вызывая ассоциацию с солистом одной чрезвычайно старой группы с уклоном в отбывшей в небытие психоделику, если бы не крашеная в белый прядь у левого виска. Он был невысокий, довольно щуплый, довольно бледный, со смешанными чертами. Странное лицо, нос с горбинкой и стеклянные глаза, в которых то гас, то вспыхивал с новой силой нестабильный огонек. И поразительно тонкий, едва ли не безгубый, рот. Все, композиция испорчена! Не страшно, если б только он не оказался лжецом.

Глядя на молодого человека, Проводник качнул головой:

– Простите. Видимо, ошибся адресом.

Тот молча кивнул. Волосы поросль вся заволновалась, заколыхалась при движении головы.

"Этакий мини-островок дремучей растительности..." – пронеслось в голове, пока мальчишка все так же безучастно смотрел на него. Наконец он выдал гнусавым голосом:

– Не ошибся. Я оставил заявку.

"Ты?" Нет, такого быть не может. Уж кто-кто, а дети, бездумно стремившиеся к смерти, вряд ли вообще допускали мысль о том, чтобы найти себе спутника в последний путь из личностей посторонних, предпочитая якшаться с подобными себе, утешая себя мыслью, что с другом хоть в рай, хоть в ад. Какова вероятность, что человек столь молодой и непосвященный в жизнь предпримет сторонние поиски, рискуя попасться впросак, вложить свое тело в руки очередному психопату, вовсе и не допускающим благих намерений со своей стороны?

Чрезвычайно низка.

Тем не менее он вошел, раз уж пригласили.

Едва Проводник сел на предложенный стульчик, как кудрявый спросил, не налить ли чаю. Получив утвердительный ответ, быстро ретировался на кухню. Пора осмотреться.

Квартира как квартира, с претензией на минимализм. Все серое, квадратное и из пластика. На полу серый линолеум, стены тоскливо-серого цвета, шторы, рамки на картинах и черно-белых фотографиях, стол, табуретка и кровать аналогично серого цвета. Слишком тоскливо. Взгляду абсолютно не за что уцепиться. Как-то пусто для гостиной – тут практически ничего нет. Возможно, в спальне все еще хуже – голые стены, белый матрас на полу, возможно пара вульгарных журнальчиков.

"Поразительная пустота. Мне нравится."

Навеянную мысленным осуждением завесу приподнял Третий, медленно вошедший в комнату с сервизной чашечкой чая в руках, поддерживающих и блюдце, при этом каменный взгляд, словно говоря: "Хоть капля прольется – уничтожу!", не отрывался от мутно-зеленого содержимого. Звякнув о стол, чашка неуклюже приземлилась перед гостем, немного расплескав свое содержимое. Тихое: "Черт. Сейчас уберу.", удаляющаяся на кухню худая спина. Тишина. На что смотреть, пока клиент изображает из себя хорошего хозяина? Стоит отдать ему должное – здесь довольно чисто и опрятно. Пусть и не впечатляющий, но все же осязаемый контраст в сравнении с предыдущими. Подняв глаза, Проводник молча проследил за тем, как серая от долгого употребления тряпка вытерла влажный след, затем сделал первый глоток. Посредственно, почти безвкусно, не имеет ничего общего с водой – даже у нее есть свой вкус.

– У нас самообслуживание. – ехидно сказал юнец и поставил перед ним сахарницу.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Он покачал головой.

– Обойдемся без любезностей и пустословия. Я приехал сюда и ожидал увидеть... кхм... более взрослого заказчика, а не подростка с юношеским максимализмом.

– Ой, ну все, началось, началось! – замахал руками на него Третий и рывком двинулся на кухню.

Вернулся он оттуда с пачкой табака, трубкой и маленьким ершиком. Положив перед собой газету, начал сосредоточенно чистить. Вытерев о штаны маленький железный фильтр, скорее похожий на малюсенькую боеголовку, вставил в цапфу мундштука, которая затем медленно вкрутил в чубук, чуть прищурив при этом глаза. Скатал щепоть чуть влажного табака в шарик, вложил в чашу, утрамбовал мизинцем, повторил, затем пафосным движением выудил из кармана зажигалку и продолжительно затянулся, выпуская порциями голубоватый дымок. Наконец, сделав глубокую затяжку, молодой человек закатил глаза, задержал дыхание и выпустил дым через ноздри, выждав перед этим секунд десять. Лицо невозмутимо, но тело еле заметно дрогнуло.

Проводник равнодушно следил за тем, как Третий довершил комбинацию очередью из пяти колец, затем продолжил:

–Ты обманул меня. Из-за тебя я приехал в такую даль, потратил деньги и ушел из места, где мог жить.

–Да-да-да, начинай ныть, вперед! – мальчишка выпустил дым ему прямо в лицо, – Что, молчишь? То-то и оно! – верхняя губа оттянулась вверх, обнажив серые острые зубы в неприятной, даже плотоядной ухмылке, – Ты убиваешь людей. Тебе это должно быть без разницы–кого на сей раз отправить на тот свет. – "А он прав. Ничего, кроме возраста и сопутствующей ему глупости, не отличает этого персонажа от всех остальных." – Более того, ты приехал сюда, судя по всему, издали, а значит, потратил кучу денег. Из этого, естественно!..– он подкрепил свои слова вальжным взмахом руки, пыхнув трубкой, – Естественно, из этого следует, что тебе нужны деньги. А у меня они есть. – противно захихикал тоненьким голоском, – У меня есть то, что тебе нужно, а ты можешь сделать то, что нужно мне.

–Кажется, ты понятия не имеешь, что входит в перечень моих услуг...

Перед ним шлепнулся плотный конверт. Проводник пересчитал. Сойдет.

–Я слишком труслив для самоубийства, потому ты мне и поможешь.

–Да черта с два.

–Я доплачу. Еще треть обговоренной суммы– и можешь сразу забыть обо всех своих проблемах! Сам знаешь– большие деньги. Машину на них, конечно, из списка суперкаров не прикупить, но на обычный трейлер хватит. Берешь, покупаешь и уматываешь в любую сторону, в какую только захочешь! А не захочешь, так можешь остаться здесь– понаблюдать, как вокруг меня будут бегать всякие моральные уроды, которые у всех на виду будут обнимать это тело...– шлепок по животу,– ...а затем, едва последний взгляд постороннего отвлечется на что-то поинтереснее, попросту потопчутся на нем, радуясь, что сумели, смогли дожить до этого счастливого дня! Соглашайся. Мне– смерть, тебе же шоу и деньги. Лучше варианта у тебя все равно нет, раз уж ты забрался в такую даль.

Противный щенок знал, на что давить и чем завлечь. Ох, паршивец! Тут и думать нечего, оставалось соглашаться или разворачиваться и уходить. Не выгодно.

"Контракт важнее!" – "Он еще ребенок. Вокруг него полно людей, которые озаботятся его уходом. Слишком опасно."

–Если тебе не хватило задора на самостоятельное решение проблемы, может, моя услуга тебе не так уж и важна?

–Обижает, дядь– еще как важна! Когда я нашел твое объявление, то сразу же скумекал, что это– мой шанс! И так... ты предпочитаешь сделать это сразу или у тебя, ну, в правилах провести что-то вроде собеседования? Может, тест какой, нет?

–Я не провожу ничего из этого. Я просто говорю с людьми, даю им рассказать немного о себе, утвердиться на своей причине уйти. И я всегда знаю, что их причина не является пустышкой или вымыслом. Они убегают от чего-то, с чем не могут или не хотят сладить, потому что не верят в то, что иной расклад в их жизни вообще возможен, ибо единственная рисуемая помимо смерти перспектива– отсутствие перемен к лучшему. Разве ты можешь утверждать что-то подобное?

–Да!

–Нет. – мистеру Три не понравился ответ и он, сузив свои глаза и оскалив рот, приблизился почти вплотную к лицу Проводника:

–Это еще почему?!

–Ты слишком полон жизни.

–Жизни, значит...– мальчишка почти что самодовольно рассмеялся ему в лицо, – Может, дашь мне шанс реабилитировать себя в твоих глазах?

–Мне без разницы.

–И повода идти на попятный у тебя так же нет. Но я все же попытаюсь, ведь мы здесь, с тобой, за чашкой чая– общаемся! Так? – оскал сменился улыбкой, – Я не знаю, как объяснить

тебе свои желания и помочь понять, что они не изменятся даже через тридцать лет. Скажу тебе так: я никогда ни в чем не был уверен, но в том, что этот идефикс никуда не исчезнет, уверен на все сто процентов! Можешь назвать меня дураком, обесценить мое стремление к смерти, как вы, взрослые, всегда это делаете, потому что не можете иначе контрагументировать мою позицию, но я тебе гарантирую– ничто не изменит сказанное. Я хочу умереть. Не сегодня, так завтра. Но не послезавтра. И не через недельку. Предложишь мне попытаться жить– так я откажусь, потому что я не хочу жить!

–Почему?

–Потому что никто не способен меня прогнать!

–Почему ты не хочешь жить? – терпеливо переспросил Проводник, на секунду прикрыв глаза.

–Тебе это не важно. Твоя работа заключается не в том, чтобы спрашивать, а в том, чтобы просто слушать. Может, ты и привык к тому, что остальные твои клиенты– те еще нытики, но я не такой! Я– всего лишь трус, который не смог без тебя обойтись, и мне всего лишь нужно, чтобы ты был рядом. Не как друг, не как суррогат любимого, а просто как человек. Конечно, я мог бы купить ту новомодную куклу-шлюху, но, если честно, я не хочу, чтобы подобное безобразие нашли рядом с моим телом, понимаешь?

–Что плохого в кукле? Она идеально похожа на человека, если не считать искусственно выровненную кожу и отсутствие разума. А так ты бы мог загрузить ей на голосовой проектор свои любимые песни и спокойно засыпать под звуки ее плясок.

–Скучно, неинтересно, обыденно. Этим пускай старики тешатся, а мне нужен человек!

–Складывается впечатление, что ты хочешь уйти из жизни не потому, что не хочешь жить, а всего лишь ради трехдневной славы.

Третий тут же рассмеялся, хлопая себя по коленям, то откидываясь на стуле, но опадая на колени.

–Нет, нет! – закусив палец до крови, он смог приостановиться, – Нет!– взгляд холодных глаз, полных спокойствием,– Я не хочу славы... А давай перефразируем? Я хочу славы, но хочу ее точно так же, как... допустим, чизкейк. Не понимаешь? Ладно, еще раз! Я хочу славы точно так же, как... переспать со всеми первокурсницами в местном колледже. Ладно, не буду ходить вокруг да около: перспектива! Перспектива славы, как и секса с рядом не вполне определенных лиц женского пола меня привлекает, с этим я даже спорить не буду, но! Это мне совсем не нужно.

–Тебе нужна смерть. Беспричинная, просто произошедшая в один день.

–Да!

–Всего лишь слова, а я все еще не понимаю.

Третий вновь ухмыльнулся:

–Ну, вот и славно! А сейчас собирайся– идем пить чай.

–Мы же только что пили.

–Ты пил. А я чай пью в специальном месте. Кафе называется. Там я и попробую тебе все разъяснить.

На улице было ощутимо холоднее. Городок, в котором жил клиент, был убог и сер, прямо как его комната– даже многочисленные газоны изобиловали лишь искусственными цветами всех цветов радуги, лепестки и ленты которых за несколько лет полного игнорирования выцвели и поникли. Ни единого намека на многоэтажки, бесчисленные жилые комплексы, сплошь замкнувшиеся в растянувшемся на десятки километров спальном районе. Серые машинки, серые людишки. Данный населенный пункт располагался на севере с при-сущим его прелестям унынию, буйных, вырезающих символы на живых лицах своими колючими струями ветров, проливных дождей и сухой, морозной зимы, простирающей свои северные сияния как единственную цветную деталь во всем бледно-белом антураже на круглый год.

Наверное, здесь оно было единственным развлечением, которое могли позволить себе жители города.

Шагая по грунтовой дороге, Проводник спрашивал себя, на кой черт вообще взялся за подобные нелепости. Он признавал прибыльность своего дела, но не мог отречься от явной глупости как самого себя, так и своих клиентов. Провожая взглядом людей, внешне и внутренне неотличимых друг от друга, он не чувствовал ни удовлетворения, ни сочувствия. Ничего. Можно было даже сказать, что Проводник относился к своему занятию не иначе, как продавец относится к своей работе – не нравится, но надо. Только вот действительно надо ли? Действительно ли так он необходим или является частью каприза человеческой природы? И все-таки грех жаловаться на то, что получилось попасть в золотую жилу – глядишь себе, работаешь раз в месяц и живешь, ни в чем себе не отказывая. Кто может таким похвастаться? Да никто.

– Раньше я не любил утро. – внезапно сказал Третий, так ни разу на него не взглянув, по-прежнему бодрым шагом рассекая серые асфальтовые реки, – Не за то, что оно всегда серое и безрадостное. Просто приходилось буквально выдирать себя из сна, чтобы вкусить пепельный привкус очередного дня, не отличающегося от всех предыдущих. Проходить через физические и психологические муки, чтобы просто начать симулировать жизнь – разве это не смешно?

– Нет.

– Я так же и думаю. Чувствую себя частью шутки, выслушав которую никто даже не улыбнется из вежливости. Когда-то я думал, что это – просто депрессия, ну или, на крайний случай, обычная апатия, связанная со сменой лунных циклов и времен года. Знаешь же, как говорят – весной и осенью все психи просыпаются? Так вот, в себе ничего подобного я так и не нашел. По идее, если со мной что-то не так, то это было бы заметно, ощутимо внутри. – тут он поднял глаза на Проводника, – Чувствовать что-то внутри себя – это же не так плохо, правда?

– Правда. Как никак – чувства неотделимы от нашей сути. Именно они являются катализирующим фактором формирования наших мыслей и последующих после них действий, пусть даже и идущих вразрез с направлением появившейся идеи, отмеченной либо как несостоятельную, либо как не приносящую ощутимой пользы.

– Так. Но вместо этого во мне всегда было другое. Все, что я делал – пытался найти это в себе, но в конце концов понял, что все, что я делаю, происходит не из внутренних потребностей, а из соображений частичной выборки, не зависящей целиком от меня. Как игральные кости – ты бросаешь три и тебе выпадают, допустим, пара пятерок и одна единица. Смотришь в себя, сверяясь со внутренним списком обозначений, и делаешь согласно указаниям. Дело сделано, люди или аплодируют тебе стоя или крутят пальцем у виска, мол, нашелся очередной псих безмозглый! А я... А что – я? Я-то знаю, что не это хотел сделать или испытать. Более того – я ничего не хотел делать! Все, к чему тянет остальных, меня если не отвратит от себя, то представится крайне неблагоприятным вариантом, потому что уже было. Я не хочу делать то, что делают остальные, но мой выбор невелик. Или поступить, следуя воле одной толпы, или поступить аналогично воле другой. Большинство выбирает жить, меньшинство – умереть. Я не тянусь к званию индивидуальности и не стремлюсь как-то себя обособить, но все же выбор меньшинства меня устраивает. Однако... – сделав паузу, переходя дорогу перед нетерпеливым водителем, мальчик продолжил, – Сделав выбор в пользу смерти, я ожидал ощутимых перемен. Думал, что у меня начнут генерироваться совсем новые, нестандартные по отношению к прежним мысли, ведь тело и мозг, прознав о моих намерениях, тотчас должны броситься делать все, чтобы это предотвратить: насытить меня силой, разукрасить ране серые перспективы, задавить экзальтирующим гормональным потоком... но ничего из этого не случилось! Будто я победил, пересилил их, подчинил своей воле, и они упали духом... решив: "Раз уж он отказывается жить, то мы откажемся работать." За последние месяцы я заметил, как начинаю сильно сдавать. Простые, даже приятные ранее действия превратились в настоящее испытание – даже удержать обычную кружку в руках, не пролив ни капли, а то и вовсе не выронив,

стало для меня своего рода достижением. Пуше физической слабости неприятно удивила слабость когнитивная— я будто стою у поредевшего русла и могу даже, не запачкав и половины своей ладони, коснуться песчаного дна, хотя знаю, что не должен это делать, ведь весь этот жалкий поток вращается по кругу не то, чтобы мыслью— скорее одним из ее обрывков. Как песня, заевшая в голове на одном куплете. Было же у тебя такое?

—Нет, не было.

—Потому что ты не из тех людей, что склонны к рефлексии.

—Думаешь?

—Знаю! — и, не дожидаясь ответа, — Так вот, продолжаю: коснувшись дна, я позволю вырваться тому, чему не желал давать выхода... Выбрав смерть, я не добился перемен, вместо этого начав ненавидеть еще и ночь. Вполне вероятно, даже, я бы сказал, объективно точно из-за того, что закатывающиеся за горизонт солнце, следующие за ними сгущающиеся сумерки и наступление полной темноты нехотя напоминает мне о том, что это не просто конец моего очередного дня— это краткая ретроспектива моей очередной, но теперь последней смерти. И самое неожиданное— то, что я испытываю сожаление, не относящееся к чему-то конкретному, потому как мне не жалко тех, кто останется. Тому, что я ощущаю, не место в моем сознании. Ему нет места здесь, его не должно быть в день моей смерти.

—Если ты испытываешь сожаление, тогда, может, это твое настоящее "я" говорит о том, что ты совершаешь ошибку?

—Нет. Точно нет. — Третий улыбнулся, сворачивая за угол, — Это все— происки моего чувства самосохранения, которое мой человеческий разум обратил против себя, наделив несвойственной холодному рассудку формой, оттого и успешно поражающей его. Это— его оружие, последнее средство, нацеленное на мое отвлечение, сбитие с курса.

—И ты не поддаешься ему?

—Я не настолько жалок, как остальные люди. Если я решил, то так тому и быть. Это мое тело, мой разум и моя жизнь— только мне решать, что для меня будет лучше. Именно мне решать, сколько жить и когда умереть. Никому другому, тем более этой сраной природе, что посредством слабых на передок родителей дала мне это тело, вдохнула в меня разум, сознающий себя. Но я...

—Не слишком ли сильно ты придаешь значение чему-то, о чем даже не имеешь представления?

—Нет. Я пытаюсь сказать совсем о другом. Кстати, мы пришли! — заявил юнец, когда они оказались перед стеклянной дверью с содранной надписью. Вытряхнув пепел из трубки, которую выкуривал на протяжении всего пути, жестом пригласил войти с ним. За дверью расположился широкий зал преимущественно синих тонов, со своим набором человечков в форме, чуть более ярче обычного мебели и потолков, утыканных энергосберегающими лампочками. Пока клиент спокойно заказывал, наливал и распивал свой чай, при этом сверля взглядом сидевших и входящих завсегдаев, Проводник молча скучал в ожидании, когда у мальчишки вновь возникнет желание поговорить. Подросток жепил невероятно долго, после чего пошел за следующей кружкой.

—Зачем тебе это? — спросил он Третьего, когда тот с мрачным видом уселся обратно.

—Зачем мне что?

—Умирать. — Проводник понизил голос, краем глаза следя за беззаботно болтающими о своих жизненных мелочах людьми, — На кой черт именно тебе это сдалось?

—А на кой черт тебе это знать? — огрызнулся мистер Три, сделав очередной глоток.

—Я любопытный.

—О как!

Длинная пауза.

–Хм... да– это точно юношеский максимализм! – ухмыляясь все шире в издевке, – Или, может, моя несчастная любовь? – грудь сотрясалась от беззвучного смеха, – А может, потому что мне скучно? Или я не вижу перспективы для себя в будущем? Или я просто аморфный дегенерат, который попросту ленится что-либо делать?

–Как много вариантов... и какой из них верный?

–Никакой. Вот реальная причина– ЧИОРВ.

–Червь?

–Нет же! ЧИОРВ– чересчур и однобоко развитое воображение.

–Поясни.

–Поясняю– я из тех несчастных идиотов, у которых нет абсолютно никаких проблем, но они придумывают их себе сами и оттого страдают.

Ему было непонятно это. Само понятие страдания было очень знакомо, но по наитию? Это было что-то новенькое.

–И?

–Не тупи. Сам не догадаешься что ли?

–И что ты себе навоображал?

–Много чего. Друзей, любимых, событий. Моя жизнь абсолютно пуста и менять что-либо не то, что не получается, скорее попросту лень. Вот и остается, что воображать. – ехидство исчезло из глаз Третьего, уступив место еще незнакомой ироничной грусти, –Поначалу я просто страдал. Страдал от горя, от потерь, которых никогда не было, от боли, которой никогда не чувствовал, от смерти, которая еще не наступила. Я просто страдал от нереального, внушив себе, что оно реально. И, знаешь, это действительно больно! Я прочувствовал все это, просто думая об этом, стараясь впитать всеми фибрами своей жалкой души каждую секунду, каждую искру ранее незнакомого, поистине интригующего!.. И у меня получилось! Я упивался этим сомнительным достижением, возвел его в абсолют.– хлопнув носом, он дернул головой, словно указывая на что-то,– Наш мозг– та еще головоломка и, сдвинув какую-то деталь, я создал реалистичную симуляцию всех ощущений в мире, вплоть до инфаркта миокарда. Я мог почувствовать то же, что чувствует женщина, когда в нее вскользает член очередного мужчины. Мог почувствовать, каково это– контролировать падение, борясь с воздушными потоками при помощи крыльев и захватывая невидимую человеческому, но очевидной моему глазу жертву своими лапами, чувствуя, как каждый сустав распрямляется, вытягивает свои кости и мышечные волокна, напрягает сочленения и тут же сжимается вокруг ее тела. Как мой рот плавно метаморфозирует в клюв и становится жестким, почти неощутимым, врезаясь уголками в челюсти и скулы, вонзаясь в мягкую и теплую плоть, тепла которой я не чувствую– ведь у меня клюв, не губы! Я мог так же представить себя рыбой, что устремилась на дно и, надо сказать, ощущения схожи, только вместо крыльев– плавники, и вместо тяжести земного притяжения– обманчивая невесомость, лишь являющаяся привычной моему чешуйчатому телу плотностью воды. Вокруг ничего, почти темнота, но я слышу и чувствую, как испускает вибрации тело гораздо меньше моего... и устремляюсь к нему, напрягая свое тело изо всех сил, но не испытывая той привычно мне усталости и боли в мышцах. И снова не чувствую вкус, лишь как заполняется пищей желудок, в то же мгновение ощущая, как раздраются мои жабры, а тело наливается невыносимой тяжестью!.. Каждое мое движение стремится в обратную сторону, в спасительное безвесье, но страшная боль накрывает все от морды до кончика конвульсирующего хвоста! Я действительно чувствую, как огромное, шириной с меня и толщиной с мой хребет, лезвие вспарывает мое брюхо, будто и нет никакой защиты, будто мое тело не покрыто крепкой чешуей, не спрессовано крепкими мышцами, но обращается всего лишь куском масла, внутренности которого заполнены кровью. Мое брюхо разверзается, тело пытается выгнуться вперед, не приспособленное для этого, а разум... вопит так, что все мысли вон! И

я возвращаюсь в свое тело, в бесконечный раз не веря тому, что ничего не чувствую, что моя плоть все еще цела! Но...

Оглянувшись на зов и встретившись глазами с группой ребят, Третий нехотя махнул рукой, прогоняя их и ничуть не заботясь возникшим недовольством на юных лицах.

–В детстве я представлял себя гепардом– самым быстрым существом во всем мире, если исходить из его габаритов, не меняя габариты тех же водных бегуний или, допустим, одного из видов тараканов, что разгоняются еще быстрее, но в силу своих размеров все равно проигрывает... Да и не выглядит таракан тем существом, которым бы хотелось стать ребенку, верно?– и еще ближе наклонился к Проводнику,– Потом, ощутив в себе и во всех окружающих меня людей настоящие личности и взирая на мир, я сменил предпочтение на волка– сильным хищным зверем, неизменно являющимся частью большой стаи. Мне нужны были друзья, вместе с которыми всегда было сподручнее противостоять опасности, ждущей нас в будущем. Но по мере течения дней я все сильнее убеждался в нашей разобщенности, неискоренимой и более постоянной, чем самые позитивные проявления дружбы, может, даже любви, замечая и в себе эту тягу к отчуждению, обособлению ото всех за счет самовозвышающей гордыни. Тогда я представил себя ястребом, искренне полагая, что остальным до меня расти и расти, да никогда так и не вырасти. Там, на самой вершине, в полном одиночестве, на первый взгляд тихо, спокойно– почти что безмятежно! Передо мной были открыты все стороны света, можно было устремиться куда душа пожелает, а те, что остались внизу, превратились даже не в игрушки– в букашек, которых не волновало ничего, что было выше их голов– они лишь глубже погружались в почву, смешанную с навозом, довольствуясь тем, что есть, тогда как я считал себя неуязвимым. И именно в этот момент мне и показалось, что все, чего можно было достичь, уже достигнуто! Низвергнув себя в недостигаемого неба, я обратился крысой, тут же спрятался во тьме, выжидая подходящего момента, когда насекомые, неожиданно обратившись такими же крысами, отвлекутся, откроют спину для того, чтобы я мог вонзить им зубы в спину и тут же уйти обратно в тень, оставив в немом вопросе: "Кто это сделал?", вновь напомнив о том, что жизнь вовсе не сказка и уже никогда не покажется им безопасной... Широкий простор сменился сумраком канализации– повсюду эти падальщики, что смотрят либо в экране, наслаждаясь тем, как кому-то вскрывают грудную клетку, либо сами потроша друг друга ради мнимого достижения похожих эффектов, что произошли на экране. Они понимают, что смерть их настигнет в любом случае, потому изгаляются друг над другом, как только могут, плюя на чувства, дружбу, на любые рамки приличия, ведь главное для них– это кровь и мясо! И я ничем от них не отличаюсь, что и стало для меня новостью! Проживая разом десятки разных жизней, я прожил так, как и хотел, испытал все, что уже можно было испытать, прочувствовал все эмоции до последней капли– от незнакомого мне отчаяния в диком голоде до последней предсмертной судороги с мерно нахлывающим смирением... И теперь я снова в начале– все еще в своей жизни, в своем теле, готовом еще на один подвиг, – и задаюсь вопросом: не хватит ли мне?

–Что, если это не так? Реальная жизнь ведь ничего не имеет общего с фантазиями.

–Ты ничего не понял! – и Третий расстегнул еще одну пуговицу, чуть повернулся к Проводнику боком и оттянул ткань рубахи, – Это именно то, о чем ты думаешь– я действительно сравнивал полученные ощущения, пусть мне и были доступны только... в плане боли. Я, как и все остальные, когда-то смотрел... ну, ты понял– те видео? – Проводник кивнул, – Я не пробовал все, что делали с этим человеком, но что-то повторил. Полученное впечатление в реальном теле если и отличалось от всего, что я испытал... скажем, не по-настоящему, то ненамного. Боль есть боль, удовольствие есть удовольствие– все их средоточие находится в мозгу и я простиимулировал участок, отвечающий за ощущения. Не спрашивай, каким образом– я сам до конца не знаю! У меня была мысль предложить себя в качестве второго объекта– я даже придумал, что оставлю объявление в "Фонд помощи" и меня примут, но сразу же понял– не выдержу!

–Ты мечешься из стороны в сторону, утопаешь в фантазиях, толком не жил и не хочешь жить. Я бы сказал, что ты ненормальный, но я здесь не для того, чтобы осуждать, а чтобы понять. И вот этого у меня не выходит, как я ни пытаюсь. – Проводник невольно попытался представить себя хотя бы сидящей за соседним столом девушкой, но все, чего смог добиться– представить свой размытый полупрофиль, тут же сменившийся на анфас. Воображение не было ему подвластно.

–Тебе не нужно меня понимать, я же сказал. – Третий, видимо, был доволен произведенным впечатлением и ткнул пальцем за спину, – Видишь этих ребят?

–Ну?

–Они тоже хотят умереть. Две эти девчонки уже договорились умереть в следующий четверг. Сказать, откуда я это знаю? Они рассказали это трем этим парням пару минут назад. Не просто рассказали– похвастались!

–Разве это не значит, что они вовсе не собираются исполнить задуманное? Это скорее похоже на призыв о помощи.

–Им нечем помочь. И да– они вовсе не шутят! Конечно, вероятность, что одна из них струсит и подорвет уверенность второй, все еще существует, но тому будет виной не их несерьезность, а всего лишь страх. Как у меня. Эти девочки столь же серьезны, как и я, но их причины... ну, самое смешное, что причин у них как раз и нет, если не брать в расчет тягу к трехдневной славе, от которой мертвым ни сухо ни мокро.

–Так зачем им себя убивать, я что-то не пойму?

–Затем, что самоубийство на сегодняшний день– атрибут едва ли неразрывный с общим течением жизни наряду с браком, разводом или пьянкой у кого-то на хате. Мир изменился за последние десять лет! Ты не мог этого пропустить, а я думаю, что точно не мог– ты же поэтому предложил свои услуги?

–Нет.

–А я-то думал, что раскусил тебя! Сейчас не те времена, чтобы жизнь стала по-настоящему невыносимой. Самоубийство теперь ведь не является актом самопожертвования или побегом... или является?

–Является.

–О'кей, не у всех жизнь стала легкой и простой, признаю. Отсюда проистекает вывод, что самоубийц можно разделить на две подгруппы– те, что не могут вынести тяжесть бытия, и тех, что не выносят ее легкости. Одни умирают, чтобы прекратить страдания, другие– потому что им нечем заняться. Я прав?

–Вторую подгруппу мне не приходилось встречать. Хотя– ты...

–Я не отношу себя ни к тем, ни к этим. Ты еще не понял? В моем лице оба типа соединились, но только краями, образуя скрещенное поле, внутри которого и образовался я, а может, и многие другие, которых мне не улыбнулось встретить. Я прожил свою жизнь, используя лишь свои мыслительные ресурсы, не считаясь с привычным течением времени, ускорив и разветвив события к возможным и невозможным! Вышло даже лучше, чем я предполагал поначалу, потому что, не рассчитав свои силы, самопроизвольно вывелся из строя: мой мозг, всемогущий чертяка, устроил такой аттракцион, что все прочие кажутся просто детской качелькой– ни тебе ветерка в волосах, ни легкой щекотки в животе! На какое-то время он сделал меня дерганым психованным задирой и истеричной плаксой в едином наборе по специальной цене. Я создавал образы и уничтожал их, а теперь они пытаются взять реванш... Я создал трагедию и она вытрагедила меня по полной программе, подарив ощущение вечной тяжести в горле– будто один сплошной спазм сжимает ее уже круглые вечности, поднимаясь из дыры в груди. Ага– от наплыва эмоций, испытанных во время переходов, у меня появилось поражение сердца, повысилась давление почти под сто пятьдесят, но иногда шкала поднималась аж до ста восьмидесяти... о, еще начались галлюцинации! Ничего общего с собственноручно воссоздаваемой кар-

тиной ощущений и образов— слишком ничтожные, почти что эфемерные: то всяких лохматых тварей в темноте видел, то животных, проникающих в мою комнату. Ну и там по мелочи, такое даже не потрогаешь, потому что у него нет материальной составляющей— ничего общего с тем, что я сделал реальным, дублируя на мыслительном 3d-принтере внутри собственного черепа.

Прервав монолог, Третий погладил средним пальцем правый висок, в очередной раз пившись взглядом в посетителей. Отпил из стаканчика и продолжил:

—Затем я просто научился смеяться над трагедией.

—То есть как?

—Обесценил все то, что пережил ранее, включая боль, злость, скорбь... Обесценил всю мыслимую природу: инстинкты, чувства, эмоции! Потерял интерес к жизни и людям в целом. Из моего рассказа ты мог ошибочно выяснить, что я изгой и одиночка, целиком погруженный во внутренний мир, но заявляю официально— все обстоит вовсе не так. Во всяком случае, было не так. Сейчас же у меня никого нет и об этом я сейчас расскажу.

"А ты любишь поболтать."

—Насмехаясь над собой, я выяснил одну вещь— когда ты пережил все, ничто не сохраняет былого значения. Ни отношения, ни эмоции, ни ощущения. Ничего! Неписанная истина, неизбежно обратившаяся в неосознаваемый большинством трюизм.— юноша осклабился,— Тогда я понял, что моя человеческая натура, даже теперь жаждущая всего этого как очередной дозы наркотика, представляет собой всего лишь бесполезный атавизм, который не только будет мешать, но и отравит мне весь остаток существования, стараясь сделать его как можно более болезненным и трагичным, заполняясь и заполняясь уже избитыми образами под завязку, хотя это уже не было тем, чего мне хотелось! Тогда я решил задуть ее в себе, как чья-нибудь мамка душит котят, пока чадо не видит. — в этот раз смех был грубый и хриплый,— Я потихоньку избавился от всех друзей. Кому просто сказал: "Прощай.", кого специально по-крупному подставил, заставив себя презирать, а кого-то даже пришлось по больному месту приложить. Ну там, на комплексы надавить, в трудную минуту поиздеваться, плюнуть в лицо и прочая мелочь. Сработало! "Edelweiss I'm alone!"— пропел Третий, — Я один и это прекрасно! Но что происходит следом? Мои проблемы уменьшаются, но не исчезают! Остается вырубить тоску и скуку, оторвать с корнями ностальгию и память, истребить всех термитов и паразитов, которых называют "новые знакомства" и "связи", перекрыв этими методами кислород образам, которые все еще рвались наружу, взывая к себе, требуя прожить еще хотя бы одну жизнь... но я же не хотел жизни! Ни своей, ни чьей-либо еще! Мне не нужно было все это— все! Однако с исчезновением людей в моем поле комфорта появилась довольно ощутимая прореха во времени и деятельности, куда весь этот клубок нескончаемой какофонии из воя и рева и стремился как к единственной лазейке, способной вернуть меня на прежний путь. Это снаружи кажется, будто я— обычный бездельник, который гоняет чай да забалтывает незнакомцев, но внутри... внутри творится что-то невообразимое, уже далекое от узнавания— настолько сильно все мои жизни пытаются уместиться в одну с целью если не вырваться наружу, то урвать последний вздох настоящего кислорода!

—Если ты не работаешь, то откуда у тебя деньги?

—Украл. — просто сказал мистер Три.

—М-м, честность. — посмаковал это забавное слово Проводник.

—О да. Но я продолжаю. К сожалению, битва за собственный разум не видит конца и краю, а я устал терпеть! Я хочу быть эмоционально и психически кастрированным, оставить только холодный рассудок и знание, закрыв навсегда путь обратно. Но я не способен уничтожить свою натуру, которая, уж поверь, так и лучится светом и добротой, что впору ослепнуть и быть ею растерзанным! Это и все, что я прячу внутри— моя гамартия. Она не выжидает удобного момента, не пытается периодически прощупать меня на предмет слабости, но давит, давит, давит без конца! Она козыряет своими полчищами, с гоготом потрясая пробивающими блок

осколками, в отражении которых я вижу не себя, но птицу, зверя или другого человека или бесформенное нечто, лишь из шутки природы обладающее хоть сколько-нибудь сознательным разумом, и навевает картины за картиной, от которых хочется выть!– от улыбки Третьего не осталось и следа, взамен легкая судорога искривила раскрытый рот; уже грустным голосом он продолжил,– А там так все обманчиво прекрасно! Вот я целуюсь с безликой женщиной, кружа в танце под непонятную, тягучую музыку– она груба и неотесана, но прекрасна в своем ритме! А вот мы лежим в обнимку в незнакомой постели и дремлем, то и дело взирая на пальмы... и вот я сижу на плечах у безликого человека и всасываюсь внутрь него, разрастаясь новыми формами, будь то крылья, шупальца или хитин... А вот– внезапно опять мы вместе смотрим кино! Вот тут играем на пляже. Тут просто сидим и лопаем попкорн и травим анекдоты... и опять я падаю в пропасть, разрываясь на части, сдирая с себя лицо, весь верхний слой кожи, обрастая взамен крепкой как кольчуга шкурой и приземляюсь на четыре лапы, чувствуя, как трескаются подушечки на лапах и когти впиваются в сухую землю... Я вот-вот снова ринусь вдогонку за кем-то, но выдираю себя обратно, сюда, в это тело, напоминая себе, кто я! – тут ликование захлестнуло его лицо, когда стеклянные глаза уткнулись в стену, – Однако этого недостаточно! Как вспомню, что мне приходилось испытывать с теми, чьи лица так и не выветрились из памяти, аж тошно становится... Я вспоминаю, почему закончил, вспоминаю, что разочарование– мое главное чувство, за которое и стоит держаться, но даже его оказалось мало! Потому-то мой единственный выход– смерть! Только смерть спасет меня от того, чтобы пережить это снова.

Проводник просто покачал головой, отказываясь от услышанного.

Они встали и вышли на улицу. Но, едва молодой человек сделал три шага, его правая рука дернулась. Не прошло и двух секунд, как левое плечо содрогнулось и в ту же секунду Третий захрипел, попытался потянуться руками к горлу, так и повисшими плетьюми. Упал на колени, хрипя и вперив расширенные от ужаса глаза прямо на Проводника. Без понятия, что делать, тот уложил содрогющееся тело на землю, дожидаясь конца припадка. Хрип прекратился, тело перестало трясти.

Глядя в налитые кровью глаза, Проводник прошептал:

–Что это было?

Третий тяжело выдохнул:

–Одна из особенностей моего воображения... Оно раньше часто являлось мне, пытаюсь заставить сдаться посредством боли, которую я уже сумел пережить... Потому-то я выстоял и теперь!

–Что же ты видишь? – не обращая внимание на окруживших их прохожих, Проводник низко наклонился к лицу Третьего, пока мальчик шептал:

–Человек в черном. Плащ и цилиндр. Слово я в своем личном восприятии.

–То есть?

Все еще подергиваясь от фантомной боли, юнец медленно поднимался на ноги, держась за ворот куртки Проводника, продолжая шептать и подозрительно озираться:

–Я– этот человек!.. одна из прожитых вариаций... словно свой собственный Доппельгангер, пришедший переубедить самого себя. Я... Он встречает отказ и достает пистолет с быстротой молнии... трижды стреляет в меня! Первая пуля всегда ломает кость правого предплечья, вторая впивается аккуратно над сердцем, а третья– поражает прямо в глотку. Я не могу пошевелить руками и заткнуть дырку и просто захлебываюсь кровью... Так я и умер... в одной из жизней... Теперь ты видишь сам, почему это надо остановить– я теряю контр... Эй, вы! А ну пошли все к чертям, тут не на что смотреть! – и прохожие, испуганные громким криком, разлетелись словно голуби.

"Как же у тебя все запущено... Даже жалко как-то. Хотя нет, не жаль."

–Отстань от людей. Пошли, провожу тебя до дома.

–Я хотел...

–Что хотел?

–Подумал в последний раз посетить своих бывших друзей, посмеяться в лицо что ли... но к черту их! Они мне никогда не были друзьями в этой жизни. Никто из них даже не придет на мои похороны. – с этими словами подросток вновь достал трубку.

* * *

–Ты готов? – нож лежал меж ними на столе рядом с плотно набитым конвертом с доплатой и подписанным контрактом– Проводник решил не выбирать, дав то, за чем его и звали.

Третий снова улыбался.

–Знаешь... как-то с тобой поговорил и даже полегчало... Я даже начал подумывать над тем, чтобы отменить сделку и оплатить тебе только издержки. Однако я не хочу... не хочу! Иначе реальности схлопнутся и произойдет то, чего даже я вообразить не смогу– вдруг временное помутнение окажется просветлением, новой ступенью... Парадокс, да? – истеричный смех, в горле булькает, – Не переживай, я не передумал... Я правда должен умереть. Помогите мне– я сам не смогу!

–Не могу. Ты должен сделать это сам. Я лишь наблюдатель– такова моя роль. – ответил Проводник, – Не хочешь еще что-нибудь рассказать? Может, о своей реальной жизни?

–Нечего рассказывать. – тонкая рука схватила за рукоятку, – Знаешь... ты можешь взять кое-что еще. Возьми трубку и табак. Принадлежности– у меня в комнате на навесной полке. Мне она уже не нужна, зато тебе пригодится.

–Не думаю, что это будет этично– брать чужое.

–Разве? А что скажешь на счет одежды, что на тебе? Явно ж не твой размерчик! – правда– Проводник был одет в одежду прошлого клиента, – Бери, не стесняйся.

С этими словами Третий встал и отошел в центр гостиной. Лицо не выказывало ни грамма страха– напротив, одну лишь уверенность. Перехватив поудобнее нож, он приставил острие к внутреннему уголку глаза, затем повернулся к Проводнику и усмехнулся.

–Может, хотя бы подножку поставишь, а то мне что-то боязно?

–Просто смотри на меня. – он повернулся к мальчишке, сложил руки на груди, – Я выполнил твоё условие– тебе был нужен человек. И, судя по всему, слушатель. Если ты...

Но Третий не дождался окончания фразы– правая нога поднялась до уровня пояса и одним движением сбила левую, обрушив тело плашмя на пол. Голова мотнулась при столкновении с рукояткой, раздался хруст. Нож так и остался внутри. Правая рука дрогнула пару раз и обмякла.

Глава пятая.

–Тебе кто-то звонил, милоч!

Вот уж не думал Проводник, что бабка обрадуется его возвращению– ее лицо озарила улыбка.

–Кто? Номер оставили?

–Да, я записала. Где ж я бумажку оставила...– с этими словами она покопалась в своем халатике и сунула список покупок.

–Бабуля, да это же не то!

–Как не то? – выпучив желтые глаза, она раскрыла свой сморщенный рот в форме идеальной "о", – Я... Должно быть, положила не туда...

Спустя минуту поисков он выудил из-под кипы счетов и писем от родственников заветный листочек. Пробежав глазами по цифрам, схватил трубку и набрал номер.

Гудок первый и раздался треск.

–Алло! – раздавался на том конце провода крик.

–Тихо, не ори. – чуть не оглохнув, ответил Проводник.

–Кто это?

–Ты мне звонила? – голос был вроде знаком, но помехи и фоновые шумы мешали распознать говорившую.

–А, так это ты! – нотки понимания и сдержанного удивления мягко полились в его слуховую раковину, щекоча стенки прохода. Что ни говори, а голос очень приятный!

–Привет, Никто. – и буквально услышал, как углубились морщинки на безликом лице его собеседницы, выказывая признаки недовольства.

–Ну, не надо меня так называть. У меня есть имя, помнишь?

–Оно не важно.

–Ничуть не удивлена тому, что ты вновь мне хамишь. И зачем только я тебе звонила?

–Не знаю, ты мне скажи.

–Ну... ты сказал мне звонить тебе, когда захочу. Откуда ж я могла знать, что ты живешь с престарелой матерью и периодически пропадаешь из дому?

Проводник уселся на диван в комнате Второго, затем без зазрения совести развалился в полный рост.

–Она мне не мать.

–А она сказала, что мать.

–Ошиблась.

–Ты опять врешь?

–Возможно.

–Почему ты врешь? Зачем тебе это?

–А зачем тебе правда? Тебе, что, станет от этого лучше? Или, может, ты откроешь для себя нечто новое и необычное, если вкусишь этот кислый плод с просрочкой в пару лет?

–Ты пытаешься говорить изящными словечками, но все, что у тебя выходит– вбросить очередную порцию словесной белиберды. Это не то, чем тебе следует заниматься.

–Ты меня не знаешь, потому и понятия не имеешь, кто я и чем занимаюсь.

Он устал, ему хотелось спать. Не скрывая этого, зевнул в трубку.

–Ты там не засыпай, стой! – "Все женщины так вопят, когда пытаются кого-то удержать?" – Я хочу еще поболтать.

–А смысл? Мы ни о чем не разговариваем, просто несем полную и бесполезную чушь, впустую убивая время. У нас нет тем для разговора, а это несколько ограничивает нашу коммуникацию, понимаешь? Мы как два дуболома– один усердно пытается выдать из себя шутку, второй вымучивает улыбку. А в итоге ничего– шутка недосказана, улыбка превращается в дурацкую гримасу.

–И, даже не смотря на всю неловкость, с которой протекает наша беседа, мне даже это нравится.

–Понятия не имею, что же тебе может понравиться во мне и в том, что я говорю. Я же даже не эксцентричный богач с табуном прислужников, живущий в особняке с собственной конюшней по соседству. Я не спортсмен, ставящий рекорды на забегах и по остроте шуток про тренера и чирлидершу. Я не веселый балагур, так и пышущий обаянием и харизмой, цель которого– стать легендой местного бара. Во мне нет ничего, что кому-то может нравиться. Как и в том, что и как я говорю.

–Не прибедряйся, в тебе есть чему нравиться. Мне, например, нравится твой голос. Он тихий, но твердый. Слушая тебя сейчас, я уже не представляю себе того толстяка или гоблина, о котором тебе раньше рассказывала. Я бы даже сказала, что мне жаль, что я нарисовала тебя в таком спектре внешних качеств, потому что, как мне кажется, я нанесла тебе оскорбление... Потому, чтобы реабилитировать себя в твоих глазах, сделаю тебя рослым и широкоплечим бородачом с модной прической.

–Ну, понятно– кого угодно, только не меня.

–Хорошо, как ты выглядишь?

–Я толстый карлик-мизогин с несоизмеримым себе самолюбием. – в трубке раздался смех, – Чего ты смеешься, женщина? Я не сказал ничего смешного! – пока ее голос заливался веселым хохотом, он понимал, что должен чувствовать неловкость.

Вспоминая мертвого юношу, покачал головой– вовсе ему не должно ступать на скользкую дорожку эмоций и образов. И так вполне терпимо, даже с ощущением полости всего своего тела.

–А ты забавный. – наконец сквозь смех выдавила Никто, – Значит, тебя не слишком задели мои тогдашние слова, раз ты обратил это в шутку. Могу я спросить, как ты меня представляешь?

–Никак.

–Ну-у-у же!.. – урчащий голос перестал смеяться, уступив дорогу напускному разочарованию.

–Мне незачем тебя представлять. Есть твой голос и этого достаточно. Разве я не могу ограничиться только этим?

–Вовсе нет! Одним голосом, знаешь ли, сыт не будешь, каким бы аскетом ты себя не представлял. Да и что голос в самом деле значит? Ровным счетом ничего. Голос вполне может быть иллюзией, ведь ты не видишь собеседника, не можешь прочувствовать его, осязать и обонять, прикоснуться. – ее голос мечтателен, – К чему нам воображение, если вся суть общения заключается в физическом контакте, заметно выигрывающем перед чрезвычайно однобокой и неполноценной картинкой в голове, которая, к слову, может быть всего лишь суррогатом, вылепленным трудом нейросети? Так, посредством одного лишь разговора, мы мало чего добьемся. Я уверена, что, будь мы рядом и смотри друг другу в глаза, ты бы потеплел ко мне.-настала и его очередь смеяться,– Тебе смешно, потому что ты– неисправимый циник!– тем не менее ее голос все еще весел.

–Хватит говорить так, словно знаешь меня, как облупленного, чтобы ставить прогнозы моим предполагаемым действиям. Ты не можешь просчитать мою реакцию на тебя при встрече, не будь столь наивной. Ты ничего обо мне не знаешь, а утверждать обратное может лишь глупышка, повернутая на субъективизме.

–Так дай мне узнать тебя, аноним! Расскажи мне о себе. Только правду!

–Тебе мало того, что я наплел тебе в прошлый раз?

–Мало. – с той стороны послышалось хруст перемалываемой зубами сухой пищи, – Понимаешь ли, я– человек тонкой натуры, практически ненасытная в плане впечатлений и ощущений. Мне нужно больше того, что есть! Так что начинай!

–Хм, ну, то, что я тунеядец, думаю, очевидно. А еще эгоистичен и глуп. Не способен направить собственную жизнь в правильное русло, предпочитая поспеть за теми, кого осуждал, и ринуться в полное отрицание внешнего мира, замкнувшись во внутреннем. – жизнь Третьего как нельзя кстати подойдет как прикрытие.

–Хм, это похоже на правду. – послышалось одобрение; значит, он шел в верном направлении, – Однако я б не сказала, что ты глуп, если, конечно, ты не имел в виду образованность как обязательный критерий в одном небезызвестном списке. Да и так уж ли важен этот твой "внешний мир", если он не дает тебе именно того, чего ты хочешь?

–Под умом я подразумевал высокий интеллект и неординарные способности, которые можно применить на практике себе и другим во благо. Я же умею лишь прожигать дни, валяясь на кровати в праздном угаре, изредка выходя из дома за продуктами и книжками, чтобы подпитать себя. В моем городе даже снискал славу отшельника и шизофреника. Это не есть хорошо, скажу я тебе. Что же до твоего вопроса про мир... дело не в том, что он не исполняет мои мечты. Дело в том, что мои желания по-прежнему не вписываются в общепринятый спектр.

–По-твоему, это плохо? Ты же не преступник какой, зачем себя осуждать? – хруст кончился смачным чмоком.

–Мне постарались вбить в подкорку мозга мысль, что эгоизм, мизантропия, нелюдность и тому подобное– плохо. По их словам, я должен желать того же, что и они.

–Со вторым и третьим согласна, но что плохого именно что в здоровом проявлении эгоизма?

–А что хорошего?

–Что хорошего в том, чтобы думать и заботиться о себе? Даже не знаю... начнем с того, что это вполне естественно. Скажем так: в умеренном эгоизме, не заступающим, образно говоря, на чужую территорию, нет ничего плохого! Эгоизм– явление более положительное, нежели отрицательное. Чем может заинтересовать человек альтруистичный, вечно готовый всем помочь, чуть ли не последнюю рубашку отдать? Про таких людей только одна мысль и возникнет: "Он чувствует себя вечно обязанным." Или "вечно пустым, стремящимся заполнить себя даже теми, кто этого не заслуживает", что само по себе ненормально. Это не очень приятно, да и, признаемся, скучно! А вот эгоист– человек другого пошиба. У эгоистов есть секреты, чем и интересны, но сверх того они могут привлечь внимание своим поведением– этой независимостью в совокупности с– бывают и такие случаи, – эпатажем и показной индифферентностью ко всему окружающему, которая так и плещет из их глаз, ноздрей и рта. О таком человеке сразу думаешь: "Ого, этот парень знает себе цену и задает другим более высокую планку! Интересно будет расколоть его, как грецкий орех!" Тут либо решаешь, что он шибко самоуверен для того, чтобы тратить на него свои силы, либо невольно тянешься к нему, стремишься исправить его, сделать таким же, как ты, чтобы потом обнаружить, что вместо этого ты достиг его же уровня, еще в первом прыжке сменив первичную мотивацию на иную– почувствовать себя столь же обособленным и, не стану скрывать, особенным! Потому что ты тоже, как ни крути, эгоист.

"Ну еще бы."

–Если что, с моей стороны это был намек на глупый вопрос.

Она проигнорировала подколку:

–Думаешь так выйдет всегда бежать? То есть, я имею в виду– прятаться от общества. Прости, оговорила слегонца.

–Судя по всему, не так уж и слегонца. Отвлеченные мысли? Однако да– надолго меня вряд ли хватит.

Интересно, был ли Он в этот момент откровенен? Нашел у кого спрашивать...

–Нет, просто оговорка. Так откуда ты знаешь предел своего терпения и возможностей? Что является твоим спасительным якорем? Какая цель?

–Мой побег лишен всякой цели. Тут скорее желание увидеть чутьочку больше. Это ничего не изменит, но даст мне ощущение того, что жизнь прошла хоть чутьочку по иному пути. – "Ты становишься откровенным? Так ли это?"

Он не знал. Он прошел на кухню, нашел пачку сигарет и запалил кончик первой. Эта все еще молчала.

Наконец она выдала:

–Но есть же что-то, так? Любовь, допустим? Что она для тебя?

–Как много вопросов, прямо интервью! – елейным голосом произнес Проводник.

–Опять сарказм!

–Я не знаю. Я даже не уверен, испытывал ли когда-нибудь любовь. Влечение, привязанность, дружеские чувства я испытывал, но саму любовь лишь воображал, проживая ее внутри. Я помню, как влюбился в десять лет в одну девочку, но ничего для этого не делал. Самооценка была не на том уровне. Да и понятия тогда не имел, что надо что-то делать. Встретив ее через два года, все так же думал, что люблю ее. В этот раз удалось несколько раз вытащить ее потан-

цевать, а для меня это было достижением. После шесть лет не виделись, пока она внезапно не прислала письмо. Я был в ликовании, писал ей в ответ. Она все еще мне нравилась, с ней было приятно общаться, но я понимал, что влюбленность прошла, осталось лишь легкое влечение. Неоднократно звала к себе в город, но я отказывался. Остыл. Возвращаюсь к любви – нет, я не знаю, что такое любовь, но знаю, что такое детская влюбленность. Я зачастую пытался ее – любовь – себе вообразить, но ничего, кроме эмоциональной боли, достичь не смог.

Вновь долгое молчание. Наконец вздох.

– Как печально... Ты сейчас сказал правду?

– А ты угадай. – он вновь включил ехидство.

– Ой, ну зачем, зачем ты все портишь?! – Никто пару раз грязно выругалась, затем чем-то шарахнула по столу.

– Не ори на меня.

– Да как не орать тут, ты что?! Рассказываешь подобные истории, а потом с ухмылкой – я знаю, что ты смеешься надо мной! – заявляешь, что это вымысел. Ты поступаешь очень некрасиво!

– В таком случае пошли, четвертуем парочку писак.

– При чем тут писаки, я тебя про честность спрашиваю! Не будь таким говнюком!

– Что-то не нравится – сбрось трубку и забудь обо мне.

– Тебе просто этого не понять. – продолжила Никто, не обращая внимания на выпад, – Я вспомнила, как сама в юные годы страдала подобным. Отличие лишь в том, что мой возлюбленный был вымышленным.

"Да откуда ж в вас это взялось?!"

– Продолжай.

– Я влюбилась в наркоторговца, который так же боролся с зависимостью, но я жалела его и эти отношения никуда бы не привели. Я его бросила, а он сделал золотую дозу и умер... И я долго себя винила. Ужас.

– Неплохо. Если особо постараться, можно написать сценарий для какого-нибудь любительского кино.

– Или снять самим! – воодушевилась Никто. – Однажды мне снилось, что я сняла фильм и получила награду киноакадемии! Там было столько людей, столько рук аплодировали мне! Ни с чем не сравнимое чувство! Гордость и радость лишь отдаленно на него похожи, но все же точную характеристику невозможно дать. До сих пор помню все, словно это было взаправду.

– Грустно, должно быть, было проснуться в реальности, не так ли?

– Все издеваешься, да?

– А почему нет?

– Ты злой. – "Негодуй."

Он молчал. Тишину прервал вновь ее голос.

– Сколько у тебя времени?

Он поискал глазами часы.

– Пятнадцать – пятнадцать.

Ее голос наполнился восторгом с придыханием:

– Загадай желание!

Как глупо.

– Мне нечего загадывать.

– Быть того не может, не ври! У всех нас есть, чего желать. Есть что-то, что ты хочешь, иначе быть не может!

Проводник ничего не хотел. Желания давно отошли на третий, как минимум, план для него, уступив пальму первенства необходимости. Да и чего было ему желать в мире, где ничто не могло его заинтересовать, привлечь к себе?

–Это "что-то" и загадывать не нужно.

–Я всегда загадываю. Только не сбывается.

–Ха-ха, а с чего ты взяла, что должно? – "Она ведет себя, как маленькая девочка."

–А почему нет? – словно передразнивая Его, спросила она.

–"Потому что такова жизнь!" – напрашивается банальный ответ. – тихо сказал Проводник.

* * *

–Скажи мне, где ты живешь? – всегда, всегда эта женщина звонила невовремя. В этот раз штормку в ванной бесцеремонно отдернула старческая рука и голос бабули оповестил о звонке. Выхватив трубку и наказав старой больше так не делать, Проводник устроился поудобнее и сказал, что готов слушать.

Очередная бессмысленная беседа, трансформирующаяся в обмен сентиментальными фантазиями. Хотя "обмен" – громкое слово.

–Далеко. Я живу в пустыне на окраине тундры, что расположена на луне одной безжизненной планеты.

–Брось городить чушь, я ведь правда хочу знать, где ты живешь. Судя по тому, какие часы ты мне назвал тогда, ты живешь по другому часовому поясу. Разница во времени – семь часов. – она загрустила, – Знаешь, как-то мне показалось, что ты живешь слишком близко – там, за углом, только дотянись! Но там, где я живу, углов нет, как и переулков, где ты мог спрятаться. Все как на ладони, а тебя нет. Ты так далек, хотя по ощущениям так близок. – двусмысленно выделив слово "так" аж два раза, Никто словно признавалась в нужде его присутствия.

–Я не близок.

–Ошибаешься. Может, ты и не подозреваешь об этом, но ты обладаешь странной притягательной силой. Толком ничего о себе не рассказывая, ты ограничиваешься странными рассказами, не имеющих почву под собой, как и хотя бы крупички правды. Не доверяя мне и даже не спрашивая, как я и как мне живется, ты вызываешь у меня странное желание приблизиться к тебе. Я привязываюсь к тебе, хотя ранее такого не бывало. Ты действуешь на меня положительно, дорогой аноним с приятным голосом.

–Может, тогда нам стоит прекратить общение?

–Нет, нет, нет, что ты? – от испуга голос Никто повысился на несколько октав, – Ну почему ты так говоришь? Тебе приятно доставлять мне неприятные ощущения?

–Потому что я ненадежен. Ты возлагаешь на меня слишком много надежд. – Проводник сделал знак старухе, которая вошла в ванную с подносом, чтоб та поставила еду на стол в комнате; стоило той удалиться, продолжил, – К сожалению, я знаю, каково это – терять друзей, потому я не хочу, чтобы ты ко мне привязалась. А то мало ли – вдруг у тебя появится желание покончить с собой?

В голове сразу прозвенело: "Новый контракт! Новые возможности!" и не утихло, пока он не потряс головой, отгоняя наваждение, – "Глупости все это – лезть к кому-то, с кем ты уже знаком. Тебе мало следов?"

Но мысли продолжали струиться в голове, описывая разные варианты и способы сорвать сладкий фрукт выгоды. Не взирая на то, как прошла последняя реализация контракта, он продолжал воображать. И куда делась его прагматичность?

–Тебе-то какое дело? Тебе же плевать на меня, с чего тебе беспокоиться о том, помру я или нет? – прорвал цепочки образов ее голос.

–Карма?

–Ой, только не говори, что ты из тех, кто верит в подобный бред! – "Да что же ты такая эмоциональная? Так и оглохнуть недолго!"

–Не говорю.

–Ну тогда чего начинаешь-то?

– Не ори на меня, иначе я кладу трубку.

Снова молчание.

"Вот бы оно длилось вечность."

– Я умру до утра. – раздался еле слышный шепот.

– Обещание или своеобразное прощание?

– Я не даю обещаний. – в трубке страшно фонило, но шепот отчетливо звучал сквозь помехи, не позволяя шипению себя оборвать. Шепот как крик.

– Тогда зачем ты так сказала? Пытаешься пробить меня на эмоции таким хитрым способом? Ты настолько глупа?

– Нет, не пытаюсь.

– Тогда, стало быть, прощай? – помехи внезапно кончились; он вслушивался в тишину, слегка улыбаясь.

– Навсегда? – нарушила напряженное молчание Никто.

Проводник тихо вздохнул. Она так надеется на него, даже не пытаясь скрыть это, ставит в неудобное положение. Как удобно, да? Люди отнюдь не гнушаются прямо давить на себе подобных, извлекая выгоду из чего только можно. Омерзительно.

– Зависит от тебя.

– Почему же ты не спишь?

– А почему ты так резко сменила тему?

По ту сторону провода раздался звон бьющегося стекла и тихие ругательства. Вечно эта что-то вытворяет, беспокойная душа. «Откуда у тебя столько стеклянной продукции, глупышка? Все никак не решишься вскрыться? Давай, я тебя не держу. Окажи мне услугу, уж будь добра.»

– Потому что начинаю тебя бояться. – неуверенно вымолвила прямо в трубку собеседница. И правда – ее напряжение чувствовалось даже за десятки, сотни километров от человека. Недоброе, гнетущее напряжение, от уничтожения всего и вся удерживающее лишь отсутствие возможности материализоваться. С таким ощущением ожидают землетрясения, сжимая в руках мешки с пожитками и маленьким запасом провианта. С таким ощущением раньше прятались в подвалах во время мировых войн в ожидании авианалета.

– Я настолько жуткий?

– Твое равнодушие всеобъемлюще! Мы с тобой говорим, а я не слышу никаких эмоций. Даже твой смех безлик и сух. Когда я слышу его, из красавца ты превращаешься в грудку металла, которая вот-вот воткнет свои щупальца в свой телефон, а они по проводам растянутся по длине, равной окружности планеты и внезапно воткнутся в мои уши напрямик из микрофонов, разорвав в клочья телефон!

Он вновь засмеялся. Ему нравилось, что она боялась Его. Чувствовалась некая власть. Она застонала.

– Ну прекрати!

– Прекращаю. – и смех оборвался.

– Ты до чертиков жуткий и ты это знаешь. Ты просто такой. Это ты! Ты любишь уныние, потому что это есть правда. Такая, какой ты ее понимаешь. Я б не удивилась, если бы ты писал тяжелые на восприятие книги и стихи. А еще я слышу твою музыку, что играет у тебя в комнате. – она была права: долгие дни зависая в квартире старухи, Проводник наконец пристрастился к прослушиванию музыки; удивительно, но факт – даже сгусток дофенистичного холода иногда может оттаять к поразительным явлениям вроде музыки, даже если взять в расчет то, что ему нравились исключительно старые арии и дарк-эмбиент, о котором упоминалось в одном из шоу – жанры преимущественно мрачно-депрессивного характера, безнадежно устаревшие за время существования самых продвинутых жанров, но так и не попавшие в их список в виду жестко ограниченного круга целевой аудитории. Жанры, которые во всем мире не так

давно слушал всего один человек, с которому Проводнику не суждено было познакомиться, как человек с человеком. Его сознание будоражила невольно просмотренная запись, в которой под такую музыку в свое время кончали с собой большинство современных самоубийц, а среди них и видные медийные и политические личности, а так же маргиналы, провалившие все попытки стать частью общества нового порядка, из-за чего ее даже запретили. Все эти люди прибыли к этим композициям, глядя и вслушиваясь в одни и те же кадры, смеясь над тем, как из человека пытались сделать не того, кем он является, на потеху всему миру. Оказалось, что и старуха, мать Второго, из-за нее пристрастилась к выпивке и курению каких-то трав, приобретенных у местных барыжат, что вытекло в странную форму заикливости— она принялась вязать шарфы и свитера, плетя их по странной узорчатой схеме, не отрывая взгляд от экрана, где тело разверзло свою грудную клетку,— Но это меня уже не сильно напрягает, это просто есть.

—Вот как. А ты не исключаяешь возможность, что я намеренно создал перед тобой такой образ? — "Не думай, что я не просек твою маленькую ложь." — Может, в реальности я совсем другой человек. Недаром ж у меня такой приятный голос! — издевка как есть, — Может, на самом деле я смеюсь, как только сбрасываю трубку и включаю южную музыку, под которую танцую сарабанду? И я повторяюсь снова— откуда тебе знать, что все, что я говорю, не продукт чрезвычайно трудноразличимой лжи?

—А что это такое— сарабанда?

—Не имеет значения, на вопрос ответь.

—Да, конечно, существует! Такая возможность всегда есть! — мгновенно переключившись, с жаром согласилась собеседница, — И она меня как раз удерживает от настоящего страха. Смеешься? Здорово! Наврал? Еще лучше!

—Фишка в том, что ты никогда не узнаешь, вру я или нет.

—А может, я и не хочу. — вкрадчивым тоном заявила Никто.

—Может. Но никакого значения в условиях нашего чересчур узкого способа общения не имеет. Мы можем быть кем угодно.

—Именно. А откуда ты знаешь, что я не врала?

Пытается отыгаться.

—Не имеет значения. Я все равно общаюсь с Безликим.

—Хм... в каком смысле?

—В прямом.

—Да, ты меня не знаешь и все такое, но я тебя не обманывала ни в чем! Что тебя напрягает? Что ты считаешь ненастоящим во мне? — и не дав ни удивиться столь быстрой смене мнения, ни дать ответ, завела, — Потому что на самом деле я чертовски настоящая и, если ты этого не понял, то мне очень жаль.

Безликая и бесформенная женщина с оскорбленным видом встала и пошла по белому бесформенному коридору в белое бесформенное нечто.

—Неужели тут присутствует оттенок обиды? — в то же время ехидствует Проводник.

Щелк. Помехи. Тишина.

—Полагаю, на этой ноте ты хочешь закончить? Если надумаешь поговорить еще, звони.

—Я тут. — быстро проговорила она, — Обижена ли я? Немного. Скорее разочарование.

—Такое знакомое по жизни чувство, не так ли?

—А ты обижен?

—На кого?

—На меня?

"Да с какого это?"

—Что-нибудь ты же чувствуешь?

—Ничего.

—Двойственно! Впрочем, я уже сформулировала для себя парочку мнений.

–То есть?

–С твоего ракурса, где тебе плевать на меня и я не способна повлиять на твоё настроение хоть немного. И с моего, где мы ведем неплохой диалог, а ты славный собеседник, только лицемер и пустозвон. Что заставляет тебя так себя вести– мне все еще не ясно.

–По-твоему, мне наплевать на тебя?

–Да. Но я не придаю этому большое значение. – ее голос предательски дрогнул. Никто безбожно и бесталанно врала.

–Вспоминая про видимость, так?

–Так.

–Уже что-то! Однако... Почему у тебя возникла мысль, что мне наплевать на тебя, если мы знакомы от силы несколько дней? Разве для таких мыслей мы не должны сблизиться до фазы "друзья", чтобы это хоть как-то должно было тебя волновать? И если б мне было наплевать на тебя, как на человека, вел бы я сейчас с тобой беседу? Или, может, я общаюсь с тобой, потому что вежливый?

–Или потому, что тебе попросту скучно? – обвиняющим тоном переспрашивает Никто.

–Или одиноко? – он хитрит.

–Нет. Я так не думаю.

–А если я скажу тебе, что на данный момент ты– единственная, с кем я общаюсь?

–Так не бывает.

–Ты так думаешь?

–Всегда люди не договаривают. Типа "У меня нет друзей!" или "Я совсем один в этом мире."!

–Я задал вопрос, отвечай.

–Я тебе не верю.

–Славно.

–Абсолютное одиночество невозможно. Не там, где ты сейчас.

–А где я?

–Где есть связь, полуфабрикаты и люди. Недостаточно запереть себя в комнате, чтобы прочувствовать это. Ты должен максимально отдалиться от всех, кто похож на тебя, в идеале– убраться в такое темное, незнакомое место, где тебе ничто не знакомо, даже не навеивает ассоциаций с прежде виденным. Где ты не будешь испытывать дискомфорт, покой.

–Проще говоря– яма.

–Может быть. Только там, в этой яме, где нет иных звуков кроме биения твоего сердца, ты сможешь прочувствовать одиночество до конца.

–Стало быть, все одиночки в мире обманывают себя, зовя одиночками.

–Да.

* * *

–Мистер! Мистер, конечная станция, на выход!

Он открыл глаза и вновь волна энергии поднялась от пят к мозгу, заставив гореть все конечности. Пошатываясь, Проводник поднялся, чувствуя себя взмывающим в небеса орлом. Зрение искусственно сузило и приблизило сидения и плитки, блестящие при тусклом свете ламп за окном, превратив как будто в кино из предметов мебели в недостижимые вершины, рядом с которыми Сотый пик показался бы карликом в пятом поколении. Еще бы ветер в лицо для полноты картины... Об этом ли говорил Третий?

Колени с треском разогнулись, волна достигла глаз и все почернело. Свист, глухой удар где-то далеко, дальше, чем самая дальняя звезда, и неумолимо приближающийся, заливаясь безжалостными треском и воем, поезд. Вот он приблизился вплотную и миг спустя пронесется над головой. Чей-то детский голосок гомонит на незнакомом диалекте. Жуткий холодок в животе, как бурлящая вода вздыбившийся к груди. Рев поезда превращается в белый шум,

затем стихает. Он понимает, что уже около полуминуты видит и слышит, а конечности дрожат лишь потому, что он сам думал, что надо дрожать. Поняв это, Проводник в ту же минуту застыл и обратил внимание на то, что лежит в лужи крови.

–Мистер, очнитесь! – тормошил его некто, похожий на козла, но козлом не являющийся.

Человек в форме подбежал с таинственным кейсом, который с оглушительным звоном приземлился на поверхность пола вагона. Словно неведомый сигнал, призывающий к восстанию, он подействовал на Проводника, как инъекция адреналина: мигом вскочив, оттолкнул пытающихся помочь ему работников метро, после чего вылетел в открытый проем. Зал был пуст. Ясно как день– конечная остановка! Он побежал вверх по лестнице по направлению к выходу. Лишь когда выбежал на другую платформу, осознание глупейшей ошибки настигло вместе с гомерическим смехом.

Где выход?

Выхода нет!

Но что это? Последний поезд, готовящийся к отправке! Уже слышен записанный голос диктора, оповещающий о закрытии дверей. Ловко юркнув между ними, Проводник упал на сидение и прижал руку к виску.

Кровь толчками хлестала по пальцам. Трудно было поверить, что такое вообще возможно. Впоследствии помутнения до сих пор казалось, что Проводник спит, что ему снился чересчур реалистичный сон. "Бывали случаи, когда человек падал во сне и не просыпался. Его находили мертвым." – неоновые слова выстраивались в словосочетания, а словосочетания слагались в предложения, сцепляясь буферами, безостановочно мигая в голове. С чего бы он это вспомнил? Он же не мертв! В подтверждение своих мыслей Проводник нажал подушечкой большого пальца на ранку. Боль веселым толчком отдалась в ответ и на пальцы снова потекла кровь. "Ой, дурачина, ой, простофиля!" – не переставая себя корить почему зря, рылся в карманах в поиске носового платка. Платка не нашлось, зато в кармане оказалась пачка бумажных салфеток. А, сгодится и это! Прижав несколько разом к голове, он мечтательно закатил глаза и прижался к спинке скамьи. Новый приступ боли, но более тихий, положил руку на плечо, явно стараясь привлечь внимание, и все лишь для того, чтобы начать увлеченно декларировать лекцию "О пользе боли как главенствующего в топе пять всех ощущений", но Проводник отмахнулся от незримого собеседника, как от надоедливой мухи.

"Не до тебя сейчас, дрянь, у меня лимит только на одного!"

Если б боль была человеком, то обиделась бы и не преминула треснуть прямо меж ног, сопровождая угар миллиардов стосковавшихся по чужой боли глоток. Стиснув зубы при этой неприятной мысли, Проводник живо представил себе эти до жути неприятные ощущения, как его тело окружает все человечество, тыча пальцами в болевые точки, смеясь, смеясь до упаду, когда электричка наконец тронулась все испарились в мигнувшем свете. Никто никого не преследовал. В двери вагона не стучались кулаки и дубинки. За окнами не кричали голоса. Изнутри тоже. Спокойно, как у мертвого на душе– и на том спасибо.

Когда темнота поглотила салон, Проводник с трудом, но сообразил, что свет отключился. В темноте едва-едва угадывались очертания разбитых лампад и черновых граффити. Ухватившись за поручень поудобнее, он прислонился к нему поплотнее, ибо шатало похлеще самого рьяного алкоголика с частичным параличом. От качки вагона начинало мутить, в глазах снова запрыгали искорки. Сам не заметил, как сполз на пол, ощущая стремившееся наружу содержимое своего желудка. Глотательные спазмы никак не помогали, во рту скапливалась солоноватая слюна и мозг уже фиксировал вкус горечи, непереваженного цыпленка табака вперемешку с разбавленным водой апельсиновым соком. Едва мелькнула мысль о соке, как желудок сжался в судороге, и злополучная стряпня с забегаловки на перекрестке с отвратительным бульканьем брызнула на пол. Сплюнув, Проводник отполз от мерзко пахнущей лужи подальше, забившись в угол между сиденьем и дверцей в конце вагона.

Вновь свет залил салон, движение прекратилось, двери распахнулись. Вошла какая-то женщина. Увидев блевотину и странного хмурого человека с кровью на лице, она хотела было выйти обратно, но двери как будто нарочно сомкнулись прямо за ее спиной. Пока один за другим вагоны заглатывало в туннель, она увидела, что человек поднимается. Запишав от страха, в диком страхе женщина метнулась в противоположный конец вагона. Бестолково дергая ручку, не смогла удержать дрожь, изо всех сил стараясь не обгадиться. Дверь не поддавалась, а от этого становилось еще страшнее. Бросив попытки ее открыть, женщина прижалась к ней спиной и с трагическим видом сползла на пол. Когда свет очередной станции заструился в окна, человек стоял прямо перед ней, пошатываясь и прижимая рукав к кровоточащей голове. В руках у него была сумка, которую она выронила, пока силилась открыть дверь.

–Прошу, не убивай меня, я не хотела, я не хотела-а-а-а! – завывала незнакомка, вытянув руки над головой, суча каблуками по грязному полу, – Я не смотрела трансляцию, клянусь, я ни единым пальцем не коснулась тачпада! Мне никогда не нравилось, что они делали с тобой, правда!..

–Не понимаю ни слова из того, что ты там ревешь.

Не успела женщина что-то подумать, как сумка шлепнулась ей на колени.

–Что у тебя в ней?

О, его голос ей бы понравился в более спокойных обстоятельствах, но даже его внешняя непохожесть на ее худший кошмар вовсе не привели к спокойствию и она всего лишь прижала сумку к груди и сжала губы. Незнакомец стоял прямо посреди арки вагона, загородив путь к выходу. Бежать некуда.

–Там только мелочевка! Заберите деньги, все берите, только не трогайте меня.

–Дура чокнутая, я только что их тебе вернул! – нетерпеливо прикрикнул на нее Проводник, – Что в сумке, говори!

То и дело роняя, женщина показала ему новомодный телефон, жирный бумажник, голубую пачку салфеток да коробочку с тенями для глаз.

–Что, это все?! Платка нет?

–Н-н-нет. – лишь бестолково мотала головой в ответ, точно в одну секунду потеряла рассудок.

Снова электричка была проглочена туннелем, снова стало темно. Сквозь ее рычание он снова начал:

–У тебя здоровенная сумка, женщина, неужели у тебя не найдется даже дешевой аптечки? Бесплезная ты скотина, дай сюда свои салфетки хотя бы!

Раздалось шуршание, треск, тихий вздох. На этот раз, когда состав остановился, Проводник, со стыдливим видом прижав пропитавшийся кровью комок к голове, вышел, оставив бестолочь, как назвал про себя эту трусливую недотепу, в одиночестве. Не разобрав название станции на табличке, Проводник понял, что заблудился.

Станция была пуста, последний состав ушел, мигнув на прощание красными огнями, скрылся в черном зеве туннеля. Глядя в нависающее по левой колонне зеркало, Проводник с вящей досадой отметил, что выглядит преотвратительно– немытые патлы слиплись от крови, которая в свою очередь уделала пальто из шерсти и штанины джинсов из секунд-хэнда. Немного крови попало и на нечищенные лет сто носки остроносых ботинок с высокими бортами. Печальное зрелище. Он радовался, что никого рядом с ним не было– никто не тыкал пальцем, вызывая желание пожать ему или ей горло.

Потоптавшись в неуверенности с минуту, Проводник нащупал в кармане смятые купюры, вытащил, чинным движением разгладил, с неосознаваемым удовольствием слушая хруст. Разгладив их еще парочку раз для придания более презентабельного вида, сунул в задний карман джинсов, где оставалась еще мелочь вперемешку с лязгающими при каждом шаге ключами от квартиры миссис Два. Застегнув блестящую заклепку, он уверенным шагом прошел к лест-

нице. Однако, стоило ноге коснуться верхней ступени, все внезапно стихло. Нет, тишина и так была, но только сейчас стала ощутима в самом воздухе, окружавшем колонны, электронные циферблаты, банкоматы и автоматы связи. Тело вдруг словно погрузилось в облако в том представлении, в каком его видят люди несведущие— легкая тяжесть, граничащая с незримым туманом, липким как слюна мертвой собаки, стекающая из ее раскрытой в предсмертном вопле пасти, что чуть было не изрыгнулся из зева сломанной тяжелым ботинком безликого садиста по профессии шеи.

Описание так себе, но люди на то и люди.

Опоздал. Заперт внутри на всю ночь, оставлен на...

Где-то вддали хлопнула дверь и раздались человеческие голоса. Не отдавая отчета в собственных действиях, Проводник развернулся и беззвучно сбежал к платформе. Он помнил, что после закрытия электричество отрубают. Голоса приближались, а ему страсть как не хотелось попадаться на глаза их обладателей. Тихо спрыгнув у третьей рельсы, побежал туда, куда укатил состав. Тусклые лампы медленно проносились мимо него, под ногами то и дело пищали грызуны. Едва не отдавив одной из них голову, он чертыхнулся и отпрыгнул в расширившемся тоннеле аккурат меж основными рельсами на специальную возвышенность, установленной прямо на шпалах. Бежать стало немногим легче, но в голову уже пробирались вопросы. Куда он бежит? От кого и зачем? Неужто так трудно было подойти к голосам и сказать им выпустить его, что он просто не успел? Они бы послушались— нет смысла удерживать постороннего.

"Не мели чушь."— говорил ему внутренний голос, — "Нет никакой разницы, тут ты или там, ибо не это важно!"

"Что же важнее?"

"Не тому вопрос задаешь, дурень."

Осколки камней хрустели под подошвами, эхом отдавалось от стен тоннеля дыхание, в глазах отпечатывались световые пятна, а Проводник все бежал. Уши начинало закладывать, ноги наливались свинцом. В затылке появилось ощущение сотен микроскопических сверл, настырно жужжащих в черепную коробку в попытке проникнуть внутрь. Скидывая наваждение, он пару раз дернул головой и краем глаза увидел дверь. Тут же вломившись в нее, Проводник попал в темный коридор. Лишь одинокая лампа накаливания обреченно свисала на проводке на углу, освещая голую белую плитку, которую не чистили лет так пятьдесят. А еще тут было пятно крови аккурат в центре прохода. Уже засохшее, с почерневшей коркой. Хорошо тут убираются, достойно восхищения!

Он стоял долго, впившись глазами в черную кляксу на пыльном полу, отключившись на ходу и лишь новые голоса из тоннеля вновь пробудили тело к жизни. Осторожно переступив след преступления (или случайности?), Проводник углубился в коридор, змеей вившийся в неизвестном направлении и влекущий в свое нутро, беззвучно приглашая незадачливых путников исследовать и покорить невидимые глубины. Все та же белая грязная плитка бесшумно украшала стены, навевая уныние, создавая настрой безысходности и пустоты. Особо впечатлительным в миг бы показалось, что это— плен кафельной интерпретации Уробороса, задавшегося целью изошренно доказать им, что это не совсем верное сравнение. Сделать все красиво, с шиком! Клаустрофобам была гарантированно уготовлена особая порция острых ощущений вкупе с гнетущим чувством волнами накатывающего страха. Проводник просто стал тенью, приникшей к свету. Бесконечно долго темный силуэт продвигался по пищеводу, ища выход и не находя его. В голове уже возникли мысли повернуть обратно, но ноги упорно шли вперед, увлекая туловище и безвольную голову-корону все дальше и дальше.

Когда появилась развилка, внутри прошли года и столетия, высохли реки мыслей, изначально подернувшись легким слоем тины из штриховых отрывков, затем затянущись ими полностью, медленно но верно обрастая черными комочками и черточками-растительностью, в следствие чего на месте бывших протоков выросли сначала целостные леса зарисовок, затем

холмы наливающихся красками образов и наконец вырывающихся из них горами целостных картин— шедевры безмыслия и деградации, заикленности и всеобъемлющей полноты, которые подобно волне расшиблись о гротеск реальности в слитном отвратном миге. И тогда человек застыл на месте, не зная, куда ступить.

"Направо пойдешь, жену найдешь. Налево пойдешь— коня потеряешь... Так, кажется, было в этих дурацких детских сказочках?" Мысля рационально, двинул налево. Не то чтобы нелюбовь к лошадям занимала центральное место в списке предпочтений, но свобода всяко была дороже.

"Как прозаично." — пронеслось в голове, когда Проводник встретил тупик и первую дверь, к тому же запечатанную.

Круговой замок двери-люка никак не желал поддаваться, сколько бы не прилагалось усилий. Отчего-то хотелось войти именно в эту, увидеть, что за ней. Необъяснимое желание, граничащее с детским капризом, перерастающим в откровенно глупое, баранье упорство. Как и ожидалось, полчаса бесплотных попыток прошли впустую, В досаде пнув дверь, Проводник отказался от своей затеи. Однако, уходя прочь, к развилке, он отметил, как по ту сторону двери тоже кто-то стукнул.

Знакомый холодок червячком сполз по спине к копчику и потребовалось небольшое усилие, чтобы не сорваться на бег без оглядки. Он был выше инстинктивных позывов, потому продолжил спокойно идти, лишь чуть стиснув зубы и смотря вперед исподлобья, запахнув поплотнее пальто. Туфли тихо отщелкивали шаги, легкое эхо разносило их вдаль по коридору, где они умирали, перейдя за следующий поворот. Вернувшись к развилке, Проводник с не то досадливым, не то ироничным вздохом пошел в правый коридор. Этот оказался намного длиннее первого, не говоря уже о том, что перемежался несколькими дверьми-люками. Они-то поддавались легко, с видимой охотой, открывая скрытые во тьме пустые помещения или же склады оборудования для рабочих метро. В частности, там были брошенные в угол кучи комбинезонов, рваные перчатки, стремянки без двух-трех ступенек, сломанные фонари и разного рода приспособления для работы с рельсами, а также разные станки и панели управления с разбитыми экранами. Так же попадались шкафчики со прозрачными дверцами из пластика, за которыми покоились серые респираторы. В одном из помещений обнаружилась плохо отделанная душевая. При взгляде на такое невольно вспоминалась какая-то сцена из типичного ужасика с убийцей и жертвой в душе, неестественные крики и аналогичные им брызги крови, смачно фонтанирующие на полупрозрачные бесцветные шторы для ванной.

Образы не оставляли после себя никакой эмоциональной нагрузки, однако Проводник счел разумным воздержаться от них, помня, что обычно люди в таких ситуациях чувствуют себя не в своей тарелке, потому закрутил все вентили и двинулся дальше, считая тусклые люминесцентные лампы и шаги. Их было слишком много. Интересно, сколько энергии они-таинственные люди, что отвечали за работоспособность метро, — расходуют на содержание таких вот практически заброшенных "карманов" хотя бы в месяц? Да и нужно ли это на самом деле? Почему у входов не размещены индивидуальные рычаги-переключатели? Сразу мозг услужливо подкинул десятки собственных смоделированных сцен, в которых фигурировали убийцы, жертвы, беглецы. Слишком много убийц, слишком много мыслей о них. Заикливаться не стоит. Возвращаясь к теме трат на электроэнергию, он быстро посчитал, что выходит чересчур кругленькая сумма— и это еще не считая затраченные мизерные ресурсы, вроде закупки лампочек на смену. А ведь эти деньги можно было пустить на что-то более полезное. Будь Проводник у руля, направил бы все на реставрацию старых исторических зданий, пожертвования в фонд раковых и не только больных, вклад в постройку хорошего приюта для бездомных животных, вложил бы в приобретение дорогостоящей медицинской техники. Неужто рулевым непонятно, что в таком городе метро не нужно?

"О, ты никак идеалистом стал?" — подуживая сам себя, — "А как на счет личной выгоды?"

"Зачем? У меня есть на что жить и на что есть."

"Да брось! Твои недогонорары уступают даже твоим вычислениям, которым ты предавался минуту назад."

"И что?"

"А то, что миллионы тратятся впустую, тогда как могли принести пользу таким, как мы с тобой."

"Такому, как я." – поправил сам себя и сам же рассмеялся.

В безлюдном мертвом коридоре смех показался слишком жалким и натянутым. Стало слишком жарко и Проводник прижался щекой к холодным стенам, совершенно забыв про рану, на минуту застыл. Ощувив привычное тепло крови на лице, ругнулся про себя и прижал рукав к голове. Пальто отстирать уже не удастся – стоит оставить на помойке для тех, кому уже плевать на внешний лоск. Размеренность кафельной кишки потихоньку начинала надоедать и шаг пришлось ускорить.

Долгое время спустя показался и конец – пыльный пол уткнулся в не менее пыльные кованные ступени, ведущие к желтой металлической двери. Медленно поднявшись по ступеням, Проводник прижал ухо к холодному металлу, прислушался. Возня, голоса, гул. И лай собак. Посмотрев на часы, убедился, что прошарахался по коридорам аж до самого утра. Скоро метро откроют, городские человеко-муравьи хлынут в коридоры к металлическим гусеницам, присосавшись друг к дружке. Осторожно повернув ручку двери, убедился, что та не заперта. Тогда он сел на пол, прислонился к стене неповрежденной половиной головы и закрыл глаза.

Когда людской топот достиг апогея, когда голоса сотрясли стены, когда звук воющих электричек раздавался с минутным интервалом, только тогда Проводник раскрыл глаза и тенью выскользнул в поток людей. Спустившись на платформу, он застыл на месте, глядя на табличку. В час пик люди редко оказываются терпеливыми, весьма грубо толкаясь грудью, плечами, нередко будто целенаправленно ступая ногами по его обуви. Чей-то ребенок больно пнул по колену, при этом заливаясь нечеловеческим воем, пока горе-мамаша пыталась утихомирить засранца, полностью при этом игнорируя правила этикета, предусматривающие извинения и прочее. Нет, она подняла свое уродское чадо на руки и потопала с ним и с дорожными сумками на перевес к левой ветке, пока розовое поросычье рыло довольно шерилось от отсутствия наказания. Несмотря даже на этих двух прямых отпрысков парнокопытных Проводник не оторвал взгляда от букв, пытаясь вспомнить карту метро, за своими раздумьями не замечая, как время ускорило свой полет и людской волнующийся лес превратился в бурную реку, в основном серую и мутную, мягко обволакивающую по бокам, но не сметающей единственное стоящее тело со своего поста. Так и стоял Проводник, пока люди удивленно провожали его взглядом, нередко и оборачиваясь на случайного незнакомца с окровавленной головой и странным вдумчивым взглядом на непривычно простом лице. Кто-то даже останавливался на пару минут и смотрел вместе с ним на черные буквы на фоне грязно-желтого пластика, подсвечиваемого лампой. Один мужчина с лицом манекена из художественной школы даже подошел, сделал фотографию профиля живописного незнакомца и на прощание потрепал по плечу. Но Проводник и этого даже не заметил – настолько высоко была сосредоточенность. В конце концов платформы и лестницы начали пустеть, сделав подозрительного истукана слишком заметным для персонала. Кто-то кому-то зачем-то когда-то почему-то шепнул на ушко, что некто зачем-то как-то подозрительно стоит на одном месте, потому второй кто-то пошел к кому-то третьему и повторил, что первый кто-то сообщил о подозрительном некто, стоящем пред табличкой. Третий кто-то одним глотком проглотил остатки лапши быстрого приготовления, водрузил на потную лысину фуражку и стремительными шажками пошел разбираться. И когда офицер увидел подозрительного мужчину, который, как и было сказано, был в крови, сообщил по рации ждать распоряжений и медленно двинулся вперед. Опустив на плечо руку, неожиданно наткнулся на внимательный взгляд, которым Проводник в немом вопросе буравил непрошен-

ную помеху. На секунду служащий закона лишился дара речи, потому подозрительный человек тихонько отстранился и отошел на правую платформу. Обязанности предписывали пойти следом и допросить человека, но странное нежелание идти следом сводило с толку. И, когда неизвестный завел разговор с каким-то стариком, счел это подходящим поводом не прерывать беседу и пошел прочь. Лишь добравшись до кабинета, охранник услышал крики из зала и понял, что, возможно, допустил ошибку.

Что же произошло? А то, что бестолковый старик весьма не вовремя и вопиюще невыгодно попался Проводнику. Попытавшись расспросить деда о нужной станции, Проводник наткнулся на ненормально выпученные глаза и злобный оскал. Бормоча несвязные бредни, старик впился в ворот его пальто и сильно дернул. Раздался треск ткани, люди вокруг засуетились. Вцепившись в пальцы старика, Проводник с силой разогнул их, заставив издать крик боли. Отступая, старик бранился, не переставая бешено вращать глазами. Люди сгрудились в полукруг и их любопытство раздражало. Пока Проводник отступал, сумасшедший дедок не уследил за собственным направлением и свалился аккуратно под вновь прибывшую электричку. Пока ор толпы волной разносился по станции, он убежал прочь – на соседнюю ветку. Ворвавшись в первый попавшийся вагон, с облегчением уселся на скамью и уставился в висевшую напротив карту.

Глава шестая.

– Где ты был? – она кричала в трубку. – Почему я два дня не могла до тебя дозвониться? Где ты шлялся, где ж тебя носила нелегкая, черт тебя побери?!

Он молча положил трубку.

Через минуту Никто перезвонила. В трубке стояла тишина. И тихий шелест дыхания. Он сразу представил себе картинку с безликой женщиной, стоящей в оконном проеме, чей силуэт, со временем сформировавшийся в точеную фигурку, огибает солнце, играя тенями на ее теле. Наконец она сказала:

– Ну, не молчи!

– Я тут.

– Извини, что накричала. Я волновалась!

– Не важно. – зная, что поступает некрасиво, все же оборвал ее Проводник, – Что же за эти пару дней случилось такое, что тебе непременно понадобился я?

– Я расскажу, но попозже, сперва ты расскажи. – "Неужели этот бзик есть у всех женщин?"

– О чем рассказать?

– О чем угодно. – там слышалось, как что-то скреблось о нечто твердое, – О том, где ты был, например?

– Бегал.

– Я, конечно, ценю твой юмор и знание бородатых шуток, но мне сейчас не до них. – необычайно тихим голосом сказала она.

– Что ж, тогда не задавай глупых вопросов и выкладывай. – поставив телефон на громкую связь, Проводник установил его на полке с зубными щетками, взял ножницы и начал аккуратно срезать прилипшие к корке спекшейся крови волосы, затем достал бутылочку перекиси и обработал ранку; пока порез шипел и пузырился серовато-бурой пеной, а тепло пробиралось под кожу и начинало круговой волной распространяться, он промокнул ссадину ватным диском, – Я приехала в другой город на отдых. И нашла замечательного человека! Это вышло чисто случайно, ведь я не ищу знакомств...

– Брось заливать, мне ж ты позвонила! – повернулся профилем к зеркалу и начал любоваться своими лекарскими трудами.

- Мне было скучно! – негодуя загомонила Никто.
"Точно губы надула."
- Ну да, ну да. – прыснул новую порцию перекиси на ранку.
–И вообще– мне тебя жаль! Ты одинокий, очень одинокий. Тебе не помешало бы найти кого-то, развеяться, чтобы перестать быть таким брюзгой!
–Так мы ж вроде как пришли к тому, что мне не одиноко? – весело ответил Проводник.
Очередная пауза.
–Теперь я сомневаюсь...
–О, я тебя запутал? – ухмыльнулась в отражении ехидна.
–Думаю... что тебе действительно одиноко, но ты не хочешь этого признавать. – все так же неуверенно бормочет Никто.
Он театрально вздохнул:
–Ладно, пусть будет одиноко.
–И? – удивление, – Что же это? Нехотя соглашаешься или просто поддерживаешь этот бессмысленный диалог?
–Или, может, стараюсь запутать тебя еще больше? – второй ватный диск полетел в мусорную корзину.
–Думаешь, выйдет?
–А разве нет? – осклабился Он.
–Не-а!
–Отлично, тогда скажи, в чем ты точно уверена на счет меня?
–Ты человек. – глупо захихикал голосок.
"Вот было бы забавно, если б я оказался всего-то программой-собеседником." – подумал Проводник.
–А каковы шансы на то, что на деле я говорящая антропоморфная псина?
–Зачем так сложно? Почему не вампир или идиот?
–Слишком большой разброс, давай сразу шизиков возьмем?
–Шизик тоже человек.
–А если брать в расчет существование иных форм жизни, наделенных интеллектом и вследствие этого расстройствами психики?
–Я скептик, так что исключим это.
–Валяй. – третий ватный диск отправился вслед за павшими товарищами, – Однако ты так и не рассказала, что там у тебя случилось.
–О-о-о-о, я встретила парня, он такой ми-и-и-илый! – "У нее потекли мозги. Пора класть трубку."
–И какой он?
–Очень красивый! Больше не расскажу.
–Не хочешь– не надо. Смысла не вижу в твоих скачках от одного к другому.
–Не обижайся– я просто поняла, что тебе такое не интересно. Как и мне, если подумать подольше.
–Пустота в районе груди, комом вдавливающаяся в сердце и тяжело свисающая с мышечных волокон, так сильно похожая на обиду или ушиб от удара в солнечное сплетение!.. – замогильным голосом начал декларировать Проводник, вслушиваясь в то, как эффектно резонирует со стенами ванной комнаты его тон, – Так больно, что хочется согнуться в три погибели... Я хочу есть.
–Жалко только, что уезжать через три дня... – она намеренно игнорировала издевку, – И больше никогда его не обниму– он, конечно, душка, но для меня так и останется всего лишь воспоминанием о ярко проведенном отпуске, всего-то!
–Радуйся– вы не успеете друг друга возненавидеть. Хоть что-то хорошее!

–Зачем ненавидеть? Я ж не тупая, чтоб отношения портить!

–А вдруг ты косишь под "не тупую"?

–Любишь ты все портить! Я хотела тебя позвать поехать с собой в Город Счастья, потому что с тем парнем мы больше никогда не встретимся, но ты, как и всегда, все испортил!

–Да-а-а? – в притворном удивлении растянул слова Проводник. В голове сразу представилась картинка из рекламы: "Зона Два– лучшее место для отдыха и развлечений для кого только можно! Зона Два– вы не только не пожалеете о потраченных деньгах, вы можете заработать еще больше! Приезжайте к нам и вкусите жизнь по полной программе! Зона Два– все лучшее для вас!"

–Да... только ты и я. Забыли бы всех своих родных и близких и рванули в город развлечения и наслаждений! И пусть бы нам не хватало бы денег, спали бы мы в сарайчиках для хранения лопат, если таковые имеются, шатались бы по городу, посетили Фабрику Бесконечных Чисел, а потом, когда средства бы оставались на самом мизере, так, чтоб хватило только на поход в хороший ресторан, мы бы купили самой вкусной еды и отправились бы на Главную Крышу-Двойку, где пили бы вино и смотрели в закат, после чего спокойно померли...

–У меня отвращение к алкоголю, но в целом идея нравится. Красиво расписано. Аж в голове представилось.

–Никому не нравится вкус алкоголя. – заявила Никто, – Все пьют, чтоб напиться. Ладно, я пойду спать. Или рыдать. Ты никогда не узнаешь правды.

–Мне и не нужно.

–Чертов флегматик. – беззлобно буркнула женщина, – Тебе это хотя бы важно?

–Нет. Я только понять не могу, зачем тебе звать незнакомого человека в подобное место– особенно после рассказа о том, как ты вот-вот бросишь другого мужчину.

–Не такого уж и незнакомого, если что. Но я отвечу– из любопытства и четкого понимания, что то, что я делаю, вовсе не аморально. Я просто расставляю приоритеты– хочется наконец узнать, что из себя представляет обладатель сего чудного голоса, рассмотреть все черточки до единой. Может, даже подавить тебе прыщи.

–У меня нет прыщей.

–Не важно– я найду, за что уцепиться!

–А кто сказал, что я согласен?

–Не забывай– мое слово всегда будет весомей твоего.

–Юридически, может, это и так, однако я не признаю его власть над собой. Только я вправе решать, что мне делать. И я отказываюсь– мне не интересно быть очередной заменой замене. Я же не на помойке себя нашел.

* * *

Ну и мерзкая же она– сморщенное до невозможности лицо, веки как у бассет-хаунда, обнажающие кроваво-водянистые глазенки и большой беззубый рот, характерно причмокивающий. Фу! Зрелище вызывало неопишное отвращение вперемешку с презрением, ибо Проводник отрицал для себя любую возможность постареть, считая старость чем-то вроде рака последней стадии. Образно говоря, старуха им как раз и болела– жила не тужила, смолила, водку ведрами лила. Вот что бывает, когда муж-магнат отдает коньки, а все наследство достается его бездетной бабенке. Время Четвертой вдовы давно прошло, но полсостояния, которые она таки умудрилась продуть на выпивку и мальчиков по вызову, аукнулись ей чем-то похуже смерти. Он даже не слушал рассказ этой пренеприятнейшей злобной курвы, ибо история была если не заезжена, то очевидна. Не чувствуя ни капли жалости, Проводник подлил ей яд в стакан с ромом, не стесняясь заглядывать в эти готовые вытечь из-под век глазки. Миссис Четыре счастливо улыбалась, скаля почти почерневшие десны, и протягивала конверт. Стиснув зубы, он пересчитал купюры, затем попросил еще. Старуха вопила, кричала, что он, жалкий, злобный, алчный скот, хочет ободрать ее до нитки. И, только когда она успокоилась, Проводник

напомнил, что не выйдет утащить все с собой за черту могилы, а ему прибавка будет только на пользу. Махнув на такое бесспорно наглое заявление рукой, старуха прошаркала к сейфу, достала еще пачку денег и швырнула ими ему прямо в лицо.

"И на кой черт я понадобился этой старой скотине?" – недоумевал он.

"Старая скотина" не нуждалась ни в утешении, ни в поддержке, ни в чем! Она просто оставила заявку, подписала контракт и просто отдала деньги. "Какого ляда я вообще сюда приехал?" – спрашивал он себя, но ответа по-прежнему не находил. Что-то не давало ему покоя – будучи слишком простым, дело пахло очень дурно. Вне себя от недоумения и охватившей тревоги, Проводник без стеснения скользил руками по всем поверхностям, ощупывая мебель на предмет подозрительных несоответствий. Сразу под дном одного из кресел в руки попала крошечная коробочка с зеленым диодом. Сердце сразу ушло в пятки. Схватив деньги, Проводник сунул их во внутренний карман и ринулся по коридору вверх, невзирая на гневные вопли бабки, которая требовала вернуться и принять последствия, как мужчина.

"Неужто я уже засветился?!" – выбежав на балкон, уловил краем уха, как грохнулась об пол входная дверь. Перелезая через карниз, Проводник на секунду замешкался, но быстро смекнул, что к чему. Не медля ни секунды, встал на перила и вскарабкался на кровлю особняка, добрался до дымохода и спрятался за ним. Шанс был один на чертову сотню, но убежать все равно не выйдет – здесь нет и единицы, стоящей за пятью нулями. В подтверждение его мысли у въездной аллеи взвыли sireны полицейских автомобилей и вот они уже устремились по автостраде туда, куда гипотетически дернул лапти беглец. Смеясь над их и своей собственной тупостью, Проводник лихорадочно размышлял над тем, как быть дальше. Без сомнения – его личность уже выяснили и адрес, где он жил, тоже. Возвращаться к миссис Два небезопасно. Что же делать? Что же делать? Куда идти? Он знал, куда идти, но не знал, стоит ли. Располагая кучей времени, Проводник тратил время на поиски страховки, и они увенчались успехом. Случай с мистером Третьим дал основательную пищу для размышлений и заложил фундамент для стремительной подготовки. Но, как бы он не готовился, все равно облажался. Теперь поиски ведутся по всему городу, а возможно, что и стране. Был вариант уехать, куда глаза глядят, но сперва надо подделать документы и по возможности сменить внешность, подделать водительские права... и многое, многое другое.

Пока он сидел истуканом, он, бестолковый болван, он, ничтожный идиот, не ведающий, что творит, в округе развернулась полноценная поисковая операция. Когда вдали загрохотал вертолет, Проводник решил как можно незаметнее вернуться в дом, ни на секунду не забывая о полицейских, охраняющих старуху. "Мерзкая, гадкая образина! Ей, что, страсть как хотелось кому-нибудь подгадить перед смертью?"

Тем временем из громадной гостиной доносились голоса:

– ...ется тут тогда, а ты иди к машине, вызови по диспетчерской коронера. Сочтем это за убийство. – официальным тоном вещал грубый голос.

– Есть, сэр. – отвечал низкий голос бас.

– А я пройду наверх, еще раз осмотрю комнаты. Профилактика, знаешь ли – как в учебке преподавали. – продолжал грубый, – Ты! Стой тут и не зевай.

Один из полицейских на слух казался зеленым юнцом.

"Сдохла таки!" – он же сам тихо вошел в гардеробную. Огромная комната площадью примерно с пятьдесят квадратных метров, сплошь уставленная вешалками на колесиках, а те, в свою очередь, были увешаны тряпьем разного сорта доровизны. Тихо шмыгнув между ними, Проводник забился в угол и стал ждать.

Патрульный попался "ответственный" – просто вышел на балкон и закурил. Запах от сигарет по ветру заструился в ноздри и Проводник поморщился, чуя, как под переносицей зачесалось. Полминуты спустя полицейский спустился в низ, где завел разговор с подчиненным о футболе и о том, как "лазанцы" отдубасили "буйябесовщину", забив пять голов подряд и

вырвавшись в полуфинал с "сушеными". К ним присоединился оставшийся полицейский, вернувшийся с докладом о поспевающей гробовозке. Пока настоящие детективы обсуждали, что да как, Проводник вышел во двор и с видом, полным невинности, пошел прочь.

* * *

На третьем гудке Никто подняла трубку.

–Алло? – голос был заспанный и по кошачьи урчащий.

–Надеюсь, что ты не звонила мне. – до состояния релаксации было как до луны, оттого и голос вышел вибрирующим, – Скажи, ты звонила мне на тот номер?

Вздыхающий, как будто рот вмиг заткнули рукой. Она молчала.

–Что ж, стало быть, конец нашей маленькой эпопее. – он хотел уже нажать отбой, но остановился, уловив шепот, – Погромче, женщина, я не разбираю твое шипение!

–Ты правда убил бедную старушку? – уже отчетливее раздалось из динамика.

Очередной неприятный сюрприз. Проводник с расслабленным видом обернулся, делая вид, что роется в карманах, на деле же внимательно осматриваясь вокруг себя, ощущая, как две змейки заскользили от желудка вверх по шее, холодком проникая в уши. Уняв дрожь в пальцах и удержав в зубах досадливое: "Черт побери!", он вздохнул, давая понять, что еще тут.

–Старушка, по всей видимости, сама убилась. – медленно, с расстановкой произнес он. – Я лишь... – и тут же прикусил язык.

–Что? Что ты лишь? – звенел ее голос, – Что ты сделал? Что ты натворил?

Она все вопрошала и вопрошала, раз за разом повышая голос, пока наконец не срывалась на визг. Она кричала, как он ее разочаровал, как она выставила себя дурой перед ним и своими друзьями, которым уже все уши им прожужжала, как ей нестерпимо жаль, что он оказался "таким", тут же заткнувшись при первых отзвуках смеха– Проводник смеялся тихо и зло, вкладывая в каждый смешок лошадиные порции яда. Да, в его воображении ее уши уже завяли, свернулись в трубочку, и безликая гладь лица вымученно подернулась рябью, стараясь превратиться в гримасу страдания.

–Тут нет ничего смешного! – наконец крикнула Никто, – Скотина, как ты можешь смеяться в такой момент?!

–А ведь пресловутая бабка тебя нисколько не корбит, да, деточка? Плевать ты на нее хотела со своей колокольни, жалкая лицемерка, ведь тебя больше волнует тот факт, что лично тебя это коснулось! Коснулось отнюдь не в положительном ключе.– напряжение спало, звонко смаковались слова,– Тебя волнует лишь, что о тебе думают люди, против твоей воли узнавшие, что ты не просто общаешься с убийцей, так еще и расположена к нему каким-то особым образом.– едкую речь прервал кашель,– Только вставлю пункт, что я вовсе не убийца.

–Ты убил ее! – зло бросает она в ответ.

–Я уже сказал, что ты не права, и повторять не намерен.

–Зачем я только тебе позвонила?!– причитала Никто на том конце провода, а ее воплям аккомпанировал грохот, – Мало мне было проблем с мужиками, так еще и ты объявился! Ты... страшный человек! Я... – она запнулась, икнула, затем всхлипнула,– Я больше не хочу иметь с тобой что-либо общего.

Он просто молчал, прислонившись лбом и смотря, как за запотевшим стеклом блестела ночная улица. Мокрый от воды асфальт чернел посреди домов, не освещаемый ничем, кроме луны– все фонари были разбиты, осколки стекла лежали кучками у их подножий. По бокам тротуар сливался с мертвыми зданиями, больше похожих на обычные бетонные коробки, построенные на съемочной площадке из дешевого кирпича, готовые к сносу на следующий же день после окончания съемок. Абсолютно безлюдная улица. Ни единой души. В конце ее стояло ограждение, а последний дом слева чернел обгоревшими остатками после вчерашнего

пожара. Пять трупов, из них трое детей: отец отправился на ночную смену в аэропорт, мать позвала любовника и они заперли детей в крохотной комнатухе, после чего распивали спиртные напитки и предавались страсти в кругу свечей. Доигрались. Ее волосы загорелись, она заметалась в криках боли, а опешивший мужичок вылил первое, что попало под руку. Да-да-бутылку водки. Когда ныне притягательное тело изошло волдырями и дымом, он не нашел ничего умнее, как ринуться бежать. Только вот побежал этот дурак не в том направлении, вот и споткнулся о кошку и вылетел в окно. Что было далее, предельно ясно— дети сгорели, горе-мать сгорела, остальные жильцы благополучно выбрались на улицу, слыша, как умирают невинные. Кошка, кстати, спаслась. Что же до несчастного отца, то он схватил кошку и убрался, по слухам, к друзьям семьи в бессрочный отпуск. Кажется, на опознание так никто и не явился.

За мертвым зданием была редкая лесополоса, за которой искрилось огромное озеро. Глядя на него, Проводник испытал желание погрузиться в черные воды, нырнуть поглубже и обернуться человеком-амфибией, дабы исследовать темные глубины в поисках трупов младенцев и неверных жен, замурованных в салоне семейников— автомобилей на девять мест.

—Почему ты молчишь? — редела тем временем Никто, так не дождавшись ответа.

—А что мне говорить? Припомнить тебе, как ты звала меня в Город Счастья и расписывала, что мы будем делать? — внутри воцарилась привычная пустота, — Зачем мне что-то говорить, если ты уже все решила, если не с целью поиздеваться, сделать все только хуже? Довести тебя до самоубийства?

—Приезжай ко мне! — затараторила она, — Мой адрес: одиннадцатая...

—Заткнись.

—Но я!..

—Закрой свой мразотный рот. — прошипел Проводник, — Ты не заманишь меня к себе, чтобы меня тут же сцапали!

—Но я даже не думала...

—Завались, твою мать! — заорал он.

Никто не рыдала, не билась в истерике. Она просто шумно дышала. Ее легкие свистели от натуги.

—Скажи хотя бы свой номер. — лишь попросила она.

Повесив трубку, человек, отказавшийся от имени, вошел в мертвый дом, заранее приметив там уцелевшую квартирку.

Стояла непроглядная темень, так и сквозящая сыростью, гарью. На удивление диван и ковры уцелели, лишь впитав в себя дым и копоть, при прикосновении к которым черная сажа взметалась вверх подобно дыму, но более тяжелым, до жути приставучим. О том, чтобы оттереть ее без воды и чистящего средства, не могло быть и речи, и пришлось смириться с тем, что чистоту соблюсти не получится и с легкой душой позволить алчным щупальцам черного налета захватить и покорить выдавших виды, но тем не менее обалдевающих вещей. Будь они живы, разумеется.

Он столько раз уже чихнул, что в глазу лопнул капилляр, а нос был готов взорваться фонтаном крови. Наверно, эти чихи слышала вся округа. Лишь бы полицию не вызвали, ибо все ожидаемо окончится тюрьмой. В тюрьме скука граничит с невероятной опасностью, ведь все крысы до единой делают вид, что они змеи. Он тоже был крысой, но хотелось верить в свою особую хитрость и изворотливость, присущих самой что ни есть настоящей маленькой, но кровожадной твари, на которую не скупится подошва ботинка, которую не заметит злобная туша с двумя рядами острейших зубов. А если и заметит— пожалеет.

Отворив дверцы уцелевшего шкафа, Проводник нашел шерстяной плед. Весьма кстати! Обернувшись им в попытке запеленать себя, он подоткнул все концы, создав вокруг себя подобие кокона. И, едва уснул, превратился в крысу с огромными крыльями, принадлежавшим некогда гигантскому нетопырю. Она визжала, клекотала, разметаая все на своем пути. Исполин-

ская образина парила над горящими крышами, сносила дома одним взмахом своих крыльев, пожирала мелкие, хрустящие точно сухари тельца, в конце издав самый жуткий подвид криков за всю историю.

Проснувшись от диких детских воплей, Проводник первым делом сплюнул прах мертвого дома, затем подполз к окну. Так и есть – маленькие страшненькие человекоподобные головастики устроили игрища прямо посреди дороги. В этой части города машины были особой редкостью в виду низкого порога зажиточности здешних жильцов, рвущих жилы на тяжелых низкооплачиваемых работах – рабочие с местного градообразующего предприятия, посудомойщицы и прачки. Толпа мальчишек лупили друг друга палками, пока у стен дома неожиданно не появилась собака, на которую они с боевым кличем и кинулись. Собака, слава чертям и ее собственному богу – для знающих: Святая собака, – успела вовремя продрать лапы, тогда маленькие изуверы прибежали к стайке девочек, недалеко от них играющих в "резиночку". Слово за слово и на пустом месте возникла ссора. Вернее, между самым крикливым мальцом и всеми девчонками. Когда второй мальчишка вступился за них, началась потасовка. Пока будущие двигатели прогресса унижали весь мужской пол оленьими боями, сами девочки проявили себя самым типичным образом – попросту сбежали.

Проводник усмехнулся – никакого телевизора не нужно, ибо вот он – мир животных, распростерся перед ним.

Не дожидаясь выхода на сцену родителей, он вернулся к дивану и постарался уснуть. Никуда не хотелось идти, да и некуда, не говоря уж про силы идти вообще – откуда ни возьмись настигла апатичная лень, которая резвилась на ослабленных костях за прошедшие три недели. Лишь голод заставлял выйти наружу и прислушаться к зову ламп, скрытых в неоновых вывесках, на которых сладко горели буквы, складывающиеся в заветное слово "Продукты".

Роясь в карманах, Проводник с улыбкой вспомнил, как старая обманщица лежит раздувающейся от газов кучей в своем личном отсеке в морге, пока он был благополучно выбрался из ее дома, минуя незадачливых полицейских. Бесспорно, старая кошелка хотела сдохнуть, но еще желала помочь поймать "опасного преступника". Зачем? Желание очистить хорошенько подгаженную за ее скотскую жизнь карму или обычное человеческое тщеславие, желание отметить в новостях ради трехдневной славы? Желала ли она, чтоб и ее запомнили?

"Не все бывает идеально, Четвертая." – прошептал Он и уснул, пробуя понятие "опасный" на вкус.

* * *

Все еще некуда идти. Дни протекали мимо, деньги постепенно заканчивались, а искать работу в таком месте было не то, что не с руки – просто не хотелось застрять здесь дольше необходимого. Потому было решено высунуть наконец нос наружу, добраться до компьютера и просмотреть новые заявки. Найдя в городе интернет-кафе, Проводник расплатился и отправился к нужному столу. Пальцы быстро вбили адрес, экран чуть посветлел. К его удивлению, сайт еще не был заблокирован.

"Надеются, что ты засветишься." – подсказал внутренний голос.

Короткий кивок означал согласие с самим собой, глаза смотрели на красную двойку в черных скобках, рот сам собой расплылся в любопытной ухмылке.

У преследователей не было его портрета и Проводник это откуда-то знал. Слепая уверенность, которую принято называть интуицией, гнула свою линию, но не время пренебрегать осторожностью – самое время ей выйти на первый план.

Кликнув на обе заявки, он внимательно прочел письма-просьбы и выбрал то, в котором заранее был указан адрес клиента. Видимо, ей не терпелось умереть. Отвечать не стал, решив для начала просто понаблюдать. Но перед этим – забрать новые документы. Мастер хорошо постарался – они уже были готовы. Как и клиент.

Через два часа конверты переключали из рук в руки и он поспешно отправился прочь, сдавливая воображаемой рукой позыв к ликованию. Как только дверь номера в паршивой гостинице закрылась, Проводник, не медля ни секунды, забаррикадировал ее кроватью и уж только тогда спокойно изучил все бумаги. Поэтому, когда в дверь постучали, первым делом чуть было не ринулся в окно, успокоившись только у самого окошка, заметив, что снаружи никто его не поджидает. Он убрал документы в задний карман брюк и спросил, кого нелегкая принесла. Оказалось— горничная. Для верности зыркнув в дверной глазок, отодвинул кровать, сдвинул задвижку и напустил на себя самый что ни есть компанейский вид.

* * *

Когда мужчина с приятной улыбкой открыл перед ней дверь, она поняла, что день не так уж и плох. Конечно, будь он писанным красавцем, она бы так и растаяла на месте, но Пятая была из тех, кто ценил красоту не только внешности, но и кошелек. Потому одной из главных трагедий в ее жизни была как раз ее, заявляя без обиняков, заурядная внешность. Ладно бы лицо— его всегда можно поправить макияжем, но с фигурой природа тоже, выпивши накануне ее зачатия, напортила: ножки как бревнышки, руки— сплошное сало, талия отсутствует. Словно зная потенциал меркантильности своего детища, Мать-Природа лишила ее какого-либо шанса заполучить перспективного самца-спонсора, готового пасть ниц перед Ее Величеством Никчемность. Изящная шутка согласно каждому! Однако, воспитанная матерью-стервой по принципу: "Мужики козлы, женщины— принцессы!", женщина и думать забыла про собственную убогость как в духовно-моральном, так и в физическом смысле, искренне полагая, что достойна как минимум Афродиты в мужском обличье в совместительстве с Плутосом.

Однако принц все не приходил, а время в праздном развлечении заходило в издевках, отнимая у Пятой годы и силы, заставляя тратить их на типичные вовек традиции выходного дня— алкоголь, мужской стриптиз, затем жаркий секс во время просмотра очередной расчлененки. Хотя были и случаи баловства со второсортным квалюдом, после употребления которого эта особа каждый раз зарекалась: "Больше ни разу!". Потому, даже не признавая вышеупомянутые факты, как есть жалкая женщина желала покончить со своей жизнью, осознавая несоизмеримость имеющихся доступных развлечений ее неумным потребностям. И все же, игнорируя простую правду, она затолкала ее в самые потаенные уголки своей каморки под названием Подсознание, решив забыться в другом заблуждении, потому-то и настроила целый опус Проводнику с просьбой поддержать ее на последнем пути. Про себя, разумеется, она сочла это шуткой, посчитав, что этот человек не придет, но связанный с перспективой его появления трепет перед смертью был лучше всего, что довелось испытать ранее. Однако, как всегда и бывает, в каждой невольной шутке есть доля правды и, к сожалению, доля, блестящая в глазах палача, ухмыльнулась ей самой своей очаровательной улыбкой. Но, по ошибке восприняв ее как знак симпатии, Пятая решила, что вот ей попался тот мужчина, что клюнул на ее неопишную красоту. В голове сразу представился план, по сюжету которого она расправляется с ним, как кошка с мышкой, возбуждая интерес к себе и тут же резко отталкивая прочь. Потому-то мисс Пять тоже улыбнулась оскалом страуса и с изяществом парализованного щенка прошла мимо Проводника в комнату. Оценив беспорядок, горничная вышла к тележке, выудила из нее пару бутылочек с чистящим средством да ершик и принялась наводить порядок. К ее вящему удивлению, незнакомец молчал и смотрел не на нее, а на какие-то жалкие бумаги. Подумать только— не на нее, а на чертовы бумажки! Сразу разобидевшись на бесчувственного подлеца, гордячка по призыванию кое-как закончила с уборкой и ушла, громко хлопнув дверью. Его номер был последним в коридоре, смена подходила к концу, так что можно было сразу ринуться в комнатку для уборщиц, что она и сделала, разревевшись за поглощением роскошного бутерброда, жуя мясо вперемешку с солеными слезами.

Драма! Пятая обожала драму, обожала поизображать из себя несчастную и дня прожить не способна была без трагедии для фарса! Она пробовалась в театре на роль в постанов-

ках "великой женщины-поэтессы", признанной прогрессивным миром самой великолепной из всех существующих, но раз за разом получала отказ, один жестче другого, пока не бросила попытки, решив оплакать непризнанный гений в стриптиз-баре для женщин, где изрядно напи-лась, после чего переспала с одним жирным борова-м – завсегдатаем того заведения. Одному черту известно, как он умудрился, будучи гомиком, лечь в постель с обладательницей подобной хари, но только черт слишком высокую цену заломил за ответ, потому идет он лесом.

Проснувшись с пьяным волосатым рылом, Пятая немедленно устроила истерику и обвинила того в изнасиловании. Бедолагу скрутили и посадили. Пятая хорошо представляла, что делать и потому служебная экспертиза обнаружила на ее теле следы насилия, а также следы спермы в ее причинных местах. Судья на показания знакомых, противоречащих обвинению истицы, никак не отреагировал и, памятуя ее синякам и прочим "фактам", влепил пьяному дураку двадцатку. Выходя из здания суда в качестве оставшейся безнаказанной триумфаторши, Пятая обнаружила толпу рукоплещущих ей подружек и прочий сброд. Во время очередной пьянки она поведала свой "секрет", чем заслужила уважение во всей их своре. Об инциденте и одной разрушенной жизни быстро забыли. Как оно и было заведено.

Какова мораль в этой маленькой story? Никакая. Ничему жизнь болванов не учит, чего зря чернила тратить?

В дверь постучали. Пятая сморкнулась в платок и открыла.

И он заговорил, едва переступив порог.

Глава седьмая.

-Вы не могли бы убрать руку, сэр? – вежливо попросила стюардесса, мягко положив свою руку ему на плечо. Он дернулся, просыпаясь и убрал руку с прохода.

Благодарно кивнув, молодая женщина в неизменной синей форме протащила тележку еще на полметра и принялась раздавать еду пассажирам. Он шепотом попросил ее ничего ему не давать, а лишь налить стакан воды.

–Конечно, подождите немного, я все вам принесу. – пластмассовая улыбка и стеклянный взгляд. Как эти глаза смотрят на то, что любят?

Отвернувшись от нее, Проводник встретился глазами со стариком в фетровой шляпе с широкими полями. Пожилой мужчина был одет в старый заплатанный костюм, из нагрудного кармана которого торчал платочек в крапинку. Смешное лицо в обрамлении дополнительных подбородков с удивлением обращено к нему. Маленькие черные глазки – как бусинки, но внимательные и хитрые. От такого ничего не скроешь, не спрячешь. Но попробовать можно.

Столкнувшись взглядами, они синхронно кивнули друг-другу и отвернулись. Но спустя минуту старику надоело жевать. Отложив пластиковую вилку рядом контейнером, он тихо кашлянул.

–Почему вы отказались от еды? У вас слишком голодный взгляд для этого. – и улыбнулся краем рта.

–Меня тошнит от одной мысли про еду.

–Булимия? – участливо спросил он.

–Утро. – тихо хохотнув, ответил Проводник.

Делать все, что делает обычный человек. Нужно быть беспечным. Кивнув своим мыслям, он повернул корпус к соседу, показывая своим видом готовность к беседе.

–То есть? – недоуменно поднялись белые брови.

–Утром я не люблю есть. Отвращение ко всему. – с деланно расстроенным видом про-изнес он.

Старик весело засмеялся, заставив внутренности Проводника сжаться.

–Наш парень, вот оно как! – было видно его расположение к собеседнику, – Как я тебя понимаю, парень, ох как я тебя понимаю! И не гляди, что старый, ибо я все еще помню времена, когда работал! Ха, ну и жуткое же время...

–Почему?

–Работа, сынок, эта чертова работа! Ни секунды покоя, ни капли сочувствия! На работе как на войне, слышал такое?

Нахмутив брови, Проводник качнул головой.

–М-м, нет? – в свою очередь поднял свои белые брови дед, – А по мне– так стоит эту истину бивать всем с малых лет. Чтоб думали люди, прежде чем свою жизнь под откос пускать.

–Зачем?

–Затем, что тогда б наша капиталистическая система не смогла б себя восполнять в срок и постепенно скатилась бы, как и прочие системы до нее.

–Непродуманно. – легкий спазм заставил глаза сощуриться, а рука тут же легла на большое место, начала успокаивающие поглаживания, – Всегда будут находиться рабочие, которым нужно кормить и содержать семью, обеспечивать наличие крыши над головой. Да и!– предупреждающе поднял палец, когда дед хотел прервать его,– Даже если, предположим, эта система изживет себя и рухнет, на смену ей придет еще одна едва ли не аналогичная прежней и уж тогда снова будут недовольные вроде вас, что будут предлагать варианты ее аннигиляции. Но какой в этом смысл?

Дед снял шляпу, положил поверх пластиковой крышки и покачал головой.

–Конечно, вы правы и этот вопрос довольно-таки труден, но с чем черт не шутит? – говоря это, бабушка выразительно поднял брови и вскинул кисти рук, словно говоря: "А что не так-то?"– Лично я жалею, что отдал жизнь на все это. И уж точно я не хотел бы, чтобы другие люди тратили свои годы и на закате лет приходили к тем же мыслям, что и я. Я не сердобольный человек, задеть меня трудно и сие знает всякий в моем окружении, однако это расстраивает даже меня.

– О, можете не волноваться– сейчас все это понимают. – заверил Проводник, – Дети отказываются учиться назло родителям, всюду говорят о бессмысленности бытия, о бесполезности работы и пускают свою жизнь не просто на самотек, а в самую бездну, тогда как их родители не знают, как вернуть чадо на путь истинный! А все потому, что сами согласны, но уже закабалили себя по полной программе. Все это понимают, уважаемый, все думают о том, что надо разрушить систему. Но никто не будет этим заниматься. И не должен. Сколько это длится, вы знаете?

–Последние лет сто-сто пятьдесят так точно, сэр! – согласно кивнул дед.

Тут пришла стюардесса и положила стакан с водой в заранее открытый столик. Кивнув ей, Проводник снова обратился лицом к попутчику.

–А что, по-вашему, тогда он должен? – спросил тот, положив подбородок на раскрытую ладонь и внимательно смотря прямо в глаза.

Помедлить с ответом... сделать глоток... чтобы видел, кто– настоящий человек.

–Ничего. Пусть живут, как хотят. Возможно все, главное– не стоять на месте.

–Пф, бред какой-то. – негодуяще заскворчал голос старика подобно яишенке в сковороде. – Вы же понимаете, что если дать нам– людям– волю и знание о собственной безнаказанности, то грядет анархия!

– Я имел в виду "в рамках приличия". Это ведь не значит, что люди, дай только им свободу действий, кинутся грабить, насиловать и убивать. То есть, я хочу сказать, что свобода действий не ограничивается преданием самым темным сторонам человеческой природы. Говоря о свободе, я предполагал нечто вроде оставления собственного дома, продажи всего имущества и путешествиям по миру. Но все же да, можно признать, что большинство людей, задумавшись о свободе, предпочитают познанию границ мира сведение личных счетов, о чем и свидетельствуют

последние события: при мнимой картине всеобщего космополитизма мы все так же остаемся дикими зверьми, раздирая друг друга на части, но уже в гораздо меньших масштабах, при этом в куда большем разбросе по отдельным локациям. Продолжаю– закон и порядок ведь никуда не деваются, так? У нас есть управители, стражи порядка– они остаются на своих местах, потому что руки их связаны чувством долга и хорошими отчислениями, и они будут придерживаться плана пресекать любые подконтрольные им девиантные настроения. В их же интересах сдерживать народ, и у них полно способов устроить "разрядку", если она так уж всем необходима.

–Вы говорите о войне, сэр?

–Да, сэр.

–Нет, так не пойдет! Наше общество не так уж давно миновало период войн и международных конфликтов интересов, чтобы предпринимать что-то подобное! Вы же не забыли, что творилось не далее, как десять лет назад, что раздается и по сей день? Конечно, есть некоторые отдельные места, где люди все еще не отошли от архаичного желания убивать и насиловать, но их с каждым годом становится все меньше и меньше, пусть даже они и "сублимировали" свою тягу за счет... другого! Вы знаете, о чем я, так? Как по мне, лучше умыть мир кровью одного–если бы это только удалось! – и ни в коем случае не возвращаться туда, откуда мы начали! Это будет не просто опрометчиво– непростительно!

–Тогда зачем менять систему, раз вы не хотите допустить неизбежное по отношению ко всеобщей вседозволенности и свободы? Свобода ведь не исключает мной вышесказанного, а будет следствием смены систем как краткий миг общественной эйфории.

Старик попал в тупик. Глупый разговор, затеянный им, завел его не в то русло. Досадно.

–Ладно, ладно. – махнул он рукой, морща при этом складки своего лица, – Не будем больше об этом.

–Не будем. Хотите на другую тему поговорить?

–Хм, отчего нет? Куда вы летите?

–Ну, пока в Центровой аэропорт, куда мы, собственно, и летим, а там совершу пересадку на самолет до Второй Зоны.

–Забавно, я ведь тоже туда лечу. – поднял бровь дед и улыбнулся. Алые щеки лоснились от пота.

–Как так– вы против капитализма и все же летите в его "alma-mater"? – иронично подколол Проводник старика.

–Да нет, нет же! – замотал тот головой, случайно задев спящую у иллюминатора женщину.

Полминуты шиканий и извинений и вот он снова повернулся к Проводнику, пока тот делал второй глоток.

–Я просто жену веду туда.

–Это она рядом?

–Боже упаси, нет! – сказав это, старик покосился на соседку и встретил негодующий взгляд; после опустил голос до шепота, – Моя жена внизу.

–Внизу?

–Ну... как бы так сказать... ну, в гробу она.

–На кой черт вам везти труп в центр развлечений и крупных сделок?

–Тихо! Не орите! – хлопнул старик Проводника по колену, воровато оглядываясь.

Рука была тяжелой.

–Моя жена– такой же работающий человек, как и я.– медленно дыша, продолжил попутчик, – И она всегда мечтала попасть в Город желаний, в эту чертову альфа-версию муравейника в медовых сотах! Я-то туда ни за что бы не поехал, но...– вздох, – Но теперь она мертва, а я чувствую себя виноватым. Вот и...

–А зачем вы мне-то рассказали?

–А вот! – выразительно выпучив глаза и качнув головой, сказал старик, – Все на языке вертелось! Балабол я, причем тот еще.

Ему стало смешно.

–Понимаю.

Наступило неловкое молчание.

–И... Что тогда? Приведете вы ее туда, что дальше-то?

–Да кремирую ее да отнесу в Зал Обозрения. – отмахнулся старик, – Денег на похороны уже не останется. Все на нее потратил– перевозка, транспортировка, камердинеры, плюс к этому еще дополнительные налоги.

–Неприятно, соглашусь. А что за зал обозрения?

–Нет, не так! Зал Обозрения! – акцентируясь на первых буквах, поправил старик, – Это вам не какая-нибудь захолустная бетонная коробка, это помещение на вершине самого высокого условного здания в этом чертовом городе! Сама эта "возвышенность", как я ее называю, находится не в самом городе, а на его окраине– ее специально поставили таким образом, чтобы было видно весь город. Вид аж дух захватывает! Я фотки смотрел!

–И что же? Там пепел по ветру пустите?

–Отчего ж нет-то? Так и сделаю. А теперь объясните мне, мой дорогой умник, что же вы там забыли? – и тут хитрые глазки превратились в щелки.

–По работе еду. – почти честно ответил Проводник.

–По какой же, если не секрет?

–По обычной. Не хочу распространяться, так что извольте пропустить эту часть.

–Ишь, таинственный какой, а! Меня, кстати, зовут... – его имя заглушил плач ребенка спереди.

Сделав вид, что услышал имя, Проводник назвал в свою очередь имя, записанное в поддельном паспорте. Завязался разговор об устройстве двигателей самолета, так как старик, как оказалось, работал на универсальной фабрике по сборке двигателей для всех видов транспорта– начиная от лодок и кончая космическими зондами. Пока все шло сравнительно хорошо, разговор даже обещал быть интересным.

* * *

–Прощайте!

–Прощай. – прошептал он, отворачиваясь от дедушки, стоявшего рядом с гробом его почившей жены.

К горлу начала подкатывать тошнота. Ни с того ни с сего. Пошатываясь, Проводник брел по залу, задевая плечами людей, едва не падая от столкновений. В ушах гудело, все тело стало словно ватным, а желудок сжимался все сильнее и сильнее, желая изрыгнуть из себя скопленную желчь.

Рывком распахнув дверь уборной, он едва не сшиб маленького ребенка. От испуга тот заплакал, да так надрывно, что его вопль отразился от стен и больно кольнул по барабанным перепонкам. Рывком распахнув дверь первой кабинки, Проводник рухнул на колени и с протяженным стоном изверг из себя желудочный сок. И кровь. Откуда у него кровь? Он ничего не ел, он ничего не употреблял, откуда кровь?! А тем временем желудок все сжимался и сжимался с неистовой силой, словно желая выдавить самое себя. Вязкая слюна опоясала белый ободок унитаза, налаживаясь витками на пальцы рук, заживших собственной жизнью в произвольных сокращениях. Внезапно нахлынул сильный приступ кашля, сопровождавшийся очередным позывом к рвоте. Стеная и издавая трубные звуки, он все наклонялся ниже и ниже. От потуг заболела голова и руки, с трудом поддающиеся контролю, вцепились в виски в беспочвенной надежде заглушить, притупить боль.

Желудок был пуст, но спазмы никак не прекращались. За спиной кто-то что-то сказал. Новая вспышка боли и Проводник шархнул рукой по стенке кабинки. И еще. И снова. Неве-

домая сила заставляла поднимать судорожную кисть правой руки и бить о тонкую перегородку, рискуя или переломать выгнутые пальцы или пробить брешь. В голове зазвенело и кто-то тихо завыл. Нет, не он – выли его мысли – бесконечный вой множился и чередовался, иногда сливаясь в унисон, вызывая ощутимую вибрацию внутри черепной коробки. Стиснув ладонью лоб, Проводник поплелся к раковине и сунул голову под холодную струю воды. Не помогло. Тогда, все так же держась за голову и расталкивая сердобольных зевак, занятых обсуждением темы: "А стоит ли вызвать врача или посмотреть, как сдохнет?", быстро зашагал прочь в поисках аптеки. От боли рот сам растянулся в оскале боли, а челюсти заныли от напряжения. Казалось, невидимые пальцы обхватили зубы по всему ряду и старались сжаться, сцепиться вокруг них как вокруг поручня внутри автобуса. Прохожие шатались в испуге, завидев лицо безумца.

Наконец желанная зеленая вывеска с белым крестом показалась за очередным поворотом и топая, словно младенец-переросток во время освоения навыков ходьбы, он кинулся к ней. Распахнув дверь и снеся собой стойку с рекламными листовками, Проводник уперся в прилавок руками:

– Срочно дайте мне какие-нибудь сильные обезболивающее и успокоительное, быстро, ну! – воскликнул он в лицо испуганной продавщицы.

– Рецепт! Вам нужен рецепт! – спокойно заявила полная тетка в очках, за которыми темнела кожа заядлого любителя солярия.

– К черту рецепт, женщина, мы в аэропорту, так что дай мне чертовы таблетки!

– Не могу! Я бы дала, но... – она ткнула перстом в камеру чуть выше ее плешивой макушки, – Нельзя! Меня же уволят!

– Аспирину мне, ну!

– Вам ка...

– **ЛЮБОЙ, ЖЕНЩИНА, ДАЙ МНЕ ЧЕРТОВ АСПИРИН!** – не выдержав, взревел Проводник, слишком поздно различив в отражении стекла быстро приближающуюся фигуру в черном.

– Да-да, я сейчас, подождите! – пропищала неестественно тонким голоском женщина и исчезла в рядах стеллажей.

Когда упаковка плюхнулась перед ним, он разорвал ее в клочья и закинул в рот большую таблетку. Не обращая внимания на шипение и прущую изо рта пену, полез в сумку за водой, как уже ожидаемо рука опустилась на его плечо.

– Проблемы? – участливо спросил офицер.

Вжав от новой вспышки боли голову в плечи, Проводник невнятно замычал и выхлебал полбутыли. Остальная половина стекла по подбородку и впиталась в водолазку, выявляясь на темной ткани неровными пятнами. В ушах снова гудело и сквозь гул были слышны голоса. Тяжесть руки уже давно исчезла с плеча и тело пошло прочь, на автомате кинув купюру в тарелочку для оплаты. Не обращая внимания на призывы забрать сдачу, Проводник снова двинулся в уборную, где его снова стошнило еще не успевшей раствориться таблеткой, а затем и повторной порцией белесой жидкости вперемешку с кровью. И все же боль постепенно пришла к выводу, что пора утихомириться. Неспешным темпом толчки крови переставали терзать сосуды и звон становился все тише. Когда все затихло, он обнаружил себя сидящим на стульчаке, уткнув нос в перегородку. Чуть ниже лица в зеркале виднелась отметина, по которой расплзалась паутинка трещин. Сплюнув остатками рвоты на пол, Проводник растер их подошвой ботинка и вновь оглядел себя через зеркало.

Красавец! Синяки, запавшие щеки, красные глаза, изгаженная водолазка. Взяв бумажное полотенце, как мог стер пятна с черных волокон, после чего вновь погрузил голову под холодную струю воды. Глядя в отражение, все так же видел, как некто с облепленным отросшими волосами лицом стоял напротив него и сверлил взглядом. Дрожь уже не беспокоила тело, как и боль. Осталась лишь странная усталость, столь непохожая на извечную пустоту сладко маня-

щего забыть, заполняясь смогом обретшего крайнюю степень материальности пения сирен, ткущих своими голосами бесконечные водяные цепи, заполняющих полости и ниши, вновь наделяя его внутренностями, которых не должно было существовать.

Глотнув воды и дернув головой, Проводник отогнал наваждение.

Нужно было найти, где переночевать. Где тут стеллаж с рекламками?

* * *

Мерзкая, ощерившаяся деснами глотка выла. Выла не переставая, заходясь в нескончаемом вопле, словно по-особому наслаждаясь мощью своих легких, в бесплотной надежде на то, что в соседних номерах обнаружатся по меньшей мере учитель вокала, продюсер и агент-пиарщик-сводчик-кооператор и все разом заценят, не соврать бы, выдающиеся вокальные данные. Но нет— по соседству были лишь старик и старуха, первый из которых стоял с подушкой в руках у изголовья кровати второй, раздумывая над столь манящей перспективой придушить к чертям собачьим ту, кто, по его мнению, испоганила своим присутствием всю жизнь. Надо упомянуть, старичок на протяжении последних лет пребывал в паранойе, не смочь отрицать стойкое ощущение, что его хотят отравить. Чувство опасности и тревоги не покидало его ни на секунду, даже в спасительной тесноте сортира, что серьезно мешало хоть сколько-либо возникнуть столь желанному чувству покоя. Итак, далее. По другую сторону от номера мелкого ревуна и его маменьки приютилась семейка наркоманов, мирно дрыхнувшие в сей момент, наполненный средоточием неловкости и раздражения, и не то, что не оценивших старания мелкого засранца, но попросту в ус не дующих в своем наркотическом забытьи. Напротив уже них расположились два мутузящих друг друга школьника-задрота, входивших в состав группки во главе с чересчур любвеобильным учителем, однажды запрягшим себя на полном серьезе и безо всяких шуток, дабы собрать любимым сорванцам средства на путевку во внешнее кольцо Города Счастья как наиболее экономного, но тем не менее роскошного варианта припадаться созерцанию жизни богатых мира сего— и превознести его в качестве той перспективы будущего, к которой стоило стремиться во что бы то ни стало. Тем же, кто жили в более дальних номерах, было по барабану, потому как волновой диапазон глотки младенца не имел настолько сильного потенциала, чтобы распространиться хотя бы на пару метров дальше. Однако был еще один номер, что аккурат напротив обиталище маленького чертенка, и в нем располагался донельзя злой и выпадающий в осадок от ночного представления человек без имени, объективно не имевший в жизни ничего, кроме чувствительного слуха. Именно сейчас Проводник сидел на крае продавленной бесчисленными любовными парочками кровати и раскачивался из стороны в сторону, в тысячный раз стискивая зубы, в сотый— сжимая голову руками. Таблетки закончились— он глотал их не переставая, полностью забыв о таких понятиях, как "мера" и "грань", и неизбежно к ушной и височным болям присоединились животные спазмы и усиленное чувство слабости, так сильно нелюбимое, так настырно присосавшееся ко всему его существу.

Никто не удивился, когда к воплям присоединились громкие удары по двери и фальцетированная брань. Никто не удивился, когда истошные вопли внезапно заглохли. Никто не удивился, когда утром приехала полиция. Никто не удивился даже трупам и тому, что обоих предполагаемых убийц в миг схватили и арестовали. Однако убийцей был лишь один, второй лишь не повезло наглотаться таблеток и вырубиться в неподходящий момент, при пробуждении уже с подушкой в руках обнаружить любимое чадо мертвым. Экспертиза показала, что обе жертвы умерли в результате асфиксии, а отпечатки и следы ДНК, снятые с наволочек, твердо указали на обоих арестантов. Старика осудят в ближайшую неделю по всем статьям и отправят догнивать в тюрьму строгого режима до конца дней без права на апелляцию и условно-досрочное освобождение. Там он и умрет, как ни странно, счастливым, сидя в тюремной библиотеке за очередной книгой. Женщину ожидаемо осудили условно, особо нажимая в качестве аргумента на послеродовую депрессию, помноженной на передозировку седативными препаратами, и вызвавших состояние неадекватности и дезориентации в пространстве, и прописанную во

всех уголовных кодексах всего мира статью, в которых были прописаны все способствующие ее дальнейшему пребыванию на свободе нюансы. Взяв с несчастной бедняжки лишь подписку о невыезде и строго наказав посещать психиатра, адепты закона отпустили ее обратно в мир.

Да здравствует справедливый суд.

* * *

Со скрытым отвращением он смотрел, как молодой парень изрыгал на дешевый ковер остатки своего завтрака, разбавленного кровью. У молодого человека был рак. "Может, у меня тоже рак?" Последняя стадия, никаких шансов. "Только боль, только страдания." Хрипы нисколько не трогали Проводника, однако...

"Однако я должен ему сочувствовать, ведь недавно испытывал и того меньше, что причинило мне страдания."

Но нет, никакого сочувствия не было. В этом был весь он. Не растрчивать себя на людей, эмоции. Ведь это именно что удобнее, с каких сторон ни глянуть, с какой высоты не оценить. Только так можно поддержать стабильность. Именно так можно с твердой уверенностью сказать: "Я независим." Откуда это взялось? Черт знает. Очередной маргинально настроенный эгоист-симулянт. Небось плачет по ночам в подушку. Или не плачет? Что же он делает по ночам? "Что же я делаю по ночам?" – "Слушаешь, как умирают дети." – "Единственный раз – всегда исключение." – "Но ведь пришлось по нраву, правда?" – "Правда."

И все же, где грань? Невозможно быть абсолютно безэмоциональным. Где-то есть резервуар, хотя бы сосуд в ограниченных полостях. Когда же наступит точка невозврата? Когда же содержимое подберется к краю? Когда же наступит интоксикация? И как именно она должна ощущаться – приступом сильной боли или неожиданной дестабилизацией психики? Является ли она тем же явлением, что испытывал Третий? Или как-то иначе?

Когда его проймет, что с ним произойдет?

Новая порция крови вперемишк с белесыми клочками стекла с губ в образовавшуюся лужу блевотины. Проводник поморщился, обнаружив пару капель у себя на обуви. Лишь бы на штаны не попал, а так – пусть развлекается.

– Прошу прощения, я не могу иначе. – теплые до невозможности глаза виновато блестели в медовых оттенках, обращаясь к нему, – Эта болезнь меня доконала...

– Ничего страшного, я все понимаю. Жаль, что у тебя так все вышло. – "Контракт важнее, следуй сценарию." – Я даже представить себе не могу, насколько тебе плохо. Даже не знаю, чем помочь тебе. Мог бы принести, конечно, стакан воды, но кто знает, целесообразно ли это?

– Да, пожалуйста, принеси, буду благодарен. – спешно закивал Мистер Шесть, вдевая назальный ингалятор, проводящий кислород.

Вода заструилась по граням стакана. Проводник держал в руках пилюлю, которую дал ему Шестой. "Откуда вы достаете яд, люди?!" – думал он, катая ее меж пальцами. – "Интересно, а каково же на вкус и вид содержимое?" – пальцы едва сдержались, чтоб не раскрыть маленькую пластичную массу. Он медлил, не решаясь бросить таблетку в воду. Потом убрал ее в нагрудный карман.

Таких шумных глотков еще никогда в жизни не довелось слышать, но Шестой умудрился этим удивить. Приятное удивление, или нет? Никакое. Вытирая подбородок полотенцем, молодой человек все так же обращал медовые лучи к своему долгожданному гостю, словно надеясь загипнотизировать. Будь Проводник женщиной, наверно растворился бы в этих глазах, как сахар в чае. Или застыл, как оса в янтаре. Но не все бывает так красиво, как любят описывать в любовных и приключенческих романах. Да и случай не тот. Как и герои.

– Спасибо, что ты приехал, друг. – с излишней расположенностью поблагодарил клиент – так благодарят спасителя, который принес долгожданное решение проблемы вселенского масштаба, а никак не последнего человека, пришедшего лишь затем, чтобы увидеть, как кто-то умирает. Странные эти люди. Все с ними не так, как следовало.

Но в ответ Проводник лишь тепло улыбнулся и, перегнувшись через подлокотник кресла, похлопал парня по плечу:

– Не стоит благодарности, право... – тактично понизил голос, добавил мягкости в свой тембр, – Я ведь не панацею тебе привез, а... пришел проводить тебя.

– Ты просто не представляешь себе, какую услугу мне оказываешь, друг! – с жаром начал Мистер Шесть. – Для меня лучшего конца в жизни и не придумаешь! Смерть в одиночестве – вот, что страшно! Я бы давно покончил с собой, но не могу никак решиться – что-то мешает, будто... будто ничего не завершено, хотя я знаю, что стою на последней странице! Мне нужно, чтобы рядом был друг, который если не поймет, то хотя бы просто поддержит, может, даже пообещает, что дальше – не будет никакой боли... И тут – ты! – лучезарная улыбка, никак не вяжущаяся с ситуацией, должна была мелькать на экранах, а не угасать в тесном домике под сенью гигантского стража города счастливых безумцев – пирамиды, – где нет несчастных, не сыскать обездоленных, где каждый получал, что хотел и ни капельки меньше! Однако несчастье имеет свойство просачиваться повсюду, как ржавчина в металле, как термиты в древесине, как раковые клетки в организме. – С тех пор, как умер отец, все пошло под откос. Он тоже был болен раком. – мед свернулся, подернулся корочкой, – Когда мама узнала, что отец болен раком, то, конечно, пыталась поначалу бороться вместе с ним, быть рядом. Когда он умер, она была безутешна, почти что лишённая последней искры жизни... потом, когда я проверился и разрушил все, что осталось от ее мира, сказала, что покончит с собой от отчаяния, если останется здесь еще хотя бы на один день. И ушла.

– Какой ужас! – прошептал Проводник, тут же присев, не взирая на смердящую лужу, и обхватив слабую ладошку своего клиента.

– Она бросила меня. – молодое лицо потемнело, а мед восполнился влагой блеска слез, – Сказала, что никогда меня не любила и терпела лишь ради папы. А когда все стало плохо, то выяснилось, что и папу она не любила. – ни криков, ни бешеной злобы, просто одинокая безмолвная слеза сбегала по щеке, – Ну скажи мне, кто так делает? Кто способен разом бросить разрушенные остатки собственной семьи и отправиться в неведомом направлении, резко разорвав все связи?! Я думал, что такого не бывает, что это только в кино так, но нет! Мама бросила меня и глазом не моргнула!

"Контракт важнее!"

Проводник успокаивающе похлопал Шестого по руке, пересел на пол и приобнял это тщедушное тело, позволив пролиться слезам на свое плечо. Свободная рука мистера Шесть обхватила Проводника за пояс, прижимаясь сильнее точно в попытке вспомнить, каково это было – обнимать родного человека, подарившего жизнь. Проводник кивнул сам себе и разомкнул объятия, переложив его себе на колени, запуская свои пальцы в короткие, но неизменно курчавящиеся волоски, отросшие после отказа от химиотерапии.

– А может, она просто уже тогда чувствовала, что лучшему просто не бывать? – шептал парень, обнимая колени Проводника, – Может, хваленая женская интуиция сработала и она просто решила абстрагироваться от большей боли? Не поверишь, но я надеюсь на это! Надеюсь, что мама любит меня, что она просто оказалась слаба духом, но все еще любит меня! Что она думает обо мне и даже думать забывает о том, чтобы вычеркнуть из своей памяти... Я в... стараюсь верить в это – она где-то недалеко и наблюдает за мной, оберегая от опасностей... – "Бред собачий!" – ...и невзгод так, как может! – должно быть, неуверенность Проводника передалась через пальцы, на миг застывшие, в следующую же секунду продолжившие свои ласкающие движения, – Не веришь, да? Считаешь, что я рехнулся в своей наивности? Да, может это и так... Но я не оставляю надежду! – он запнулся, – Вернее, хотел бы не оставлять... Одними надеждами, как и всегда, не натешисься. Как бы я не старался, но я теряю веру во все это. – еще одна слеза стекла по внутреннему уголку глаза, капнув с переносицы на пол.

"Контракт важнее!" – и Проводник наклонился к клиенту, положив свою вторую руку ему на плечо. Резко обернувшись, Шестой обнял его в ответ как мог, сжимая своими руками. Он не рыдал навзрыд, но в воздухе зависла тяжелая атмосфера боли, словно выпариваясь из всех пор молодого человека. Однако Проводник в своем лицемерии не замечал этого. Да, он старательно корчил из себя то, что нужно, но как фальшь снова смогла стать незаметной Шестому, когда первый звоночек издал звук? Должно быть, захлестывающее горе обладало значительно большей силой, что затуманило разум. Или Проводник действительно был настолько хорош? Какая разница, если все получали, что хотели?

Тело сотряслось в новом приступе кашля, отвратилось от Проводника и излилось новой порцией рвоты. Столь продолжительное в своей жалости зрелище – правильно, что он наконец-то решил умереть.

Кашель перемежался шепотом, благой гость наклонился к мученику поближе.

– А потом... когда отец умер и когда она, то есть я... дед взял меня к себе. Не дал зачахнуть, не отдал в приют... растил, как собственного сына, несмотря на свою старость. Он действительно много суетился со мной, старался окружить любовью, старался заменить отца, мать, и дать мне то, чего я был лишен. Он столь многому меня научил, столько мне показал... – Шестой чуть повернул лицо к Проводнику, улыбнулся, – Он действительно дал мне все, чего мне не хватало. Я боролся только благодаря ему, ради него, ради того, чтобы он знал, что я ценю его старания, что я на все готов ради того, чтобы порадовать его! Случилась ремиссия и мы были так счастливы, что ни о чем другом и думать не могли! Но жизнь продолжалась и, утерев слезы радости, я начал самостоятельную жизнь. Колледж с его весельем, нанизанным на дедлайны, а потом работа, да ни где-нибудь – в самой Зоне Два! – гордость бурлила в его оскверненной груди, – Такой результат не каждому под силу! Несколько лет почти статичного счастья – старался жить по возможности правильно, никому не вредить, хотя со всех сторон шли смешки и незлобивые подколки – все были в курсе моей истории, потому не настаивали на то, чтобы я стремился быть похожим на них. Было нелегко, но эта жизнь мне нравилась, я видел, как твердым шагом отправлюсь в будущее, возможно, найду даже счастье! А тут бац – и рецидив – опухоль разрослась, метастазы пошли по всему телу... полномасштабное поражение. Все закончилось. – руки бессильно свисли с коленей, – Друзья ушли, как только узнали, девушка бросила, с работы выперли, в университете сочувствующие покачали головами и... и все. – медовые луны снова обратилась к Проводнику, – Почему все так несправедливо, друг? Почему я снова там, откуда начинал? Почему хорошие люди страдают, а подонки и ублюдки нет? Почему я, а не моя мать?! Почему я, а не убийца-догхантер? Почему я, а не те, что создали Зверя? Почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.